

МАЙКЛ ПАЛМЕР

ЕСТЕСТВЕННЫЕ
ПРИЧИНЫ

Annotation

В медицинском центре Бостона молодая врач Сара Болдуин исповедует методы нетрадиционного лечения, широко используя на практике возможности восточной медицины. Между тем, во вверенном ей отделении начинают необъяснимо умирать роженицы, и сама Сара вынуждена бороться за свою жизнь...

- [Майл Палмер](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Майл Палмер
Естественные причины

Пролог

В первые два часа поездки схватки у Конни Идальго были не больше чем болезненным покалыванием. Но когда они проехали выезд на Нью-Лондон номер И-95, боль стала нарастать.

– Билли, со мной что-то неладно, – пожаловалась она.

– Отстань. Ты месяц надоедаешь мне с этим, а до срока еще четыре недели.

– Мне бы надо было остаться дома.

– Тебе надо было поступить именно так, как ты и сделала. А именно, съездить в Нью-Йорк и помочь мне повернуть это дельце.

– Ну взял бы тогда «мерседес». В этой машине ужасное сиденье.

Конни знала, что не могло быть и речи о том, чтобы взять шикарную «500-СЛ». Билли Молинаро совершенно не желал привлекать внимание к себе или к машине. К тому же он был из тех, кто не меняет привычек, особенно когда дела идут хорошо. Потрепанный «форд-универсал» всегда служил им для поездок на Манхэттен. Ни за что на свете Билли не поступил бы иначе и на этот раз. Он не сказал ей, сколько денег они везли в двух спортивных сумках, засунутых в углубление для запасного колеса, но Конни знала, что денег много – больше, чем когда-либо раньше.

Она скорчилась, чувствуя приближение следующей схватки, и попыталась отвлечься, следя из окна за мелькающими огнями и вывесками. Конни была хрупкой женщиной – один живот, как говорил Билли, – с большими глазами и нежным гладким лицом, что, как она знала, делало ее для многих желанной. В четырнадцать лет Конни родила девочку и отдала ее, даже не взглянув на ребенка. Теперь, десять лет спустя, Господь благословил ее, дав еще один шанс. Никаких неприятностей не будет. Никаких.

– Билли, я люблю тебя, – нежно прошептала она.

– В таком случае прикури это для меня.

Он вытащил из-под сиденья толстую закрутку с марихуаной, ловко лизнул ее и протянул Конни.

– Билли, не надо. Это плохо для ребенка.

– Для ребенка плохо, когда шумят, – поправил он. – Поэтому я не разрешал тебе этого делать с тех пор, как мы узнали о твоей беременности. А вот что травка вредна, никто пока не доказал. Можешь мне поверить.

– Тогда хотя бы окно открой.

Конни поднесла огонек к его самокрутке и, вопреки желанию, глубоко вдохнула, когда он затянулся. Во время первой беременности она курила каждый день – и сигареты, и марихуану, – и ребенок получился толстенький и крепкий.

– А теперь слушай, – сказал Билли. – Мэнни Диас – близнец, но после всех дел, которые мы провернули вместе, я во многом доверяю ему... особенно когда ты рядом и переводишь, если он не хочет говорить по-английски. Но сейчас речь о более крупной сделке, чем раньше, поэтому мы должны принять дополнительные меры предосторожности. Я встану на улице перед машиной, мотор будет работать на холостых. Держи все дверцы на запоре, пока я не подойду и не скажу, что все в порядке. Если что-то покажется не так – что угодно, – просто удирай к черту и позвони моему кузену Ричи в Ньюарк. Поняла?

– Ясно. Поняла.

Началась еще одна схватка. Конни сжала зубы и надавила своими тонкими пальчиками на пах. За последние пару недель ложная тревога была дважды, и Конни хотелось верить, что и в этот раз обойдется. Она посмотрела на часы Билли. Если схватки будут такими же болезненными, она начнет засекают между ними время.

Но пока Конни убеждала себя, что не происходит ничего особенно тревожащего, она почувствовала другое недомогание – на этот раз в кончиках пальцев. Вначале это ощущение нельзя было назвать болезненным. Скорее, околечение – потеря чувствительности. Однако возле Стамфорда оно сменилось постоянной пульсирующей болью – усиливающейся, если надавить, но и не исчезающей, если этого не делать. В темноте машины она ощупала по очереди кончики пальцев. Болели все.

«Это нервы, просто нервы», – подумала она. Билли снова зажег закрутку. Одна затяжка не повредит, а возможно, и здорово поможет. Конни привлекла к себе его руку, приложилась губами к влажной бумаге и глубоко затянулась. Прошло уже почти полчаса с тех пор, как

она курила это зелье. Ясно, что одна затяжка не повредит ребенку. На деле, рассуждала она, в свете того, что уготовано, малыш, наверное, нуждается во встряске больше, чем она сама.

До Нью-Рошеля Конни выкурила целую закрутку. Боль в пальцах не ослабевала, схватки повторялись примерно каждые пять минут, но ни то ни другое уже так сильно ее не волновало.

– Билли, я чувствую себя лучше.

– Знал, что так и будет, ягодка.

Однако через несколько миль Конни почувствовала гудящую боль в пальцах ног. Напуганная, она потянулась за еще одной закруткой.

– Эй, полегче с этим, – одернул ее Билли.

– Мне кажется, что начинаются роды.

– Ну, думаю, малыш достаточно сообразительный, чтобы повременить, пока мы не закончим. Ты мне нужна за рулем, чтобы все было как надо. К тому же если это сорвется, то ребенку лучше вообще не рождаться.

– Билли, я говорю серьезно.

– А я что, шучу? – Он нервно взглянул на часы. – Идем точно по расписанию. Мы проворачиваем эту покупку, ягодка, и попадаем в дамки. Поверь. Я долго ждал этого момента, и ничто уже мне не помешает.

Конни уловила напряжение в его голосе и опять сжала зубы, чтобы притупить пульсацию в руках и ногах. Билли прав. На карту поставлены не только деньги, но и их будущее. Когда-то она, молодая непривлекательная толстушка, была нужна мужчинам только для секса. Потом она изменилась, похорошела, мужчины, которые приударяли за ней, стали ценить ее выше – приглашали в разные приятные места. Но хотели они того же самого. А Билли отнесся к ней как к своей девушке и с самого начала уважал ее. Теперь у них должен родиться ребенок. И как только будет совершена эта сделка, он обещал жениться на ней.

Она сделает все, что бы сегодня ни потребовалось, чтобы помочь Билли Молиаро. Если только боль поутихнет... хотя бы немного.

Чуть не плача, Конни протянула руку и щелкнула выключателем верхнего света.

– Эй, что ты делаешь? – спросил Билли.

– Просто... просто ищу кассету, хочу поставить ее.

Она посмотрела на свои руки, быстро выключила свет и убрала, их подальше от его взгляда. Крайние суставы пальцев почернели почти до самых кончиков. Сами руки стали темно-серыми.

– Ну и что?

– Что «что»?

– Какую же кассету ты выбрала?

– Ах, это... решила, что лучше отдохну.

«Господи милостивый, – подумала она, – дай только еще один час! Только один!»

Было уже за полночь, когда они свернули на 116-ю улицу. Теперь Конни не так пугали усиливающиеся схватки, как мысль о том, что, когда они доберутся до места, она не сможет ухватиться за руль, не говоря уже о том, чтобы вести машину. Левая рука скрючилась и почти не действовала. И хотя правой рукой и пальцами она могла шевелить, малейшие движения причиняли нестерпимую боль.

«Боже милостивый!..»

– Ну вот и приехали, ягодка, – произнес Билли, останавливаясь под уличным фонарем перед обшарпанным жилым зданием. – Здешние ребята ужасно богобоязненные, и осложнений я не жду. Но никогда не мешает подстраховаться, особенно когда речь идет о сделке таких размеров. Поэтому оставайся здесь с запертыми дверцами и не заглушай мотор. Я поднимусь и проверю их товарец. Если все в порядке, мы произведем обмен прямо здесь, на улице. О'кей? Конни, ты слышишь?

Конни Идальго, чувствуя сильные толчки крови в руках и ногах, прикусила изнутри губу, когда боль от особенно сильной схватки пронизала все ее существо. Потом боль поутихла, и она почувствовала, что между ног стала просачиваться горячая влага. Видимо, начали отходить воды.

– П-пожалуйста, поторопись, – сумела выговорить она. – Вот-вот начнутся роды. Мне... мне кажется, нам надо ехать в больницу.

Билли схватил приборы для проверки товара, поправил кобуру под левой рукой.

– Сожми крепче коленки, пока мы не покончим с этим, – бросил он. – Ясно? – Заметив выражение боли на ее лице, он несколько смягчился: – Конни, радость моя, все будет хорошо. Обещаю. Я как

можно быстрее закончу это дело с Диасом. И потом, если ты захочешь, найду для тебя лучшего доктора в Нью-Йорке, будь он проклят.

– Но...

– А теперь помни, держи дверцы на запоре и поглядывай, не грозит ли откуда неприятность. Я люблю тебя.

– И я тоже, – отозвалась Конни, уже почти не владея собой.

С огромным усилием она передвинулась и села за руль, защелкнув запор дверцы со стороны водителя. В отчаянии она подумала, что если пойдут воды, то это еще не повод для паники. Знакомая медсестра много раз говорила об этом. Прошло пять минут. Потом еще пять. Схватки стали адскими.

Стараясь отвлечь себя и взглянуть на пальцы, Конни опять включила свет в салоне машины. Серые, холодные руки с почерневшими кончиками пальцев походили на какие-то маскарадные перчатки. Она посмотрела в зеркальце заднего вида. Что-то случилось с ее лицом. Прошло несколько секунд, прежде чем она сообразила, что темные завитушки на лице – это кровь, сочившаяся из ноздрей к уголкам рта.

– Пожалуйста, Билли, пожалуйста, поторопись, – захныкала она.

Она неловко стала копаться в сумочке, ища салфетку, когда заметила густое темно-красное пятно, расплывшееся в паху и на боках ее бежевых брюк. Это была не прозрачная или слегка окрашенная жидкость, о которой говорила медсестра. Это была кровь! Конни почувствовала головокружение, сознание помутилось. Она попыталась унять кровотечение из носа, кровь теперь затекала в рот и капала на блузку. Левая рука словно налилась свинцом.

– Пожалуйста! Пожалуйста, помогите кто-нибудь! – закричала Конни. И тут же поняла, что эти слова всего лишь пронеслись в ее сознании, произнести их вслух она не смогла. Перед глазами все поплыло, левую сторону тела парализовало. Ее охватил неопишуемый ужас.

В это мгновение лобовое стекло «форда» разлетелось вдребезги, осыпав ее дождем осколков. Кровь из глубоких порезов на лбу залила лицо. Конни протерла глаза тыльной стороной правой руки, на короткое время вернув себе способность видеть. На капоте растянулось тело Билли, его разбитая голова и болтающаяся рука

безжизненно свисали над сиденьем возле нее. Конни вновь и вновь издавала беззвучные вопли.

Через зияющее отверстие в лобовом стекле она увидела каких-то приближающихся людей. Не сознавая ничего, кроме желания бежать, Конни опустила руку на рычаг коробки скоростей и переключила ее из нейтрального положения на скорость. «Форд» рванулся вперед, ударив по крайней мере одного из мужчин и зацепив несколько припаркованных машин. Когда «универсал» выскочил, накренившись, на Третью авеню, тело Билли свалилось на мостовую. Конни, к этому времени скорее мертвая, чем живая, взглянула, налево как раз вовремя, чтобы успеть увидеть фары и бампер автобуса.

На одно короткое мгновение раздался ужасный скрежещущий звук, сопровождающийся такой дикой болью, какой она никогда не испытывала. Затем так же мгновенно наступила тьма... и покой.

Глава 1

1 июля, день смены состава

От квартиры Сары Болдуин до медицинского центра Бостона было ровно семь и две десятых мили. Сегодня – в субботу – дороги сухие, невысокая влажность, и в шесть утра практически никакого движения.

Сара прищурилась от яркого утреннего света. «Девятнадцать минут сорок пять секунд», – подумала она.

Она оседлала свой велосипед «фуджи» с переключателем скоростей, поправила шлем безопасности и поставила секундомер на нулевую отметку. Борьба теперь шла в пределах пятнадцати секунд, и чаще всего ей удавалось их выиграть. В течение двух лет, что она ездит на велосипеде в МЦБ, Медицинский центр Бостона, она отточила четкость езды, привнося в требуемое для поездки время массу скрытых переменных, не все из которых помнила.

«Было это во вторник или четверг?.. Добавила тридцать секунд. Пила обычный кофе за завтраком вместо декофеинизированного? ...Отнять сорок пять. Две ночи подряд без вызовов?.. Целая минута выигрыша или даже больше. Сегодня тоже надо постараться принажать на педали, чтобы почувствовать физическую нагрузку, но не чересчур сильно, иначе вспотеешь».

Она взглянула на радующие глаз дома, выстроившиеся вдоль ее узкой улицы, включила секундомер и оттолкнулась. Когда-то она чуть не фанатично старалась держать спортивную форму, но теперь практически отказалась от всякого рода упражнений и бега. Вместо этого она выжимала из себя все во время поездок на работу, принимала душ в больнице, а потом переодевалась в рабочую одежду для обходов. Сегодня ничего необычного не ожидалось.

Первого июля в Медицинском центре Бостона, как и в большинстве клиник страны, отмечали День смены состава.

Для каждого обучающегося искусству врачевания, День смены состава сотрудников был связан с целым рядом церемоний. В больнице появлялись новоиспеченные доктора медицины, начиная там

свой первый год стажерской жизни. Продержавшиеся год переходили на второй, тем самым закрепляя свои позиции. Для Сары перемена будет заключаться в том, что со второго года практики по акушерству и гинекологии она перейдет на третий. Буквально сразу меньше опеки, особенно в операционной. Нельзя сказать, что напряжение и страхи, охватившие ее год назад в День смены, оказались позади, но, безусловно, теперь она чувствовала себя увереннее.

Потом пройдет еще год, и День смены превратит Сару в старшую практикантку-сотрудницу. С этого дня, как в большинстве подобных случаев, все будет зависеть от ее решения, от ее профессионализма. И хотя быть старшей в скромном медицинском заведении типа МЦБ не так престижно, как, например, в «Уайт Мемориал» или в другом огромном университетском госпитале, все равно это впечатляет – особенно если вспомнить, что еще лет семь назад она и не помышляла о карьере врача.

Сара сбросила скорость, когда преодолевала холм Бикэн, а затем спустилась к заливу Бэк-Бэй. Как раз в нескольких кварталах отсюда высилось огромное здание из бурого камня, где когда-то размещался институт Эттингера, там лечили внушением по методу холизма. Как и всегда, проезжая мимо этого здания, она спросила себя, почему Питер Эттингер никогда не отвечает на ее звонки и письма. Может быть, он женился? Счастлив ли он? И что стало с Аннали, девочкой из Восточной Африки, которую он удочерил. Когда Сара уехала, ей исполнилось пятнадцать лет, и они были очень близки. Сару все еще печалило, что их взаимоотношения прервались.

Три года назад, когда она возвратилась из Италии, получив степень Д.М., доктора медицины, Сара заехала в институт. Место, которое когда-то было ее домом и средоточием всей ее жизни, превратилось теперь в шесть роскошных строений. Среди совладельцев значилась фамилия Питера. Через несколько месяцев она узнала о «Ксанаду», холистской общине, которую Питер основал в холмистой местности к западу от города. Она намеревалась как-нибудь съездить туда. Может быть, при личной встрече они смогут все наладить.

Но так и не собралась.

Задумавшись, Сара проехала на желтый свет и навлекла на себя непристойный жест таксиста, который готовился рвануть на зеленый.

"Поосторожнее, – мысленно предупредила она себя. – Будь внимательнее. Иначе все кончится тем, что в День смены окажешься в отделении «Скорой помощи».

Сара проверила время, когда повернула с шоссе Ветеранов на въездную дорогу МЦБ, Уже больше двадцати минут. Она остановила велосипед, решив пройти пешком последние несколько сотен ярдов.

Ее небольшие состязания с самой собой особого значения не имели. И все же она мысленно отметила, что День смены состава начался с неудачи.

Впереди, по обе стороны въездной дороги, выстроились пикетчики, глумливо выкрикивающие что-то вслед идущим на работу и иногда принимавшиеся нестройно скандировать. Прошла уже неделя или больше без демонстраций возле МЦБ – самый длительный срок, как могла припомнить Сара. Теперь на тропу войны вышла какая-то новая группа. Сара попыталась сообразить какая. Медсестры... или... обслуживание, транспортники, охрана, питание, канцеляристы, физиотерапевты, младшие медсестры или работники по эксплуатации зданий – рано или поздно каждая из этих групп предъявляла свои требования руководству больницы.

«Долой Гленна Пэриса...» «МЦБ – новое хвостовство...» «Улучшайте управление. Довольно обещаний...» «МЦБ – нет, здравоохранению – да!»

Плакаты в основном были подготовлены профессионально. Надписи на них варьировались от подлых до злобных.

«Разве Пэрис подпалился? А нам-то что?..» «Заплатите нам, или делайте все сами...» «Можно ли быть спокойным за жизнь в этом заведении?»

Значит, все-таки эксплуатационники. Какие бы ни были счета с МЦБ, отметила про себя Сара, деньги, похоже, у них водятся.

– Удачный денек для демонстрации, правда?

С ней поравнялся Эндрю Трюскот, ставший с сегодняшнего дня старшим хирургом по сосудистым системам и живущий теперь здесь. Приехал он из Австралии и обладал острым язычком, который порой становился просто ядовитым. В свои тридцать шесть Эндрю был единственным практикантом – ровесником Сары. Тяжелый в общении человек, с ужасным самомнением и, не исключено, – серьезными комплексами, но чертовски хороший хирург. Они встретились в

первый же день ее приезда в МЦБ и быстро сошлись. Вначале Сара думала, что эти отношения – чувство товарищества по профессии – перерастут в настоящую дружбу. Но оказалось, что товарищество по профессии – это большее, на что мог пойти Эндрю с кем бы то ни было в МЦБ.

И все же Саре нравилось общаться с ним, из их бесед она почерпнула немало полезного. Но она также признавалась самой себе, что если бы Эндрю Трюскот не был женат, то она охотно пустила бы в ход свои женские уловки и преодолела бы его сдержанность. А пока что Сара пыталась разрешить нелегкую проблему – как стать компетентным хирургом, не отказываясь полностью от любви, дружбы, секса и всего того, из чего состоит жизнь помимо больницы.

– Как бы выглядел День смены состава в МЦБ, Эндрю, если бы не было пикетов? – воскликнула она.

– Ах да. День смены в Медицинском центре Бостона. У восточного крыла толкуются охотники за наркотиками и надувают новых врачей дешевыми инсценировками приступов почечной колики или боли от сдвига поясничной пластинки. А у западного крыла выстроились недовольные эксплуатационники, которые хотят выжать еще несколько баксов из этой каменной лечебницы. Ну, разве медицина не великое дело?

– «МЦБ – нет, здравоохранению – да», – процитировала Сара. – С каких это пор эксплуатационники стали лезть в больничную политику?

– Возможно, с тех самых пор, как кто-то сказал им, что они могут сорвать свои баксы, когда хозяином больницы станет «Эвервелл» и на месте МЦБ возникнет частное доходное предприятие.

– Этого не случится.

– Попробуйте объяснить им, – улыбнулся Трюскот.

Вот уже несколько лет честолубивая – а по мнению многих, алчная – организация охраны здоровья «Эвервелл» наблюдала, подобно хищной кошке, как хромает МЦБ под бременем финансовых проблем, рабочих волнений и споров о сочетании традиционных методов лечения с альтернативными. Согласно уставу, вопрос существования или закрытия больницы, решался большинством голосов на совете попечителей. Далее это решение одобрялось или не одобрялось Комиссией общественного здравоохранения. И каждая

забастовка, любая шумиха вокруг МЦБ приближали день, когда это уникальное заведение будет поставлено на колени.

– Этого не случится, Эндрю, – повторила Сара. – Дела немного поправились, когда к руководству пришел Пэрис. Вам это известно так же хорошо, как и мне. Наши методы привлекают людей со всего света. Мы не можем позволить, чтобы «Эвервелл» или кто-либо другой порушил все это.

– Послушайте, коллега, – произнес Трюскот голосом, в котором явственнее обозначился акцент. – Если вы начнете так сильно волноваться из-за чего бы там ни было, то должны будете сдать свой значок посвящения в хирурги. Таково правило.

– Вас все это волнует не меньше меня, – возразила Сара. – Только ваше самомнение не позволяет вам показать это. – Она взглянула мимо демонстрантов на пустующие велосипедные козлы, где ржавела только пара велосипедов устаревших моделей с порезанными покрышками. – Думаю, что младшие медсестры были настроены менее агрессивно во время забастовки, – заметила она. – Похоже, мне придется привязать цепью свой велик в зале для посетителей. Эндрю, нет ли у вас такого чувства, как будто все это организовали не только эксплуатационники?

– Намекаете на «Эвервелл»?

– Возможно, – пожалала плечами Сара. – Но они не единственные. Благодаря Акселю Девлину теперь у многих сложилось ложное представление о том, чем мы тут занимаемся.

Девлин, журналист из газеты «Геральд», известный своими крайне консервативными взглядами, был противником методов лечения в МЦБ. Он сделал их объектом своих частых нападок в колонке «Топор Аксея» под рубрикой популярных материалов «Хотите верить, хотите нет». Сару тоже помянули пару раз в этой колонке, отнюдь не лестно, как Д.М., чрезмерно увлекающегося иглотерапией и траволечением. Ей так и не удалось узнать, как Девлин докопался до этого.

– Кто знает, – отозвался Эндрю без особого интереса. Он кивнул в сторону примерно дюжины пикетчиков. – Похоже, это несговорчивые ребята, и среди этой кучи мышц нет ни одной без татуировки. – Он задержался возле двери с надписью: «Только для персонала», повернулся к Саре, саркастически улыбаясь, – Ну что же, доктор Болдуин, можете соответствовать?

Сара задумчиво потерла подбородок, потом дотронулась до руки Трюскота.

– Доктор Трюскот, – ответила она, – имеющиеся у меня варианты либо неприемлемы, либо незаконны. Попробуем.

* * *

Лиза Саммер стояла на краю скалы, на высоте пятидесяти футов над поверхностью прозрачного горного озерца. Совершенно голая, если не считать венков из белых лилий на голове и шее. Солнце освещало ее высокую, прекрасно сложенную фигуру и сверкало в ее золотисто-соломенных волосах. Вокруг – буйство горных цветов, покрывших скалы и каскадами спускавшихся по камням, среди которых журчали струйки водопадов. Высоко над ней на фоне безоблачного лазурного неба легко парил одинокий сокол.

Лиза откинула голову назад, подставив лицо теплым лучам солнца. Закрыла глаза и прислушалась к пенящейся внизу воде. Затем раскинула руки в стороны, подтянулась на носочках на краю скалы, сделала последний глубокий вдох и прыгнула. Она скорее летела, чем падала, мимо водопадов, стрелой проносясь через кристально прозрачный воздух, лицо нежно ласкали ветер и брызги. ...Летела ниже... ниже... в самый низ...

– Потерпи, Лиза. Прекрасно. Потерпи немного. Схватка почти прошла. Минута десять секунд... минута двадцать. Вот так. Вот так. Вы молодчина. Просто молодчина.

Лиза медленно раскрыла глаза. Она сидела, подпертая подушками на кушетке в своей тесно заставленной комнате, освещенная лучами раннего утра. Хейди Гласман, ее подруга и акушерка, сидела рядом и гладила ее руку. Недалеко от нее наготове стояли детская кроватка и подсобный столик, которые она нашла в магазине «Гудвилл» и старательно отполировала.

Недели практических занятий в амбулатории больницы и дома принесли свои плоды. Лиза уже третий час активно готовилась к родам, и благодаря серии чувствительных образов, которые она научилась вызывать в сознании, пока что ей удавалось смягчать боль схваток.

Доктор Болдуин называла это процессами внутреннего и внешнего видения. Она сказала Лизе, что это элементарная форма самогипноза – метод, который при усердном использовании позволит Лизе перенести предродовые мучения и сами роды без наркоза. Лиза то вызывала в памяти яркие сцены, например прыжок с горной скалы или подводное плавание на спине дельфина. То, при других схватках, как бы направляла взгляд внутрь себя, на мышцы в своем чреве и находящегося там ребенка, и мысленно ограждала их толстыми ватными тампонами.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Хейди.

– Хорошо. Просто отлично, – мечтательно ответила Лиза.

– Внешне вы очень спокойны.

– Я чувствую себя великолепно.

Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Лиза сжимала и разжимала руки.

– Через каждые пять минут, почти час. Думаю, что уже пора звонить.

– Еще повременим, – сказала Лиза. На несколько секунд она сомкнула глаза.

Ее мысленный взор отчетливо видел шейку матки. Она только начала раскрываться.

– Хотите, я проверю? – спросила Хейди.

Хейди несколько лет работала медсестрой в родильном отделении. А теперь она получила задание ассистировать доктору Болдуин при домашних родах.

– Не думаю, что это нужно, – ответила Лиза, потирая пальцы.

– Что-нибудь не так?

– Нет. Руки чуть затекли, вот и все...

– Могла задержаться вода. Давайте я проверю вам давление.

Хейди обернула вокруг руки Лизы манжету тонометра и поместила стетоскоп на сгибе локтя. Давление, девяносто на шестьдесят пять, слегка понизилось, но было вполне нормальным для рожениц. Хейди нашла эти изменения несерьезными. Она записала показания в свой блокнот и решила проверить давление еще раз минут через десять-пятнадцать.

– Кто выиграет соревнования по бильярду? – спросила Лиза.

– Если они сегодня состоятся.

– О, они обязательно пройдут сегодня, В этом можно не сомневаться.

– В таком случае Кевин разбогатеет на тридцать долларов.

Кевин Доу, художник, был еще одним жильцом дома 313 на улице Ноултон. Всего там жило десять человек. Преимущественно художники, артисты и писатели, все без приличного заработка. Они называли свой стиль жизни коммуной и делились почти всем. Лиза, которая продавала свою керамику, уже почти три года проживала в массивном доме с фронтоном. Она дважды переспала с одним из членов этой коммуны, но была уверена, что ребенок не от него, чем в самом начале его и успокоила.

Лизу абсолютно не волновало, кто был отцом ее ребенка. Она воспитает его сама, в одиночку. Он будет расти в скромной обстановке, окруженный любовью, терпимостью и пониманием, без всякого давления на него, связанного с его будущим.

С помощью Хейди она встала и подошла к окну. Правая рука казалась ей уставшей и тяжелой.

– Хотите чего-нибудь? – спросила Хейди.

Лиза машинально почесала плечо, глядя на белку, которая легко перепрыгивала с ветки на ветку, которые казались слишком хрупкими, чтобы выдержать ее.

– Может быть, немного какао, – ответила она.

– Сейчас... Лиза, с вами все в порядке.

– Мне... мне хорошо. Думаю, сейчас будет еще одна. Сколько прошло времени?

– Пять минут и три секунды.

Лиза наклонилась, опершись на подоконник. Потом глубоко вздохнула, закрыла глаза, попыталась мысленно заглянуть внутрь своего существа. Но не смогла, ничего не почувствовала, кроме боли, не увидела образов, не ощутила покоя. «Я слишком стараюсь», – подумала она. Не надо разбрасываться, учила доктор. Болдуин, надо концентрироваться и готовиться к каждой схватке. Ей впервые стало страшно. Может быть она не знает, как скверно все может обернуться? Может быть, у нее не хватит сил справиться? Лиза сжала зубы и с напряжением потянулась всем телом.

– Сколько прошло? – спросила она.

– Пятьдесят секунд... пятьдесят пять... минута... минута и десять... – Схватка стала ослабевать. – Минута двадцать. Как вы?

– Мне легче, – ответила Лиза, пятясь от окна и присаживаясь на кушетку. На ее лбу выступили капли пота. – Эта была ужасная. Я не ждала такого.

Лиза сглотнула и почувствовала привкус крови. Она поводила языком и нащупала небольшую ранку – видимо, случайно прикусила щеку. Теперь боль от схватки совершенно прошла, но странное ощущение в руке и плече осталось.

Хейди вышла из комнаты и возвратилась как раз к началу следующей схватки. С помощью Хейди и лучше подготовившись сама, Лиза легче перенесла ее. Хейди опять надела манжету тонометра и проверила давление. Восемьдесят восемь на пятьдесят, и удары слышны отчетливее, чем прежде.

– Думаю, уже надо звонить, – сказала она.

– Все нормально?

– Все в порядке. Давление хорошее. Просто думаю, что уже пора.

– Хочу, чтобы все прошло без проблем.

– Так оно и будет, Лиза. Так и будет.

Хейди провела рукой по лбу Лизы и пошла к телефону в прихожую. Давление упало немного, но это ее насторожило, она хотела, чтобы доктор Болдуин была рядом.

* * *

На другой стороне улицы Ноултон, перед домом 316, за машиной пригнулся Ричард Пуласки, снимая мощный телеобъектив со своего фотоаппарата «Никон». Ему удалось сделать по крайней мере два хороших снимка девушки анфас. Он был в этом уверен. А может быть, и больше. Пуласки вынул из кармана потерявшееся фото Лизы Грейсон. Девушка на снимке не была точной копией женщины в окне, но сходство было несомненным. Это была она, и это главное. Шесть месяцев труда с лихвой оправдались. Половина сыщиков города пытались найти ее, но выигрышный билетик достался именно Дики Пуласки.

Ухмыляясь про себя, Пуласки скользнул в машину. Если ему повезет, то через недельку он положит в карман пятнадцать штук откупных.

* * *

Глава 2

Сара прикрепила велосипед к металлическому каркасу у кровати в приемном покое акушерского отделения. За два первых года в больнице она провела в этом небольшом помещении почти столько же ночей, сколько у себя дома, и ни одна из них не была спокойной.

Сняв спортивный костюм фирмы «Спэндекс», Сара облачилась в темно-бордовую форменную одежду, которую носили в ее отделении, и задержалась возле побитого больничного зеркала. Она редко пользовалась какой бы то ни было косметикой, но по случаю Дня смены слегка наредила губы бледно-розовой помадой. Потом, по всегдашней привычке перед началом рабочего дня, внимательно взгляделась в свое отражение. Не зря пропали усилия, когда она старательно закрывала лицо от палящего солнца во время нескольких лет пребывания в Таиланде. Кожа лица сохранила хороший оттенок, лишь несколько веснушек на верхней части щек. В уголках глаз появились еле заметные морщинки, но ничего страшного. Ее черные волосы – почти всю жизнь она носила их длинными – были теперь коротко подстрижены и как бы обрызганы по концам искусственной сединой. В целом, решила она, – особенно учитывая два года на низкой зарплате, рабочие недели по сто часов и отсутствие финансовой и эмоциональной поддержки со стороны – женщина в зеркале сохранилась чертовски неплохо.

Как и в прошлые годы, День смены состава в МЦБ начался с общего завтрака и представления президентом больницы Гленном Пэрисом сотрудников и врачей-практикантов, а также ряда руководителей отделений и одного или двух членов совета попечителей. Отличительная черта этого года заключалась в том, что у каждого входа в аудиторию охранники проверяли удостоверения с фотографиями. Сара догнала Эндрю Трюскота как раз в тот момент, когда его проверили.

– Будете следить за спектаклем из последнего ряда? – спросила она. Трюскот во время большинства мероприятий всегда выбирал себе место именно там.

– После наблюдения за стариком Пэрисом в течение четырех лет с этой точки я подумал, что можно попробовать взглянуть на него поближе.

– И меня это вполне устраивает, – сказала Сара, пока они продвигались по наклонному проходу амфитеатра ко второму ряду. – В нашем возрасте пора поучиться, как бороться со старческой дальновзоркостью и потерей слуха в любом случае. Вы не знаете, почему такая проверка?

Трюскот немного подумал.

– Держу пари, что они ищут лунатиков, – ответил он.

– Лунатиков?

– Любого, кто заявится сюда без насущной необходимости.

– Очень смешно.

– Благодарю. Не сомневаюсь, что наш доблестный руководитель затронет проблемы повышения безопасности – либо до, либо после своего ежегодного пересказа истории нашего богоспасаемого заведения. – Он выдвинул вперед челюсть, передразнивая Гленна Пэриса. – В 1951 году, когда ему было пятьдесят, Медицинский центр Бостона переехал из центра города на окраину, заняв девять зданий, в которых когда-то размещалась Саффолкская больница штата. И хотя прошли уже десятилетия, упорно распространяются слухи, что Фредди Крюгер тайком бродит по нашим операционным...

– Эндрю, что с вами сегодня? Это из-за места главного врача-практиканта? Вы так разозлились, что не получили его?

– Да нет. – Желчно-саркастический смех Трюскота прозвучал неубедительно. – Меня злит, что мой чек с мизерной зарплатой подписывает человек, которые разыгрывает в лотерею факультативные пластические операции, посылает врачей-практикантов на хорошо разрекламированные домашние вызовы и запрещает смотреть телевизор в родильных отделениях.

– Но он собрал тысячи долларов с помощью таких лотерей – а возможно, сотню тысяч. И большинство семей одобряют роды на дому. Мы заняли второе место в городе по принятию родов.

Трюскот не успел ответить, так как Гленн Пэрис выступил вперед и постучал по микрофону. Все сто двадцать штатных врачей, врачей-практикантов, медсестер и попечителей немедленно смолкли.

Гленн Мак Д.Пэрис, президент Медицинского центра Бостона, излучал уверенность и успех. Ростом он был всего пять футов восемь дюймов, но многие считали его высоким. Его челюсть была такой же квадратной, как у любого бостонского брамина, а взгляд прямо-таки завораживал. Один из его поклонников описал его как смесь Вэнса Ломбарди, Альберта Швейцера и Ф.Т.Барнума со щепоткой Доналда Трампа^[1]. С другой стороны, Аксель Девлин в одной из своих едких заметок сказал, что Гленн Пэрис – просто бедствие для Бостона, не виданное со времен английского господства.

Шестью годами раньше отчаявшийся совет попечителей переманил Пэриса из крупной больницы в Сан-Диего, которая в удивительно короткий срок была приведена в порядок. Сделка, которую с ним заключили, включала свободу действий в сборе средств и во всех делах больницы, щедрую финансовую поддержку, премии в зависимости от доходов больницы и бесплатное пользование фешенебельной квартирой на крыше небоскреба в Бэк-Бэе, которую несколько лет назад подарил учреждению благодарный пациент. Пэрис ответил на это энергичной кампанией по совершенствованию больницы и ликвидации в ее стенах бюрократизма любой ценой.

В каком-то смысле это ему удалось. Ужасающий долг больницы, если и не сократился, то перестал расти. В то же время неортодоксальный подход к лечению пациентов, использование самых разных, в том числе и нетрадиционных методов, снискали ей репутацию эффективного медицинского центра.

Но общественные и академические круги по-прежнему посматривали в сторону МЦБ с опаской и недоверием. Некоторые попечители полагали, что недалеко время, когда больница изменит направление своей деятельности, перестанет играть в эти игрушки.

– Доброе утро, армейцы, – начал Пэрис. – Хочу поприветствовать вас на официальном открытии девятнадцатого года существования МЦБ. Цель этой ежегодной церемонии заключается в том, чтобы познакомиться с нашими новыми сотрудниками и помочь им поскорее освоиться, почувствовать себя как дома. – Он дал знак новым практикантам, чтобы они встали и приняли причитающуюся им долю аплодисментов. – Вы должны знать, – обратился он к ним, – что ваша группа представляет собой лучшее, чем когда-либо располагал МЦБ,

особенно если сравнивать с другими программами практикантов по всей стране.

Опять раздались аплодисменты. Некоторые практиканты неловко переминались, очевидно, испытывая желание поскорее сесть. Сияющий Пэрис не позволял им сделать этого, как будто он показывал своих детей. Вести о высоких результатах сравнений – больницы составляют свой, список, будущие практиканты свой, остальное довершают компьютеры – были широко разрекламированы. Но Пэрис был не из тех, кто упустил бы возможность погреть еще раз руки на этом успехе.

Трюскот наклонился к Саре.

– Заметьте, как старательно бесстрашный руководитель замалчивает тот факт, что, хотя это сравнение является наиболее удачным за всю историю МЦБ, все равно оно ниже любого другого учебного госпиталя Бостона.

– Правда?

– Бленкеншип проговорился об этом за обедом на прошлой неделе.

Доктор Ели Бленкеншип был также руководителем программы подготовки практикантов МЦБ. Именно его впечатляющие познания в области альтернативного лечения и его понимание, в каком направлении хочет работать Сара, убедили ее поставить МЦБ на первое место в ее собственном сравнительном списке. В то время, главным образом благодаря высоким оценкам ее профессиональных качеств национальными медицинскими светилами, к ней проявили интерес и несколько других престижных больниц.

– Садитесь, пожалуйста, – наконец предложил Пэрис.

– В 1951 году, в свое пятидесятилетие... – забормотал Трюскот.

– Перед тем как двинуться дальше, – продолжил босс, – хочу сказать о повышенных мерах безопасности, которые были приняты сегодня утром, в том числе в отношении вас. В истекшем году слишком много больничных дел стало известно журналистам и кое-кому еще, кто из кожи вон лезет, чтобы опорочить Медицинский центр Бостона. Наши недоброжелатели пытаются обычные спорные вопросы, связанные с лечением, представить как серьезные ошибки. Есть вещи, о которых нет смысла оповещать общественность, ибо это сугубо медицинская сфера. И подобная утечка информации наносит

вред всем – и врачам, и пациентам. К сожалению, было несколько случаев, когда то, что мы обсуждаем на наших собраниях и конференциях, делалось достоянием прессы. Все это мешает работе.

Засигналил бипер Сары – звонили из города. Желая скорее проползти между рядами, а не вставать во весь рост прямо перед Пэрисом, она пробралась к телефону в ближайшей аудитории.

– Все больницы, – продолжал Пэрис, – заинтересованы в том, чтобы к ним обращалось большее число пациентов. Это – своего рода соревнование. Такие большие и престижные госпитали, как «Уайт Мемориал», дают теперь объявления в желтом справочнике, где перечисляются все виды услуг вплоть до наличия мест. Порочащие МЦБ заметки в газетах и вообще любого рода негативная гласность приносят вред каждому из нас. Отныне посторонним запрещается присутствовать на медицинских, обходах и собраниях персонала. Более того, если кто-то, помимо сотрудников по связям с общественностью, позволит себе распространяться о больничных делах с представителями прессы, будет уволен.

Сара выслушала звонившего, дала некоторые указания и вернулась на свое место.

– У одной моей пациентки, рожаящей дома, начались схватки, – шепнула она. – У нее еще есть время, но давление немного пониженное. Надеюсь, что это мероприятие мне не помешает.

– Вы сами принимаете роды на дому? – Трюскот взглянул недоверчиво.

– Нет, Эндрю, как можно. Я, скорее, немой наблюдатель. Со мной пойдет доктор Снайдер. Это наш второй совместный выход. Рэндал Снайдер, заведующий родильно-гинекологическим отделением, сидел на сцене за Гленном Пэрисом. Когда Сара стала делать ему знаки, Пэрис прервал свою речь и возмущенно посмотрел на нее.

– Извините, – одними губами сказала она, щеки ее покраснели.

– Ничего, – так же беззвучно ответил Пэрис.

Он откашлялся и выпил глоток воды. Тишина в зале стояла полнейшая.

– Поверьте мне, – продолжил он наконец свое выступление, – эта подрывная работа со стороны – серьезная, очень серьезная штука. Вы знаете, что некоторые более крепкие в финансовом отношении учреждения только и ждут момента, чтобы проглотить нас. МЦБ –

лакомый кусочек. Но подобных мечтателей ждет безрадостное пробуждение. Горькое пробуждение. Уже в течение некоторого времени я веду переговоры с солидным благотворительным фондом, который главной своей целью ставит улучшение здравоохранения. Сейчас мы находимся в стадии оформления заявки на получение крупной дотации. Если эта безвозмездная ссуда поступит – а все говорит за это, – МЦБ обретет финансовую стабильность и большие возможности для роста. Таковую цель я поставил вместе с вами шесть лет назад, и сегодня мне приятно сообщить, что эта цель находится в пределах нашей досягаемости.

Раздались жидкие аплодисменты, которые постепенно распространились на всю аудиторию; присоединился и Эндрю.

– Вот оно, чувство солидарности, – заметила Сара.

– У меня начали зябнуть руки, – отозвался Трюскот.

Гленн Пэрис, стоявший на трибуне, засиял.

– Пожалуйста, не останавливайтесь из-за меня, – крикнул он, когда аплодисменты смолкли.

– Он изобретательный человек, – шепнул Трюскот во время хохота, который раздался вслед за замечанием Пэриса. – Надо отдать ему должное.

– Он делает чудеса.

– Он раздувает свои заслуги.

– Прежде чем я представлю сидящих за мной, – продолжил Пэрис, – и раз уж мы завели разговор о вмешательстве посторонних в больничные дела, хочу сказать всего пару слов о демонстрантах, через ряды которых некоторые из вас были вынуждены пройти сегодня утром. Кое-кто из наших эксплуатационников проводит сейчас незаконные действия, которые, и у нас есть доказательства этому, спровоцированы и поощряются одной из организаций, что стремятся покончить с нами. Так вот, хорошенько запомните: мы не позволим им ни на йоту вмешиваться в наши методы лечения или любую другую деятельность нашего учреждения. – Для убедительности он стукнул кулаком по трибуне. – Можете положиться на мои слова!

В амфитеатре еще звучало эхо последней фразы, когда где-то произошло замыкание и основной электрогенератор МЦБ вышел из строя. Запасная система, питающая электроэнергией операционные, отделение «Скорой помощи» и другие важные узлы, немедленно

включилась автоматически. Но – зрительный зал – помещение без окон – погрузился в непроглядную темноту.

Первая часть программы Дня смены состава завершилась.

Глава 3

Если Сара и играла ведущую роль в отделении акушерства и гинекологии, то обязана этим была своему шефу, доктору Рэндалу Снайдеру. От мягкой манеры разговора до серой машины «вольво» – все в этом человеке навевало спокойствие и отеческую заботу. Теперь, в свои пятьдесят с лишним, он по-прежнему относился к своей работе с любовью и состраданием. Когда было объявлено о новых методах лечения в его области, он первым вызвался научиться их применению. Если у незастрахованной пациентки клиники возникала проблема с родами, то он принимал ее как частного пациента, не заикаясь об оплате.

Сегодня Рэндал Снайдер выкроил время в своем донельзя перегруженном графике, чтобы отвезти Сару в район Ямайка-Плейс. Он собирался помочь ей принять роды незастрахованной двадцатитрехлетней незамужней женщины, патологически боявшейся докторов и больниц.

– Как вам это удастся? – спросила Сара в машине.

– Удастся что? – Снайдер убавил громкость, и кантата Баха в динамиках зазвучала тише.

– Не обращать внимания на всякие надоедливые ситуации, мало связанные с самой медициной, но, увы, сопутствующие ей.

Снайдер чуть улыбнулся.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы знаете – критические разборы со стороны коллег и адвокаты, страховые компании и правительство, которые говорят, сколько можно и сколько нельзя брать за свою работу. Горы бумаг и постоянная опасность того, что вы обидите мстительного или неуравновешенного пациента, который напишет жалобу или подаст на вас в суд.

– Ах, вы об этом, – отозвался Снайдер. – Сара, это все чепуха по сравнению с теми стрессами, которые вы испытываете, когда все не клеится, когда перед вами человек с непонятной или неизлечимой болезнью и он умирает, несмотря на все ваши усилия.

– Но это чистая медицина. А я имею в виду...

– Я понимаю, о чем вы. Поверьте, я не бездушная машина, за которую меня принимают многие. Я справляюсь с тем, о чем вы говорите, потому что, в сущности, люблю свое дело и почитаю за счастье, что судьба вывела, меня на этот путь. Почему вы обо всем этом спрашиваете? У вас какие-нибудь неприятности?

– Не то чтобы неприятности. На следующем перекрестке поверните направо.

– Понял. Вы сказали, улица Ноултон, так?

– Да.

– Я знаю, где это. Продолжайте.

– Вы знаете, что до поступления в медицинское училище я работала в холистском лечебном центре.

– Конечно. Я бывал на некоторых из ваших выступлений. Интересная штука. Очень интересная.

– Я осваивала траволечение и иглотерапию. Но произошло кое-что... словом, один случай из моей практики заставил подумать о том, что моих знаний недостаточно.

«Кое-что произошло. Недоговаривать – манера слабых людей», – подумала Сара. Она заколебалась, рассказывать ли подробности ее последнего столкновения с Питером Эттингером, но быстро решила, что сейчас не время и не место копаться в таком дерьме.

– Так вот, – продолжала она, – наши методы, применяемые в холистском центре, имеют свои недостатки, но я говорю сейчас о другом. Существовала определенная, не знаю, как выразиться, ну, скажем, невинность относительно того, что происходит за стенами нашей лечебницы. Ежедневно мы отправлялись на работу и целиком посвящали себя тому, что мы можем сделать для пациентов.

– И что же?

– Ну, насколько я могу судить, теперь надо учиться такой медицине, которая зачастую занимается не только лечением больных, но и вопросами доходов и выплаты долгов, страховками и т.д. "Мы тратим миллионы и миллионы долларов на второстепенные или вовсе не нужные обследования и проверки, чтобы обеспечить себе тылы, когда нас, не дай Бог, потянут в суд. А тем временем правительственные учреждения, полагая это экономией средств, указывают нам, как долго мы должны держать пациентов в больнице. И никому нет дела, что пожилую женщину слишком рано отправят

домой после операции на матке, а в результате она упадет и сломает себе шейку бедра. Важна статистика – таблицы и проценты по страхованию. А не плоть и кровь.

– Сара, вы слишком молоды, и пока еще у вас есть силы скорбеть по поводу несовершенства мира и нашего дела тоже.

– Доктор Снайдер, хотелось бы мне, чтобы было хоть что-то, для чего я была бы слишком молодой, хотя бы что-нибудь. Думаю, я поступила правильно, получив степень доктора медицины. Мне нравится профессия врача. Но иногда мне хочется, чтобы все это было, как бы это сказать... немного чище.

Рэндал Снайдер причмокнул.

– Мыло марки «Айвори» чистое практически на сто процентов, – сказал он, поворачивая на улицу Ноултон. – Ничто, связанное с человеческим организмом, даже не приближается к этому – особенно в нашей профессии. Но, поверьте, я понимаю, что вас гложет, и обещаю, что мы как-нибудь продолжим наш разговор, может быть, за обедом на работе. А пока что хочу, чтобы вы знали, – из вас получится отличный врач, именно такой, с каким я бы работал с удовольствием.

– Ой, спасибо! – Сара не смогла скрыть, как удивлена и польщена этим признанием. Впервые она услышала о намерении Рэндала Снайдера взять себе кого-нибудь в напарники, уж не говоря о том, чтобы взять именно ее.

– Пока что подумайте об этом, – продолжал Снайдер. – Как-нибудь позже в этом году, если вы решитесь, мы сядем вместе и поговорим о делах. В том числе и о неприглядных сторонах нашей профессии, только не нужно на этом заикливаться. И ради Бога, не ставьте никого на пьедестал... особенно меня. – Он остановил машину у бровки тротуара против дома номер 313. – А теперь, прежде чем мы войдем, расскажите мне вкратце о пациентке.

Будучи студенткой, Сара много времени уделяла отработыванию навыка – четко, сжато, максимально емко доложить о больном. Иногда оттачивала свое сообщение, которое должна была сделать на следующее утро, с помощью секундомера. Причем занималась этим где угодно – даже в ванной, забывая об остывающей воде. Теперь выработанная привычка стала для нее второй натурой.

– Лиза Саммер – незамужняя, двадцати трех лет, беременность второй стадии, функциональных отклонений нет.

Вторая беременность, до этого не рожала, был выкидыш, менструация прекратилась девять месяцев назад. – Рэндал Снайдер кивком предложил Саре продолжать. – Беременность протекала совершенно нормально. Лиза набрала тридцать фунтов к своему обычному весу в сто шесть. При осмотре неделю назад выяснилось, что плод находится в верхнем положении – голова, возможно, изменила прежнее положение.

Если не считать обычных болезней в детстве, у Лизы нет отклонений в здоровье. Она не курит, выпивает очень редко. Я ничего не выписывала ей, кроме предродовых трав.

– Ах да, – произнес Снайдер, – таинственная смесь врача Болдуин. Я присутствовал в прошлом году на совещании нашего отделения, когда вы рассказывали об этом. Как-нибудь попытаюсь узнать об этом побольше. Пожалуйста, продолжайте.

– О семье сведений мало. В настоящее время связей с родителями не поддерживает, так же как и с отцом ребенка.

– Ого.

– Ее сиделка – подруга, работающая медсестрой. Видно, в детстве Лиза пережила какой-то стресс, связанный с больницей. Теперь при одной мысли о больницах ее бросает в дрожь.

– Поэтому роды дома.

– Это одна из причин. Лиза... как бы это сказать... очень скрытная и совсем не верит людям.

– Даже вам?

– Теперь уже не так, как вначале, но тоже не доверяет.

– Ну что же, давайте зайдём и попробуем повлиять на нее.

Сара взяла сумку с приборами и акушерскими принадлежностями.

– Еще одно, – добавила она. – Хейди, сиделка, сообщила, что у Лизы слегка понизилось давление и в правой руке труднее прослушивается пульс. Последние известные мне показания пульса равнялись восьмидесяти пяти, это когда Гленн только начал свое выступление. А несколькими часами раньше был отмечен наивысший показатель – сто десять.

– И как вы это расцениваете? – спросил Снайдер.

– На этой стадии предродовых схваток – это нормальный пониженный уровень. Хейди сказала во время последнего телефонного

звонка, что Лиза выглядит отлично. Возможно, оснований для беспокойства нет.

Сара заметила тревогу в глазах Снайдера и сразу поняла, что отнеслась недостаточно серьезно к этому сообщению.

– Мой опыт показывает, что редко когда у рожениц так падало давление на этой стадии, – заметил он.

– Мне... мне надо было бы вам сказать об этом раньше, – отозвалась Сара.

– Ерунда. Просто я паникер от рождения. Подозреваю, что вы правы, – понижение давления, возможно, вызвано небольшой дегидратацией. Вы взяли предродовой поднос, а я захвачу педиатрический.

Выбираясь из машины, они услышали звук сирены, прозвучавший где-то поблизости. Они еще не прошли полосу земли перед тротуаром, как полицейская машина выскочила из-за угла, скрежеща крышками, и резко затормозила за их «вольво». Из нее выскочил полицейский и, не обращая на них внимания, бросился к входной двери.

– Простите, – окликнул его Снайдер, заторопившись вслед за полицейским. – Я доктор Рэндал Снайдер из Медицинского центра Бостона. Что случилось?

– Не знаю, док, – ответил тот, тяжело дыша. – Но рад, что вы здесь оказались. Мы получили вызов по номеру 911. Женщина в тяжелом состоянии, нужна срочная помощь. Машина должна прибыть с минуты на минуту.

– Фамилия женщины? – спросила Сара, неожиданно почувствовав тяжесть в груди.

Полицейский несколько раз надавил на кнопку звонка, а потом начал стучать по стеклу входной двери.

– Саммер, – ответил он. – Лиза Саммер.

* * *

«...Чепуха по сравнению с теми стрессами, которые вы испытываете, когда что-то не клеится, когда перед вами человек с неизлечимой или непонятной болезнью и он умирает, несмотря на все

ваши усилия...» Эти слова Рэндала Снайдера звучали в ее сознании, когда Сара торопливо поднималась по широкой лестнице вслед за полицейским и Хейди Гласмен. Сверху доносились стоны и натужный кашель Лизы. Еще не входя в комнату, Сара почувствовала запах крови.

Лиза сидела на своей кушетке, раздвинув ноги, из ее ноздрей и рта текла кровь. Свежая и уже свернувшаяся кровь пропитала ночную рубашку, забрызгала кушетку, пол и стену. За время своей практики с таким взглядом она встречалась всего несколько раз. Последний раз у пятидесятилетней женщины после операции, а через несколько минут у той женщины начался тромбоз коронарных сосудов и произошел обширный инфаркт миокарда.

– Это началось вскоре после моего звонка к вам, – объясняла Хейди, пока Сара и Рэндал Снайдер натягивали перчатки, потом встала на колени, чтобы помочь им провести осмотр. – Я бы позвонила еще, но была уверена, что вы уже выехали. Все шло прекрасно... за исключением пониженного давления, о чем я вам сказала. Потом, совершенно неожиданно, Лиза стала жаловаться на сильную боль в правой руке, от плеча до кисти. Во время одной из схваток она изнутри прикусила щеку. Сначала из ранки кровь слегка сочилась, а потом вдруг пошла сильнее. Перед самым вашим приходом ее вырвало, тоже кровью. Думаю, у нее вырвалось то, что накопилось в глубине ноздрей, но мне трудно судить.

– Давление не менялось? – спросила Сара, надевая на левую руку Лизы манжету тонометра.

– Оно снизилось еще немного. Примерно до восьмидесяти ударов. А в правой руке сердцебиение вообще не прослушивается.

Сара посмотрела на правую руку Лизы и сразу же поняла причину. Она могла сказать об этом Снайдеру, который нащупывал пульс на артерии возле кисти руки и на плечевой артерии в изгибе локтя, но тот уже все понял. Рука от локтя до ладони потемнела и покрылась пятнами. Пальцы стали темно-серыми, а их кончики почти совсем почернели. По какой-то причине артерии и более мелкие сосуды оказались заблокированными. Хоть и в меньшей степени, но тот же процесс начался в левой руке и обеих ногах Лизы.

– По-прежнему восемьдесят, – сказала Сара. – Лиза, я понимаю, что это вас пугает. Но, пожалуйста, возьмите себя в руки и

постарайтесь успокоиться, пока мы сообразим, что случилось. Это доктор Снайдер, я вам говорила о нем. Он мой начальник.

Издали донеслись воюющие звуки машины «скорой помощи».

– Ч-что со мной происходит? – спросила напуганная, ничего не понимающая Лиза.

Сара обменялась взглядом со Снайдером. Хотя диагноз и требовал лабораторного подтверждения, она знала, что их подозрения совпадают и перед ними случай быстрого развития процесса внутривенного свертывания крови. Самого драматического и ужасного закупоривания кровеносных сосудов.

Сара попросила салфетку из махровой ткани и подала ее Лизе.

– Возьмите, Лиза, высморкайтесь как можно сильнее. Когда мы удалим большие сгустки крови, возможно, удастся остановить кровотечение из носа.

Лиза, все еще сплевывая розоватую слюну в ведро, сделала, как ее просили. Ткань немедленно пропиталась кровью. Никаких сгустков не вышло. Диагноз ВСК, внутреннего свертывания крови, стал еще более правдоподобным. Неизвестно, по какой причине, но в кровеносной системе Лизы начали образовываться в большом количестве крошечные сгустки. Эти сгустки, слипаясь, мешали артериям поставлять кровь в руки и ноги. Все это представляло огромную опасность.

Главная угроза была в скорости, с которой ненормальные сгустки проходили стадии, обычные при свертывании крови. Любое кровотечение теперь угрожало ее жизни. Ужасающей вероятностью становился смертельный исход в результате инсульта.

– Лиза, сейчас я объясню, что мы думаем о происходящем, – обратилась Сара к молодой женщине. – Скажите, воды у вас отошли?

Лиза покачала головой.

– Я страшно боюсь, – с трудом выговорила она. – Рука убивает меня.

– Понимаю. Потерпите немножко.

Сара взглянула на своего шефа.

– Нам будет нужна «Скорая помощь», – сказал Снайдер. – А также чтобы в МЦБ нас ждали гематолог и терапевт.

Он говорил все еще в привычно спокойной манере, но был мрачен. Меньше чем за три месяца в Медицинском центре Бостона у

роженицы повторялся случай ВСК. Прежняя пациентка, которую пользовали другие врачи, умерла на операционном столе во время кесарева сечения. Кровотечение захватило плаценту, младенец получил серьезные повреждения мозга, когда его извлекали, и умер, не прожив недели. Причина ВСК так и не была выявлена.

– Лиза, пожалуйста, послушайте, – продолжал Снайдер. – И постарайтесь отбросить чрезмерные страхи. – Что-то нарушило вашу систему свертывания крови. Нам надо отвезти вас в МЦБ, чтобы как можно быстрее поставить правильный диагноз и начать лечение.

– Что что-то? Отчего это? – спросила она. – Это не повредит малышу?

– Мы узнаем об этом в клинике, – ответил Снайдер. – А пока что я отчетливо слышу сердцебиение.

– Его... – хрипло уточнила Лиза.

– Извините?

– Его сердцебиение. Доктор Болдуин направляла меня на ультразвук. Я назову его Брайен.

Сирена «Скорой помощи» смолкла, как только машина подкатила к фасаду дома.

– Лиза, – успокаивал Снайдер, – знаю, что это нелегко, но чем больше вы расслабитесь, тем медленнее будет течь ваша кровь, и тем больше шансов остановить кровотечение. Не хотите ли вы, чтобы мы кому-нибудь позвонили? Вашим родителям? Брату или сестре?

Лиза немного подумала и потом решительно покачала головой.

– Я и Хейди – вот вся моя семья, – сказала она.

– Хорошо. Сара, не позвоните ли вы в МЦБ?.. Сара?

Закрыв глаза, Сара прижала указательный, средний и безымянный пальцы к левой радиальной артерии Лизы, пытаясь оценить шесть расположенных там пульсов, которые использовались только иглотерапевтами и лекарями китайской медицины. Левые пульсы говорили о состоянии сердца, печени, почек, тонких кишок, желчного пузыря и мочевого пузыря. Много раз, особенно когда пациенты жаловались на что-то неопределенное, внимательное прощупыванию трех поверхностных и трех глубоких пульсов на кисти каждой руки давало отгадку причины болезни и помогало определить место вкалывания иглолок при иглотерапии.

– Ой, простите, – отозвалась Сара. Эта проверка многого ей не дала, так как Лиза находилась в возбужденном состоянии и ее кровоток был сильно нарушен. А поскольку в правой руке кровообращение практически остановилось, то вряд ли стоило проводить там проверку.

– Я позвоню доктору Бленкеншипу и попрошу, чтобы он ждал нас с кем-нибудь из гематологов.

– Спасибо.

Группа оказания помощи быстро вошла в многолюдную комнату. После краткого объяснения Рэндала Снайдера Лизу положили на носилки и начали прилаживать прибор для переливания крови к ее левой руке. Сара направилась в прихожую к телефону.

– Доктор Болдуин, не оставляйте меня, – взмолилась Лиза.

– Я сейчас же вернусь.

– Пожалуйста, скажите мне – я умру?

Сара надеялась, что в ее голосе прозвучит больше убежденности, чем она испытывала в этот момент.

– Отбросьте эти мысли, Лиза, – сказала она. – Сейчас важно, чтобы вы не теряли самообладания. Вы должны использовать то внутреннее видение, которое мы отработывали. Как вы думаете, это вам под силу?

– Я... я как раз этим и занималась, перед тем как все началось. Один раз я даже увидела шейку матки. Действительно увидела.

– Верю, замечательно. Ну, а теперь вам следует заняться этим снова. Сконцентрируйтесь на том, чтобы увидеть течение крови по жилам и внутреннее устройство ваших рук. Это очень важно. Я помогу вам, когда мы приедем в МЦБ; Доктор Бленкеншип, терапевт, который будет вас лечить, – прекрасный врач. Я собираюсь позвонить ему. Он будет ждать вас вместе с гематологом. Сообща мы справимся.

– Обещаете?

Сара поправила развившиеся колечки волос на влажном лбу Лизы.

– Обещаю, – ответила она.

– Капельница установлена, – сказал кто-то из группы помощи. – Переливание по два пятьдесят.

Снайдер кивнул.

– Сара, я, пожалуй, позвоню сам, а вы поезжайте в МЦБ на «Скорой» вместе с Лизой. Хейди поедет со мной.

Сопровождая покидавшую дом группу помощи и делая все возможное, чтобы остановить кровотечение из носа и рта Лизы Саммер, Сара пыталась как можно больше припомнить о другой женщине, у которой развилось ВСК, хотя беременность проходила нормально, обычным порядком повторялись схватки, а потом произошли неожиданные катастрофические изменения в системе свертывания крови. Точно так, как происходило сегодня.

И пока Сара помогала устраивать Лизу в «Скорой помощи», ее растревоженное сознание терзал тот же вопрос, который поставил в тупик врачей «той» женщины: «Почему?»

Глава 4

Из девяти зданий больницы штата, которые были куплены Медицинским центром Бостона, шесть все еще использовались по назначению. Два снесли и оборудовали на их месте парковочные стоянки. Третье, осыпающееся шестиэтажное кирпичное сооружение с надписью над входом: «Чилтон», забросили и огородили забором, еще когда Сара начала свою практику; так все осталось и поныне... – молчаливое напоминание о нынешних финансовых трудностях.

Здание «Чилтон» и гаражи отделялись от больницы широким круговым проездом. Петля включала в себя просторный, покрытый травой двор, на котором кое-где росли кустарники и стояло с полдюжины пластиковых дачных столиков. Гленн Пэрис назвал это место «двором больничного городка», куда могли проехать только машины администраторов и руководителей отделений на отведенные для них парковочные квадраты, а также машины «скорой помощи».

Поездка от улицы Ноултон до МЦБ, ускоренная сиренами полицейской машины и «скорой», заняла пятнадцать минут. Сидя рядом с Лизой Саммер в задней части накренившейся «Скорой», Сара услышала сообщение по рации, что в пути находится пациент первой очереди. Она представила себе охранников, лица которых сразу стали важными, торопливо открывающих ворота безопасности и очищающих от машин место перед ними.

Схватки у Лизы повторялись теперь примерно через каждые четыре минуты, стали продолжительнее и болезненнее. Однако осторожная проверка Сары показала, что шейка матки раскрылась только на четыре сантиметра – до родов было еще далеко. Кровотечение из носа и рта несколько усилилось. И хотя левая рука и ноги все еще были теплыми и сохраняли капиллярное кровообращение, правая рука Лизы потеряла чувствительность до самого локтя.

– Крепитесь, Лиза, – подбадривала Сара. – Мы почти доехали.

Когда они повернули на въездную дорогу к Центру, Сара попыталась вспомнить все, что ей было известно о ВСК. Она никогда не сталкивалась с этим явлением за годы обучения. Ее знания

фактически сводились к тому, что она почерпнула из одной-двух лекций в медицинском училище, из того, что ей удалось вычитать и вынести из эпизодических конференций. Хирургическое вмешательство, шок, сепсис, большая травма, чрезмерная доза наркотиков, токсические вещества, быстрое отделение плаценты – любые виды повреждения человеческого организма могут привести к ВСК. Это было редкое и необычайно тяжелое осложнение, которое чаще всего приводило к гибели пациента.

Но Лиза Саммер не была травмирована и не болела. Она была здоровой молодой женщиной, и беременность ее протекала нормально. «Может быть, это вовсе и не ВСК», – подумала Сара.

Сирена смолкла, когда они подъехали к больнице. Сара быстренько измерила давление и осмотрела Лизу, мысленно готовясь к тому, как она доложит о больной доктору Ели Бленкеншипу. В ее задачу входило изложить факты с полной объективностью, тщательно избегая своих собственных диагностических догадок. Пока диагноз не подтвердится, предполагать какой-то один вариант и исключать другие было глупо, а потенциально очень опасно. «Предположения превращают меня и вас в ослов» – так охарактеризовал этот принцип один из профессоров.

Ели Бленкеншип соотнесет ее информацию со своими наблюдениями. А потом предложит свой вариант диагноза и лечения. А между тем, если нужно будет срочно принимать какие-то меры до выяснения окончательного диагноза, им просто придется прочесть тихую молитву и сразу приступить к действиям, которые покажутся наиболее целесообразными.

В этом случае, когда две человеческие жизни уже повисли на волоске, вряд ли они станут ждать результатов лабораторных анализов, чтобы начать лечение. А лечение ВСК само по себе связано с угрозой для жизни. Сара знала, что Лизе Саммер предстоит дьявольски трудный день, так же как врачам, медсестрам и техническому персоналу, которые будут сражаться за ее жизнь и жизнь ребенка.

И этот неотступный, мучительный вопрос: «Почему?»

Когда машина выруливала задом к приемной платформе отделения «Скорой помощи», Сара увидела Ели Бленкеншипа, который поджидал их у дверей. Как всегда, он впечатлял своей внешней мужественностью. Если бы, не зная его, она попыталась

угадать род его занятий, то ей прежде всего пришли бы на ум вышибала в пивной, портовый грузчик или водитель тяжелой машины. Главный врач МЦБ был здоров как бык, ростом несколько ниже шести футов, но с массивной грудью и головой, которые разделялись почти незаметной шеей. Он был совершенно лысым, если не считать черные клочки волос, как у монаха. Под широким лбом нависли густые брови, а мускулистые руки напоминали руки борца. Даже только что побрившись, он производил впечатление заросшего щетиной.

Пожалуй, только глаза – пронизательные, бледно-голубые – намекали на исключительность его дарований. Он был признанным специалистом по инфекционным заболеваниям, по лечению на критических стадиях и по внутренним болезням. Но кроме того, он слыл человеком широко образованным, мастерски играл в шахматы, отлично разбирался в живописи. В МЦБ не было другого педагога, который бы относился с таким уважением к мнениям студентов и практикантов, и никто не учил их с таким мастерством.

Бленкеншип, уже в халате и перчатках, встретил носилки в то время, как группа «скорой помощи» вынимала их из машины, быстро протянул Лизе руку и представился. Находясь по другую сторону носилок и по-прежнему зажимая нос Лизе, Сара видела, что это первое прикосновение стало началом обследования.

Пока они попали в палату А, один из основных медико-травматических залов, Сара почти закончила описание состояния больной. Бленкеншип распорядился, чтобы лаборантка сразу же взяла анализ крови, а медсестра из родильного отделения принесла монитор для плода. Кивком он дал им знак приступить к делу. В этот момент кровь начала сочиться через марлевую повязку, которая покрывала место, куда ввели капельницу. Лицо Бленкеншипа не изменилось.

– А теперь, Лиза, – произнес он ровным голосом, – хочу попросить вас набраться терпения и простить нас, если вам покажется, что мы не рассказываем вам о том, что происходит. Через несколько секунд вы не сможете отличить друг от друга всех врачей, которые займутся вами. Помимо меня основными врачами будут доктор Хелен Стодард, гематолог, и доктор Эндрю Трюскот, хирург. Ее задача состоит в том, чтобы помочь нам остановить кровотечение, а он должен будет позаботиться о вашей руке, которая в данный момент не получает достаточно крови. И, понятно, с нами будут доктор Болдуин

и доктор Снайдер, которые примут вашего ребенка, как только мы стабилизируем ваше состояние.

– Ребенок в нормальном состоянии? – спросила Лиза.

Бленкеншип посмотрел на медсестру из родильного отделения, та кивнула в сторону монитора. Сердцебиение нерожденного ребенка было выше нормы, что часто свидетельствовало о неблагополучии.

– Ребенок находится в состоянии некоторого напряжения, – ответил Бленкеншип. – Мы внимательно следим за его состоянием.

В этот момент в зал влетела Хелен Стодард, которая возглавляла отделение в другой больнице и иногда консультировала в МЦБ. Не стыдясь своей принадлежности к «старой школе», как она любила выражаться, Хелен открыто критиковала заигрывание МЦБ со «сторонними игроками» – ее определение приверженцев альтернативной медицины. На одном из семинаров она выступила против включения любых непроверенных наукой методов лечения. Бленкеншип и Сара, возражая, выступали за использование некоторых методов лечения, проверенных на практике, таких, как иглотерапия и мануальная терапия, и за тщательную научную оценку того и другого.

– Как наши дела, Ели? – спросила Стодард, бросив лишь беглый взгляд на Сару.

– Изучение прекращено. Заказано десять единиц.

– Крови, а также плазмы?

– И того и другого столько, сколько мы можем получить.

Хелен Стодард быстро осмотрела кожу, рот и ногти Лизы. Марля вокруг иглы капельницы совершенно промокла. Кровь из нее капала на простыню и на пол. Из прокола в вене также сочилась кровь.

– Раньше были проблемы с кровотечением? – спросила она Бленкеншипа.

– Абсолютно никаких.

Содард задумалась на несколько секунд.

– Мы не можем ждать результатов лабораторных анализов. Думаю, надо использовать для переливания имеющиеся у нас кровь и плазму и добавить в кровь гепарин.

В зал вошли запыхавшиеся Рэндал Снайдер и Хейди Гласмен. Почти сразу же появился и Эндрю Трюскот. Хейди сменила Сару возле больничной кровати, а Трюскот, Сара и Снайдер отошли к дверям.

– Она в тяжелом положении, – сказала Сара.

Снайдер взглянул на монитор плода.

– Так же, как и ребенок, – сказал он. – Вы начали вводить ей питосин?

– Только в машине. У нее раздвижка всего на пять сантиметров.

– Боже!

Трюскот потратил не больше минуты на осмотр рук и ног Лизы. Затем с необыкновенной легкостью ввел обезболивающий состав под кожу в ее шее, нащупал подушечками пальцев две точки и воткнул иголку большой пропускной способности в яремную вену. Затем он пропустил катетер через полую часть иглы и закрепил его. Был открыт критический второй путь для переливания крови.

– Так или иначе, но придется отвезти ее в операционную, – сказал Эндрю, вернувшись к двери. – Пока что ничего не могу сказать о ее левой руке и о ногах. Но правая... Можно ли ей сделать кесарево сечение?

Снайдер подошел к Хелен Стодарт, недолго пошептался с ней и, вернувшись, покачал головой.

– Похоже, мы уже подошли к ситуации, когда надо выбирать между матерью и ребенком, – шепнул он. – Хелен и Ели решили не ждать подтверждения анализов о ВСК и начали вводить гепарин. Они считают, что девушка не перенесет сечения.

Гепарин от ВСК. Саре всегда казалось, что применение этого средства в подобных случаях – ужасающий парадокс. Шли на внутривенное вливание мощного антисвертывающего препарата пациенту, который и так уже был при смерти от кровотечения. Идея заключалась в том, чтобы использовать лекарство для рассасывания сгустков и восстановить кровообращение в затронутых конечностях и жизненно важных органах. В то же время постоянное переливание должно пополнять потерю крови и заменять свертывающие факторы. Подобное терапевтическое балансирование можно было сравнить с цирковым представлением на канате, которое зачастую заканчивалось неудачей.

Сара посмотрела на женщину, о которой она пеклась шесть месяцев, сейчас ее совсем заслонила группа медсестер и врачей. Сама Сара пока что сделала немного. Конечно, утешала она себя, Эндрю Трюскот и другие действующие лица этой медицинской драмы были опытнее ее. Но Лиза оставалась ее пациенткой, и все, что она

отрабатывала эти месяцы с Лизой, тоже могло бы помочь в этой критической ситуации. При условии, конечно, что Стодард и Ели Бленкеншип позволят ей подключиться.

Она извинилась и торопливо пошла в подвальное помещение, слабо освещенные туннели которого соединяли все здание МЦБ. Ее запиравшийся на ключ медицинский шкаф находился в здании «Тайер». На первых трех его этажах располагались офисы администрации, а на двух верхних – спальни для обслуживающего персонала. Сара поднялась на лифте. Несколько минут спустя она сбежала по лестнице с шестого этажа и вихрем понеслась через туннели обратно в операционную. К груди она прижимала коробочку красного дерева с иголками для иглотерапии. Эту коробочку подарил ей доктор Луис Хан. Впервые она встретила с этим миссионером китайского происхождения, когда работала учительницей по линии Корпуса мира к северу от Чанг Мея в Таиланде. До самой своей смерти три года назад он оставался ее наставником в искусстве врачевания. Китайская надпись на коробке, красиво вырезанная самим Ханом, гласила: «Лечебная сила Господа скрывается в нас самих».

Как только Сара переступила порог операционной А, она почувствовала, что положение изменилось к худшему. По трубке, продетой через нос Лизы в ее желудок, стекала во всасывающую бутылку на стене непрерывная струйка крови. Моча, отходящая через катетер, была тоже малинового цвета. Пепельно-бледный Рэндал Снайдер стоял около монитора плода: сердцебиение нерожденного ребенка Лизы было на пределе, необходимом для поддержания жизни.

– Что происходит? – спросила Сара, подходя к нему.

– Думаю, мы потеряли его, – прошептал Снайдер. – Мы можем сделать кесарево сечение сейчас же и, может быть, успеем спасти младенца. Но Лиза не выживет.

– А вообще у нее есть шансы?

– Не знаю. Дело совсем скверное.

Мгновение Сара колебалась, затем направилась к Хелен Стодард и Ели Бленкеншипу.

– Разрешите обратиться к вам обоим? – произнесла она.

Сначала Сара подумала, что Стодард не станет ее слушать. Но, возможно, вспомнив, что Сара была практиканткой, отобранной самим

Бленкеншипом, гематолог отошла немного в сторону. Бленкеншип последовал за ней.

– Хочу попытаться остановить кровотечение у Лизы, – сказала Сара.

– А что делаем мы, по вашему мнению? – спросила Стодард.

Сара упрямо сжала рот. Она никогда не предлагала свои методы кому бы то ни было из коллег, если ее об этом не просили. Но Лиза ей доверилась, и было похоже, что обычные меры не помогают.

– Доктор Стодард, знаю, что вы невысокого мнения об альтернативных методах лечения, – произнесла она, стараясь говорить спокойно. – Но я хочу того же, что и вы. Хочу, чтобы Лиза перенесла все это. В течение последних четырех или пяти месяцев, готовясь к ее родам на дому, мы с Лизой занимались самогипнозом и внутренним видением. Думаю, у нее хорошо получалось и то и другое.

– И что же? – выражение лица Стодард было просто ледяное.

– А то, что, используя иглотерапию, мы сможем активизировать собственные жизненные силы Лизы, чтобы замедлить кровотечение. При условии, конечно, что вы согласитесь ввести ей достаточно протамина, который нейтрализует гепарин.

– Что?

– Если нам удастся уменьшить у нее кровотечение в достаточной мере, чтобы сделать кесарево сечение, потом можно будет опять обратиться к гепарину для разрушения сгустков.

– Нелепая мысль.

Сара глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. За четыре года учебы и два года практической подготовки у нее никогда не было такого рода столкновений. Но отступить было нельзя.

– Доктор Стодард, давление у Лизы падает, кровотечение усиливается, и, может быть, уже не удастся спасти ребенка.

– Да как вы смеете, самонадеянная, невежественная...

– Подождите, Хелен, – вмешался Бленкеншип. – Можете сказать что угодно, когда это закончится, но сейчас у нас на руках молодая женщина, которая истекает кровью. Нам надо думать только о ней. Доктор Болдуин права. Гепарин пока что неэффективен против сгустков, он усилил кровотечение до такой степени, что мы не успеваем переливанием пополнять кровь.

– Делайте как хотите, я в этом не участвую, – выпалила Стодард.

– Хелен, вы лучшая из всех известных мне гематологов и одна из самых приверженных своему делу докторов. Не могу представить себе, чтобы вы помешали чему-нибудь, что может помочь пациенту.

– Но...

– А кроме того, и вы это знаете, несколько минут, которые займет Сара со своими иглками, на конечный итог почти не повлияют.

– Но... ладно, фу ты, пропасть! Но после того как все это закончится, независимо от исхода, этой больнице лучше прояснить свою позицию относительно знахарства, или я уйду отсюда.

– Мы так и поступим, Хелен, обещаю, так и поступим. Сара, что надо делать?

– Сначала ввести протамин.

– Ну так что, Хелен?

– Шут вас подери, Ели. Ладно, ладно... Какая нелепость, – бормотала она, подходя к больной, чтобы ввести нейтрализующее гепарин средство. – Абсолютная нелепость.

– А теперь, – продолжила Сара, чувствуя, как учащенно забился ее пульс, – пожалуйста, пусть со мной останется только Хейди, уведите отсюда как можно больше людей, и пусть никто не шумит.

– Принимается. Что-нибудь еще?

– Только одно. Выключите, пожалуйста, верхний свет.

Лиза вскрикнула, когда началась очередная схватка. Сара, погладив ее лоб, встала возле нее на колени.

– Лиза, закройте глаза и слушайте меня, – мягко сказала она. – Нам надо поработать. Настал момент применить на практике все, чему мы научились. Вы понимаете меня?.. Хорошо. Давайте начнем с простых вещей, со сцен, идет? Вызывайте их в своем воображении во время схваток. Я помогу вам, и Хейди тоже поможет. А между схватками сосредоточьте внимание на моем голосе и попытайтесь мысленно увидеть, что происходит в ваших кровеносных сосудах и в сердце. Все движется очень быстро... очень быстро. В крови могут также возникать загустения, они закупоривают артерии. Попробуйте расслабиться и увидеть их тоже. Просто расслабьтесь... просто расслабьтесь.

Хейди продолжала нашептывать на ухо Лизе, пока Сара заглянула в тонкую, потрепанную брошюру. Проверив точки, которые она хотела стимулировать, Сара вращательным движением воткнула первую

иглоку как раз ниже левой ключицы Лизы. Потом поочередно воткнула еще пять стальных иглолок в различные места, не закрытые марлевыми повязками.

В зале воцарилась странная тишина, прерываемая приглушенным сопением отсасывающих аппаратов и мягким бипаньем сердечного монитора.

– Посмотрите, – услышала Сара чей-то голос. – Похоже, что кровотечение ослабевает.

Сара взглянула на отсасывающую бутылку. И действительно, было похоже, что приток жидкости значительно ослабел.

– Лиза, расслабьтесь, – опять повторила Сара, мягко, но настойчиво. – Затормозите сердцебиение... затормозите кровообращение... и просто расслабьтесь. Это в ваших силах.

Прошла минута. Потом другая. Лиза теперь не двигалась, лежа с закрытыми глазами. Началась схватка, было видно, как напряглась брюшная полость. Но Лиза не пошевелилась, оставаясь спокойной.

– Ее пульс упал с девяносто до пятидесяти, Сара, – сообщил Бленкеншип. – Кровь из трубок почти не сочится. Рэндал, вы готовы?

– Все готово, – ответил Рэндал. – Можете давать наркоз. Ждем лишь вашего указания.

Из зонда вытекало теперь совсем немного. На десять-пятнадцать секунд все затихло.

– Начинайте, – скомандовал Бленкеншип.

Глава 5

2 июля

Сара приказала поднять операционный стол на два дюйма и повернуть стерильные рукоятки к параболическим светильникам над головой. У нее немного резало глаза. Она не присела и не вздремнула ни на минуту целые сутки, но ее сконцентрированность была предельной. Направив, куда надо, сфокусированные лучи света, она стала прилаживать скальпель, поворачивая его до тех пор, пока инструмент не стал как бы частью ее руки.левой рукой она натянула кожу на животе, над верхним краем лобкового треугольника. Затем единым твердым движением вскрыла брюшную полость и отделила тонкий подкожный слой шафранового цвета. Кровоточащие точки она прикрепила зажимами к гемостату и провела по стальному инструменту электроприжигателем. Наконец, прорезала брюшинную мембрану, обнажив выпуклую беременную матку.

– Все в норме? – спросила она анестезиолога.

– Стабильно.

– Хорошо. Поехали дальше.

Сара сделала скальпелем отметки на матке, затем прорезала в ней небольшое отверстие. Указательным пальцем раздвинула мясистые волокна мышц. А затем легким прикосновением лезвия вскрыла полость.

– Мы внутри, – произнесла она при первом же излиянии жидкости. – Включите, пожалуйста, отсос.

Наступил критический момент. Мощная матка может в любой момент закрыться, и тогда выход ребенка необычайно осложнится. На целых десять секунд Сара затаила дыхание, и, кажется, остановилось даже биение ее сердца, когда она прощупывала полость таза, пыталась добраться до ног ребенка и одновременно определить положение пуповины. Ее пальцы мягко охватили длинные и тонкие ножки и вытянули их через разрез. Потом вышло туловище, и осторожно, еще более осторожно, она вытянула плечи и руки. Наконец, подцепила ладонью яйцеобразную головку и вынула ее из прорези. Ребенок родился.

Сара быстро прочистила его нос и рот, и через мгновение напряженную тишину родильной палаты нарушил пронзительный, прерывистый крик новорожденного. И тут же исчезло царившее в комнате напряжение.

– Кэти, это девочка, – просто выговорила Сара. – Замечательная девочка. Поздравляю. Отец, идите сюда, можете перерезать пуповину.

Молодой человек, только что окончивший школу, нервно и робко подошел бочком, сделал все так, как она ему велела, и заторопился обратно к изголовью кровати. Его жена то плакала, то принималась смеяться от радости. Проглотив неожиданный ком в горле, Сара передала здоровенького младенца педиатру. Она надеялась, в комнате никто не заметил, что она чуть не заплакала – и не от радости, а от печали о Брайене Саммере, который родился мертвым семнадцатью часами раньше. Он умер еще до того, как они доставили Лизу в родильную палату.

Как и младенец предыдущей пациентки с ВСК, Брайен Саммер погиб от обширного кровоизлияния в плаценту. Если бы его извлекли хотя бы на полчаса раньше, он мог бы выжить. Но все усилия были направлены на спасение жизни Лизы.

С непривычной рассеянностью Сара следила за своими руками, которые продолжали делать свое дело – извлекли плаценту, начали закрывать надрез. Решение попытаться спасти жизнь Лизы было правильным. Однако с исходом операции примириться было нелегко. Сара уже накладывала швы, когда к ней сзади подошла медсестра из хирургического отделения.

– Сара, – шепнула она, – доктор Трюскот попросил сказать вам, что Лизу Саммер опять перевели в операционную.

«Ой, только не это», – подумала Сара.

– Вы не знаете, в чем дело?

– Видимо, опять тромбы. Не знаю, что теперь собирается делать доктор Трюскот.

– Спасибо, Вин. Я приду сразу, как освобожусь. Кэти, уже почти все. Педиатр только что дал мне понять, что ваша дочка в отличном состоянии. По шкале очков у нее девять. Максимум – десять, но такую оценку получают дети, которые при рождении уже умеют играть на скрипке. Вашего ребенка скоро принесут.

– Спасибо, доктор. Огромное спасибо.

Сара приклеила пластырь на рубец и, отходя от стола, стянула перчатки.

– Мы все очень за вас рады, – сказала она.

Она вышла из родильного отделения и направилась в хирургию. На пути ее остановили два раза – сначала медсестра, потом практикант, и оба говорили о случае с Лизой.

– Об этом только и разговору в больнице, – сообщил практикант. – Вы просто открыли всем глаза на потенциальные возможности альтернативных методов лечения. Моя медицинская степень – доктор остеопатии – выдана училищем остеопатии в городе Филли. И вот впервые за все время другие стажеры-медики начали расспрашивать меня о моем образовании... что мы изучаем такого, что не преподается в обычных медицинских учебных заведениях. Даже люди, которые резко отрицательно отзывались о нетрадиционной методике, вдруг очень заинтересовались ею.

Эти слова должны были бы бальзамом пролиться на душу Сары. Но ее душило ощущение собственного бессилия. Все знания, высококлассное оборудование и специалисты, стоившие сотни тысяч долларов, не смогли спасти ребенка Лизы Саммер. Уже не в первый раз она переживала подобные мучительные минуты. Люди смертны, это истина, от которой никуда не денешься, но каждый раз она переживала неудачу как невозполнимую потерю. И не помогали никакие доводы рассудка и логики. Ей вспомнился ее старый лечебный кабинет на втором этаже института Эттингера. Подобные мысли посещали ее и тогда. И все же тот мир казался ей теперь спокойным и простым. Мир, отлетевший от нее на световые годы.

Может быть, все дело состояло в степени ответственности, личной ответственности, несмотря на все новые ухищрения науки и медицинской технологии. Иногда, а случай с Лизой Саммер был одним из таких, ей казалось, что она поменяла управление планером на пилотирование самолета.

Она ушла из института Эттингера из-за негибкости и в конечном счете из-за нетерпимости по отношению к ней Питера Эттингера. Она решила добиться получения степени доктора медицины, полагая, что тогда многие трудности и разочарования, связанные с ее профессией, отпадут. А вместо этого, несмотря на все приобретенные навыки и опыт, она стала чувствовать еще большую неуверенность.

Теперь в хирургическом отделении больницы было семь женщин – четыре штатных работника и три стажера. Но все еще оставалась только одна закрывающаяся комната, где можно было переодеться, да и та – мужская.

Сара не стала надевать свою обычную рабочую одежду темно-бордового цвета, которая находилась в железном закрывающемся шкафу в комнате медсестер, натянула зеленые брюки, убрала волосы под повязку и закрыла лицо маской. Прошло уже двенадцать часов с тех пор, как она наблюдала за Эндрю Трюскотом, который проверял и пытался открыть основные артерии правой руки Лизы. Казалось, основная опасность миновала, но, видимо, надо было сделать что-то дополнительно – возможно, крупное вскрытие заблокированных сосудов.

Сара вошла в операционную. Лиза снова была там, хотя не прошло еще и суток. Ее уже анестезировали и интубировали. Лицо молодой женщины выглядело обманчиво спокойным. Низкая ширма отгораживала ее голову от анестезиолога из хирургической команды. С другой стороны ширмы стоял Эндрю и еще один хирург. Они сосредоточенно смотрели на руку Лизы.

На какое-то мгновение Сара подумала, что второй хирург был тот самый специалист, по сосудистой системе, который ассистировал Эндрю раньше. Но когда она выдвинула небольшой металлический стул и встала на него, чтобы лучше видеть, она поняла, что другой доктор был совсем не специалист по сосудам. Это был Кен Броун, главный ортопед больницы. И только здесь Сара увидела отрезанную часть руки и согнутую ладонь, лежавшие на металлическом подносе возле делавшей уборку медсестры. И поняла, что Броун и Эндрю отнюдь не занимались деликатной процедурой над сосудами. Они активно подрезали то, что осталось от локтевых костей руки Лизы – готовились к полной ампутации руки ниже локтя.

Сара почувствовала, что у нее обмякли все мышцы и впервые в жизни она была близка к обмороку. О Господи, только не это... Сначала она потеряла ребенка... а теперь...

Эндрю взглянул вверх и увидел ее.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Эндрю, она же художник. Делает керамику. Для нее руки... Ах, простите. Я просто думала, что у нее все обойдется.

– Возможно, и обойдется... – ответил как-то неопределенно Эндрю. – Мне тоже жаль, что пришлось так поступить. Но неминуемая гангрена – это неминуемая гангрена. В общем, выбора у нас не было.

– Понимаю.

Но и понимая все как врач, Сара не могла принять случившееся, слишком ужасны и неожиданны были размеры катастрофы, происшедшие с Лизой.

Глава 6

Хирургическое отделение интенсивного лечения представляло собой палату на двенадцать коек, где круглосуточно дежурили одна, а то и две медсестры на каждого больного. Редко выдавалась смена, чтобы кто-то из больных не оказался в критическом состоянии. Но за исключением особо опасных случаев атмосфера в хирургическом отделении интенсивного лечения (ХОИЛ), была приглушенная и спокойная, хотя тишины там не было никогда. Безостановочно работали системы отсасывания и переливания, машины искусственного дыхания издавали звуки, напоминавшие шум океанских волн. Именно здесь, а не в операционных, проходила подлинная битва между жизнью и смертью.

Сара предпочитала оперировать, чем вести будничное лечение тяжелобольных этого отделения. Но ей нравилась товарищеская обстановка, сложившаяся среди сотрудников ХОИЛ.

В половине восьмого утра второго июля шесть кроватей в ХОИЛ были заняты. А после операций заполнятся и остальные шесть. С покрасневшими от бессонницы глазами Сара присела на край восьмой кровати, ожидая, когда сюда привезут Лизу. Сведения, за исключением очевидного, были обнадеживающие. Лиза перенесла операцию без излишнего кровотечения. Более того, восстановилась циркуляция в почках, ногах и оставшейся руке. Теперь там никаких осложнений не было. Получалось так, что каким-то странным образом кесарево сечение излечило ее от гематологического кризиса.

Жизнь Лизы была спасена. Со временем она научится пользоваться левой рукой, приспособится к протезу. Может быть, она даже сможет продолжать свою деятельность художницы. Если сумеет пережить свое горе, то, возможно, когда-нибудь опять забеременеет. С чисто клинической точки зрения это вполне возможно. И все-таки она не могла смириться с мыслью, что не далее как сутки назад Лиза, ее пациентка, с волнением готовилась к родам.

– Вы в порядке?

Сара перелистывала распечатку лабораторных анализов Лизы, отыскивая ключ... любой ключ для понимания того, что вызвало

катастрофу. Вздвогнув от неожиданности, она взглянула на Алму Янг, опытную медсестру из ХОИЛ, которая остановилась возле кровати.

– О, да. Со мной все в порядке. Спасибо. Просто немного устала, вот и все.

– Понятное дело. Ваша девушка сюда прибдет через несколько минут. Только что позвонили из послеоперационной. Похоже, в целом дела у нее идут неплохо.

– Очень хорошо, – произнесла Сара без всякого энтузиазма. – Я просматриваю все эти цифры в надежде, что увижу что-то, что я пропустила, что-то, что объяснит происшедшее.

– Может быть, вам надо просто закрыть глаза и немного вздремнуть, хоть несколько минут.

– Боюсь, что если это сделаю, то не слажу с собой, совсем свалюсь с ног и выйду на весь день из строя.

– Вы знаете, больница полна слухов о том, что вы вчера сделали. Медсестры из хирургического отделения говорят, что девушка наверняка бы умерла, если бы не подключились вы и не проявили твердость в споре с гематологом.

– Но я не чувствую себя победителем, Алма.

Пожилая женщина тоже присела на краешек кровати.

– Потому что вы хороший доктор, – сказала она. – У вас есть сердце. Вы чувствуете страдания и боль других людей... хочу сказать, они по-настоящему вас волнуют.

– Спасибо.

– Разрешите я скажу вам еще кое-что?

– Конечно.

– Иногда мне кажется, что вы слишком близко принимаете все это к сердцу. Относитесь ко всему слишком лично. Вот вы сидите здесь и разбираете доклады лабораторных анализов вместо того, чтобы отдыхать. Я насмотрелась на всяких стажеров... и на медсестер тоже... здесь их много побывало. У вас имеются все данные, чтобы стать одним из лучших врачей, но думаю, что иногда вы слишком много берете на себя.

– Вы так считаете?

– Да. И некоторые другие медицинские сестры тоже. Вы знаете, что наше любимое занятие – это перемывать косточки стажерам. Мы просто полюбили вас, Сара. Нам нравится с вами работать. Но мы

также и беспокоимся за вас. Вы всегда думаете, что должны сделать что-то еще, почти невозможное...

Слова медсестры пробудили целый поток образов и эмоций, по преимуществу неприятных, связанных по большей части с Питером Эттингером.

– Алма, – обратилась к ней Сара. – Если бы я всегда не думала о том, что бы еще сделать для пациента, то я вряд ли получила бы степень доктора медицины. У меня совсем иначе сложилась бы жизнь.

– Что вы имеете в виду?

Сара неловко рассмеялась.

– Есть ли у вас время?

В глазах Алмы Янг отразилось беспокойство.

– В общем-то... – протянула она, – я должна дождаться поступления Лизы Саммер.

Сара немного подумала, прежде чем начать. Она всегда умела ограждать свою личную жизнь. Ей это обычно удавалось. Средняя школа в штате Нью-Йорк, колледж в пригороде Бостона, Корпус мира в Таиланде, Питер и институт Эттингера, медицинское училище в Италии и теперь эта стажировка... В каждом из этих мест она заводила дружбу, но эти отношения не сохранялись с началом очередного этапа жизни. Исключение, пожалуй, доктор Луис Хан, ее наставник. Новые друзья и коллеги, как правило, ничего не знали о ее прошлой жизни, и она не поощряла их к расспросам. Да они и не стремились к этому.

А теперь женщина, с которой она проработала больше двух лет, кажется, искренне ею заинтересовалась, заинтересовалась ее отношением к этому очень сложному медицинскому делу. Может быть, пришло время немного раскрыться?

– Уже много лет назад, – наконец произнесла она, – а точнее, десять лет назад... я жила в горах на севере Таиланда. Там мы строили клинику, я одновременно преподавала и училась иглоукалыванию и лечению травами. Человек уже немолодой стал моим другом и наставником. Вы знаете, он мне был как отец. Но вот довольно неожиданно умер. И вскоре похожий на него, но значительно более молодой мужчина проезжал через нашу деревню. Этот блестящий и энергичный человек интересовался тем же, чем и я. Его имя уже было хорошо известно в области альтернативных методов лечения.

Так вот, через месяц я уже была вместе с ним в Штатах и работала в его институте... – Сара подумала, называть ли имя Питера, и решила этого не делать. – Я прожила с ним и его дочерью-подростком почти три года. Этого ребенка он подобрал и удочерил в Африке и привез сюда. Все эти три года я практически была для нее матерью. Хотя, как я уже сказала, этот мужчина и я работали в одном институте, но все же я скорее работала на него, а не с ним. В конце концов он предложил мне выйти за него замуж. Но меня пугали его огромное, ненасытное тщеславие и отсутствие гибкости. Постепенно эти черты стали проявляться все отчетливее.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросила Алма, когда Сара остановилась.

– У него был пациент, скульптор, которого он в буквальном смысле спас от ревматического артрита, другие доктора от него отказались.

– Как ему это удалось сделать?

– Ну, изменения в диете и травы, плюс некоторые методы, которые я применила вчера. Мужчина из калеки превратился в спортсмена и каждый день носился с ракеткой.

– Поразительно.

– Для нас ничего поразительного в этом не было. Альтернативные методы лечения помогают многим, очень многим пациентам, на которых врачи махнули рукой. Мы, с нашими степенями Д.М., все еще не очень хорошо вникаем в сам механизм болезни, как вы знаете. Наши микроскопы позволяют рассмотреть все до мельчайших деталей, мы бездумно прописываем пенициллин или другие антибиотики, но мы все еще не знаем, почему некий А заболел стрептококковой ангиной, а в не заболел.

Как бы там ни было, мой друг уехал на целый месяц в Непал и оставил на меня своих пациентов. Он лечил скульптора от головных болей травами, иглоукалыванием и вправлением суставов, особенно в области позвоночника. Я видела несколько раз этого человека, и с каждым разом мое беспокойство усиливалось. Он говорил, что с головой у него лучше, во всяком случае, не хуже, но меня смущала неестественность его походки. И хотите верить, хотите нет, но мне казалось, что его улыбка была как-то смещена вбок. Я решилась и позвонила в госпиталь «Уайт Мемориал», поговорила с

невропатологом, который назначил ему прием в одиннадцать часов утра на следующий день. В этот вечер возвращался из командировки мой друг, но я решила, что его пациента надо все равно показать врачу. Мне трудно далось это решение, ведь нужно было объяснить, почему я поступала вопреки всему, во что верил мой друг. Сара не могла припомнить, чтобы она делилась с кем-нибудь воспоминаниями о том последнем ужасном дне с Питером. Но Алма Янг оказалась такой замечательной слушательницей...

...Питер спокойно и очень внимательно выслушал ее рассказ о скульпторе, Генри Макаллистере. Ответ Питера – ответ, которого она с ужасом ждала, – сводился, по существу, к следующему: «Эй, послушай. Я оставил институт на тебя, потому что ты ответственный человек. Ты увидела то, что случилось, приняла решение и поступила в соответствии с ним. Что же в этом может быть плохого?»

Позже в этот вечер они занимались любовью – с той же страстью, как и в самом начале.

Сара понимала, что Питеру нелегко дался его спокойный ответ. Он искренне верил в то, что традиционная западная медицина настолько закопалась в науке, конкурентной фармакологии и негуманной технологии, что теперь" она приносит больше вреда, чем пользы. На его письменном столе была даже выгравирована такая надпись:

«Ятрогеника: болезни или ранения, вызванные словами или делами врачей».

Теперь ему опять представился случай принизить ее суждения... еще раз навязать свои знаменитые взгляды на степени Д.М. и на их методы. Но он не стал этого делать.

Как и Питер, она по достоинству ценила чудодейственные потенциальные свойства взаимоотношений лекаря и пациента. Она глубоко верила в силу холистских методов для вынесения диагноза и лечения. Но, в отличие от него, она не была фанатиком и не считала альтернативную медицину панацеей от всех бед. В конце концов, ей помогли выжить после почти рокового разрыва аппендикса обычные хирурги, когда ее срочно доставили на самолете в военный госпиталь США и срочно там прооперировали.

Питеру исполнилось сорок лет – на двенадцать лет больше, чем ей. Такое различие в возрасте, а также его впечатляющие размеры – он

был ростом шесть футов четыре дюйма, – огромная энергия и материальные успехи не позволяли ей держать себя с ним независимо. Но, наконец, Питер выслушал ее и, кажется, понял, что его методы не всегда бывают единственно возможными.

На следующее утро они не пошли на работу и много времени провалялись в кровати, занимаясь любовью. К тому времени, когда Сара добралась до института, чтобы начать послеобеденные приемы, она почувствовала себя более уверенно и более устойчиво в отношении своих жизненных и профессиональных позиций, чем когда-либо в последнее время.

Впрочем, примерно в три часа она стала задавать себе вопрос, почему нет никаких вестей от невропатолога из «Уайт Мемориал». Он мог бы, по крайней мере, сделать уже кое-какие выводы по поводу Генри Макаллистера. Врач обещал позвонить Саре, как только что-то станет ясно.

Три часа тридцать... Четыре... Половина пятого...

Она снова и снова проверяла время, делая осмотр пациентов. Наконец, после того, как ушел последний больной, она позвонила в госпиталь «Уайт Мемориал».

– Мисс Болдуин, я полагал, что вы в курсе, – сказал невропатолог.

– В курсе чего? – неожиданно она почувствовала неприятную сухость в горле.

– Когда я сегодня утром пришел в свой кабинет, то на моем автоответчике было послание от вашего мистера Макаллистера. Он позвонил мне... э... вчера в десять вечера и передал, что он разговаривал со своим медицинским консультантом и не придет ко мне на прием. Я решил, что его медицинский консультант – это вы.

– Нет, – ответила она. – Это не я. Думаю, что он имел в виду кого-то другого. Благодарю вас, доктор.

– Чего там. Жаль, что я не смог помочь вам.

Чувствуя неприятный холодок в груди, Сара прошествовала через холл к кабинету Питера. Он сидел, откинувшись на спинку своего кресла, положив ноги на край письменного стола.

– Питер, почему ты не сказал мне вчера вечером, что позвонил Генри Макаллистеру?

– Не придавал этому большого значения.

– Значения? Я, можно сказать, нажила себе язву, решаясь отправить его на консультацию.

– Ну, теперь-то ты можешь не беспокоиться. – Он опустил ноги на пол.

– Но ты сказал, что я поступила правильно.

– Так оно и есть. И хорошо сделала. Но это не обязательно хорошо для Генри.

– Почему ты так уверен! Как ты мог посоветовать ему отменить прием у врача, даже не встретившись с ним?

– Во-первых, я не считаю, что какой-то Д.М. может сделать для наших людей что-то, что мы не сделали бы сами так же или даже лучше. И ты это знаешь. И второе, я не советовал ему отменить прием у врача. Я сказал ему, что он может поступить по своему усмотрению и что, как бы он ни решил, сегодня я смогу заняться им в любое время дня. Для этого ему достаточно лишь позвонить и определить время, когда он может прийти.

– И он звонил? – Сара почувствовала, как в висках застучало. Щеки пылали. Ей захотелось перепрыгнуть через стол и сбить спесь с его лица. – Так звонил он!

Лицо Питера напряглось.

– Я... думаю... за всей суматохой сегодняшнего дня я забыл это проверить. – Он взглянул на бумажки с посланиями. Потом позвонил секретарше. – Похоже, он не счел нужным позвонить, – сказал он, опуская трубку.

– Питер, ты действительно сукин сын. Ты знаешь это?

Она развернулась и пошла к себе в кабинет.

– Эй, полегче, крошка, – окликнул он ее. – Полегче.

История болезни Генри Макаллистера лежала на ее письменном столе. Она набрала его номер телефона и насчитала дюжину или больше длинных гудков. Затем набрала номер 911. Если она была не права, то выглядела глупо. Но она не могла оставить случившегося просто так. Впервые за три года она почувствовала, что должна как-то отреагировать на вызывающую опасность ситуацию, ответить как Сара Болдуин, а не как прихлебатель Питера Эттингера.

Питер как раз выходил из своего кабинета, когда она проскочила мимо него, вниз по лестнице и вон из института. Он окликнул ее, но она даже не оглянулась.

Макаллистер жил в высоком доме на улице Саут-Энд, примерно в десяти кварталах. Она было подумала, что неплохо бы взять такси. Но просто покрепче сжала зубы и кулачки и понеслась вперед...

– И что же? – спросила Алма Янг.

– Простите?

– Ну, и что случилось с этим, скульптором? Вы же не можете закончить рассказ на полуслове!

– Ах, простите, – вздрогнув, произнесла Сара. – Дело кончилось тем, что полиция выломала дверь в его квартиру. Он лежал на полу без сознания. Двумя часами позже несчастный находился в операционной в госпитале «Уайт Мемориал». У него была медленно развивавшаяся злокачественная опухоль – на правой стороне мозгового полушария. И как это иногда случается, началось кровотечение в опухоли. Стало нарастать черепное давление.

– Слава Богу, что вы вовремя добрались до него, – вздохнула Алма, почувствовав искреннее облегчение за судьбу человека, который чуть не погиб семь лет назад.

Сара улыбнулась реакции медсестры.

– Мне разрешили присутствовать на операции и наблюдать за удалением опухоли. Это было действительно невероятно. Тогда-то я и решила, что должна изучить профессию хирурга. В конце концов я остановилась на гинекологии.

– А другой мужчина? Ваш... этот... друг?

Сара пожала плечами.

– На следующий день я ушла оттуда, и с тех пор мы не виделись.

– Любопытная история.

– И частично объясняет, почему я никогда не успокаиваюсь, не думаю, что для пациента все уже сделано.

– Может быть. Но я все-таки стою на своем, что будет лучше, если вы признаете, что вы не двуязычная. Нынешние доктора проделывают чудеса, но они все равно не боги. Никогда ими не были и никогда не станут. Если вы не сможете примириться с фактом, что, несмотря на все ваши усилия, некоторые из ваших пациентов потеряют ребенка, или руку, или то и другое, или случится что-либо более страшное, то тогда рано или поздно это занятие проглотит вас с потрохами.

– Понимаю.

– Действительно?

– Да, действительно понимаю.

Алма Янг подошла и одобрительно обняла Сару. – В таком случае, доктор Болдуин, перестаньте себя терзать, вы не виноваты, что эта девушка потеряла ребенка и руку. Хочу, чтобы о вашем вчерашнем поступке говорили как можно больше. Для нашей больницы это очень большое событие, и все, для кого МЦБ хоть что-нибудь значит, будут вместе с вами. Понимаете?

Сара выдавила из себя улыбку.

– За что же хвалим мы кукушку, – пролепетала она.

Двери ХОИЛ плавно разъехались, и на каталке ввезли Лизу. Минутой позже вошел Эндрю Трюскот. Ночь, проведенная им в операционной, залегла тенями вокруг глаз, но никто бы не догадался, что он уже второй день без сна. Сара и за собой это замечала. С каждым годом хирургической практики бессонные ночи, казалось, не отражались на внешности. Так ей, во всяком случае, казалось.

– Как ее дела? – спросила она.

– Ампутация есть ампутация, Сара. Жаль, но ничего нельзя было поделаться. Мы оказались бессильны.

– Я тоже. Мы с вами оба. Но могу держать пари, что дальше ее дела пойдут нормально, вплоть до выписки.

– Конечно, как же иначе? Вы очень помогли ей своими красивыми маленькими булавочками.

– Ерунда. – Саре часто казалось, что саркастический тон Эндрю только ширма, за которой скрываются совсем иные чувства.

– Сара, доктор Трюскот, – обратилась к ним Алма Янг, – не могли бы вы, хоть вы и божества, подойти и помочь переложить девушку на кровать?

– Иду, – ответила Сара.

– Великолепно, дружище, – отозвался Трюскот, – мне надо идти на консультацию в пятую палату. Почему бы нам не посидеть за чашкой кофе в кафетерии, скажем, через час. Я бы хотел кое о чем вас порасспросить, ну, например, о ваших вчерашних магических действиях. Алма, послеоперационные инструкции нашей молодой подопечной заткнуты под матрас. А наш выносливый доктор готова вам помочь.

С помощью Сары Лизу перенесли с каталки на кровать номер восемь. Затем Сара отошла в сторону, пока Алма и другая медсестра

быстро подключали сосуды для переливания крови, кардиологический монитор и мочевого катетер.

– Теперь она в вашем полном распоряжении, – произнесла Алма, отойдя подальше, чтобы ее не было слышно. – Для нее наступает тяжелый период жизни... особенно учитывая то, что поддержать ее некому – ни денег, ни семьи.

– Я оформлю для нее как можно скорее социальное обеспечение.

– Можно также подумать о консультациях психиатра. Она не проронила ни слова с тех пор, как узнала, что стало с ее ребенком.

– Знаю, спасибо, Алма. Предложение правильное.

Она подошла к кровати. Лиза не шевелилась, уставив взгляд в потолок. Ее губы в пятнышках крови потрескались и вспухли. Забинтованная укороченная правая рука лежала на накрахмаленной белой простыне. Сара стала осматривать место кесарева сечения, одновременно задавая Лизе вопросы. Несчастливая девушка молчала.

– Привет, Лиза, добро пожаловать в ХОИЛ... Сильно болит?.. Ну что же, если боли сильные, не забывайте сказать об этом медсестре. Вы можете не разговаривать со мной или с кем бы то ни было еще, пока не почувствуете, что готовы это сделать... Я вам сейчас кое-что скажу и уйду. Проблемы, связанные с кровотечением и свертыванием крови, похоже, прошли. А это значит, что дальнейших переливаний не будет... – Сара пыталась поймать хоть искру понимания в глазах женщины, но безрезультатно. – Лиза, – наконец, продолжила она, – вы знаете, как мы все переживаем за вас и... – Чтобы перевести дух, она вздохнула. – И сожалею о Брайене. Мы сделаем все, что только возможно, чтобы помочь вам, и выясним, почему это произошло. Не падайте духом...

С полминуты Сара ждала ответа. Затем коснулась лица Лизы тыльной стороной ладони. – Через некоторое время я зайду, чтобы проверить, как у вас идут дела.

Она повернулась, думая, что где-то должно скрываться объяснение происшедшему. Два аналогичных случая в одной больнице в течение нескольких месяцев. Ответ должен быть. И она дала обещание найти его чего бы это ни стоило.

Оглянувшись, она еще раз взглянула на молодую художницу, лежавшую на кровати в восьмом боксе, и без особого успеха попыталась представить себе, что означало пережить такую

неожиданную, необъяснимую трагедию. Потом вышла из ХОИЛ. Оставалось сорок пять минут до встречи с Эндрю, а ей надо было осмотреть с дюжину пациентов во время утреннего осмотра.

* * *

– Куда ты собралась?

– Просто погулять.

– Просто погулять – это не ответ на мой вопрос. Меня никогда не устраивал такой ответ, не годится он и сегодня.

– Отец, мне уже восемнадцать. В моем возрасте...

– Нечего сравнивать себя с другими. Ты и не должна быть такой же, как другие дети.

– Но...

– Ты восемнадцатилетняя девушка, которая играет в поло, проводит каникулы в Европе и будет посещать Гарвардский университет осенью, а главное – у которой на счету двадцать миллионов долларов собственности, управляемой опекунами, которая перейдет к тебе, когда исполнится двадцать пять лет. Все это отличает тебя от других, не так ли? Так кого же ты хотела повидать сегодня?

– Отец, пожалуйста...

– Кого? Этого... сального типа, этого нищего цыпленка, которому, как ты считаешь, нравится твоя возвышенная душа? Ну, допустим, в его классе за него проголосовал как за самого привлекательного парня. Его рейтинг популярности высок, и он хочет превратить это в свой капитал и даже не помышляет поступать в колледж. Не задавала ты себе вопроса, почему бы это вдруг такой паренек заинтересовался девушкой из академии Стэнхоп, у которой нет с ним ничего общего, но зато она весит на сорок фунтов больше нормы?

– Отец, прекрати. Пожалуйста, прекрати это.

– Нет, ты должна выслушать меня и наконец понять. Твой великолепный цыпленочек просто мразь. Каждый вечер, когда ты остаешься дома, он крутится с оторвой по имени Марси Канкл. Снимки этой счастливой парочки на моем письменном столе. Можешь полюбоваться.

– Ты кого-то нанял следить за ним?

– А как же ты думала? Я же твой отец и обязан охранять тебя, пока ты не поумнеешь и не наберешься житейской мудрости и не сможешь позаботиться о себе сама.

– Как ты мог пойти на это?

– Дорогая, послушай. Ты же знаешь, как я люблю тебя. Этого молодого человека интересуют только деньги. Только они. Вот в чем суть. И чем быстрее ты поймешь это, тем лучше. Я поверил бы в искренность чувств мужчины, если бы у него денег было больше, чем у тебя. Лишь тогда можно не опасаться, что это просто ловец состояния.

– Ты – негодяй.

– Не смей называть меня так!

– Ты – ублюдок! Ублюдок! Ты все мне портишь. Все!.. Не подходи ко мне... Не притрагивайся, клянусь, что больше ты меня не увидишь.

– Иди в свою комнату.

– Провались ты!

– Вернись. Сейчас же.

– Иди к дьяволу... Отпусти меня! Я сказала, не притрагивайся ко мне! Будь ты проклят, отпусти!.. Ненавижу тебя!.. Ненавижу!

* * *

– Лиза, проснитесь. Я ваша медсестра. Лиза, как вы себя чувствуете? Успокойтесь, вы очень сильно кричите... Вот так. Так-то лучше. Значительно лучше.

Глаза Лизы раскрылись. Перед ее глазами плыл туман. Постепенно из тумана возникло лицо обеспокоенной медсестры.

– Вам приснился кошмар, – сказала Алма Янг. – Иногда это случается от анестезии.

Лиза отвела глаза в сторону и опять уперлась взглядом в потолок.

– Не надо ли вам что-нибудь? Кусочки льда? Что-нибудь болеутоляющее?.. Ладно. Я тут же приду, если понадобится.

Алма Янг задернула занавеси по обеим сторонам кровати, но не до конца, и вернулась на свое дежурное место. Оставшись одна, Лиза тихо заплакала.

– Отец, – воскликнула она. – Ах, отец.

Глава 7

Сара купила клейкую сдобную булочку с изюмом, чашку кофе и прошла в угол вместительного кафетерия, предназначенного для врачей. Два стажера болтали за пластиковым столиком, но другие четыре столика были свободны – неудивительно, ведь в больнице было самое горячее время. Эндрю опаздывал уже на пять минут, но Сара давно поняла, что большинство хирургов всегда опаздывали, если они вообще приходили.

Она успела сделать обход своих трех пациентов, один из которых уже прослышал про то, как она отличилась накануне. И, как и предсказала Алма Янг, ее поступок уже оброс легендами. За те несколько минут, которые она провела на своем этаже родильного отделения, она успела ответить по телефону директору учебно-медицинского отдела, который просил ее организовать большие обходы, и переговорить с секретарем Гленна Пэриса, который передал просьбу заглянуть в его кабинет после обеда. Медсестры трясли ей руку или крепко сжимали ее при встречах, а старший стажер родильно-гинекологической службы пригласил ее вместе пообедать, чтобы из первых уст узнать о деталях «спасения».

Именно тогда, когда Сара раздумывала, удобно ли будет сесть где-нибудь отдельно от стажеров, они собрали использованную посуду и встали из-за столика. Один из них, эндокринолог по фамилии Виттенберг, подошел к ней и пожал руку.

– Джордж Виттенберг, – назвал он себя.

– Знаю. Мы познакомились в прошлом году на приеме у Гленна Пэриса. Метаболизм кальция и заболевание окологитовидной железы, так?

– У вас прекрасная память.

– Я прочитала несколько ваших материалов для исследовательского проекта, когда занималась в медицинском училище. Очень интересные материалы.

– Вот как? Спасибо. Я подошел к вам, чтобы поздравить, но мне приятно услышать и комплимент. Из того, что я слышал, можно сделать заключение, что вчера вы совершили чудо.

– Лечением Лизы занималась целая группа людей. Мое участие было лишь скромным вкладом в общий успех.

– Неплохо сказано, – заметил Виттенберг. – Но если правда то, о чем в один голос говорят в больнице, то ваш вклад оказался наиболее весомым. Статьи об этом появились и в «Глоб», и в «Геральд». И кто бы там ни поставлял негативную информацию об МЦБ Акселю Девлину, на этот раз целиком все опровергнуто. Случилось так, что Девлин состряпал еще одну колонку для сегодняшнего номера газеты из серии «Долой МЦБ». А тут на третьей странице появилась блистательная статья о том, как Восток объединился с Западом, чтобы спасти жизнь человека в Медицинском центре Бостона. Теперь Девлин выглядит настоящим ослом, поскольку даже не обмолвился об этом событии. Вы видели газету?

– Нет, не видела.

– Вот, возьмите, – Виттенберг протянул ей свой экземпляр. – Я уже все прочитал и только что сменил подстилку в клетке с длиннохвостым попугаем, поэтому она мне больше не нужна.

– Спасибо.

– Не за что. Вы знаете, я не отношу себя к поклонникам писаний Девлина, но приглашение в клиники врачей-индусов и костоправов-знахарей всегда вызывало у меня скепсис. Но после того что вам удалось вчера, я решил побольше разузнать об альтернативной медицине.

Он тепло потряс ее руку и направился дальше. Сара развернула перед собой на столике газету и пробежала глазами несколько сенсационно написанный, но фактологически точный отчет на третьей странице. Статья в поддержку МЦБ в «Геральд»! Может быть, чудо все-таки состоялось? Потом она свернула газету и открылась колонка Аксея Девлина.

"ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ НЕТ

Аксель Девлин

2 июля

...И наконец, слово Акселю Секуре, который несколько дней не появлялся в нашей колонке, но постоянно готов отхватить порядочный кусок от покрышек тех, которые испытывают желание прокатить нас.

Сегодня испытанное лезвие опять просвистело в воздухе и снова врезалось в пресловутую вашу и мою больницу, скрипящую гранулированную общагу, известную также как Медицинский центр Бостона. Президент больницы Гленн Пэрис, известный также как калифорнийский Гленн, представил вчера свое президентское послание о положении в больнице во время ежегодной ассамблеи смены состава сотрудников. То есть когда новые стажеры начинают свою практическую подготовку, а старые поднимаются на ступеньку выше.

И хотя больничная шишка не смог предложить ничего нового или впечатляющего (или смущающего) вроде имплантированной в грудь подсчитывающей машинки, он все же заверил, что ничто не помешает возвращению его больницы в число лучших заведений академии. «И, – рявкнул он, – вы можете положиться на мои слова!»

Так вот, в этот момент, в этот самый момент, свет погас, и вся больница погрузилась в темноту. Гленн, до вас дошло? Ваши методы могли сойти в Сан-Диего. Но здесь, в Бостоне, наши доктора лечат по книгам, а не на основании расположения планет".

– Не верю, что такое возможно.

– Во что вы не верите? – Эндрю Трюскот поставил на столик свою тарелку с водянистой яичницей, подозрительной желтоватой смесью, и сел поближе к Саре. – А, вы читаете «Геральд»!

– Почему Девлин так возненавидел наше заведение?

– А вы не знаете?

– Пожалуй, нет.

– Пять лет назад – я это помню, потому что как раз в то время начал здесь свою практику, – его жене понадобилась операция по поводу желчного пузыря. Девлин хотел отправить ее в «Уайт Мемориал», но ей нравился Билл Гарднер и новая непринужденная атмосфера, установившаяся здесь. Через два дня после того, как Гарднер провел операцию, у нее образовалась обширная закупорка сосудов в легком и она скончалась.

– Какой ужас, но это может случиться с каждым человеком, в любой больнице.

– Видимо, это и сказали Девлину адвокаты. Поэтому он начал мстить по-своему.

– Очень печально.

– А может быть, и нет. Для некоторых людей кровная месть в той или иной форме – что-то вроде терапии. Не надо беситься – надо сквитаться. Видимо, он черпает жизненные силы в войне с МЦБ.

– Да, но откуда он черпает информацию? Эта статейка написана так, как будто он сам сидел в амфитеатре, когда погас свет.

– Сара, думаю, вы не будете очень шокированы, если скажу вам, что не все, подобно вам, беззаветно преданы этому месту. Но хватит о Девлине. Я жажду знаний.

– Знаний о чем?

– Не скромничайте, пожалуйста. В данный момент вы здесь знаменитость, и мне бы хотелось узнать поточнее, что вы вчера там сделали.

Сара улыбнулась.

– Только то, что вы видели, – сказала она. – Единственное, что я могла придумать, чтобы остановить кровотечение, – замедлить сердцебиение Лизы и скорость ее кровообращения, в то время как мысленно она и сама старалась изо всех сил закрыть точки кровотечения своего тела.

– Звучит довольно-таки фантастично: Лиза Саммер сама (мысленно?) перекрывает свои артерии! Для меня это слишком!

– Но вы сами, Эндрю, были тому свидетелем. Послушайте, хороший гипнотизер может сказать загипнотизированному, что он приложит к его руке раскаленную кочергу. А когда на самом деле прикладывает просто стиральную резинку, то на месте прикосновения тем не менее образуется рубец, а потом вздувается волдырь. Как вы объясните это? В медицинских колледжах нам рассказывают о законах нервной системы только западные физиологи и профессора. Если бы нас обучали также йоги и иглотерапевты, то наши представления о возможностях человека влиять на собственный и чужой организм были бы совсем иными.

– Поверьте в свои недостатки, и они у вас действительно появятся, да? Ну что ж, может быть, вы попросите молодую мисс

Саммер мысленно заглянуть в себя и сообщить нам, что же именно случилось, в чем причина ее неожиданной болезни. Знает ли она, что не ей принадлежит первенство?

– Думаю, не знает.

– Надо было бы сказать. Может быть, она немного воспрянет духом, узнав, что другие не выкарабкались, что ей, в сущности, повезло.

– У нее теперь много времени для раздумий. Эндрю, а у вас есть какие-то догадки о причинах всего этого? Никто из погибших от ВСК при подобных обстоятельствах не был вашей пациенткой?

– Нет, а у вас?

– Я не понимаю, что происходит. Когда поступила другая девушка и погибла, я была в отпуске. Но я видела ее в клинике.

– И что?

– А то, что это была здоровая молодая женщина с нормально развивавшейся беременностью. Почти как Лиза. Я дополнительно прописала ей лекарственные травы, которые обычно рекомендую, и пожелала удачных родов. Это была моя единственная с ней встреча.

– Дополнительное лечение травами?

– Да. Почти всем беременным женщинам их доктора дают предродовые витамины. В родильном отделении нашей клиники – это стандартная процедура. Так вот, в горных деревнях Таиланда, где мне пришлось работать, все женщины принимали перед родами смесь корней и трав, высушенных и измельченных, которые пили как чай два раза в неделю. Обследование таких женщин показало, что их младенцы достигали большего веса, рождались более здоровыми, реже погибали, чем у женщин, которые рожали в учебном госпитале в Чанг Мей. И поверьте, что питание в деревнях было не из хороших, уж не говоря о гигиене. Я помогала проведению этого обследования вместе с Д.М. из управления общественного здравоохранения и специалистом по лечебным травам, который практически всему и научил меня.

– Замечательно.

– Это действительно было замечательно.

Сара возбужденно рассказывала об обследовании в Таиланде и о своей работе в селениях Мео и Акха. Это было удивительно счастливый и спокойный период ее жизни. Она, может быть, и сейчас продолжала бы там работать и учиться, если бы не неожиданная

смерть Луиса Хана и последующее появление в ее жизни Питера Эттингера.

– Значит, вы применяете эту смесь из лекарственных трав вместо предродовых витаминов?

– Применяю с тех самых пор, как обнаружила в городе специалиста по лекарственным травам, который может сделать такую смесь. Каждой женщине, которая поступает ко мне в клинику родильного отделения, я даю на выбор образцы витаминов, которые у нас имеются, или чай. Некоторые выбирают одно, другие – иное. Я делаю некоторые записи, связанные с весом младенцев, их здоровьем, но наблюдений пока не так много, чтобы выявить отличия.

– Потрясающе. О каких же травах и корешках мы в данном случае разговариваем?

– Вы что-нибудь знаете о лекарствах из трав?

– Нет, если вы не говорите о наборе божественного чая из трав разных времен года. Но мне было бы приятно, если бы меня просветили.

– В таком случае вот вам перечень, который я предлагаю каждой женщине, поступающей к нам в клинику. Здесь приводятся девять составных частей, используемых в дополнительном лечении, и указано, каково их воздействие.

– Анжелика, донг квей, комфрей, – произнес Эндрю, пробегая взглядом по списку. – Какие экзотические названия.

– Да, но в Пекине, например, такой же экзотикой показались наши стандартные наборы предродовых витаминов. Тамошние медики отнеслись бы с большим сомнением к словам – бета-каротин, окись меди, токоферол и т.д.

– Аргумент принят. Эта больница, конечно, создана специально для вас, верно?

– Вы скептик, все же не побоюсь сказать – мне кажется, наша больница из лучших в городе.

– Может быть; это и так. Во всяком случае, мы превращаемся в лучшую больницу для лечения случаев, осложненных болезнью ВСК, это-то я могу признать.

Бипер Сары начал издавать прерывистые звуки, предлагая ей позвонить по дополнительному номеру 2350.

– Звонят из родильного отделения, – объяснила она. – Мне надо идти. Эндрю, не думаете ли вы, что нам надо создать что-то вроде комиссии, по расследованию таких случаев?

– Прекрасная идея. В этой больнице как раз очень любят создавать разные комитеты и комиссии.

– Я серьезно. Не хочу сказать, что это эпидемия или что-то в этом роде. Но сразу два таких похожих и необычных случая... Поневоле задумаешься. Ну что ж, как говорят на почте, мне надо развезти газеты. Мы еще поговорим об этом, правда?

– Не сомневаюсь.

Трюскот проводил взглядом Сару, когда она выходила из кафетерия. Потом достал конверт из кармана своего больничного халата и задумчиво постучал им по ладони. – Но двух случаев недостаточно, моя дорогая, – пробормотал он. – Подождем, пока будет три.

Глава 8

Комната старших стажеров по хирургии представляла собой коробку без окон размером восемь квадратных футов. Когда-то здесь была кладовка Саффолкской больницы штата. Для Эндрю Трюскота оказаться в таком положении, уж не говоря о том, чтобы делить его с другими, было еще одним унижением в ряду других, которые он уже претерпел за время своей работы в Медицинском центре Бостона. В этом году он должен был быть назначен старшим стажером, а после этого штатным хирургом на постоянной основе. Совершенно несправедливо предпочтение отдали этому ничтожеству. В любой нормальной больнице такого просто не могло бы случиться.

Когда истек год его медицинской практики в Западной Австралии после окончания вуза, он познакомился с американской туристкой, женился и решил переехать в Штаты. Эндрю ожидал, что для хирурга там откроются хорошие возможности как в области исследований, так и в практической работе. И доходы, и статус будут более высокими. Медицинский центр Бостона не был для него наилучшим местом для стажировки, но он не пренебрег предложением Ели Бленкеншипа поехать к нему. В конце концов, рассуждал он, это все-таки учебная больница в Бостоне.

Уже через три месяца после своего первого года хирургической подготовки в МЦБ, Трюскот начал осторожно подыскивать вакансии в программах для стажеров других медицинских учреждений. Но места были только в окраинных госпиталях, пользовавшихся даже меньшим престижем, чем МЦБ. Поэтому он решил здесь остаться.

Он возненавидел Гленна Пэриса и чуть ли не карнавальную атмосферу в клинике. Ему не нравилось, что в МЦБ так мало внимания уделялось клиническим исследованиям, науке. А главное – он проработал здесь уже пять лет, но его постоянно обходили из-за «чрезмерной негибкости и нетерпимости», по выражению начальника отделения. А совсем недавно объявили, что после окончания стажировки МЦБ вынужден отказаться от его услуг по причине нехватки средств и отсутствия помещений для исследовательской

кабинетной работы. Выкидывать из скрипящей гранулированной общаги – это уже предел.

И вот Эндрю Трюскот сидит в этой крохотной комнатухе, отпивает апельсиновый сок из пластикового стаканчика и читает письмо, которое было направлено ему начальником хирургической службы. Письмо, датированное 23 июня, поступило из отдела судебно-медицинской экспертизы Нью-Йорка. Как председатель хирургического комитета по заболеваемости (смертности) Эндрю должен был разобраться в содержании письма и дать соображения относительно возможных действий отделения.

"Дорогой доктор,

Во-первых, примите извинения за задержку с отправкой к вам этого письма. Сокращения бюджетных ассигнований сильно ударили по нашему учреждению и значительно замедлили лабораторную, цитологическую и канцелярскую работу по завершению этого дела. И к несчастью, объем нашей работы постоянно растет.

Сообщаю вам о женщине двадцати четырех лет, Констанции Идальго, которая погибла во время столкновения ее машины с автобусом в ноябре прошлого года. Детали этого происшествия и заключения моего отдела прилагаются. Как вы увидите из документов, похоже, что женщина в момент смерти находилась в периоде активных предродовых схваток. Наши исследования в лаборатории и под микроскопом показывают также, что у нее открылось обильное кровотечение, скорее всего, от распространившейся внутривенной коагулопатии.

Пару месяцев назад один из моих штатных патологоанатомов присутствовал на конференции, где от другого коллеги узнал о случае ВСК со смертельным исходом в период предродовых схваток. Он совершенно случайно сообщил мне об этом, когда вернулся на работу. Женщина умерла именно в вашей больнице. Мне удалось выяснить, что мисс Идальго тоже из Бостона и была под домашним наблюдением сотрудников вашего отделения. Не знаю, есть ли тут какое-то совпадение.

Прилагаемую информацию можете использовать по своему усмотрению и, пожалуйста, держите меня в курсе возможных дальнейших событий. Конечно, во время беременности бывают случаи

ВСК, но на основании своего опыта знаю, что тому бывают очевидные причины.

С лучшими пожеланиями, Марвин Сильвермен, Д.М., ассистент судебно-медицинского эксперта".

Эндрю открыл больничную карточку МЦБ на Констанцию Идальго. Карточка была заведена уже давно, с детских лет этой женщины, но ничего существенного в ней записано не было. Она не пропускала предродовых осмотров, и ничто в клинических записях не предвещало ожидавшего ее и ее ребенка несчастья.

Трюскот уже несколько раз изучал эту больничную карточку с тех пор, как получил письмо от Сильвермена. А теперь стал вчитываться в записи еще более внимательно, водя пальцем по каждой строчке, пока не наткнулся на короткую запись выездного врача, датированную 10 августа. В медкарте было записано:

Пациентка чувствует себя хорошо и продолжает работать неполный рабочий день официанткой. Немного жалуется на усталость, но нет коленных отеков, болей в брюшной полости, отклонений в период выделения мочи, головных болей, помутнения зрения или необычного кровотечения.

Предродовые обследования – нормальные жизненные отправления, сердечная деятельность без отклонений, отеков нет, утробное дно – 22 недели. Сердце плода легко прослушивается, пульс – 140 сокращений в минуту.

Впечатление: 22 недели внутриматочной беременности.

План: пациентка решила перейти на прием вместо предродовых мультивитаминов на дополнительные лечебные травы. Получила рекомендации и запас на три месяца.

Очередной осмотр в клинике: через 4 недели.

Поя записью стояла подпись: «С.Болдуин, Д.М.»

Трюскот открыл свой атташе-кейс и вынул оттуда копии обследований пациенток на дому – Лизы Саммер и Алетеи Вортингтон, женщины двадцати двух лет, у которой начались предродовые схватки утром четвертого апреля, появилась ужасная форма ВСК и которая фактически истекла кровью в родильной палате. Как и Констанция Идальго, Алетея Вортингтон осматривалась один раз Сарой в акушерской клинике. И подобно Лизе и Констанции она предпочла принимать лекарства из трав в предродовый период.

Положив ноги на край письменного стола, Трюскот начал обдумывать сложившуюся ситуацию. Несомненно, что три жертвы ВСК, принимавшие лекарственные травы Сары, были просто совпадением. Она обслуживала десятки пациентов – возможно, сотни – за два года своей работы в клинике МЦБ, и большинство из них нормально разродились.

И все же, думал он, пока не выяснены подлинные причины ВСК, представлялась возможность использовать такое совпадение, чтобы еще больше подорвать доверие общественности к МЦБ – интригующая перспектива, особенно в руках Джереми Мэллона. Трюскот мог бы и не утруждать себя рассказом о том, что погас свет во время выступления Гленна Пэриса. Но он это сделал, и через Мэллона – адвоката, представлявшего «Эвервелл», эта информация дошла до Аксея Девлина. Репортер с ядовитым пером довершил остальное.

Трюскот раскрыл газету «Геральд». Он не знал, сколько Мэллон заплатил ему за материал о Дне смены состава, но вполне можно допустить сумму, равную двухнедельному заработку. Деньги, конечно, неплохо. Но гораздо больше значение имело письмо от «Эвервелл», в котором гарантировалось предоставление Эндрю штатной должности хирурга, если эта организация приобретет Медицинский центр Бостона. Может быть, это дело с ВСК послужит желаемым рычагом... общественность узнает о письме.

Трюскот достал сигарету из серебряного портсигара, подаренного ему прежней любовницей, потом набрал личный номер телефона Джереми Мэллона.

– Приветствую вас, Мэллон, говорит Трюскот, – начал он. – Рад, что вы так быстро пустили в ход материал ко Дню смены состава. Впрочем, послушайте. У меня есть для вас кое-что похлеще. Действительно, очень хороший" материалец... Нет, это не для телефонного разговора... О, это было бы хорошо. Вполне подходит. Да, еще одно. Мне обещали письмо. Да, я имею в виду именно это письмо. Прихватите его с собой, когда мы встретимся, хорошо?.. Отлично. Просто замечательно.

Трюскот положил трубку на рычаг, собрал сделанные на ксероксе копии всех бумаг, сложил их в свой атташе-кейс, щелкнул замками. Из всех сделок с Мэллоном эта обещала быть самой смачной. Его мало волновало, что такие разоблачения могут повредить Саре Болдуин. Как

хирург она была не менее способна и самоуверенна, чем любая известная ему в медицине женщина. Но она также олицетворяла собой все то, что его так раздражало в МЦБ. А теперь, после случившегося с Лизой Саммер, не будет жизни ни от нее, ни от других чудаков в этой больнице. Она и ее закадычные дружки купались в лучах ее успеха, как стадо перекормленных овец. Наступил подходящий момент, чтобы нагнать немного дождевых тучек.

Кроме того, самомнение Сары отнюдь не пострадало от других пикантных сообщений о ней, которые он скормил Мэллону. Перенесет она и эту оплеуху. Настоящая ставка делалась против Гленна Пэриса и его команды. Уже подорванные и пошатнувшиеся, они вряд ли устоят.

Направляясь проверить дела на своем участке работы, Эндрю Трюскот тихо напевал про себя: «Ох, МЦБ разваливается, моя прекрасная дама...»

Глава 9

5 июля

Сара никогда особенно не увлекалась красивыми нарядами. Может быть, это была реакция на детские впечатления, когда ее мать каждое воскресенье тратила не меньше часа, чтобы, нарядить ее для посещения церкви. В этом был своего рода вызов сплетницам городка Райертон, недалеко от Нью-Йорка, прекрасно осведомленным о внебрачном происхождении девочки. На Саре были отутюженные замечательные платья, безукоризненные туфельки. Ее волосы расчесывались десятки раз, прежде чем каждая прядь ложилась на место. И всегда – во всяком случае, до появления первых симптомов болезни матери – наряд завершал большой белый бант.

Теперь Сара крутилась и вертелась перед зеркалом в спальне, пытаясь оценить третий или четвертый вариант наряда из имевшейся у нее одежды. Было восемь часов утра. Через пятнадцать минут должно подъехать такси, чтобы отвезти ее в больницу. Двумя днями раньше, несомненно, подстрекаемые Гленном Пэрисом и его управлением по связям с общественностью, обе бостонские газеты разразились статьями о том, как объединили свои усилия медицина Запада и Востока в Медицинском центре Бостона, чтобы спасти жизнь молодой женщины. Однако положительные сообщения о деятельности МЦБ продолжались недолго.

Днем позже в газете «Геральд» появилась небольшая статейка без подписи. Неназванные, но надежные источники сообщили, что необычные и катастрофические осложнения с кровотечением во время беременности появились не первый раз. Это уже третий случай с пациентами МЦБ за последние восемь месяцев. И в отличие от Лизы Саммер, сообщал далее источник, две другие пациентки умерли.

Гленн Пэрис быстро отреагировал на это сообщение в газете и в девять часов утра 5 июля провел пресс-конференцию. Поскольку материала, связанного с Днем независимости, было немного, то его старательно подготовленное заявление передали все радио– и телевизионные станции Бостона. Он пообещал устроить встречу журналистов с докторами Рэндалом Снайдером и Ели Бленкеншипом,

руководителями акушерского и педиатрического отделений МЦБ, и с доктором Сарой Болдуин, стажером, которая внесла такой необычайный вклад в спасение жизни Лизы Саммер.

В восемь пятнадцать, когда зазвонил звонок у ее двери, Сара была уже одета. В конце концов ее выбор остановился на широкой мадрасской юбке, бежевой хлопчатобумажной блузке и бирюзовом блейзере свободного покроя. Наряд дополняли пояс из Бирмы ручной выделки и кожаные туфли без каблуков. Единственное, в чем она уступила, учитывая официальность события, – это надела колготки, которые так неудобны в июльскую жару.

– Спускаюсь, – крикнула она в микрофон внутреннего переговорного устройства.

Она схватила богато украшенные бронзовые сережки, сделанные по заказу мастером из Акхы, и вдела их в уши, пока спускалась вниз. Саре совсем не хотелось участвовать в представлении, затеянном Гленном Пэрисом, хотя она и восхищалась его энергией. Сообщение о третьем случае ВСК в МЦБ действительно требовало быстрого, подбадривающего информационного ответа со стороны работников больницы. И Пэрис считал, что ей это удастся сделать. То, что в первом случае воспринималось как печальное, но любопытное происшествие, во втором – вызвало серьезное беспокойство, в третий раз превратилось в событие чрезвычайной важности.

Таксист высадил на боковой улице возле здания «Тайер». Гленн Пэрис встретил ее в приемной своего кабинета, тепло поприветствовав. Как и всегда, он был подчеркнуто хорошо одет. Сегодня его коричневый костюм, небесно-голубая сорочка и красный галстук, казалось были специально подобраны для телевидения. Держался он несколько напряженно, но был самоуверен, полон энергии. В нем чувствовалась такая же аура, которая когда-то так влекла ее к Питеру Эттингеру.

– Сара, как вы думаете, кто мог передать такую информацию в газету «Геральд»? – спросил Пэрис.

– Не знаю, сэр.

– Этого не знает никто. На имя нашего главного хирурга поступило письмо от судебно-медицинского следователя из Нью-Йорка о случае с Идалго. Он направил копии этого письма патологоанатому, акушеру, гематологу, педиатру, в комитет по

рождаемости и смертности... – Немного подумав, добавил: – И мне. Не успел я прочитать свою копию письма, как его содержание уже появилось в газете. Не любопытно ли? Каждый, с кем я говорил об этом документе, в свою очередь, передал ксерокопии одному-двоим своим сотрудникам, так что утечка могла произойти по вине одного из двадцати пяти – тридцати сотрудников. Все они утверждают, что не придали этому письму особого значения. Представляете, не придали большого значения! Но я до него доберусь, Сара. На этот раз он зашел слишком далеко. Запомните мое слово, я доберусь до него.

– Не сомневаюсь, – мягко произнесла Сара.

Хотя она и понимала причины его злости, такое настроение шефа ей не нравилось. Потому что независимо от источника утечки информации, независимо от возможной огласки в Медицинском центре Бостона действительно происходило что-то устрашающее. И это было гораздо серьезнее, чем болтовня в газетах.

Когда они вышли из здания и направились в сторону внутреннего двора, то увидели довольно большую группу людей – штатных сотрудников, журналистов и одну команду телевизионщиков, – все они двигались в зрительный зал.

– Похоже, народу будет очень много, – заметил Пэрис. – Очень хорошо. Надо сообщить общественности, что у нас все под контролем. Шансы получить безвозмездную ссуду хорошие, но гарантий нет. Отрицательная гласность может нам повредить.

– Вы уже разговаривали со штатными медицинскими работниками? – спросила она, в надежде вернуть его к существу возникшей проблемы.

– С тех пор как появилась эта статья, я нахожусь в постоянном контакте с доктором Бленкеншипом. Мой друг работает администратором в Центре по борьбе с болезнями в Атланте. Я связал с ним Ели, и он сказал, что попытается кого-нибудь подослать сюда...

Пэрис неожиданно смолк, сделав ей знак, чтобы она тоже молчала, увлек ее в тень здания помощи на дому и кивком показал на хорошо одетого мужчину с атташе-кейсом в руках, который тихо беседовал в укромном углу с одним из сотрудников обслуживающего персонала больницы. За два дня до этого безрезультатно закончилась несанкционированная забастовка, когда Пэрис пригрозил уволить всех ее участников. На стенах больницы появились листовки,

проклинающие его за такие намерения. И хотя все снова приступили к работе, никто не снимал этих листовок.

– Знаете ли вы этого мужчину в костюме? – шепотом спросил Пэрис.

Сара покачала головой. Это был человек лет сорока, слабого сложения, с волосами, похожими на пух одуванчика, и четким орлиным профилем. Бросался в глаза бриллиант на мизинце его левой руки, хотя расстояние до разговаривавших было не менее пятидесяти футов.

– Похоже, это либо продавец машин, либо адвокат, – сказала Сара.

– На деле это не человек, а дерьмо, – ответил Пэрис. – Но он и адвокат, и, между прочим, также и Д.М.

– Это производит впечатление.

– Он этого не заслуживает. Фамилия его Мэллон. Джереми Мэллон. Когда-нибудь слышали о нем?.. Нет? Очень хорошо. Он работает на «Эвервелл» и все время что-то вынюхивает у работников «скорой помощи». Думаю, ему принадлежит какая-то часть «Эвервелл». Я уже много месяцев подозреваю, что он наш главный неприятель. Это небольшая беседа тет-а-тет очень хорошо подтверждает мое предположение.

Неожиданно Мэллон заметил их, что-то сказал рабочему, и тот тут же заторопился в другую сторону. Пэрис быстро подошел к незваному гостю, Сара последовала за ним.

– Ах, это вы, сукин сын, – рявкнул Пэрис. – Так я и думал.

– Не знаю, о чем вы говорите, – заметил Мэллон елеиным тоном. – И хотел бы посоветовать вам попридержаться свой язык.

Даже если бы Пэрис не настроил ее против него, Сара была уверена, что сразу же возненавидела бы этого человека.

– Ток отключился не случайно, черт подери, – взорвался Пэрис. – Дело также и не во мнимой забастовке. Я догадывался об этом, а теперь убедился. Уверен, что вы хорошо заплатили этому мерзавцу, мастер темных делишек. Считайте, что с этой минуты он уволен.

Пэрис произнес все это достаточно громко, так что некоторые пришедшие остановились и стали наблюдать сцену. Два административных работника, в том числе Колин Смит, финансовый директор, которого Сара узнала, заторопились в их сторону.

– Пэрис, вы ведете себя неприлично, – произнес Мэллон. – У вас нет оснований оскорблять меня. И вообще, я считаю, что вы совсем неплохо ведете дело.

– Немедленно убирайтесь отсюда.

– Чепуха. Было объявлено о проведении открытой пресс-конференции, и я намереваюсь на ней присутствовать...Любопытно будет посмотреть, как вы станете отпираться от того факта, что МЦБ превращается в дом смертников.

– Ах вы, мерзкий.

Две административных работника вовремя помешали Пэрису броситься на нахала.

– Успокойтесь, Гленн, – остановил его Колин Смит. – Он не стоит того, чтобы пачкать руки.

– Убирайтесь из моей больницы! – прокричал Пэрис.

– Ваше поведение все больше и больше напоминает поведение утопающего, Пэрис, – заявил Мэллон со змеиной ухмылкой. – А что касается того, что это ваша больница, то... можете наслаждаться этим чувством... некоторое время.

– Убирайтесь отсюда!

На этот раз Колину Смицу пришлось физически удерживать своего босса.

– У меня есть дела поважнее, Пэрис, чем смотреть, как вы себя калечите. Основные моменты узнаю из сводки новостей. – Не ожидая ответа, Мэллон повернулся и ушел через здание для пациентов, которые лечатся в домашних условиях.

– Подонок, – бросил ему вслед Пэрис.

– Успокойтесь, – попросил Смит.

– Им не удастся задушить нас, Колин. Эти пройдохи из «Эвервелл» сумеют захватить МЦБ, только если меня закопают.

– Гленн, этого никогда не произойдет, – отозвался Смит. – У нас в загашнике имеется козырь. Вы знаете это так же, как и я.

Его слова произвели удивительно успокаивающее воздействие на Пэриса. Сара видела, как расслабились мускулы его лица. Разжались кулаки. И наконец, он даже улыбнулся.

– Вы правы, Колин, – произнес он. – Вы совершенно правы. Вы хороший человек.

Он извинился перед Сарой за то, что потерял самообладание, и представил ее Смигу и другому мужчине, который занимался озеленением на территории больницы. Потом он отослал их в зал.

– Сара, – обратился он, – если вы не догадались, то скажу, что козырь, на который намекнул Колин, – это безвозмездная ссуда. Ее нам выделяет фонд МакГрафа. Мы добиваемся ее почти три года. Но, пожалуйста, никому об этом ни слова. Как я уже сказал, документ еще не подписан, не снабжен печатью и не отправлен по месту назначения. И я не сомневаюсь, что если бы слизняк Мэллон знал, о размерах этой ссуды и откуда она исходит, то сделал бы все возможное, чтобы помешать ее предоставлению.

– Надеюсь, мы получим эту ссуду, – сказала Сара.

– Ну что же, дело почти сделано. Если мы получим деньги, то мы выиграли, а если нет, то победа достанется Мэллону и «Эвервеллу». Все сводится к простейшему или-или.

Когда они подошли к зданию, в котором размещался зрительный зал, они услышали рокот и заметили обтекаемой формы вертолет, который пронесся над больничным городком и потом аккуратно приземлился на площадке, построенной по настоянию Пэриса на крыше хирургического здания.

– Кто-то из Центра по борьбе с болезнями, о котором вы говорили? – высказала предположение Сара.

– Сомневаюсь. Больше похоже на то, что на пресс-конференцию пожаловала какая-то важная птица.

– Или кто-нибудь из наших состоятельных клиентов или их друзей.

– Это тоже маловероятно. Я приказал отделу по связям с общественностью строго контролировать каждое приглашение. Если бы мы ждали кого-то из важных пациентов, то могу вас заверить, я бы знал об этом. Ну, а теперь пошли и устроим для них представление.

– Сделаю все, что от меня зависит, – заверила Сара.

* * *

На сиденье пассажирского вертолета «Сикорский-С76», рядом с пилотом был пристегнут ремнем Уиллис Грейсон, который с высоты

птичьего полета смог осмотреть Медицинский центр Бостона. Радостное возбуждение, которое он испытал перед перспективой увидеть впервые за пять лет своего единственного ребенка, поглотило возмущение теми, кто завлек ее в такое место и довел до такого состояния.

Возвратясь после реорганизации компании «Силикон», он нанял детектива по фамилии Пуласки и поселил его возле ворот своего поместья на Лонг-Айленде. Детектив раздобыл несколько новых фотографий дочери Грейсона с тех пор, как она пропала. У него были также экземпляры обеих бостонских газет. И хотя фотография Лизы Саммер не была там помещена, Пуласки уверил его, что пациентка Медицинского центра Бостона и его дочь – одно и то же лицо.

Посещение квартиры Лизы на Ямайка-Плейс некоторыми знакомыми Грейсона из Бостона подтвердили утверждение Пуласки. Расплатившись с сыщиком, Грейсон сделал два телефонных звонка. Во-первых, он вызвал своего пилота. Во-вторых, приказал Бену Харрису, своему личному врачу, отменить все приемы больных и подготовиться к немедленному вылету. Через два часа они уже сели на площадку для вертолетов на крыше Медицинского центра Бостона.

– Не охлаждай двигатель, Тим, – распорядился Грейсон, – выходя на посадочную площадку. – Если состояние Лизы позволит ей передвигаться, то мы сразу заберем ее из этого чертова места и перевезем в наш госпиталь. – Он помог врачу высадиться на крышу. – Бен, ничего от меня не скрывайте, – приказал он. – Помните, что вы должны быть преданы мне, а не моему медицинскому братству, о чем так много пишут. Если кто-то недосмотрел при уходе за Лизой, то я хочу знать об этом.

Двигающей силой для Грейсона почти все пятьдесят четыре года была злость. Еще в детстве он черпал силу в беспомощной ярости, когда врачи привязывали его к больничной койке, ведя отчаянную борьбу за его жизнь при жесточайших приступах астмы. Когда он был подростком, то ярость из-за длительного отсутствия отца, крупного промышленника, и душевной холодности его светской матери проявлялись в неоднократных агрессивных поступках, что повлекло за собой исключение из ряда частных школ.

Прошло еще много лет, наконец-то и его допустили в узкий круг компании отца. Именно отчаянная, необузданная жажда отомстить

побудила его путем разных интриг лишить старика власти и изменить характер бизнеса, перейти от производства к спекулятивным сделкам с корпорациями. Всего за два десятилетия его личное состояние возросло почти до полумиллиарда долларов. Но внутренне он почти не изменился.

* * *

Палата Лизы находилась на пятом этаже здания, на которое приземлился вертолет. В то время как посадочная площадка представляла собой произведение искусства, сам пятый этаж был в довольно запущенном состоянии. Прошло меньше минуты, а Грейсон уже сделал свои выводы, видя неочищенные корзинки для мусора, давно некрашенные стены и неприглядную фигуру больного старика, который был прикреплен ремнем к креслу в холле и издавал едкий запах – смесь пота и испражнений.

– Это место – дыра, Бен, – заявил он. – Просто не могу понять. Она в состоянии содержать свою собственную больницу, а оказалась в такой дыре.

Люди Грейсона сообщили ему, что Лиза лежит в палате 515. Далеко оставив позади своего врача, Грейсон устремился к этой палате, не обращая внимания на пост медсестры, не взглянув даже на женщину, которая сидела за столиком и что-то записывала.

Коренастая молодая медсестра, на нагрудной нашивке которой было написано: «Дженин Куртис», окликнула их.

– Простите. Чем могу вам помочь?

– Ничем, – рявкнул через плечо Грейсон. – Мы идем в палату пятьсот пятнадцать.

– Прошу остановиться, – потребовала сестра.

Грейсон застыл на месте. Он остановился, когда ему приказали, но руки, висевшие по бокам, нервно сжимались в кулаки и разжимались. Догонявший его доктор Бен Харрис громко и облегченно вздохнул.

– Настоящее имя Лизы Саммер – Лиза Грейсон, – заявил Грейсон с преувеличенной терпеливостью. – Я – ее отец, Уиллис Грейсон, а это ее личный врач, доктор Бенджамин Харрис. Теперь мы можем войти?

Лицо медсестры отразило смятение, но лишь на мгновение.

– Время посещения больных начинается у нас в два часа дня, – объяснила она. – Но если Лиза согласится, то я сделаю для вас исключение.

Кулаки Грейсона опять сжались, но на этот раз так и не разжались.

– Вы знаете, кто я такой? – заносчиво спросил он.

– Знаю, кто вы такой, с ваших слов. Послушайте, мистер Грейсон, не хочу быть...

– Бен, у меня просто нет времени на все эти пререкательства, – выпалил Грейсон. – Оставайтесь здесь и объясните этой женщине, кто я такой и зачем приехал сюда. Если она будет продолжать путаться под ногами, позвоните проклятому директору этой так называемой больницы, пусть он поднимется сюда. А я пошел к Лизе.

Даже не дожидаясь ответа, он важно двинулся вперед.

На одной из вставных табличек, висевших на дверях палаты 515, значилось: «Л.Саммер». На другой табличке надписи не было. Уиллис Грейсон заколебался. Правильно ли он поступает, что сначала не послал цветы или не позвонил по телефону? Если, как он подозревал, другие настроили ее против него, то трудно предугадать, как она его встретит. «Нет, – решил он, – все же лучше навестить ее без предупреждения».

После того как ее принудили убежать из дома, когда это сделал Чарли, или Чак, или какое имя было там у этого негодяя, Грейсон потратил десятки тысяч долларов, чтобы найти ее. След ее затерялся в Майами. Затем неожиданно юноша вернулся домой без нее, не зная, куда она подевалась. После этого Грейсон установил за ним многомесячную слежку, включая поступавшую ему почту. Но это ничего не дало. Потом юноша куда-то уехал, не подозревая, как легко он отделался от опасности оказаться с переломанными ногами или того хуже.

«Нет, – сердито размышлял Грейсон, – тут просто цветочками не отделаешься».

Он слегка постучал в дверь, подождал и постучал снова. Наконец, он приоткрыл ее. Запахи пудры и лосьонов, крахмала и антисептических средств были знакомыми и неприятными. Он не заходил в больничную палату уже восемь лет, с тех пор как Лиза и он

сидели вместе у постели его жены, Лизиной матери, угасавшей от рака, с которым она боролась больше года.

Теперь его дочь сидела в кресле с высокой спинкой, обложенная подушками, и смотрела в окно. Вид бинтов на том, что было когда-то ее правой рукой, вызвал горький комок, который подкатился к горлу Грейсона. Он обошел кресло и присел на мраморный подоконник. Лиза на мгновение бросила на него взгляд и тут же закрыла глаза и отвернулась.

– Здравствуй, золотце, – воскликнул он. – Я так рад, что нашел тебя. Я так скучал по тебе.

Он ждал от нее ответа, но знал по выражению ее лица и по положению плеч, что ответа не дождется.

«Будьте вы прокляты! – подумал он, свалив в одну кучу ее друзей, сожительниц по квартирам, любовников и докторов – настоящих и воображаемых, облив их плохо сознаваемой горячей ненавистью. – Будь они все прокляты, что ты оказалась в таком месте!»

– Мне очень жаль, что тебе пришлось пройти через все это. – Он начал новую попытку заговорить. – Пожалуйста, Лиза. Не молчи, поговори со мной... Я хочу увезти тебя отсюда. Со мной прилетел доктор Харрис. Ты помнишь его? Он находится тут же, за дверью. Его сотрудники ждут тебя в медицинском центре у нас дома. Он осмотрит тебя, и, если сочтет, что это можно, мы доставим тебя к нам за полтора часа. Там находится на крыше в вертолете. Он тоже скучал по тебе, дорогая. Всем тебя не хватало, Лиза?

Лиза продолжала смотреть в сторону. Грейсон поднялся и начал ходить по палате, подыскивая слова, которые открыли бы ему ее сердце.

«Если бы только ты послушалась меня с самого начала, – хотелось ему крикнуть. – Если бы ты только меня послушалась, тогда ничего этого не случилось бы».

– Знаю, что ты на меня сердишься, – сказал он вместо подуманного. – Но теперь все будет иначе. – Я сделаю невозможное, лишь бы ты была со мной... Пожалуйста, Лиза. Знаю, что тебе больно. Хочу помочь тебе побороть случившееся. Хочу помочь тебе понять, почему произошла эта ужасная трагедия... с... моим внуком. И если кто-то виноват в этом, то я больше всего хотел бы стать тем молотом, который поможет тебе покарать их... Ладно, ладно. – Он

успокаивающе вздохнул и опять подошел к окну. – Понимаю, что тебе нелегко после всего случившегося. Послушай, я остановлюсь в гостинице «Бостониан». Номер будет указан прямо возле твоего телефонного аппарата. Я найму частную сестру для ухода за тобой и попрошу Бена Харриса связаться с твоими докторами. Пожалуйста, детка. Я... я тебя люблю. Пожалуйста, открой мне опять свое сердце.

Он постоял в нерешительности, потом повернулся и направился к двери.

– Приходи позже, отец, – неожиданно произнесла она.

Грейсон остановился. Не померещились ли ему ее слова?

– Сегодня после обеда, – добавила она. – В три часа. Обещаю поговорить тогда с тобой.

Ее мягкий монотонный голос не содержал в себе ни злобы, ни прощения.

Уиллис Грейсон повернулся и пристально посмотрел на нее. Но Лиза опять сидела без движения и смотрела в окно.

– Ладно, – наконец произнес он. – В три часа. – Он нежно поцеловал дочь в затылок. Она на это никак не отреагировала. – Буду здесь в три, – прошептал он. – Спасибо, дитя мое. Спасибо тебе.

Он задержался у двери, оглянулся и еще раз посмотрел на култышку, где когда-то была ее нормальная рука, с кистью и запястьем.

«Кому-то придется заплатить за это!»

Глава 10

Сара вслед за Гленном Пэрисом направилась к входу в зрительный зал и потом на сцену. Незанятыми оставались только последние несколько рядов, а народ все еще продолжал прибывать. Три телевизионные станции Бостона, представляющие основные телесети, направили сюда свою технику, операторов и репортеров, которые разместились между низким помостом сцены и первым рядом. Хотя Сара редко включала телевизор, она узнала двух тележурналистов. Понятно, что помимо праздного любопытства людей сюда привлекла возможность что-то узнать о некоей редкой болезни.

Стол президиума, покрытый вельветом темно-красного цвета, был уставлен не меньше чем дюжиной микрофонов. За столом стояли раскладные стулья, три с одной и два с другой его стороны. Ели Бленкеншип и Рэндал Снайдер уже сидели на своих местах, оставив между собой один свободный стул. Пэрис показал Саре это место.

Если Пэрис и волновался в связи с этим событием или потому, что не приехал представитель Центра по борьбе с болезнями, то он никак не проявлял это ни своей внешностью, ни манерами. Осмотрев зал, он застегнул пиджак и подошел к трем врачам.

– Ну, на этот раз мы не можем жаловаться на недостаток интереса, – тихо сказал он. – Весь этот спектакль прошел бы значительно живее, если бы здесь был кто-нибудь из Центра по борьбе с болезнями, но постараемся сами справиться. Я сделаю несколько вступительных замечаний, потом выступите вы, Ели, вы, Рэндал, и, наконец, вы, Сара. Я бы предложил ограничиться очень кратким заявлением и заполнять все пробелы, отвечая на вопросы. Единственное, что мне хочется вам посоветовать, – чем меньше вы скажете, тем труднее будет исказить ваши слова. Собираюсь дать каждому не более десяти минут, включая ответы на вопросы. А если найду уместным, то в конце добавлю еще по несколько минут. И не волнуйтесь, у всех пройдет отлично.

Сара знала, что слово «все» относится непосредственно к ней.

– Похоже, он любит такие дела, правда? – сказала она, когда Пэрис подходил к трибуне.

– Ему это положено, – ответил Бленкеншип. – Тут он король. С другой стороны, вы выглядите несколько стухнувшей. Как, одолеете эту задачу?

– Мне казалось, что все будет в порядке, пока я не поднялась сюда. Посмотрите на всю эту толпу.

Бленкеншип протянул свою мясистую руку и по-отечески потрепал ее по плечу.

– Просто не забывайте старую медицинскую байку, – подбодрил он. – Всякие кровотечения в конце концов заканчиваются.

– Мысль об этом подбадривает. Спасибо.

В своем вступительном заявлении, которое он сделал без бумажки, но безукоризненно, Пэрис набросал общую картину работы учреждения, которое ежечасно печется о здоровье граждан Бостона и готово смело рассмотреть любые волнующие общественность проблемы.

– Мы поддерживаем тесный контакт с отделением эпидемиологии Центра по борьбе с болезнями в Атланте, – заявил он. – Они обещали направить сюда одного из своих лучших специалистов, чтобы подкрепить наши интенсивные исследования. Я надеялся, что он прибудет сюда как раз ко времени проведения этой пресс-конференции... – Он показал на пустой стул рядом со своим, – но, к сожалению, этого не случилось.

Три случая ВСК, – подчеркнул он, – могут оказаться ничем иным, как простым совпадением. Несмотря на это, Медицинский центр Бостона в своем подходе решил придерживаться тактики брать быка за рога и немедленно начал проводить расследование, ничего не скрывая от общественности.

Сару покорило, что Пэрис сделал натяжку относительно обязательного приезда эпидемиолога из ЦББ, хотя он сам только что сказал ей, что не знает, приедет ли он вообще. Но, рассуждала она, такое преувеличение было достаточно безвредным и, учитывая сложившиеся обстоятельства, понятным. Он пытался, насколько это можно, притупить остроту проблемы. И действительно, к моменту, когда он предоставил слово Ели Бленкеншипу, сложилось такое впечатление, что рассказывает он все это совершенно не из-за статьи в «Геральд».

Убаюканная манерой своего шефа, Сара ощутила, что ее волнение улетучивается. И все же она почувствовала себя достаточно комфортно только тогда, когда Бленкеншип заканчивал свое официальное заявление, что позволило ей оглядеть аудиторию. Если, как она припоминала, зал вмещал двести пятьдесят человек, то на этот раз в нем собралось не меньше двухсот. Среди присутствовавших было много практикантов и преподавателей медицинского училища, включая Эндрю, который, по своему обыкновению, сидел в середине последнего ряда. Но значительное число людей, судя по их внешности и одежде, представляли местные жители. Среди них Сара узнала женщину, которую она готовила к домашним родам, так же, как она делала это с Лизой. Нетрудно было догадаться, о чем она думает и беспокоится.

Но значительно больше ее заинтересовала другая женщина, сидевшая недалеко от Эндрю. Это была африканка, ярко одетая и безукоризненно причесанная. Сара пробежала взглядом по всей аудитории, когда почувствовала, что необыкновенная молодая женщина смотрит прямо на нее и улыбается.

«Я с вами где-то встречалась, не так ли? – подумала Сара. – Но где именно?» Бленкеншип тяжело опустился на свой стул под жидкие аплодисменты. Сара шепотом поздравила его, хотя, увлекшись необыкновенной женщиной в последнем ряду, она не услышала последнего ответа.

Как Сара и полагала, Рэндал Снайдер в своем выступлении и ответах на вопросы говорил по существу и уверенно. Конечно, три случая ВСК вызывают беспокойство, согласился он. Но без их внимательного изучения, особенно вопросов, связанных с вынесением диагноза, преждевременно даже связывать их вместе. А пока что, сказал он в заключение, общественность может не беспокоиться. Его отделение проведет тщательное обследование всех рожениц на предмет выявления всевозможных отклонений.

Снайдеру аплодировали значительно громче, чем Ели, хотя его выступление было менее содержательным. Видимо, как всегда, сработал имидж Рэндала, отеческое спокойствие, исходившее от него. Отдавая дань умению Снайдера входить в контакт с аудиторией, Сара подумала, что она всегда отдаст предпочтение тому, кто не отклоняется от существа дела. Этому правилу она следовала всегда, даже на

президентских выборах, с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать лет.

Наконец, подошел ее черед. Чтобы не разбрасываться, она напечатала тезисы на трех небольших регистрационных карточках. За те пять минут, что ей были отведены, она, кажется, успела сказать все, что собиралась. И все же во время своего выступления она ощутила пропасть между собой и аудиторией. Она чувствовала это вопреки самовнушению. Она говорила ходульно напыщенно и нравоучительно, что уж совсем не было на нее похоже.

«Эй, все там, это – не я! – хотелось ей крикнуть. – Все эти истории я действительно принимаю близко к сердцу. Хотела бы поговорить обо всем этом... но в личной беседе с вами, а не со сцены. Что, если нам отправиться в парк, постелить на траве одеяла, усестся поудобнее и поговорить о том, почему заболевают люди, что значит оказаться больным и чего стоит выздороветь?»

Закончив свою официальную вводную часть, она поблагодарила всех за проявленный интерес и беспокойство и предложила задавать вопросы. Аудитория, которая казалась безразличной и полусонной, мгновенно встрепенулась, вверх взметнулся лес рук. Сара взглянула на Пэриса, чтобы узнать, не хочет ли он подойти к ней и самому выбирать, кому предоставлять слово. Но старший административный работник (САР), только улыбнулся и подмигнул ей. Она пожала плечами, опять повернулась лицом к залу и показала, кому задавать первый вопрос.

– Вы действительно думаете, что ваша иглотерапия и мысленное проникновение Лизы Саммер в клетки крови остановили кровотечение?

«Конечно, я думаю так, идиот!» – пронеслось в голове Сары.

– Я глубоко верю, что отмеченные два фактора способствовали этому. Как я уже сказала, одновременно прилагались и другие усилия.

– Удавалось ли вам раньше останавливать у кого-нибудь кровотечение такими же методами?

«Возможно, если вы очень постараетесь, мадам, то сможете выглядеть еще более покровительственно», – мелькнула мысль.

– Отдельных случаев не было. Но я ассистировала в целом ряде операций, когда использовалась только иглотерапевтическая анестезия. И всякий раз кровотечение было незначительным.

– Расскажите немного о своей биографии. Вы упомянули, что работали в холистическом лечебном центре. Где именно?

«Гленн, я думаю, мое время истекло!»

– Здесь же, в Бостоне. Учреждение называется институт Эттингера.

Да это же Аннали! Не веря своим глазам, Сара уставилась на женщину, сидевшую в последнем ряду. Аннали Эттингер улыбнулась и приветливо помакала рукой. Прошло уже семь лет, как Сара не видела девушку, которую Питер привез из Мали еще ребенком и впоследствии удочерил. Но не прошедшие годы помешали узнать ее быстрее. Когда Сара покинула институт Эттингера, Аннали была милой пятнадцатилетней девушкой, но удивительно застенчивой и необычайно толстой. Сейчас перед Сарой была стройная, уверенная в себе молодая женщина. Лицо с удивительно высокими скулами казалось вылепленным скульптором.

Взгляд Сары задержался на ней достаточно долго, чтобы убедиться, что зрительный контакт состоялся. Аннали опять улыбнулась и кивнула.

– Эттингер, – повторил фамилию спрашивающий. – Не тот ли самый это Эттингер, который рекламирует по телевидению порошок для похудения?

– Я... в общем-то не знаю, – ответила Сара. – У меня практически не остается времени для телевизора, иногда в приемной доведется уловить пару сцен из серии «Опасности». И я уже много лет не видела мистера Эттингера.

– Это он, – выкрикнула какая-то женщина. – Это тот самый человек. Я сама принимаю его порошки и уже скинула тридцать фунтов. Просто поразительно.

Весь зал дружно рассмеялся, и Сара с облегчением поняла, что внимание публики переключилось. Гленн Пэрис быстро подошел к трибуне.

– Большое вам спасибо, доктор Болдуин, – поблагодарил он ее.

Знаком он показал ей садиться на место и своим примером призвал присутствующих поаплодировать. В ее выступлении, видимо, не было ясности, доходчивости, и Сара почувствовала, что реакция аудитории была вежливой, но далеко не восторженной, хотя и провалом ее сообщение нельзя было назвать. Если Снайдер выиграл

десятки тысяч долларов в своих соревнованиях и возможность завтра сразиться, чтобы подтвердить свой титул, а Бленкеншип приобрел себе домашний центр развлечения, то она завоевала лишь добрые пожелания и право на настольную игру «Опасности».

Не обращая внимания на поощрительный шепот Бленкеншипа, и Снайдера, Сара вперила свой взгляд в пол возле ботинок Гленна Пэриса и ждала его заключительных слов, после которых все начнут расходиться. Самое приятное было то, что все уже заканчивается. Теперь ее голову заполнили вопросы семигодичной давности. А ответы на них были в зале, на последнем ряду.

* * *

Гленн Пэрис закрыл пресс-конференцию, пообещав информировать общественность о дальнейшем развитии событий. Немедленно группа репортеров кинулась на сцену, отталкивая друг друга, стараясь поближе пробраться к ораторам. Боясь, что ее задержат, Сара взглядом связалась с Аннали, которая заверила ее жестом, что она не торопится.

Наконец нестройный, одновременный говор спрашивающих начал смолкать. Пэрис дружески хлопнул Сару по спине, и она уже собралась уходить, когда к ней подошла пожилая женщина, держа под мышкой кожаный портфель.

В продолжение всей пресс-конференции, обратила внимание Сара, она простояла в боковом проходе зрительного зала. Она не производила большого впечатления – ростом примерно пять футов четыре дюйма, строго одета, прямая темная юбка и такого же цвета жакет. Коротко подстриженные, тщательно завитые волосы были выкрашены в коричневый и серый цвет. Приятное, спокойное лицо почти полностью скрывали круглые, чересчур большие очки в черепаховой оправе. Сара отнесла бы ее к разряду местных пожилых домохозяек, которые не хотят расталкивать людей, чтобы найти себе место.

– Доктор Болдуин, мистер Пэрис, – обратилась она к ним. – Меня зовут Роза Суарес.

Произношение явно выдавало в ней латиноамериканку.

– Да, миссис Суарес, – отозвался Пэрис, не сумев подавить в интонации своего голоса налета нетерпения. – Чем мы могли бы быть вам полезными?

Женщина застенчиво улыбнулась.

– Этот человек из Центра по борьбе с болезнями, о котором вы говорили... большой специалист по эпидемиологии, прислать которого вам обещали...

– Да, – недоуменно воскликнул Пэрис, – и что же?

– Я и есть этот человек.

Глава 11

Парк, представлявший собой песчаный оазис с несколькими скамейками из планок и довольно-таки обветшавшими площадками для детских игр, находился в нескольких кварталах от МЦБ. Сара отметилась у одного из стажеров, что отлучается, и направилась к парку вместе с женщиной, которая когда-то чуть не стала ее падчерицей. Но нынешняя Аннали Эттингер – стройная, самоуверенная и удивительно жизнелюбивая – совсем не напоминала застенчивую, толстую девушку, с которой Сара когда-то изо всех сил старалась подружиться. После первых пробных минут разговора Сара почувствовала, что теперь между ними существуют более крепкие связи, чем в то время, когда Питер был частью треугольника.

– Я вам писала из медицинского училища, – сообщила Сара, когда они устроились на одной из скамеек. – Два или три раза, но вы так и не ответили.

Аннали кивнула.

– Знаю, – подтвердила она. – Примерно через год после того, как вы уехали, я что-то искала в письменном столе отца и наткнулась на ваши письма. Ни конвертов, ни обратного адреса не было. Я сняла с писем копии и сохранила. Но так и не стала заводить разговор об этом. Тогда я была бочкой, которая думала только о себе, меня ничего не занимало, кроме своей персоны и собственных проблем. Возможно, мне стоило бы почесаться и все-таки найти ваш адрес. Но какие бы там у вас ни были причины, ведь это вы ушли от нас. Вообще, в то время все это меня мало волновало.

Ее низкий голос звучал мелодично. Ногти на пальцах отлично наманикюрены и отполированы до ярко-малинового блеска. Подростком она была, пожалуй, излишне инфантильной, теперь в ней чувствовалась зрелость, несвойственная ее годам.

– Жалею, что я уехала таким образом, – извинилась Сара. – Я так сильно рассердилась. И все же не могу представить себе, чтобы Питер, способен был на такой поступок, – скрывать от вас мои письма.

– Вы его сильно уязвили и разозлили тем, что бросили нас. Между прочим, и меня тоже... во всяком случае, до того момента, когда я

обнаружила ваши письма. – Из своей сумочки она вынула пачку сигарет «Вирджиния Слимс». Ее золотые и серебряные браслеты – на каждой кисти их было нанизано по восемь-десять штук – позвякивали, когда она выбивала сигарету. – Не думаю, чтобы вы курили.

– Не курю уже много лет.

– Хорошо. Для вас очень хорошо. – Она прикурила и глубоко затянулась.

– В одном из писем к вам я попыталась объяснить причины своего ухода, – продолжала Сара. – Боже, представляю, что вам могли рассказать об этом.

– Мой отец замечательный человек, но и у него свои недостатки. Точить зуб на кого-нибудь – один из них. Знаете ли вы, что он женился примерно через год после вашего отъезда? Женильба в порядке мести, если такое бывает. Она была недурна. Что-то осиное. И из семьи с кучей баксов, которые, возможно, получили через фирму «Мейфлауэр». Удивляюсь, что он не послал вам приглашение.

– Очень смешно. Послушайте, Аннали, в жизни все идет своим чередом. Я действительно в это верю. Я любила девяносто пять процентов всего, что представлял собой ваш отец. Но остающиеся пять процентов касались профессиональной деятельности, и я просто не могла пойти на то, чтобы до конца жизни мириться с некоторыми его установками. И у меня не было надежды, что он когда-нибудь изменит свои повадки. Замечательно, что он женился.

– Ну, доктор, не думаю, что он разделяет ваше мнение. Семья продержалась всего год.

– Ах, понимаю. Ладили ли вы с ней?

– В каком-то смысле. Похоже, я была первой черной женщиной, которая приблизилась к Элен, но не работала на нее. Думаю, мы ладили. Но, в общем-то, я ее видела нечасто. Вскоре после вашего отъезда Питер сплавил меня в школу-пансионат. Вот вам еще одна причина, почему я не предпринимала попыток найти вас. У меня все валилось из рук. Конечно меня нужно было отправить в школу, но время было выбрано не самое удачное. Думаю, что когда он привез меня сюда из Мали, то в мечтах своих надеялся, что в будущем я стану профессором колледжа или известным музыкантом, кем-то вроде этого. А меня явно понесло куда-то не туда. Так что с Элен я пробыла немного, оказавшись в частной школе.

– А когда он прикрыл свой институт?

– Вскоре после всего этого. Мы втроем еще некоторое время жили в Бостоне. Потом он начал разрабатывать известный вам план «Ксанаду».

– Ах да, мечта Питера, – подхватила Сара. – Я знала, что когда-нибудь он добьется своего.

«Ксанаду» – это первое поселение из тех, что впоследствии разрастутся в широкую сеть жилых общин, которые создавались на принципах построения долгой и здоровой жизни с помощью диеты, физических упражнений, определенного поведения в определенные времена года, контроля за стрессовыми нагрузками и холистской медицины. Питер начал рассказывать о своем честолюбивом замысле в первый же день, когда они встретились, и они потратили бесчисленное количество часов, обсуждая и анализируя его в течение всех лет совместной жизни.

Когда они расстались, он уже нашел подходящие земли и инвесторов, и уже получил от архитектора модель прообраза такого комплекса, которая была выставлена под стеклянным колпаком в конференц-зале института на видном месте. Он утверждал, что архитектуру домов надо строго контролировать. Все строительство должно соответствовать древним законам здоровой жизни и гармонии, которые описаны индийскими лекарями.

– Теперь это приобрело довольно широкий размах, – сказала Аннали. – Но поначалу дела не клеились. Одно время даже встал вопрос о банкротстве.

– Но нашелся выход!

– Появился этот порошок, вот что.

– Порошок?

– Порошок, о котором говорили на вашей пресс-конференции. Насколько могу судить, он практически спас Питера от финансовой катастрофы. Она заразительно рассмеялась, – Послушайте, это здорово, если подумать. Этот порошок спас задницу Питера и поубавил мою. Какой товар!

– Не понимаю.

– Система похудения с помощью лекарственных трав по методу «ксанаду», – пояснила она. – Вы не могли не слышать об этом.

– Сегодня услышала в первый раз. Я пришла в большое замешательство, когда на пресс-конференции затеяли об этом разговор и все присутствовавшие, казалось, знали, о чем идет речь, кроме меня.

– Потому что об этом снадобье знает большинство населения страны. Ведь Питер так часто выступает по телевидению, рекламируя его, что просто удивительно, как он до сих пор не получил премию «Эмми». Вы не смотрите ТВ?

– Нет времени.

Аннали загасила выкуренную сигарету и через несколько секунд прикурила новую.

– Ну что же, пояснила она. – Он называет эти свои выступления инфорекламой. Они готовятся как настоящие телепрограммы, продолжительностью в полчаса, с приглашением знаменитостей и включением видеоклипов и всего остального – но по сути это реклама. Их показывают преимущественно в неудобное время – поздно вечером или утром по воскресеньям, и тем не менее они приносят баксы? На стене кабинета Питера висят схемы, на которых показывается постоянный рост объема продажи. С тех пор как он приступил к этой пропагандистской кампании четыре месяца назад, он добился феноменального успеха. И совершенно неожиданно из поселений «Ксанаду» прогнали огромного злого волка.

– Этот порошок действительно эффективен? – спросила Сара. Мне было бы интересно узнать, какие там используются травы.

– Да, черт возьми, эффективен, – ответила Аннали. – Впрочем, эту смесь изобрел не Питер, а индийский доктор Синг. Это сделал он, доктор из Индии, у которого нет степени Д.М. Полагаю, что вы примерно знаете, о чем идет речь.

– Индийское врачевание существует века и зародилось намного раньше Гиппократа или Галена. Имеются веские основания верить в него.

– Так вот, доктор Синг привез этот порошок Питеру несколько лет назад и предложил ему какой-то вариант партнерства, как мне кажется. Деталей я не знаю, но думаю, что Питер выполняет роль представителя по связям с прессой. Доктор Синг очень умный человек, но не очень-то энергичен. К тому же не отличается фотогеничностью. Вы слышали о нем?

– Нет, не слышала.

– Я тоже о нем мало знаю. Как бы там ни было, но я перепробовала сотню или две различных видов диеты, и все безуспешно. Тогда Питер спросил меня, не хочу ли я рискнуть и стать подопытной свинкой, испытать этот порошок на себе перед тем, как он вложит в него средства. И вот вам результат. – Она поднялась и повернулась перед Сарой.

– Bravo. А вам не трудно было сидеть на этой диете?

– Какой диете? Что вы! Те из нас, кто придерживается системы похудания с использованием лечебных трав по методу «ксанаду» знают, что не нужна никакая диета, только умеренность и отказ от некоторых видов пищи.

– Давайте поговорим об умеренности, – весело предложила Сара, приходя во все больший восторг с каждой минутой от когда-то угрюмой девушки.

– Вот что самое привлекательное в этом лечении, – продолжала объяснять Аннали. – Вначале, когда я стала принимать этот порошок, я стала меньше есть и похудела. А через месяц или два, просто потому что я такая хрюшка, опять начала наворачивать все подряд. И все равно продолжала худеть. Вот на это Питер, собственно, и купился. Ну, разве не замечательно?

Сара поднялась и любовно обняла ее.

– Истинно так, – согласилась она, взяла Аннали за плечи и немного отодвинула от себя, чтобы лучше видеть ее лицо. – Аннали, я всегда считала вас человеком с огромным потенциалом, независимо от того, были у вас проблемы или нет. Все же, и хочу, чтобы вы об этом знали, я вас недооценивала. Вы действительно превратились в очаровательную женщину и интересную личность.

– Ой, что вы, спасибо. Вы сами – необыкновенная женщина. Но вы пропустили одно определение в столь лестной для меня характеристике.

– Пойдите... очаровательная... интересная.

– И беременная. – Аннали засекла тень, пробежавшую по лицу Сары. – И счастливая, – быстро добавила она. – Очень счастливая. Этот ребенок родится, даже если небо упадет на землю, и если мне удастся настоять на своем, то вы примете эти роды.

– Ах, это замечательно. Спасибо, что вы подумали обо мне. Я попрошу заведующего отделением подстраховать меня. Аннали, я

действительно по-настоящему восхищена вами. Вы уверены, что находитесь в положении?

– Проверяли специалисты планирования семьи. Господи, эти люди самые лучшие эксперты на свете. Они догадывались уже четыре-пять месяцев назад, но не делали окончательных выводов без дополнительных тестов. Мои периоды были всегда нерегулярны. Поэтому я долго сомневалась.

– Ну что ж, поздравляю. Я осмотрю вас, Аннали, и, может быть, направлю на ультразвук. Все будет замечательно.

– Уверена в этом. Я как раз не знала, на что решиться, куда пойти и к кому обратиться, когда прочитала о вас в газетах. Потом услышала по ТВ, что будет пресс-конференция, и сказала своему парню: «Тейлор, первой этого ребенка коснется Сара Болдуин».

– Тейлор, вот как. Имя мне нравится. Расскажите о нем немного. Как он выглядит? Чем занимается?

– Значит, так... У него лицо, как у Дензела Вашингтона, зад, как у Уэсли Снайпса, и ходит он, как Майкл Джордан.

– Настоящий лорд.

– И к тому же музыкант... чертовски хорошо играет и поет. Бас-гитара и даже духовые инструменты.

– Рок-н-ролл?

– Да что вы. Джаз. Некоторое время я пела в его группе. Так мы и познакомились. Видите ли, порошок доктора Синга рикошетом ударил по Питеру... и, сдаётся, по мне тоже. Я училась в колледже Массачусетского университета, дела шли неплохо, уже специализировалась по психологии, но меня это совсем не радовало, я была жутко необщительной. Затем, совсем неожиданно, из меня вылупилась женщина, и я как с цепи сорвалась, если так можно выразиться.

– Это вполне можно понять.

– Я оказалась на западе страны, пела то в одной группе, то в другой, пыталась сниматься в кино. Мне кое-что перепало от некоторых постановщиков, но чаще всего это были просто царапины на мочках моих ушей и на грудях. В общем, пошла вразнос. Но вот я встретила Тейлора. Фамилия его – Вест. И сразу же взялась за себя, начала исправляться. Он много колесил и не сказала бы, что купался в

деньгах. Поэтому несколько месяцев назад и приняла предложение Питера вернуться домой, чтобы помочь ему с проектом «Ксанаду».

– А как он относится к перспективе стать дедушкой?

– Он... гм... он не знает об этом. Он только что познакомился с Тейлором. И все еще думает, что в январе я возобновлю занятия.

Сара ненадолго задумалась, услышав такую новость.

– Я все же надеюсь, что вы когда-нибудь получите ученую степень, – молвила она после паузы. – А сейчас, мне кажется, вы должны все рассказать Питеру. Дайте ему возможность погрузиться в сомнения.

– Я подумаю об этом.

– Если иметь в виду чистую биологию, Аннали, то довольно скоро он начнет размышлять, почему его чудодейственный порошок «Ксанаду» в известных случаях не препятствует росту живота.

– Это уж точно.

– К тому же нелишне, с этой точки зрения, рассказать также Питеру о встрече со мной. Семь лет достаточно большой срок, чтобы зарубцевались все раны... даже у него. Кроме того, так же, как и с вашим животом, рано или поздно все станет известным.

– Я сделаю это, если вы того хотите.

– Да, хочу. Но вы, конечно, должны поступать так, как находите нужным. Вообще-то, коль скоро вы живете у него и он поддерживает вас материально...

– Понимаю.

– С другой стороны, об исчезновении моих писем не стоит заводить разговор.

– Старая история.

– Точно. Господи, разболталась же я с вами. Вообще-то я плохо себе представляю, как мы встретимся с вашим отцом после стольких лет разлуки!

– Но мне Хотелось бы, чтобы у вас был спокойный, безмятежный вид, когда вы будете принимать нашего ребенка. – Аннали опять засмеялась. От улыбки ее необычное лицо стало еще более привлекательным.

– Позабочусь об этом, – заверила Сара. – И еще одно.

– Слушаю вас.

– Если я стану вашей акушеркой, а вы захотите, чтобы ваш младенец получил лучшие шансы оказаться здоровым, то от курения надо будет отказаться.

Миндалевидные глаза молодой женщины прищурились.

– Нельзя ли мне вместо этого отказаться от чего-либо другого? – спросила она.

Сара покачала головой.

– Аннали, это настолько важно, что торговаться не стоит.

– Хорошо, ладно. Будем считать, что сигареты – это для меня уже дело прошлое.

– Отлично. – Сара взглянула на часы. – Послушайте, – предложила она. – Мне надо возвращаться в больницу. Но если вы меня проводите туда, то я объясню вам хотя бы частично то, что произошло... почему я ушла.

– Но вы совсем не должны...

Сара взяла Аннали под руку.

– Знаю, – произнесла она.

К тому времени, когда они подошли к воротам городка МЦБ, Аннали печально кивала головой, обняв Сару за плечи.

– Ничего из рассказанного вами не удивляет меня, – сказала она. – В общем-то он неплохой человек, просто иногда с ним трудно. Возможно, и вы не удивитесь, если я скажу, что Генри Макаллистер предан Питеру, как и прежде. Он присутствовал на обеде в поселении «Ксанаду» и работает сейчас над скульптурной фигурой фонтана, который будет сооружен на парадной лужайке.

– Вы угадали, – заметила Сара. – Меня это не удивляет...

Ее голос смолк. Хотя она один раз навестила Макаллистера в больнице после операции, он никак не обнаружил, что знает о ее роли в спасении его жизни. А она тоже предпочла молчать об этом. Для нее был важен лишь сам факт, во всяком случае, так она в то время думала.

– Так вот, – произнесла Аннали, явно меняя тему разговора. – Что касается меня и моего ребенка, то предстоящие месяцы сулят нам очень важные перемены. Я брошу курить, пить, перестану полуночничать и прекращу поглощать сладости, ну, и... скажем, нужно ли мне бросать?..

– Нет, – прервала ее Сара. – Не нужно. Этим вы можете заниматься вплоть до самого конца.

– В таком случае вы имеете дело с начальной стадией безупречной беременности.

– Образцовый случай. Послушайте, поскольку вы уж находитесь здесь, почему бы не зайти в клинику прямо сейчас. Потом вы можете зарегистрироваться как надомный пациент, а сейчас сделаете обычные анализы крови и мочи, потом отправитесь домой. У меня достаточно времени, чтобы все быстренько проверить и удостовериться, что все нормально. После чего мы заглянем в комнату, где у меня хранится запас предродовых дополнительных лекарств из трав, которые нравятся многим моим пациенткам. Вам бы следовало начать их принимать прямо сейчас. Если, конечно, вы отдаете предпочтение органике перед химией.

– Я остаюсь дочерью своего отца, – заявила Аннали. – К тому же если вы что-то советуете, то я это выполню. Вы же ведь доктор.

* * *

Роза Суарес положила последний предмет привезенной с собой одежды в кленовый комод, а на верх его поставила рамочки с фотографиями своего мужа, Альберто, трех дочерей и четырех внуков. Кровать и завтрак пансионата, который она выбрала из рекомендованного ее отделом списка, были не очень изысканны. Но помещение было достаточно уютное и находилось на расстоянии короткой прогулки от Медицинского центра Бостона.

После почти двадцати пяти лет работы и продолжительных расследовательских командировок на местах, распаковка дорожных чемоданов стала таким же привычным делом, как набросить халат. Но в этой командировке было что-то особое. Долго ли она продлится или недолго, важные ли будут выводы или нет, но это расследование станет для нее последним. На стол начальнику отдела она положила заявление с просьбой об отставке и пообещала Альберто, что на этот раз ее решение окончательное.

Теперь все будут счастливы. Ее муж семидесяти лет, почти на десять лет старше ее, воспользуется более или менее здоровыми годами, чтобы насладиться вместе с ней жизнью на пенсии. Управление пополнится новичком. И что более важно, они смогут

умыть руки в отношении коллеги, которая превратилась для них в какую-то неловкость – старую даму, которая, по мнению многих, завалила крупное расследование.

– Миссис Суарес, – послышался голос хозяйки пансионата за ее дверью, – на ваше имя пришли две коробки. Тяжелые.

– Просто распишитесь за их получение, миссис Фруманян. – Но не поднимайте их. Это – книги. Я сейчас спущусь за ними.

Получив задание заняться бостонским случаем, Роза провела немало часов в библиотеках. Она положила портфель на кровать и достала набросанные ею заметки. Тщательная подготовка и одержимое внимание к деталям – этим она всегда отличалась – ключ к некогда непрерывной цепочке успехов. Эти качества никогда не подводили ее, даже в Сан-Франциско. И она поклялась, что не подведут и на этот раз.

Она знала, что начальник ее отдела больше всего не хотел, чтобы это расследование поручили ей. Фиаско по программе БАРТ, возможно, стоило ему повышения. И с тех пор он делал все, чтобы свести ее деятельность к переключиванию бумажек, составлению библиографических справок и сортировке бесконечных компьютерных распечаток. Но в момент, когда позвонили из Бостона, она оказалась единственным наличным региональным эпидемиологом. А речь шла о смертельных исходах.

Она переделалась в серый тренировочный костюм фирмы «Чемпион», который дочери подарили ей на Рождество, и стала спускаться по узкой лесенке. Миссис Фруманян стояла возле коробок, ждала ее, чтобы, как это было видно, проверить их содержимое. Это была приятная полная женщина с глубокими складками на лице, которое Розе понравилось.

– Не беспокойтесь, я справлюсь сама, миссис Фруманян, – сказала Роза.

– Пустяки. Я вдвое крупнее вас, и вы – моя гостья. Если вам надо перенести книги, то этим займусь и я.

У нее был сильный восточноевропейский акцент, но Роза не могла точно определить, из каких она мест. Фруманян разрезала коробки ножичком, который очень кстати оказался в кармашке ее фартука.

«Гематология», «Новейшее компьютерное программирование», «Дифференциальные исчисления», «Свертывание крови», – читала

пожилая женщина названия книг, накладывая том за томом на согнутую руку.

– Два моих мальчика закончили колледж, – произношение хозяйки пансионата было на удивление правильным. – На каникулы они постоянно привозили книги, похожие на эти, но никогда их не читали.

– А я, миссис Фруманын, надеюсь потратить на их чтение уйму времени.

Роза постаралась полюбезнее выпроводить любопытную женщину из своей комнаты. Не хотелось, чтобы ей мешали. Ей выпал всего один шанс, один последний шанс – уйти с достоинством, уйти победителем. На этот раз она никому не станет верить. Абсолютно никому.

Глава 12

Уиллис Грейсон, поглаживая букет экзотических цветов стоимостью в сто пятьдесят долларов, поднимался по лестнице на пятый этаж хирургического отделения. Небольшая простуда после возвращения с побережья не позволила ему поплавать в бассейне, поэтому он приветствовал хотя бы это небольшое физическое упражнение.

После утреннего решения Лизы поговорить с ним позже, которое так резануло его, он и Бен Харрис провели целый час с доктором Рэндалом Снайдером. Похоже, он был порядочным специалистом, но не более, и все же на Бена он произвел впечатление, и этого оказалось достаточно, чтобы смягчить гнев Уиллиса на врачей, которые занимались его дочерью. Если принять во внимание то обстоятельство, что Снайдер и больница были с самого начала уверены, что у Лизы не было средств, чтобы оплатить лечение, ухаживали здесь за ней достаточно хорошо.

Обескураживало только, что ни Снайдер, ни другие врачи из этой группы медиков не докопались до причины того, что произошло с кровью Лизы. Однако было похоже, что они собираются продолжить расследование. Грейсон получил Бену Харрису выявить имена ведущих экспертов в этой области, чтобы подключить их к этому делу.

Следующим пунктом повестки дня Грейсона было посещение сегодня вечером руководителя отделения физиотерапии и реабилитации. Он тактично проинформирует, что, хотя он и благодарен за усилия отделения, специалисты реабилитационного института Раска в Нью-Йорке займутся подбором и установлением протеза для Лизы. А потом, возможно на следующее утро, он попытается встретиться со стажером-гинекологом, которая, как говорят, сделала больше других для спасения Лизы. Если Сара Болдуин и действительно сыграла такую роль, его люди займутся тем, чтобы разузнать побольше об этой женщине и ее нуждах и предложить соответствующее вознаграждение.

Воодушевленный тем, что он разыскал дочь, которая ускользала от него почти пять лет, что он нужен ей, Грейсон зашагал вдоль

коридора к палате 515. На двери не оказалось ни одной из двух вставных табличек; Он стукнул один раз и толкнул дверь. Обе кровати были свежезастланы, а палата пустая.

– Что за черт?

Преодолевая беспокойство, смущение и гнев, Грейсон проверил два металлических шкафа, заглянул в ванную. Все было чисто и пусто. Уйдя от Лизы утром, он попытался перевести ее в отдельную палату. Когда ему сказали, что все палаты на этом этаже двойные, он дал старшей медсестре строгое указание предупредить приемный покой, что он заплатит любую сумму за то, чтобы не занимали другую кровать в палате 515. Дьявольщина, что же могло произойти?

О" бросил цветы на одну из кроватей и помчался в дежурную комнату медсестры. Дженин Куртис, сестра, с которой он разговаривал утром, казалось, подготовилась к стычке.

– Мисс Куртис, – требовательно спросил он, – куда подевалась моя дочь?

Она спокойно выдержала его взгляд.

– Сэр, с ней ничего не случилось, – объяснила она с подчеркнутой любезностью. – У нее все хорошо. Ее перевели в другую палату.

– Но сегодня утром мы договорились, что на остается здесь и что к ней никого не поделят.

– Мне известно, о чем просили вы, сэр. Но Лиза попросила перевести ее в другую палату, и мы пошли ей навстречу.

– Ну ладно, где же она теперь? – отрывисто спросил он.

– Боюсь, что этого я вам сказать не могу, сэр, – ответила сестра.

– Мисс Куртис, я не настроен играть с вами в бирюльки.

– Я – миссис Куртис, и это – не игра в бирюльки. Ваша дочь совершенно определенно заявила нам, что она не желает вас видеть.

– Что?

– Она сказала, что если вы хотите поговорить с ней, то можете прийти завтра утром. Она посмотрит, как будет себя чувствовать.

– Дьявольщина! Всего несколько часов назад она сказала, чтобы я пришел в три часа после обеда. Где она находится?

– Мистер Грейсон, пожалуйста, не кричите. Наша пациентка дала нам четкое и конкретное указание, и мы намерены выполнить его буквально. Я вынуждена просить вас прийти завтра.

– А я вынужден предложить вам внимательно подумать, с кем вы так разговариваете.

– Мистер Грейсон, вы достаточно ясно сказали, кто вы такой. Если говорить честно, то мне это безразлично. Лиза – взрослый человек и вполне может сама позаботиться о решениях, затрагивающих ее жизнь. Она – моя пациентка, ей многое пришлось перенести, и я готова пойти на все, чтобы выполнить любые ее желания.

Она холодно улыбнулась ему и вновь занялась своей работой.

Возмущенно глядя на нее, Грейсон на мгновение подумал о том, чтобы обыскать каждую палату на этаже. Потом с шумом выкатился из комнаты.

* * *

Первая встреча между Эндрю Трюскотом и адвокатом Джереми Мэллоном примерно два с половиной года назад состоялась во время матча команд «Ред Сокс» и «Янки». До того как Гленн Пэрис аннулировал контракт МЦБ с организацией здравоохранения «Эвервелл», эта организация использовала больницу, чтобы помещать в ней небольшое количество стационарных больных. Ежегодно, в качестве благодарности, «Эвервелл» нанимала автобус, загружала его пивом и увозила всех сотрудников больницы на рыбалку, а потом в парк Фенвей.

Когда до Мэллона дошли слухи о глубоком разочаровании Эндрю Трюскота МЦБ, он позаботился о том, чтобы его место на стадионе оказалось рядом с местом Трюскота. Во время третьей передачи бейсбольного мяча, они уже разработали скрытную систему фраз, подразумевавших больницу и персонал, и выявили свою взаимную неприязнь к Гленну Пэрису и его амбициозным выкрутасам. В конце пятой пробежки бейсболистов Трюскот дал ясно понять, что он готов передавать доверительную информацию о делах в больнице в обмен на определенное вознаграждение. А к седьмой подаче мяча они уже обменялись номерами телефонов и условились в скором времени встретиться еще раз.

Теперь, тридцать тысяч баксов спустя, Эндрю записался под вымышленной фамилией в журнале административного здания, Федеральная площадь, 100, и поднимался в лифте на двадцать девятый этаж, где располагалась юридическая контора «Вассерман и Мэллон». Его связь с адвокатом была непрочной. Ни одна сторона не доверяла другой. Но каждая из них нуждалась друг в друге. И с учетом информации, которую Эндрю нес с собой в атташе-кейсе, их сотрудничеству суждено было продолжаться.

Бронзовая табличка на двери из красного дерева перечисляла четырех партнеров и до двадцати компаньонов фирмы, занимавшей несколько комнат на, этаже. Только у Джереми Мэллона наряду с юридической степенью значилось: «Д.М.». Просторная прихожая с застекленной библиотекой и многочисленными письменными столами для клиентов, на стенах развешаны оригинальные картины, написанные маслом. Это были полотна таких художников, как Саржент, О'Кифф, Уайет. Трюскот задал себе вопрос: много ли потребовалось случаев врачебного надувательства и финансовых сделок, чтобы собрать такую коллекцию?

Сразу же при входе в приемную Эндрю почувствовал аромат китайской кухни. Слегка задержавшись перед картинами Саржента и поразительного полотна современного реалиста Скотта Приора, Эндрю направился, следуя направлению запаха, по проходу к кабинету Мэллона. Хотя что числу белых картонных табличек, лежавших на тиковом столе, можно было предположить, что намечался небольшой банкет, Мэллон обедал в одиночестве.

– Заходите, Энди, заходите. – Своими палочками для еды Мэллон пригласил Эндрю садиться. – Не знаю, что вы любите, поэтому заказал всего понемногу.

Эндрю вздрогнул, услышав обращение к себе по имени, что ему всегда не нравилось. Несмотря на порядочные платежи, он относился настороженно к Мэллону, который гладко стелил, но, казалось, постоянно держал что-то за пазухой. «Если ему это будет на руку, – подозревал Трюскот, – то он скушает меня с таким же спокойным удовольствием, как сейчас утку по-пекински».

– В холодильнике у бара – пиво, вино, все, что вы захотите, – сказал Мэллон. – Извините, если я подгоняю, но Аксель оттягивает написание своей колонки, пока я не свяжусь с ним, и у меня в клубе

сегодня прием, где я по приказу жены должен обязательно присутствовать.

– Никаких проблем.

«У меня в клубе». Хотя Эндрю чувствовал себя неуютно с этим человеком, он не мог не восхищаться его влиянием и стилем. Не раз во время сделок с ним у него в голове пробегала мысль, какой бы могла быть его карьера адвоката. Где-то в сознании вырисовывалась бронзовая табличка с надписью: «Вассерман, Трюскот и Мэллон».

– Вы смотрели сегодня известия? – спросил Мэллон.

– Нет. Я прямо с работы.

– Этот проклятый Пэрис оказался на всех трех программах. Мне просто осточертело видеть по ТВ физиономию этого толкача.

– Ну что же, сколько веревочка ни вьется, конец найдется. – Эндрю постучал по своему атташе-кейсу.

– Надеюсь, вы подкинете нам то, что надо, потому что время истекает.

– Что вы имеете в виду?

– Именно это, в буквальном смысле. Конкуренция в бизнесе управляемого здравоохранения с каждым, днем становится все более острой. Уже сейчас крупная рыба поедает мелкую рыбешку. Никто не застрахован, и понятно, что каждый сходит с ума. В данный конкретный момент «Эвервелл» находится в достаточно приличном положении. Но они так стеснены в больничных койках и служебных помещениях, что решили больше не ждать, пока МЦБ свалится им в руки. Они изучают другие варианты. МЦБ можно купить по дешевке, а в других случаях понадобится на миллионы больше. На миллионы. И все равно, что бы они ни приобрели, не будет такой отдачи в смысле площадей и оборудования, как от МЦБ. Нам нужна эта больница.

– Ходят слухи о массовых увольнениях в МЦБ. Не означает ли это, что финансовые трудности обостряются?

– Энди, существует большая разница между слухами и сделанными делами. Люди могут болтать об увольнениях, но мои источники показывают, что МЦБ фактически начал набирать работников. И это не все. Уже несколько лет я поддерживаю доверительные контакты с некоторыми по-настоящему крупными кредиторами этой больницы, включая банк, в котором заложена недвижимость. Они сообщили мне, что недавно Пэрис и его

финансовый директор Колин Смит перестали выклянчивать деньги. Они даже начали оплачивать некоторые счета. Думаю, тут замешан тот фонд, о котором говорил Пэрис в своей речи, помните?

– Тогда я услышал об этом впервые, – отозвался Трюскот.

– Вы уверены, что он не указал, что же это за фонд?

– Вы сами прослушали пленку.

– Ну, вам следует установить, что это за фонд, Энди, да побыстрее. Если мы узнаем, с кем имеем дело, то сможем принять какие-то контрмеры. Если Пэрису и Смигу удастся вытащить это заведение из ямы, то, возможно, нам уже больше не подвернется такой удобный случай. Не забывайте, что я сказал, какие у нас тут ставки.

– Предположим, я выясню, что это за фонд, – услышал свой голос Эндрю. – Надеюсь, в этом случае какая-то часть этих миллионов капнет и мне.

Глаза Мэллона сверкнули.

– Будьте благоразумны, Энди, – произнес он с ледяным спокойствием, – не давите на меня. Идет? Просто раздобудьте название. Позвольте мне определить вознаграждение. Мы оба знаем, что будущего у нас нет в скрипящей гранулированной общаге. Точка. И нужно ли мне напоминать вам, что за исключением нескольких больниц у черта на куличках рынок забит хирургами общего направления? Можно смело поспорить о том, что те несколько человек, которых берут на приличные места, являются стажерами в соответствующих программах практической подготовки специалистов. Вы повязаны с нами, Энди. Вы это знаете, известно это и нам. Поэтому помогайте, чем можете, выясняйте, что это за фонд.

Трюскот покраснел. Разговор на равных не получился. Мэллон оказался мастером манипуляций. Единственное, что оставалось Эндрю, – это помалкивать и покорно выслушивать, что ему скажут. Но ничего, его день придет.

– Понял, – выдавил он из себя.

– Отлично. Теперь показывайте, что вы принесли.

Эндрю передал ему страничку, которую он получил от Сары, а также ксерокопии трех больничных историй болезни и несколько своих собственных заметок.

– Это затрагивает Сару Болдуин, – заметил он.

– Ах, да. Еще одна большая заноза в нашем боку. Это женщина, несомненно, стала любимицей средств массовой информации.

В памяти Эндрю всплыла Сара, когда она сидела напротив него в кафетерии и самодовольно витийствовала о травах, иголках, самовнушении и прочих штучках.

– Ну что же, возможно, ваш друг Девлин сможет изменить и это, – предположил он.

Мэллон бегло просмотрел страничку предродовой информации Сары.

– «Кровавый корень... листья лунного дракона... слоновый сонник».

Это все какие-то травы?

– Вот именно. Их кипятят и пьют, все равно как чай. Как видите, каждая разновидность имеет несколько названий. Болдуин рекомендует их вместо стандартного витаминного набора, который предлагается принимать женщинам. Она утверждает, что исследования, проведенные где-то в джунглях, показали, что травы лучше, чем, как она выражается, «обработанные витамины».

– Потрясающе. Продолжайте, Энди.

– Так вот, большинство людей в МЦБ считают, что история Саммер – это второй случай ВСК в нашей больнице. Но это не так. Это третий случай. – Он пододвинул по столу письмо от судебно-медицинского эксперта из Нью-Йорка. – Как видно из копий историй болезни, все три женщины, пораженные ВСК, – две, которые умерли, и одна, которая все еще находится в больнице, – имеют одну общую черту помимо того, что все они пациентки МЦБ. Все трое предпочли принимать травяной отвар.

По выражению лица Мэллона стало понятно, что дальнейших объяснений не требовалось.

– Прописывают ли это другие акушеры?

– Нет.

– Откуда она достает эти смеси?

– У какого-то специалиста по лекарственным травам в Чайнатауне. Хотите, я узнаю, у кого именно?

– Непременно узнайте. Впрочем, сегодня вы уже не успеете. Как только мы закончим беседу, я перегоню по факсу эти материалы Девлину. И не беспокойтесь, ни в чьи другие руки эти документы не

попадут. Скажите мне, не могло ли применение этих трав вызвать проблемы с кровью?

– Сами по себе травы вряд ли. Но имеются примеры – фактически, масса примеров – аллергической реакции пациента на какое-либо вещество в сочетании с другим.

– Приведите какой-нибудь пример, – попросил Мэллон, шевеля листками.

– Так, посмотрим. Целый ряд антибиотиков – возможно, наиболее известен тетрациклин – вызывает исключительную чувствительность у некоторых пациентов к солнечному свету. Полностью такая реакция непонятна, но она может быть очень, очень серьезной. Мы не имеем представления, у каких пациентов тетрациклин может вызвать такую реакцию, поэтому мы просто рекомендуем тем, кто начинает принимать это лекарство, не находиться на солнце.

– Да, теперь я вспомнил про такие случаи. Вам удалось изучить этот список?

– Я просмотрел его. Не вижу смысла ни в одном из ингредиентов. Пытался разобраться в некоторых травах.

– И что?

– Чтобы объяснить это, потребуется много времени. Вряд ли мы сейчас им располагаем. Различные научные термины – западные и азиатские – довольно сильно усложняют все это дело. Нужен доступ в солидную библиотеку.

– Чем запутаннее, тем лучше, – заявил Мэллон. – Людям ведь достаточно намекнуть, что существует, например, такая опасность, как ошибки в дозировке...

– Заражение другими травами или пестицидами, – продолжил перечисление Эндрю, – ошибки в переводе названий трав с этих таинственных восточных языков.

– Страшное дело... особенно если некоторые из этих трав потенциально воздействуют на свертывание крови. – Мэллон с полминуты рассеянно постукивал стирательной резинкой по столу. – Так, вся эта куча материала саданет сильнее, если мы побольше почерпнем из биологии, – наконец произнес он. А пока это не сделано, полагаю, Девлин может извлечь много нужного нам из того, что мы уже имеем. Материал потенциально взрывоопасный, Энди. Очень взрывоопасный.

– Согласен.

– Скажите мне, какие у вас взаимоотношения с Сарой Болдуин?

Трюскот немного подумал, потом ответил просто:

– Никаких.

– Тем лучше, тогда попытайтесь наскрести на нее побольше материала, Энди. Любого. – Мэллон взял со стола два конверта. – Вознаграждение за вашу лояльность и за эту информацию, – передал он один из конвертов. – А здесь вложено письмо, о котором вы просили, от медицинского директора «Эвервелл». В нем обещано место, исходя из предположения, что «Эвервелл» присоединит к себе МЦБ. Если этого не произойдет, то места не будет. Понятно?

– Понятно.

– Хорошо. Мне нравится ясность. Вы действуете хорошо, Энди. Просто великолепно. – Мэллон сунул материал в свой атташе-кейс и захлопнул его. – Пожалуй, вместо того чтобы перегонять все это Девлину по факсу, завезу ему лично, Извините, если вам показалось, что я вас очень тороплю, но меня уже ждет жена.

– Нет проблем, – заверил Трюскот, когда они уже направились к выходу. – Я целую неделю недосыпал и хочу попытаться хотя бы немножко наверстать... особенно предвкушая свою встречу с Уиллисом Грейсоном завтра утром.

– С тем самым Уиллисом Грейсоном?

– С ним самым. Разве я не говорил вам? Боже, какой же я осел. Собирался сказать об этом сразу, как только пришел, да так отвлекся, что...

– Расскажите, – Мэллон остановился.

– Девушка с ВСК, которая осталась в живых, та, что все еще находится в больнице...

– И что?

– Оказывается, она дочка Грейсона.

– Что вы говорите?!

– Не знаю всех подробностей, но, вероятно, она жила под именем Лизы Саммер много лет, похоже, хипповала. Грейсон прилетел сегодня утром на вертолете. Он договорился о приеме со всеми докторами, которые занимались его дочерью.

– Почему?

– В общем-то я не знаю. Догадываюсь, что ему хочется точно выяснить, что произошло. Моя встреча с ним назначена на одиннадцать.

Мэллон потер свой подбородок.

– Вы не знаете, где он остановился? – спросил он.

– Грейсон? Нет, Не имею представления.

– Неважно. Могу и сам узнать. В каком сейчас состоянии его дочь?

– В страшно подавленном. Но с медицинской точки зрения ее дела идут довольно хорошо. Ее рука... то, что от нее осталось... неплохо заживает.

– И она потеряла ребенка?

– Совершенно правильно.

– Внука Уиллиса Грейсона?..

– Простите?

– Ничего. Ничего. – Вдруг, совершенно забыв об Эндрю, Мэллон схватил, трубку телефона с ближайшего письменного стола, набрал номер Акселя Девлина и предупредил его, что скоро к нему придет посыльный со специальным пакетом. Потом он позвонил по другому номеру: – Кто это, Бриджит?.. Ах, Луанн, как вы поживаете? Говорит Джереми Мэллон... Прекрасно, у меня все в порядке, спасибо. Послушайте, вы знаете о приеме? Да, хорошо. Миссис Мэллон сейчас уже там и дожидается меня. Пожалуйста, разыщите ее и передайте, что я задержусь. Точнее, скажите ей, что если я не появлюсь до десяти, то меня не будет совсем. Вы все поняли? Спасибо, Луанн. Огромное вам спасибо. На этой неделе увижу вас. – Он положил трубку на рычаг. – Не думаю, чтобы Мери-Эллен из-за одного этого приема пустит коту под хвост семнадцать лет семейной жизни, – сказал он скорее себе, чем Трюскоту. – Послушайте, Энди, я немного здесь задержусь, мне надо кое-куда позвонить. Вы знаете, как выйти отсюда, правда?

– Конечно. Вы хотите связаться с Грейсоном?

– У этого человека тьма адвокатов, уверен в этом. Но сомневаюсь, что хоть кто-нибудь из них имеет степень Д.М. Людям типа Грейсона подавай лучшее. Я просто хочу попытаться подсказать ему, кто в такого рода правовых вопросах разбирается лучше всего. А теперь бывайте!

Не ожидая, пока уйдет Трюскот, он кинулся обратно в свой кабинет.

"ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ НЕТ

Аксель Девлин

6 июля

Место действия: скрипящая гранулированная обечага, то бишь Медицинский центр Бостона (МЦБ). На пресс-конференции, на которой присутствовали почти все, у кого имеется микрофон, Гленн Пэрис, то бишь мечтатель из Калифорнии, просветил публику относительно последнего несчастья, которое свалилось на когда-то величественное лечебное заведение. Похоже, что пациентки МЦБ, нам известно о ТРЕХ ИЗ НИХ, подцепили ужасное кровотечение, называющееся ВСК. Одна из этих несчастных осталась без руки. Две другие расстались с жизнью. И все трое младенцев умерли до родов. ПЯТЬ МЕРТВЫХ, ОДНА КАЛЕКА: Это серьезное дело, друзья мои. Чертовски серьезное и ужасное.

Всегда заботясь о своем имидже, Пэрис вчера разыграл гладкое и привлекательное представление с целью смягчить беспокойство общественности в связи с неожиданной смертельной эпидемией. Доктора медицины дали медицинское объяснение. Пэрис обещал немедленно провести расследование с привлечением эпидемиологического Центра по борьбе с болезнями в Атланте. И последнее, по месту, но не по значению, специалист по лекарственным травам, иглотерапевт и акушерка Сара Болдуин, Д.М., рассказала, как она выпрыгнула на сцену действия со своими испытанными терапевтическими иглами и спасла жизнь последней жертве ВСК.

Так вот, оказывается, остался один факт, которым не захотели поделиться с общественностью ни доктор Болдуин, ни мистер Пэрис – один потенциально решающий фактор, свойственный всем трем пострадавшим женщинам. Все они принимали ПРЕДРОДОВОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАБОР ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ,

который состряпала сама доктор Болдуин. Он состоит из девяти различных трав и корней с такими названиями, как СЛОНОВЫЙ УСЫПИТЕЛЬ И ЛУННЫЙ ДРАКОН. Славный доктор рекомендует это всем своим пациентам вместо проверенных и настоящих (проверенных федеральным агентством по лекарственным препаратам) предродовых витаминов. Теперь двое из этих пациенток, принимавших ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАБОР ПРЕДРОДОВЫХ ЛЕКАРСТВ ИЗ ТРАВ почили, а третья осталась калекой. Совпадение?

Ну, я рассказал обо всем этом знакомому фармацевту. Мы все еще стараемся стереть с его лица выражение удивления. Он получил список корней и трав в дозировке доктора Болдуин и обещал провести кое-какую исследовательскую работу ради всех нас. А пока что даже ему не под силу ответить на такие вопросы, как: откуда получены эти травы и корни? Кто проверял их на ЗАРАЖЕННОСТЬ? Кто проверял их структурный состав?

Невероятно, не правда ли, но это может случиться в лечебном учреждении, когда ему позволяют отклоняться все дальше и дальше от столбовой дороги апробированной медицины и здравоохранения. Что же, не выключайте своих экранов... И не говорите потом, что старик с секирой вас не предупредил".

Глава 13

6 июля

Сара стояла в операционной под леденящим, голубовато-белым освещением. Она проводила роды кесаревым сечением перед целой группой наблюдателей, которая, казалось, включала всех, с кем она общалась на наполненной событиями минувшей неделе.

– Очень плохо, ваш младенец умер, – сообщила она пациентке, лицо которой было закрыто простыней. Она повернулась к наблюдавшим с галереи и поклонилась: – Очень плохо. Ее младенец умер. Очень плохо.

Гленн Пэрис одобрительно улыбнулся ей, то же сделали Рэндал Снайдер и Аннали Эттингер. Алма Янг, в форме, похлопала и послала ей воздушный поцелуй. Несколько репортеров, присутствовавших раньше на пресс-конференции, делали ей одобрительный знак – о'кей. Другие фотографировали ее. Затем широким жестом она сбрасывает в сторону простыню и видит... саму себя. Глаза покраснели и ввалились, рот раскрылся в беззвучном вопле смерти.

Сара проснулась в холодном поту от своих собственных стонов. Было половина пятого утра.

Вся дрожа, она с трудом вылезла из кровати и набросила халат. Потом заварила чай и приняла горячую ванну. Она сознавала, что в ужас ее привели не только беспокойное содержание сна, и но сам факт, что она его вообще увидела. В детстве и юности она была рабыней всевозможных кошмаров. Наиболее навязчивый сюжет, который повторялся по два-три раза в неделю, показывал ее связанной, с кляпом во рту и совершенно беспомощной. А потом, почти каждую ночь, ей снилось, что в нее по многу раз втыкают нож, избивают, душат, сбрасывают с большой высоты или швыряют в море. Никогда во время этих страшных снов она, собственно, не видела лица нападавшего. Изредка мужчина – она никогда не сомневалась, что это именно мужчина, – прижигал ее горящими сигаретами. Порой эти яркие кошмары так преследовали ее, так мучили, что она отказывалась ложиться спать.

В подростковом возрасте, по предложению обеспокоенной учительницы, она стала лечиться у психолога. Для врача-женщины было очевидно, что какое-то событие в прошлом Сары – единичное или повторявшееся – стало причиной ее ужасов. Врач сделала все, чтобы выяснить первопричину. Но мать Сары, погружавшаяся все глубже и глубже в маразм слабоумия, не могла дать никакой полезной информации.

Тогда психолог направила Сару на серию гипнотических сеансов и однажды даже взяла отгул, чтобы свозить ее в Сиракузы на консультацию в университетский медицинский центр. Ничто не помогло. Сара просто не могла найти связи ни с каким событием своего детства, которое могло бы породить такие странные и истощающие фантазии.

Во время учебы в колледже, казалось, мучительные сны стали приходить реже, но они все равно навевали ужас. Она прошла еще один курс психотерапии и гипноза и даже согласилась принимать какие-то пилюли, предназначенные, по словам врача, изменить неврологический характер ее снов. Но это лекарство изменило лишь ее учебные показатели, в среднем за семестр они снизились с 3,8, до 2,9 балла.

В конце концов она все же обрела покой. И это случилось среди простых горных жителей, в деревушке в предгорьях Луанг Чанг Дао, всего в нескольких милях от бирманской границы. Ее наставник доктор Луис Хан привел ее к целителю – мудрому согбенному старику, которому, по словам Хана, было за сто десять лет.

Целитель, который разговаривал на одном из диалектов мандаринского наречия, которого Сара не понимала, объяснялся с ней с помощью Хана. Вызывались ли ее кошмары каким-то событием в прошлом или в будущем не имеет значения, сказал он. Важно было то, что она не была спокойной во время сна. Дух, руководивший ею в течение всего дня, оставался замкнутым в ней самой. Разрушительные сны представляли собой не что иное, как выражение гнева дневного духа, оказавшегося взаперти, который требовал полного от нее отделения, чтобы он тоже мог отдохнуть и набираться новых сил.

Единственное, что Саре требовалось, чтобы покончить с кошмарами, по словам старика, – это выделять в конце каждого дня

некоторое время на спокойное созерцание окружающего, что сначала успокоит руководящий ею дух, а потом освободит его.

Даже Луис Хан не знал точного состава чайного отвара, который приготовил для нее в ту ночь целитель. Но Сара охотно выпила напиток, и ее сразу потянуло ко сну. Проснувшись она только через два дня и сразу поняла, что теперь ее дневным духом стал грациозный снежно-белый лебедь.

С тех пор каждый вечер, перед тем как ложиться спать, она предавалась созерцанию и часто чуть ли не видела, как улетает ее лебедь. Ее дни, даже самые суматошные, заканчивались покоем. И живые кошмары, с которыми ни она, ни многие другие врачи не могли ничего поделать, больше не повторялись – во всяком случае, до сегодняшней ночи.

В такое раннее время в доме Сары был отличный напор горячей воды, позже ее будет не хватать даже для приличного душа. Сара поддерживала уровень воды в ванной медленной горячей струей, пока не убедилась, что дрожь окончательно прошла. Ничего не случается без причины, напомнила она себе. Вера в это была одним из устоев, на которых она построила свою жизнь. Происходят события, которые учат нас или отсылают нас по другим, более важным направлениям. Пока она вытирала себя полотенцем и надевала халат, смысл кошмара – скорее, два смысла – стали для нее совершенно ясным.

Совершенно понятно, но абсолютно неприемлемо то, что она стала позволять, чтобы требования работы подавляли ее личную жизнь. Ее периоды созерцания и размышления стали короткими и малополезными. Связь с собственной духовной жизнью почти, порвалась. Она все меньше внимания уделяла себе, полагая, что ее труд на благо других достаточен, чтобы вдохнуть энергию для каждого очередного дня. Кошмар свидетельствовал о том, что это не так.

Кошмар говорил также о чем-то еще. Первые проблески зари засветились на фоне угрюмого, свинцового неба и высветили туманный дождь. Ага, понятно, ей нужно свободное время до работы, чтобы сосредоточиться, восстановить перспективу. Начиная с завтрашнего дня, решила она, если она не ночует в больнице, будет ставить будильник на двадцать минут раньше. Она включила пленку с записью океанского прибоя, положила большую подушку на пол и опустилась на нее в позе лотоса.

«Хоть бы мне сегодня сделать все правильно, – подумала она, делая несколько глубоких вдохов. – Для моих пациентов и меня самой. Пусть все будет хорошо».

Дыхание ее замедлилось, стало менее глубоким. Напряжение в мышцах исчезло. Ее мысли стали более расплывчатыми и менее навязчивыми.

Зазвонил телефон.

Пятый звонок свидетельствовал о том, что ее отвечающее устройство не включено, десятый – что звонивший проявляет настойчивость... или попал в беду. Ставя сто против одного, что ошиблись номером, или хуже – звонит чокнутый, Сара подползла к телефону возле тахты.

– Алло, – произнесла она, прочищая горло от остатков сна.

– Доктор Болдуин?

– Да.

– Доктор Болдуин, это – Рик Хоккис, из агентства Ассошиэйтед Пресс, присутствовал на вашей вчерашней пресс-конференции.

– С вашей стороны ужасно неумно и нетактично звонить в такую рань. – Она думала, бросить ли трубку. – Что вам надо? – все же спросила она.

– Ну, для начала хотел бы получить ваши замечания по поводу обвинений, содержащихся в утренней колонке Акселя Девлина в ваш адрес...

* * *

Лиза Грейсон сидела перед зеркальцем на распорке, стоявшем перед ней на столике-подносе, пытаясь как-то привести в порядок свои волосы. Через несколько минут в третий раз придет в больницу ее отец. На этот раз она готова встретиться с ним. Она решилась на это вчера вечером. Но меньше чем час назад посыльный доставил золотой кулон с бриллиантом и выгравированным на нем ее именем.

Если бы дело ограничилось только этим – если бы отец и дальше не понимал ее душевного состояния и того, что для нее важно, – она вполне могла бы опять прогнать его с глаз долой. Но к подарку была приложена записка. Она была написана на фирменной бумаге,

заказанной много лет назад еще ее матерью, на которой был оттиск силуэта их дома в Стони-Хилл. Лиза отложила гребенку и стала всматриваться в картинку, гадая, изменили ли хоть сколько-нибудь ее комнату. Потом снова перечитала записку отца.

"Дорогая Лиза!

Знаю, что ты сердисься на меня за многое, причинившее тебе боль. Я очень, очень сожалею, что поторопился, не попытался лучше понять тебя. Ты нужна мне. Прости меня, пожалуйста, и вернись в мою жизнь. Обещаю, что на этот раз все будет так, как ты хочешь.

Люблю тебя, папа".

«Я сожалею». Пять лет. Пять лет вырваны из их совместной жизни. Неужели он действительно понял, что именно этих слов она ждала. «Я сожалею... Ты нужна мне». Лиза коснулась своей забинтованной ампутированной руки. Теперь и она нуждалась в нем. Возможно, всегда нуждалась.

Звонок телефона возле кровати прервал ее размышления.

– Алло?

– Лиза, это Дженин из ординаторской. Опять пришел ваш отец.

Когда Уиллис Грейсон постучал и вошел в палату, Лиза встретила его, встав с кровати. В одной руке он держал розу, а в другой газету. На мгновение он задержался в дверях, рассматривая ее. Потом бросил розу и газету и заключил ее в объятия.

– Ты не представляешь, как я страдал без тебя, – воскликнул он.

– Папа, ты писал, что сожалеешь о причиненной мне боли... о том, что прогнал меня. Ничего другого ты не говорил.

– Хочу, чтобы ты вернулась домой. Сегодня же.

– Думаю, они не выпишут меня до завтра.

– Они сделают это сегодня, если ты об этом скажешь. Я уже переговорил с доктором Слайдером и доктором Бленкеншипом. Твоя кровь восстановилась, а швы мы можем снять в своей больнице.

– Как моя комната?

– В Стони-Хилл?

– Да.

– Почему ты спрашиваешь, она... она такая же. Такая же, как в тот день, когда ты... такая же, какой она была всегда. Ты поедешь?

– Мне надо кое-что упаковать на квартире, и я хочу попрощаться со своими соседями.

– Тим и я поможем тебе, – взволнованно произнес Грейсон. Твоя подруга Хейди может приезжать в любое время и жить у нас, сколько она пожелает. Я несколько раз разговаривал с ней. Она замечательная.

– Мы можем выписаться из больницы прямо сейчас?

– Мы предупредим сестер и, как только подойдут твои врачи и подпишут бумаги, тут же уедем.

– Перед отъездом я хотела бы повидаться с доктором Болдуин.

Выражение лица Грейсона стало напряженным.

– Лиза, не хотела бы ты на несколько минут присесть? Нам надо кое о чем поговорить.

Он подал ей газету «Геральд», раскрытую на колонке Аксея Девлина.

– Умерли две женщины? Это правда?

– Боюсь, что да. Принимала ли ты эти лекарственные травы?

– Раз в неделю. В конце два раза в неделю. Две другие женщины делали то же самое?

Грейсон кивнул.

– Лиза, в коридоре ожидают два человека, которых я привел с собой. Ты поговоришь с ними? Они адвокаты. Хочу их нанять.

– Нанять их?

Грейсон жестом указал на повязку.

– Если кто-нибудь, хоть кто-нибудь виноват в этом и... и в том, что произошло с моим внуком, твоим сыном, то я хочу, чтобы они дорого за это заплатили.

– Но доктор Болдуин...

– Лиза, я не говорю, что именно она несет ответственность или вообще кто-либо конкретно. Я лишь хочу, чтобы ты переговорила с этими адвокатами.

– Но...

– Золотце, две другие женщины и их младенцы уже погибли от этого. Надо докопаться до истины. Ради них, ради тебя и особенно ради той, что окажется следующей.

– Если ты пообещаешь мне, что ничего не станешь делать без моего одобрения, – задумчиво произнесла она.

– Обещаю.

– Папа, я серьезно это говорю.

– Ничего не будет предпринято без твоего одобрения. Так поговоришь ты с этими людьми?

– Если ты действительно, по-настоящему этого хочешь.

– Хочу.

Грейсон подошел к двери, приоткрыл ее и сделал знак. Тут же в палату вошли двое мужчин с атташе-кейсами. Один толстый, другой тощий, с резкими чертами лица, цепкими серыми глазами.

– Мисс Лиза Грейсон, – гордо произнес отец, затем жестом указал на толстяка: – Это – Гейб Прист. Его фирма ведет большую часть наших дел на Лонг-Айленде.

Адвокат сделал шаг вперед, готовый протянуть Лизе правую руку. Но тут же сообразил, что делает оплошность, отступил назад и кивнул.

– А этот человек будет заниматься нашими делами в Бостоне, – Грейсон попросил его жестом податься вперед. – Лиза, познакомься, пожалуйста, с Джереми Мэллоном.

Глава 14

В четверть второго пополудни, впервые в своей профессиональной жизни, Сара попросила, чтобы ее заменили на операции. Операция – перевязка трубы с помощью лапароскопа, была относительно несложной, которую ей даже хотелось сделать. Но все утро пришлось мельтешить на собраниях, совещаниях, давать объяснения, разговаривать по телефону. И хотя она очень старалась, но не смогла собраться, чтобы чувствовать себя уверенно в операционной.

Если врач отвлекается – по личным или профессиональным соображениям, – больница превращается для него в очень трудное и опасное место. Сара не раз слышала такое высказывание на обязательных курсах по вопросам профессионального риска и финансовой ответственности. Даже при самых благоприятных обстоятельствах, предупредил один лектор, возникает возможность совершения ошибки, которая, как ворона, устраивается на плече каждого доктора и питается усталостью, нехваткой времени, рутинной и отсутствием сосредоточенности. Распадающаяся семья, материальные затруднения, алкоголь, наркотики, обвинения любого характера в неправильном поведении только повышают степень риска.

Отвлечение хоть на мгновение, минимальный недоучет медицинского предписания, неумение заметить какой-то из десятков показателей лабораторных анализов – перечень возможных трагических исходов в отделении интенсивной терапии бесконечен, опасности часто носят завуалированный характер.

«Заставьте того или другого врача встать на место хирурга, – подумала Сара, – и вынудите его огласить мучающие его проблемы, и ворона, о которой говорил лектор, превратится в стервятника». Она выпила чашку чая в общежитии для стажеров и прилегла, пытаясь усилием воли отделаться от головной боли.

За звонком в половине шестого утра из Ассошиэйтед Пресс быстро последовали три других, тоже от журналистов, все они хотели узнать ее мнение о колонке Акселя Девлина. В десятый раз повторив, что комментировать колонку она не будет, в четвертый раз попросив

больше ей не звонить, она выдернула телефонный штепсель из розетки.

Попытка вернуться к медитации оказалась бесплодной. Наконец, надев желтый непромокаемый плащ, она под мелким дождем покатила свой велосипед к небольшому магазину в конце улицы. Там было всего трое покупателей, и все они, казалось, не сводили с нее глаз. Расплачиваясь за кофе и булочку у стойки с горячими напитками, Сара взяла, стараясь придать своему выражению как можно более индифферентный вид, экземпляр газеты «Геральд». Укрывшись в подъезде закрытого магазина дальше по улице, она сначала бегло просмотрела колонку, а потом внимательно прочитала сочинение Аксея Девлина.

Статья очень ее расстроила своей наглой предвзятостью и явным желанием подковырнуть. По существу, то, о чем написал Девлин, соответствовало фактам. Все три жертвы ВСК были на приеме у Сары в отделении помощи на дому. И все трое высказались за то, чтобы принимать лекарственные травы вместо синтетики. Но каковы бы ни были причины их кровотечения, эта проблема не имела ничего общего с их выбором. Травы, которые она прописывала, точно соответствовали составу, который, согласно научным исследованиям, превосходил синтетические лекарства. У нее имелись копии статьи, опубликованной на английском языке в одном из наиболее авторитетных медицинских журналов Азии, и она могла бы дать такую копию, если бы ее попросили.

За содержание и точность ее состава трав отвечал Квонг Тянь-Вен, один из старейших, наиболее опытных специалистов по лекарственным травам северо-востока страны. Она могла поспорить, что точность дозировок его лекарств была скрупулезнейшей, мало кто из фармацевтов, особенно занимающихся лекарствами для рожениц, был столь пунктуален. После принятия соответствующих правительственных правил о производстве лекарств для рожениц появились сообщения о том, что теневые компании распространили недоброкачественную продукцию. И зачастую такие лекарства таили в себе угрозу для жизни. Однако виновные если и наказывались, то только в форме предупреждений и чисто символических штрафов. Сара думала, что было бы неплохо осветить это в прессе. Если бы только Девлин честно отнесся к своей работе. Если бы он только

попытался узнать и ее точку зрения. А теперь перед ней маячила перспектива проведения пресс-конференции в одиночку, чтобы гарантировать ясность и полноту ответов на эти обвинения.

Все это утро окружавшая ее обстановка поразительно отличалась от поздравлений и похлопываний по плечу, характерных для того дня, когда она спасла Лизу иглотерапией. К тому времени, когда она пришла в родильно-гинекологическое отделение для обхода, там везде лежали копии статьи из «Геральд» – в ординаторской медсестер, на столиках в палатах больных, даже в служебной ванне.

Можно было чуть не физически чувствовать холодность со стороны многих медсестер, слышать шепот за спиной и краем глаза ловить жесты. Но практически никто не заговорил с ней об этой колонке... никто, за исключением заведующего ее отделением, начальника отдела кадров, старшего административного работника больницы и руководителя отдела по отношениям с общественностью.

К полудню она преодолела отчаянное нежелание зайти к Лизе. Уж кто-кто, а она-то и была тем человеком, который мог бы опровергнуть намеки Девлина. Ее расстроил вид пустой палаты, убранной и подготовленной для следующего пациента. Но еще больше поразило то, что Лиза уехала из больницы вместе со своим отцом пятнадцать минут назад, даже не попытавшись позвонить Саре. И не оставила никакой записки. Просто получила бумажку от Рэндала Снайдера о выписке и уехала. Час спустя Сара попросила, чтобы кто-нибудь заменил ее на операции с использованием лапароскопа.

В половине третьего она немного вздремнула, приняла три таблетки аспирина, что несколько сняло головную боль. Положив экземпляр «Геральд» на небольшой металлический столик, вынула из ящичка листы разлинованной бумаги. Сара всегда отличалась бойцовскими качествами, но в последнее время она дважды отказывалась удостаивать своим ответом выпады Акселя Девлина. На этот раз никак нельзя было отвернуться от его хамства. Она еще и еще раз повторит, в чем заключаются ее убеждения и какова ее квалификация. И она не успокоится до тех пор, пока не разоблачит его разрушительную, безответственную журналистскую практику.

В учебном заведении Уэлси высокой оценки удостоилась ее работа по антропологии, как по содержанию, так и по стилю изложения. Она была в состоянии подготовить такой информационный

материал для прессы, который поставит Девлина на место, а одновременно явится хорошим пропагандистским материалом в пользу фитотерапии.

Еще раз внимательно прочитав колонку, Сара подчеркнула ключевые слова, и фразы – это позволит определить, кто же был информатором Девлина. Гленн Пэрис говорил о постоянных, приносящих ущерб утечках информации и даже пригрозил, что выгонит с работы виновного, когда установит – кто это. Не явилась ли эта колонка результатом еще одной такой утечки или кто-то старался утопить именно ее?

«Предродовые дополнительные лекарства из трав... девять различных корней и трав... слоновый сонник... лунный дракон...»

Могло ли так случиться, что с Девлином встретилась одна из ее пациенток и показала ему полученные в клинике лекарства? Вряд ли. Она никогда не делала секрета из набора лекарств или их состава. И никто – даже сам Девлин – не проявлял к этому ни малейшего интереса. Не проявлял до сегодняшнего дня.

«Двое из этих... пациенток скончались, а третья осталась калекой...»

Сара машинально чертила карандашом на бумажной подстилке. Кто мог знать, что она принимала в клинике в то или иное время всех троих пациенток? У кого доступ к их историям болезни? Поверит ли Девлин кому-либо другому, кроме врача?

«Откуда поступают эти травы и корни? Кто проверяет их на зараженность?.. Их структурный состав?..»

Даже сами формулировки этих вопросов звучали профессионально. Кто-то передал ему их в готовом виде. Кроме того, этот кто-то почти наверняка медик, врач. Сара закрыла глаза на несколько минут, напрягая свою память, мысленно перебирая и сопоставляя различные факты.

– Неужели? – вдруг прошептала она. – Неужели это возможно.

Она запустила карандаш в стенку. Затем схватила больничный халат и бросилась из комнаты.

– Почему, Эндрю? – вслух воскликнула она, сбегая по лестнице вниз. – Господи, зачем он это сделал?

– Конечно, из-за денег, – прямо ответил Трюскот.

Сара стукнула кулаком по газете «Геральд», как раз по колонке с профилем Акселя Девлина.

– Эндрю, я знаю, что вы не любите Гленна и вам не нравится наше заведение. Но мы дружим более двух лет. Неужели вы можете так поступить со мной из-за денег?

– Не просто из-за денег, дорогуша. Из-за кучи денег. Что же касается дружбы... последний друг, которого я запомнил, украл у меня в четвертом классе велосипед и подарил его девушке, которая ему нравилась.

– Ах, Эндрю.

– Вы сумеете вылезти из этого, детка. Возможно, вы одна из самых умных женщин, которых я знаю. И запомните, нет плохой огласки, существует лишь гласность! Статья пробудит интерес общественности к вашим делам.

– Это чушь, и вы знаете это. Кто вам заплатил? Девлин? «Эвервелл»? – Сара с яростью смотрела на хирурга.

– В общем-то вас не касается, кто мне заплатил, – ответил Трюскот. – Сара, вы знаете, что я не возвожу клевету... ни на это заведение, ни на вас. Вы действительно принимали всех трех этих женщин, и вы снабжали их своими растительными препаратами.

– Эндрю, перед тем как передавать какую-то обрывочную информацию такому человеку, как Девлин, хотя бы потрудились переговорить со мной или почитать материалы исследований по этим дополнительным лекарствам. Вы знаете, что поступили нехорошо...

– Вот что я вам скажу, – выпалил он, ожесточившись. – Я признаю, что я поступил нехорошо, если вы признаетесь, что вы – высокомерны и нетерпимы к недостаткам своих коллег. Вы ходите, задрав нос от мысли, что вам известны большие секреты, неведомые нам, несчастным ограниченным Д.М. И каждому, здесь работающему, это кажется опасным.

– Но...

– Дайте мне закончить! Вы можете думать, что своим примером помогаете нам стремиться к совершенству в работе. Но даже в этом заведении, в этой скрипящей гранулированной общаге, где сходит с рук почти все, вы выглядите белой вороной. Женщины, работающие здесь в штате, считают, что у вас нет достаточной профессиональной

подготовки, а мужчины так вас опасаются, что избегают, как морские капитаны айсбергов. Поэтому перед тем, как критиковать меня, посмотрите сначала на себя.

У Сары слезы подступили к горлу. С ней обошлись несправедливо, этот человек явно несправедлив. И, несмотря на это, факт оставался фактом, он вынуждал ее оправдываться. В течение многих лет работы в МЦБ она видела всеобщее уважение и признание со стороны персонала – и мужского, и женского. Многие, вроде Алмы Янг, использовали каждый случай, чтобы сказать ей об этом. Оценка ее работы всегда была самой высокой среди стажеров. После двух десятилетий практической работы в одиночку, Рэндал Снайдер подумывал о том, чтобы взять ее в компаньоны. Почему она позволяет этому отголоску Питера Эттингера так хамить?

Она прикусила губу, преодолевая желание заплакать. Потом схватила «Геральд» и направилась к двери.

– Куда вы собрались? – спросил Трюскот.

– Продолжать свою работу.

– Как вы поступите с тем, что узнали?

– Если вы хотите знать, пойду ли я к Гленну, то отвечу: пока не знаю.

– Меня нельзя уволить. Без веских доказательств.

– Эндрю, отозвалась она, не поворачиваясь к нему, – благодаря вам в данный момент у меня появились дела поважнее, чем беспокоиться, уволят вас или нет.

Глава 15

7 июля

Гимнастический зал, просторный солярий в задней части Большого дома, были так же хорошо оборудованы, как и большинство клубов здоровья. Аннали Эттингер, хотя она и не была таким же фанатиком физических упражнений, как ее отец, все же ходила туда каждый день. Там был обычный набор гимнастических снарядов и оборудования: движущая лента для бега на месте, стационарные велосипеды, лодки, крутящиеся барабаны, тренажеры для ног и рук, а также бассейн с проточной водой, перекладины, козлы, акробатические маты и сауна. Сегодня Питер только что закончил урок с тренером и занимался теперь упражнением с гирями. Аннали симулировала, шагала себе по движущейся дорожке, ожидая удобного момента для разговора.

Хотя она больше и не боялась, как прежде, этого человека – многие годы он внушал ей большей страх, – но и не чувствовала себя спокойно рядом с ним. В большинстве случаев реакции его были непредсказуемы, и сейчас она совершенно не знала, как он отнесется к новости, которую она собиралась ему преподнести.

Она взглянула на него. Питер Эттингер и сейчас, в свои сорок восемь, фигурой производил впечатление тридцатилетнего. Он одержимо закалял себя, укрепляя мышцы и гибкость суставов, и по сорок минут тратил на упражнения по системе йогов. Он не привык поддаваться слабостям или неудачам в своей личной и профессиональной жизни. Как он отнесется к решению, которое приняла его дочь?

Аннали не было и двух лет, когда он привез ее из Мали. В своих рассказах об удочерении Питер ни у кого не оставлял сомнений, что он спас ей жизнь. Ее мать умерла от дизентерии, и шансы, что она сама выживет, были небольшие.

– Мне хотелось взять с собой всех сирот этой деревни, – много раз говорил он ей. – Но это было невозможно осуществить. Поэтому я, как врач, сделал все, что мог, для детей на месте, а тебя все же взял с собой, потому что ты намертво вцепилась мне в ногу.

С самого начала он установил для нее тот же режим, те же стандарты достижений и успехов, которых придерживался сам. Может быть, это было и неправильно, но другой формы воспитания он не знал. За все годы ее школьного обучения его не переставали беспокоить ее проблемы, особенно связанные с лишним весом. И хотя она чувствовала, что он осуждает ее полноту, часто несправедливо, она не сомневалась в его искренней заботе.

За двадцать лет их совместной жизни, он встречался со многими женщинами, с двумя жил и на одной женился. Но она никогда не чувствовала, что он ставит ее на второй план. И теперь, несмотря на годы мятежного настроения и невнимания Аннали, он радушно принял ее дома, обеспечивал материально и включил в свой проект «Ксанаду» – часть своей мечты.

Холистская община здоровья «Ксанаду» ввозилась на ста пятидесяти акрах пахотной и лесистой местности, размежеванной вековыми каменными заборами. Большой дом, беспорядочно построенное здание из тринадцати комнат, был сооружен в 1837 году. К тому времени, когда Питер купил эти развалины, дом пришел в упадок в такой степени, что несколько архитекторов сочли, что его невозможно восстановить. Он доказал, что они не правы. И вот теперь дом с высокими потолками, восстановленный в своем первоначальном виде, превратился в центр «Ксанаду». Питер выделил Аннали небольшой офис на первом этаже и назначил ее заместителем директора по сбыту и по связям с общественностью. Они решили – практически, решил он сам, – что когда она возобновит свои занятия в январе на последнем курсе, то перейдет на отделение бизнеса. А через полтора года получит диплом и станет магистром экономики управления. А до тех пор во время летних и зимних каникул будет наращивать свою роль в «Ксанаду».

И вот теперь, вольно или невольно, эти тщательно продуманные планы придется менять.

– Эй, папа, ты выглядишь молодцом. Хорошо выглядишь, – бросила она ему.

Питер приседал с пятифунтовыми гирями в каждой руке. Его лоб и коротко подстриженные серебристые волосы увлажнились от вполне нормального, по мнению Аннали, выделения пота. «Отличная,

испарина, – подумала она. – Так-то вот, Питер Эттингер в полном порядке».

– Наслаждайся молодостью, пока молод, – отозвался он, не замедляя темпа. – С годами это становится делать все труднее. Ты уже закончила?

– Да. Я... у меня сегодня нет особого настроения. После этого замечания Питер неожиданно прекратил свое упражнение.

– Раз уж ты завела об этом разговор, то хочу сказать, что в последние несколько дней ты выглядишь не лучшим образом, – заметил он, отираясь полотенцем.

«Пустяки, – подумала она. Она сомневалась, что они видели друг друга хотя бы пять минут в течение предшествующей недели. – Не надо давить на меня, Питер? Поверь, мне и так трудно».

– Слегка умаялся, да? – спросила она.

– Да, вот именно. – Он взглянул на ее черное с тонкими чертами лицо. – Очень забавно.

Аннали напомнила себе, что чувство юмора у отца было развито в значительно меньшей степени, чем остальные его замечательные качества. Она поступит правильно во время этого разговора, если поубавит свою склонность все вышучивать. Она потянулась всем своим длинным стройным телом и подумала, заметил ли он небольшую выпуклость под ее обтягивающими спортивными брюками.

– У меня немного побаливает живот, – сказала она.

– Может быть, выпьешь чая с джинсенгом?

Он посмотрел в окно на скрепер, который с грохотом спускался с холма, направляясь к строительной площадке, раскинувшейся амфитеатром у озера.

– И слегка вспучило.

– В таком случае, может быть, добавим немного настоя на коре яблони и шафране.

– И... и у меня уже пять месяцев нет менструации.

Питер заметно напрягся и медленно повернулся в ее сторону. – Сколько времени?

– Пять месяцев.

Его глаза сузились.

– Значит, надо полагать, что ты забеременела?

Аннали удалось изобразить слабую улыбку.

– Вполне вероятное предположение, – отозвалась она.

– Вест? Музыкант?

– Да. Его зовут Тейлор, отец, если ты не забыл.

– Ты уверена в этом?

– В том, что его зовут Тейлор?

– Нет, что ты в положении.

Аннали изучающе смотрела в лицо отцу и вслушивалась в его голос, чтобы понять, о чем он думал и что чувствовал. На первый взгляд признаки были обнадеживающие.

– Уверена, провели тест. И, Питер, прежде чем ты задашь очевидный вопрос, хочу сказать, что я очень счастлива и взволнована всем, что произошло.

– Очень приятно.

– Папа, не ругайся.

Питер натягивал на себя просторную махровую водолазку. Аннали видела, что он пытается осмыслить услышанные новости. Его неудовольствие просматривалось легко. Но в этом не было ничего удивительного. Ему мало что нравилось из того, что делалось не по его инициативе или не под его контролем.

– А Тейлор?

– Он будет продолжать разъезжать со своим оркестром. Но, рано или поздно, мы поженимся.

Питер схватил десятифунтовую гирю и рассеянно с полдюжины раз покрутил ею сначала одной рукой, потом другой.

– Ты любишь его? – неожиданно спросил он.

Вопрос застал Аннали врасплох – особенно учитывая то обстоятельство, что он задал его до расспросов о доходах или материальных перспективах Тейлора.

– Да... да, я очень его люблю.

– И он серьезно относится к своим занятиям музыки?

– Да, очень серьезно.

Аннали не верила своим ушам. На такую реакцию она даже не могла рассчитывать, Питер открывался ей с совершенно неожиданной стороны.

– У меня есть знакомый, – собственно, пациент – вице-президент компании пластинок «Блю ноут». Тебе известна эта компания?

– Туда попадают только лучшие джазы...
– Могу для оркестра Тейлора устроить прослушивание с целью записи.

– Питер, это было бы замечательно.

– После свадьбы.

– Такое, собственно, условие... это зависит от...

– И если мой знакомый сочтет, что они на уровне, я материально поддержу выпуск их альбома.

– Понимаю.

– При условии, что вы оба и ребенок поселитесь здесь, в «Ксанаду» – во всяком случае, до тех пор, пока не встанете на ноги в финансовом отношении.

– Очень великодушное предложение.

– Аннали, ты мое единственное дитя. Хочу, чтобы тебе жилось хорошо.

– Понимаю, – отозвалась она, все еще удивленная и сбитая с толку. – Не могу поручиться, что Тейлор примет твои условия, но надеюсь, что согласится.

– Так же думаю и я, – продолжал Питер. – И конечно, я хочу, чтобы роды состоялись здесь, в «Ксанаду». Мы привезем сюда лучших в мире акушеров.

– Питер... я... я, в общем-то, решила рожать ребенка в больнице под присмотром профессионального врача-акушера.

– Вот как?

Аннали остро чувствовала, что отец уже догадывался, что за этим последует.

– Я уже ходила к одному врачу. Она согласилась взять меня в свои пациентки.

– Она?

Аннали вздохнула.

– Сара. Сара Болдуин. Я ходила к ней на прием в больницу.

Взрыва, которого она опасалась, опять не произошло.

– Знаю, – спокойно заметил Питер.

– Что?

– Видел тебя в зрительном зале в вечерней сводке новостей. Не будет преувеличением сказать, что ты явно выделялась в этой толпе.

– Почему же ты ничего не сказал мне об этом?

– Говорю теперь кое-что. А теперь, когда я узнал, зачем ты ходила туда, скажу значительно больше. Я не допущу, чтобы мой внук появился на этот свет в зараженной микробами, провонявшей антисептическими средствами, подверженной множеству ошибок больнице. И особенно не допущу к этому Сару Болдуин.

– Но...

– Аннали, вон там на скамейке лежат экземпляры вчерашней «Геральд» и сегодняшней «Глоб». В обеих этих газетах помещены статьи о Саре. Похоже, что ты не читала их и не слушала новостей вчера вечером. Иначе ты наверняка сказала бы об этом.

Он терпеливо ждал, пока она пробежит статьи в этих газетах.

– Рекомендовала ли она, тебе эти травы? – спросил он.

– Да. Я... я думала, что к этому ты отнесешься одобрительно.

– Я ничего не одобряю из того, что делает или когда-либо сделает Сара, за исключением разве лишь ее отказа, полного отказа от вредных усилий сочетать медицину и целительное лечение.

– Но...

– Аннали, мне надо встречаться с людьми в два часа пополудни. Думаю, что тебе следует поприсутствовать на этой встрече.

– Кто такие?

– Два часа. В моем кабинете. И пожалуйста, ни слова Саре Болдуин... во всяком случае, до тех пор, пока ты не выслушаешь этих людей. Договорились?

Аннали внимательно всматривалась в выражение боли и злобы на лице отца. Она знала, что Сара уязвила его своим уходом. Но до настоящего момента не представляла себе, как глубоко.

– Договорились, – наконец сказала она.

Глава 16

8 июля

Лидия Пендергаст согнулась в пояснице и медленно, очень медленно стала вытягивать руки к полу. С одной стороны небольшой комнаты для осмотров внимательно наблюдали за ней Сара, костоправ Захарий Риммер и одна из сестер группы снятия боли.

– Все ниже и ниже мы сгибаемся, – произнесла Лидия, – и никто не знает, где остановимся.

Это была бодрая для своих семидесяти лет женщина, которая практически слегла из-за болей в пояснице и радикулита. Целый ряд ортопедов и нейрохирургов в качестве причины ее недомогания называли перерождение и отвердение артрических шпор. Они указывали на ненадежность хирургического вмешательства ввиду ее преклонного возраста и застарелого характера шпор, а поэтому-де ее нельзя оперировать. В конце концов, один из них направил ее в группу снятия боли МЦБ, междисциплинарную клинику, которая быстро становилась известной и уважаемой на всем северо-востоке страны.

Вскоре после приезда в больницу Сара стала добровольно предлагать свои услуги в качестве иглотерапевта в клинике. Обычно она выделяла для этого полдня в неделю.

Кончиками пальцев Лидия коснулась плиток пола.

– Та-да, – пропела она, не распрямляясь. – Ладно. А теперь, доктор Болдуин, это для вас.

Она немножко поправила стойку, продолжая нагибаться, пока не положила ладони на пол, и подождала, пока Сара сделает ей фотоснимок старым фотоаппаратом клиники фирмы «Поляроид». Потом под аплодисменты небольшой группы зрителей она выпрямилась и сделала реверанс.

* * *

«Да благословит вас Господь. Да благословит вас всех Господь...»

Слова Лидии Пендергаст эхом отдавались в сознании Сары, когда она уносила свою коробку с иглками вверх по лестнице к закрывающемуся шкафу здания «Тайер». Успех лечения, благодарность пациентки, предстоящая работа в будущем. День казался почти нормальным, особенно если его сравнить с двумя предыдущими. Все еще чувствовался холодок со стороны многих штатных работников больницы, что Саре было неприятно, но вполне терпимо. И несколько раз, когда она была на грани срыва, кто-нибудь говорил ей что-то доброе и поощрительное. Но и бессовестное давление продолжалось. Дома она перестала отвечать на телефонные звонки и попросила больничного коммутатора внимательно просеивать всех звонивших к ней.

Удовольствия это не доставляло. Но она знала, что и это пройдет, как все на свете.

Сара открыла дверцу своего шкафа и оказалась частично загроможденной ею, когда плавно разъехались дверцы лифта, из которого вышел Эндрю Трюскот. Он торопливо пошел по коридору и вошел в 421-ю комнату, одно из спальных помещений, которым Сара часто пользовалась. Странно, что Эндрю устроил себе перерыв в такой час, размышляла она, хотя дело двигалось к обеду. Возможно, он хотел прикорнуть, чтобы снять головную боль, или что-либо еще.

При этой мысли она улыбнулась.

От одной болезни ему не придется отделяться – от беспокойной мысли, что она обо всем расскажет Гленну Пэрису. Она решила не делать этого через несколько часов после столкновения с Эндрю и на следующий день сообщила ему об этом. Сара не ждала от него благодарности и не обманулась в этом.

– Делайте что хотите, – вспыхнул он. – Без доказательств и учитывая ваше теперешнее положение в больнице, сомневаюсь, чтобы Пэрис или кто-либо другой вообще обратил внимание на любые ваши слова.

Она знала, что Трюскот совершенно прав. У нее хватало проблем, и без дополнительной дуэли со старшим стажером-хирургом безупречной репутации. Но даже и с учетом этого она бы не постеснялась и доложила о нем, если бы считала, что это что-то даст. Но если утечка информации продолжится, то выбора у нее не будет.

Сара уже хотела закрыть на ключ свой шкаф, когда двери лифта опять плавно разъехались. На этот раз из него вышла Маржи Ейтс, мать двоих детей, жена славного парня, который руководил отделом социального обслуживания в больнице. Она была яркой и привлекательной женщиной и ужасной кокеткой. Сара не могла не увидеть из-за двери шкафа, как Маржи расправила свою белую больничную юбку, осмотрелась в маленькое зеркальце, тихо постучала в дверь комнаты 421 и проскользнула внутрь.

Эндрю и Маржи Ейтс! Ничего особенно удивительного в этом нет, решила Сара, тихо закрывая на замок дверцу шкафа, и направилась к находившейся рядом лестничной клетке. Эндрю редко говорил о своей жене или ребенке. И время от времени в МЦБ появлялись слухи о связях Маржи с разными врачами. Оба героя страдали огромным самомнением и сильно нуждались в том, чтобы его постоянно подпитывать. Их свидание было вполне закономерным.

В кафетерии Сара взяла салат из тунца, картофельные чипсы и ананасовый сок и вынесла этот свой обед на улицу, на один из столов во дворе городка. Вначале признался, что предал свою больницу, а теперь эта связь с Маржи Ейтс. Не слишком ли большая нагрузка на одного человека? Сара быстро поела и вернулась в здание больницы через хирургическое отделение. Эндрю вызывали, его фамилия значилась на световом табло над дверьми. Вызывали в 227-ю палату. Стажер первого года хирургического отделения по имени Брюс Лонган бегом пробежал мимо, нее к лестничной клетке, направляясь на второй этаж.

– Эй, Брюс, что случилось, – крикнула она.

– Не знаю, – отозвался он взволнованным голосом, не останавливаясь. Возможно, разрыв на три А.

Разрыв кровеносной артерии на три А – абдоминальный аневризм аорты. Это было одно из самых серьезных хирургических происшествий. Даже если бы у нее были свои неотложные дела, а их в течение ближайшего часа не было, то и тогда Сара немедленно отозвалась бы на такой призыв о срочной помощи. К тому же, подумала она иронично, в данный момент Эндрю Трюскот может оказаться не в лучшей форме, чтобы провести срочную операцию на кровеносных сосудах.

Палата 227 находилась в начальной стадии организационного хаоса, вызванного кризисом учебного процесса в больнице. Брюс Лонган и еще один стажер-хирург метались возле старого джентльмена, который был явно в тяжелом состоянии. Он корчился и стонал, и, кажется, готов был потерять сознание.

– Принесите десять единиц совместимой крови и удостоверьтесь, что в операционной все наготове, – выкрикнул Лонган. – Арт, обеспечь ему артериальный подвод. Кто-нибудь посмотрите за давлением! Черт подери, где же Эндрю?

– Чем могу помочь я? – спросила Сара в то время, как над головой опять вспыхнуло табло, срочно вызывающее Эндрю в палату.

– Этот человек – пациент Эндрю, – пояснил Лонган. – Он поступил три или четыре дня назад для лечения аневризма. Страдал сердечной недостаточностью, поэтому решили отложить операцию, пока не подлечат сердце. Операцию наметили на завтра. Только что сюда заглянула медсестра и обнаружила его в этом состоянии. У него сильно упало давление. Живот стал твердым. Видно, открылось кровотечение от разрыва три А. Дьявольщина, вызывают ли они Эндрю звуковым аппаратом помимо светового табло?

В этот момент Сара вспомнила, что на спальнях этажах здания «Тайер» световое табло не установлено. Несомненно, Эндрю не оставил номера телефона оператору. Если его звуковой прибор, бипер, был выключен, никто не сможет отыскать его. Никто, кроме ее самой. Она взяла телефонный справочник возле кровати и посоветовала оператору позвонить в здание «Тайер», комната 421.

– Если доктор Трюскот не ответит, немедленно позвоните мне, – велела она.

К Лонгану и другому стажеру присоединился кто-то из терапевтов. Было ясно, что пациент слабеет. Лонган, имевший степень Д.М., начал проходить здесь практику ровно неделю назад. Он ничего не мог сделать без старшего стажера-хирурга, специалиста по кровеносно-сосудистой системе. Он совершенно растерялся.

– Световое табло в месте, где находится Эндрю, может не работать, – сказала Сара, понимая, что она должна взять контроль в свои руки, пока не подойдет кто-либо из старших хирургов. – Я кое-что посоветовала оператору, как с ним связаться. А пока что следите за переливанием крови, используйте стетоскоп Допплера, проверьте

пульс, введите в мочевой пузырь катетер и приготовьте все для операции. Почему такие судороги?

– У него давление только шестьдесят, – ответил стажер. – Вот почему.

Хотя она про себя и допускала, что стажер может быть прав, но ее не удовлетворило такое объяснение. Она видела многих пациентов в шоковом состоянии, некоторых даже в апоплексическом ударе. Но здесь было другое, что-то непохожее на те случаи. Ничего особенного не демонстрируя, она внимательно проверила пульс старика в иглотерапевтических точках. В некоторых из них пульс был слабый, еле заметным наполнением, Сара не могла судить наверняка, ей не хватало опыта, и тем не менее случай, как ей казалось, носил более общий характер, чем артериальное кровотечение. Возможно, какой-то вид метаболического расстройства.

Специалист по крови только что взяла у мужчины кровь. Сара отвела женщину в сторону.

– Попросите, пожалуйста, сделать полный химический анализ, – сказала она. – Как можно быстрее. Особенно на электролит, сахар, кальций, фосфор и магний.

Телефон у кровати зазвонил. Сара сняла трубку, послушала и положила ее пять на рычаг.

– Доктор Трюскот сейчас придет, – сообщила она.

* * *

Прошло почти пять минут, прежде чем Эндрю ввалился в палату. К тому времени у кровати уже находился анестезиолог, пациенту перелили некоторое количество совместимой крови. Операционная тележка стояла в коридоре рядом с палатой в ожидании броска в операционную. Позвонили семье пациента и сказали, что ему стало хуже. Экстренное вмешательство в противовес выборочному терапевтическому лечению резко снижало шансы на благополучный исход.

– Прошу всех извинить меня, – сказал Трюскот, немедленно беря на себя контроль. – Мой чертов бипер отказал.

Совершенно не замечая Сару, он быстро оценил физическое состояние старика и тут же приказал ввезти транспортную тележку в палату. Потом повернулся к стажеру, который дал нервное, несколько путаное описание случившегося.

– Я держу операционную в состоянии готовности, – закончил докладывать Лонган. – Взята кровь для химических анализов и проверку на совместимость.

– Очень хорошо, дружище, – выпалил Трюскот, еще раз прослушивая живот мужчины своим стетоскопом. – Потому что мы сделаем разрез, прежде чем вы успеете произнести: «Привяжите моего кенгуру».

В палату быстро ввезли транспортную тележку и начали перекладывать пациента на носилки. Только тут Трюскот обратился к Саре.

– Так что вас привело сюда, доктор? – спросил он. – Нет ли у этого человека каких-либо гинекологических проблем помимо всего прочего?

Одна из медсестер громко рассмеялась. Сара сохранила хладнокровие, напомнив себе о том, что она слишком невысокого мнения об этом человеке, чтобы позволить ему вывести ее из себя.

– Я подумала, что, может быть, вы несколько приустали и вам потребуется небольшая помощь, – ответила она. – Знаю, что вы отдыхали в комнате 421. Я находилась возле своего шкафа, когда вы туда вошли. Именно от меня оператор светового табло узнал, где вас можно найти.

Трюскот побледнел. Уголки рта его скривились.

– Благодарю вас, – выдавил он. – Вы бесконечно добры ко мне в последнее время.

– Не стоит, – отозвалась Сара, не сводя с него взгляда.

Команда закончила погрузку старика на носилки. Трюскот быстрым жестом руки направил их в операционную. Палата мгновенно опустела, остались Сара и одна из медсестер. Пол, забросанный окровавленными тампонами, марлевыми повязками, использованными шприцами, резиновыми перчатками, коробочками, где была жидкость для переливания и другими медицинскими отбросами, напоминал поле битвы. Сара, все еще не снявшая своих перчаток, начала собирать некоторые из разбросанных предметов.

– Я сама все сделаю, – сказала медсестра.

– Почему вы считаете, что лучше подготовлены для этого, чем я?
Медсестра улыбнулась.

– Спасибо, – поблагодарила она.

В этот момент в комнату торопливо вошла специалист по крови, неся компьютерную распечатку.

– Куда все подевались? – запыхавшись, спросила она.

– Все направились в операционную. Почему вы спрашиваете?

Технический специалист подала распечатку.

– Уровень магния у него – ноль четыре десятых, – сообщила она. – Старший просил передать вам, что они дважды сделали замер... и...

Сара больше ее не слушала. Она взглянула на телефон, передумала и бегом припустилась из комнаты. Уровень магния 0,4, значительно ниже нормы, давал полное клиническое объяснение случившемуся. Надо предупредить Эндрю, иначе это приведет к смертельному исходу во время операции. Видимо, мужчина плохо переносил интенсивное лечение мочегонными средствами, которые применялись, чтобы поправить его сердечную недостаточность.

Ятрогеника: болезни или ранения, вызванные словами или делами врачей.

В памяти Сары высветилась фраза, которая когда-то украшала письменный стол Эттингера. Были все основания считать, что поразительное ухудшение состояния больного вызвалось лечением – а не самой болезнью – мочегонными лекарствами, а не аневризмом. Она ворвалась в операционное отделение, когда ввозили носилки на тележку в одну из операционных комнат.

– Эндрю, подождите, – крикнула она.

* * *

Потребовалось меньше получаса, чтобы старик отреагировал на укол магния и проснулся. До своего ухода на пенсию год назад Теренс Купер был довольно известным судостроителем. Он заразительно смеялся и обезоруживающе улыбался беззубым ртом. И, встретив

Сару, тут же пригласил ее на свидание, заверив, что жена особенно возражать не будет.

– Миссис Купер уговаривает меня попытаться заняться чем-то новеньким, – заметил он.

Сара позволила ему пожать свою руку и повернулась, чтобы уйти. До этого момента Эндрю почти ничего не сказал ей. А сейчас загородил дорогу к двери.

– Могу объяснить относительно комнаты четыреста двадцать один, – тихо предложил он.

– Мне это абсолютно безразлично, – отозвалась она. – За исключением того, что вам бы следовало быть более собранным, когда вы вернулись сюда. Если бы вы не... спали, то, думаю, сообразили бы проверить показатели химических анализов, а уж потом повезли больного в операционную.

– Полагаю, что вы правы.

– Хорошо, – бросила Сара, обходя его по пути в коридор. – Люблю быть правой.

– Спасибо, что уберегли меня от неприятностей, – крикнул он ей вдогонку. – Вы чертовски хороший доктор.

Сара не сразу нашлась что ответить и просто мотнула головой, продолжая идти. Ее личный аппарат звуковой сигнализации зазвучал как раз в то время, когда она подошла к родильно-гинекологическому отделению. Она ответила, надеясь услышать голос Эндрю с предложением продолжить примирение. Но вместо этого в переговорнике раздался голос Аннали Эттингер.

* * *

Сара сидела на краешке кушетки в небольшом приемном кабинете для местных жителей и с грустью слушала рассказ Аннали.

– Не знаю, что расстроило его больше, – говорила Аннали, – что я вообще ходила к какому-то доктору или что я ходила именно к вам.

– В этом уравнении я – самая незначительная величина. Я знаю ученого акушера в Ворчестере, который с удовольствием примет роды на дому.

– Питер настроен против всяких докторов. Только повивальные бабки. Он даже говорит о том, чтобы доставить кого-то самолетом из Мали.

– А как относитесь вы ко всему этому?

– Мне очень жаль, что о вас такое пишут в газетах. Мне на это наплевать.

– Хорошо.

И даже то, что обещал Питер, – деньги, возможность записаться для Тейлора и все остальное. Но как бы я ни относилась ко всему этому, я не могу не учитывать того, что Питер сделал для меня... с самого начала.

– Понимаю.

– Знаю, он далек от совершенства, но...

– Аннали, вам нет необходимости объяснять мне это. Мне все понятно. К тому же вы здоровая молодая женщина в отличной форме. У меня нет оснований полагать, что возникнут какие-либо проблемы. Я направлю вам фамилии акушеров в Ворчестере, просто на всякий случай, вдруг вам понадобится их помощь.

– Спасибо, Сара, что вы так просто отнеслись к этому.

– Пустяки.

Наступило долгое, затянувшееся молчание.

– Сара, есть еще один вариант, – наконец произнесла Аннали. – Питер настаивает, чтобы я присутствовала на совещании в его кабинете.

– Продолжайте.

– Будут четверо мужчин и Питер. Они хотят подрядить его проверить состав ваших дополнительных лекарственных трав, а также проверить кого-то по имени Кванг или Квок, что-то в этом роде. Вы не знаете, кто это такой?

Сару начало подташнивать.

– Да, я знаю такого человека, – ответила она. – Кто такие эти четверо?

– Двое из них стряпчие из Нью-Йорка... адвокаты. Они пришли с этим мужчиной, Уиллисом Грейсоном, отцом молодой женщины, которую вы спасли. Этот хлыщ, должно быть, большая шишка, потому что Питер прыгал вокруг него на задних лапках. Он держал себя так, как будто я тоже знаю, кто он такой, но я его не знала.

– А кто был четвертый? – спросила Сара. Ее рука, державшая трубку телефона, стала холодной, как лед.

– Еще один адвокат. Более скользкий, чем другие, если вы понимаете, что я хочу сказать. По фамилии Мэллон.

– К несчастью, и он мне знаком.

– Сара, Питер сказал о вас некоторые очень нехорошие вещи. Думаю, он хотел, чтобы я их услышала тоже. Он сказал, что вы никогда не были хорошим специалистом по лечебным травам или иглотерапевтом, хотя самонадеянность ваша известна. Я чуть не попросила его замолчать, хотела просто уйти, но не решилась ни на то, ни на другое. Очень... очень сожалею.

– Аннали, ни о чем не жалейте, – посоветовала Сара. – Поступайте так, как вам подсказывает сердце. И не пропадите. Очень признательна, что вы позвонили мне так, по-свойски.

– Жаль, что так получилось, – добавила Аннали.

Сара повесила трубку, ничего больше не сказав. Она почувствовала, что если скажет еще хоть одно слово, то расплечется. И Аннали не заслуживала дополнительных переживаний: Как это все горько. Когда ни были вместе – работали и любили, – Питер говорил ей и любому встречному, готовому выслушать его, что она одна из лучших американских фито– и иглотерапевтов, которых он когда-либо встречал. А теперь она неожиданно стала неумелой обманщицей.

Сара взбила подушку, опрокинулась на нее навзничь и уставилась утомленно в потолок. Истина заключалась в том, что, получив степень Д.М. и пытаясь слить воедино лучшие достижения восточной и западной медицины, она превратилась в угрозу для врачей по обе стороны. То, что Эндрю и Питер, два врача, теперь нападали на нее, и оба эти врача были мужчины, могло иметь или не имело никакого значения. Но она подозревала, что имело.

Так, оставаясь в одиночестве, она немного поплакала. Но вскоре почувствовала новый душевный подъем, который приходил на смену гневу. Она не сделала ничего плохого, если не считать, что ущипнула два надутых самомнения. И раз они захотели драки, то они ее получат. Сара взяла трубку телефона и по личному переговорному устройству, пейджу, соединилась с Ели Бленкеншипом. Через минуту он позвонил ей.

– Доктор Бленкеншип, – начала она. – Точно не знаю, с кем мне надо переговорить или что мне надо делать, но я бы хотела поскорее с вами встретиться. Думаю, что против меня затевается судебное дело.

Глава 17

20 июля

Сара была уверена, что были моменты в ее жизни, когда она чувствовала себя так же не в своей тарелке и так же неловко, как сегодня, но никак не могла припомнить, когда же именно. Зал заседаний правления МЦБ был длинный и довольно узкий, с пушистым восточным ковром на полу, высокими, от пола до потолка, окнами с видом на город и массивным столом из орехового дерева, вокруг которого стояли двадцать обтянутых кожей стульев с высокими спинками. Хотя Сара и не бывала в этом зале раньше, она о нем слышала, главным образом в связи с причитаниями докторов, что Гленн Пэрис оборудовал этот зал за счет закупки медицинского оборудования. На одном конце стола сидели и мирно беседовали, попивая коктейли, приготовленные в зеркальном баре, пять человек – Пэрис, доктора Снайдер и Бленкеншип, начальник финансового отдела Колин Смит и очень чопорный адвокат по имени Арнольд Хайден. Сара ходила возле другого конца стола, поглядывая то на окна, по которым стучал дождь, то на свои ручные часы.

Несколько дней назад от адвоката Джереми Мэллона поступило письмо в страховую компанию Сары, Организацию взаимной медицинской защиты (ОВМЗ), придав иску официальный характер. Лиза Грейсон подала на нее в суд за неправильное лечение. Двумя днями позже ответственный за разборы материальных исков в Организации взаимной медицинской защиты поручил ее дело адвокату по имени Мэтью Даниелс. Это он попросил устроить сегодня встречу.

Сара разговаривала по телефону со своим новым адвокатом почти час, но мало что почерпнула из этой беседы: он был южанин и не очень словоохотлив. Личной встречи с ним у нее еще не было, и ей мешало туманное представление об адвокатах вообще по голливудским стандартам: лысеющие, потеющие чиновники с животиками.

– Сара, – позвал ее Пэрис, – идите сюда и выпейте рюмку «Шабли». Нам всем действует на нервы, что вы там топчетесь.

Сара заколебалась, потом решила идти путем наименьшего сопротивления и согласилась. Пэрис и руководители двух отделений достаточно любезно отнеслись к ней после предъявления иска, но она видела, что у каждого были свои сомнения.

– Интересно, почему это Даниелс захотел, чтобы мы собрались здесь, в больнице, а не в его конторе, – громко заметил Арнольд Хайден. – Странно. Совершенно необычно.

– Арнольд, вам о нем что-нибудь известно? – спросил Смит.

– Нет, я начал наводить справки, но пока узнал немного. – Он закончил юридическое училище в Эссексе.

– Это вам не Гарвард.

– Его фирма называется «Даниелс, Ханниган, Гольдштейн». Никогда не слышал о такой. Но я поручил навести справки.

– Уверена, что страховая компания не станет назначать плохого специалиста, – заметила Сара. – Речь идет о деньгах. К тому же, думаю, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы доказать несостоятельность обвинений в мой адрес. У Мэллона для обоснования его иска имеется лишь одно – все три женщины принимали мои дополнительные лекарственные травы. Но вы можете показать на многих других, которые тоже принимали эти лекарства и совершенно нормально разродились.

– Верно, – подтвердил Бленкеншип. – Впрочем, чтобы завершить весь цикл, нам бы надо найти еще один аналогичный случай ВСК, который бы произошел с женщиной, не принимавшей никаких других лекарств, кроме обычных предродовых витаминов.

– Я бы предпочла быть осужденной, только бы не знать ни об одном подобном случае, – воскликнула Сара.

– Конечно, разумеется. Нечего и говорить, что мы все думаем так же. Но если бы такой случай произошел – или уже произошел где-то в другом месте, – Это сразу же сняло бы удавку и с вас, и с ваших смесей, просто автоматически.

Сара снова посмотрела на часы и возобновила хождение. Мэтью Даниелс опаздывал уже на пять минут. Когда он подойдет, то среди собравшихся будут два адвоката, два профессора медицины, два старших должностных лица больницы и она. То, что она оказывалась единственной женщиной в группе, более или менее нейтрализовывал ее статус Д.М. Но на душе было неспокойно. Еще бы, она – почти

обвиняемая. Жаль, что не согласилась присутствовать Роза Суарес. Эпидемиолог отбрыкнулась, сказав, что для ее расследования будет лучше, если она останется в стороне от происходящего.

После приезда на место Сураес, казалось, дневала и ночевала в МЦБ. Сара видела ее в любое время дня. Она ходила по коридорам с копиями бумаг в руках, сидела за горой книг в библиотеке, делала выписки в регистратуре или разговаривала с сотрудниками. Она провела с Сарой длительную беседу в начале своего расследования и несколько более коротких бесед позже. Хотя Суарес неохотно говорила о чем-либо, не связанном с ее командировкой, она все-таки делилась некоторыми сведениями о себе: у нее есть муж в штате Джорджия, а в Бостоне нет ни родных, ни друзей. Сара отреагировала на это, пригласив ее на обед, но женщина любезно отказалась. Манера ее поведения была мягкая, совершенно не агрессивная, но Сара без труда определила, что она была проницательным и решительным человеком.

– Сара, – спросил Пэрис. – Вы составили этот список трав, входящих в ваше предродовое средство?

– Список составила, а вот описание каждой составной части пока нет. Это сделала Роза Суарес. Она намерена подробно представить эту информацию, когда проведет свои исследования.

– Она сейчас занимается этим делом. Что за любопытный медвежонок, эта женщина. Мне остается лишь пожелать, чтобы она получше информировала меня о происходящем. Похоже, я ей не очень нравлюсь, хотя, будь я проклят, если знаю почему. Практически я предоставил ей свободу действий в больнице. Удалось ей до чего-нибудь докопаться?

– Она попросила меня выделить ей одного из моих технических работников и проводит параллельно со мной лабораторные работы по выращиванию некоторых бактерий, – вступил в беседу Бленкеншип. – Сара, я согласен с Гленном. Миссис Суарес чрезвычайно способный человек. Но она ужасно скрытная. Но, впрочем, я предчувствую, что ей удастся докопаться до истины.

– Что ставит под вопрос всю эту затею с нашей сегодняшней встречей, – добавил Пэрис. – А адвокат сильно опаздывает.

– Опаздывает на назначенное им же совещание, – причмокнул Арнольд Хайден. – Странно. Очень стран...

Как будто по подсказке, в дверях зала заседаний показался Мэт Даниелс, который, не входя, отряхнул свой зонтик, снял плащ и боком вошел в зал. Как только он повернулся, Сара с удовольствием отметила, что ее представление о нем очень отличалось от действительности. Он был высок и хорошо сложен, с обветренным суровым лицом. И промок насквозь.

– Даниелс. Мэт Даниелс, – произнес он, отирая мокрым платком лоб и черные волосы. – Простите за опоздание. Спустило колесо. Сегодня я столько натворил глупостей, вы себе просто не представляете.

У него было характерное для южан протяжное произношение, и он казался достаточно бесхитростным и почти так же не на своем месте здесь, как и она сама. Адвокат собрался поздороваться за руку с мужчинами, которые были ближе к нему, первым оказался Рэндал. Снайдер. Но когда увидел, что заведующий родильным отделением смотрит на него сухо, сделал шаг назад и просто поклонился.

– Непривычно, – подумала с удовольствием Сара. – Очень странно.

Даниелс обошел стол, направляясь к незанятому стулу, положил свой атташе-кейс на стол и насухо вытер его рукавом своего спортивного пиджака. Если он и заметил выражение насмешки и удивления на лицах остальных пяти мужчин, то никак не показал это.

– Мистер Даниелс, – она протянула ему руку, которая утонула в его ладони, – я – Сара Болдуин.

– Мэт, – отозвался он. – Просто Мэт.

Она представила ему остальных пятерых, но не назвала имени Арнольда Хайдена.

– Ну что же, еще раз прошу извинить меня и благодарю вас всех за то, что вы пришли сюда в такой вечер, – начал Даниелс после того, как Хайден с некоторым раздражением восполнил пробел Сары. – Нашим противником в этом деле является юрист по имени Джереми Мэллон. Я решил организовать это совещание после того, как поговорил с ним сегодня с утра. Как вы увидите ниже, он настроен побоевому.

Никакой характеристики этого противника. Сара заметила, что сотрудники МЦБ обмениваются взглядами, ей нетрудно было

прочитать их мысли. По словам Гленна Пэриса, Мэллон стал легендарной личностью в кругу нечистоплотных дельцов.

– Мистер Даниелс, известно ли вам, что за человек этот Джереми Мэллон? – спросил Арнольд Хайден.

«Ох ты, – подумала Сара. – Начинается».

– Нет, сэр. Практически не знаю.

– Так вот, мистер Даниелс, – продолжал Хайден, откашлявшись. – Я... э... думаю, что перед тем как начать нашу беседу, неплохо было бы немного узнать о вашем опыте работы в области преступной небрежности среди медиков. На больницу пока что в суд не подавали, но имеются все основания полагать, что на нас подадут иск, если Сара будет проигрывать... и не только от имени Грейсон, но также и от имени семей и других женщин; Более того, нам угрожает трепка в прессе. Поэтому, надеюсь, вы не сочтете мой вопрос дерзким.

– Отнюдь нет, мистер Хайден, – ровным голосом ответил Даниелс. – Похоже, вам не нравятся самонадеянные люди. Посмотрим, что можно ответить на ваш вопрос. Я защищал только одного доктора, обвинявшегося в преступной небрежности при лечении. Собственно, он был дантист. Одна женщина утверждала, что ее головные боли вызывались тем, что он вытащил лишний коренной зуб и испортил ей прикус. Как бы там ни было, мы приняли участие в судебном процессе, и я выиграл это дело.

– Это очень обнадеживает, – произнес не очень любезно Хайден. – Как вы думаете, почему ОВМЗ именно вам поручило это дело?

– Честно сказать, я сам об этом гадаю, хотя остался очень доволен их выбором. Я уже пару лет находился в их списке запасных адвокатов и вот первый раз за это время получаю дело.

– О, великолепно, просто замечательно! – воскликнул Пэрис. – Мистер Даниелс, не хочу показаться грубым, но вы должны понимать, что здесь на карту поставлено очень многое. Ваш противник, как вы называете Джереми Мэллона, задался целью поставить эту больницу на колени. И он чертовски ловко обделывает делишки, которые, главным образом, сводятся к тому, чтобы подавать судебные иски на докторов. Не думаете ли вы, что нам следует позвонить в ОВМЗ и попросить их направить на это дело какую-нибудь другую фирму?

Сара изучающе смотрела на Даниелса, когда он обдумывал этот вопрос. Если его душевное равновесие и было нарушено этой двойной

атакой со стороны. Хайдена и теперь Пэриса, то на лице ничего не отразилось, только в небесно-голубых глазах горела искорка – искорка вызова, – которую, Сара была уверена в этом, только она одна оценила.

– Ну что же, – наконец выговорил он, – мне бы этого очень не хотелось по целому ряду причин. Но поскольку вы подняли этот вопрос, думаю, его следует обсудить.

– Хорошо, – произнес Пэрис.

– Однако, – продолжал Мэт. – Хотел бы коснуться пары моментов. Во-первых, моим клиентом является доктор Болдуин, которая присутствует здесь. Буду ли я вести это дело или нет, фактически зависит от нее. Во-вторых, после разговора с ней на днях я кое-что почитал и кое с кем поговорил. Мэллон там или не Мэллон, но я думаю, что смогу умело представлять ее интересы.

– Как вы можете утверждать это, почти не имея опыта в этой области? – требовательно спросил Хайден.

– Потому что закон есть закон, мистер Хайден. И я все еще достаточно наивен, чтобы приравнивать правовой процесс к поиску истины. А докапываться до истины – это то, что мне всегда нравилось.

Гленн Пэрис обратился к Саре.

– Сара, мы считаем, что ваше дело должен вести защитник более умудренный и опытный в нашей специфике, чем присутствующий здесь мистер Даниелс. Но он прав. Вы его клиентка. Вам и решать.

Сара посмотрела на Даниелса, который ответил ей холодным взглядом. «Пригоните сюда святую Анну, мистер Травис. Я не собираюсь никуда уезжать».

– Что же, мистер Пэрис, – ответила она, – если мое рабочее место не зависит от моего выбора, то, как мне кажется, я могу считать себя в надежных руках. Если мистер Даниелс так же держит себя в суде, как и в беседе с нами. Мистер Даниелс... Мэт, уверена, что, если вам понадобится помощь мистера Хайдена или другого юриста из МЦБ, вы обратитесь к ним, правда?

– В любое время.

– В таком случае, мистер Пэрис, – заключила она, – меня вполне устраивает этот адвокат.

– Бог ты мой, – неожиданно воскликнул Ели Бленкеншип. – Мне кажется, я догадался, кто такой мистер Даниелс. – Посмотрим, прав ли

я, Мэт. «Наконец, девятая подача, ни одного промаха, стартовая площадка переполнена, разгромный счет в Торонто три – ноль...»

– Да, да, – несколько нетерпеливо подтвердил Мэт. – Это обо мне. Спасибо, что запомнили. Но теперь это – дела давно минувших дней.

– Запомнили что? – спросила Сара.

– Девять подач, девять попаданий, три аута, игра закончена. – Продолжал Бленкеншип. – Потрясающая игра. Мне показалось что-то знакомое, когда я впервые услышал вашу фамилию.

– Думаю, что имя Мэт сбило вас с толку, – сказал Даниелс более любезно. – Мало кто помнит, что у меня было также и имя.

– Эй, не просветят ли меня, о чем речь? Я ведь подзащитная.

– Боюсь, что я тоже ничего не понимаю, – вставил Пэрис.

– Даниелс – Черная Кошка, – пояснил Бленкеншип. – Был десять лет запасным на подачах в команде «Ред Сокс».

– Фактически двенадцать, – поправил Даниелс. – А теперь, если вы не возражаете, давайте вернемся к делу...

– Почему Черная Кошка? – спросил Пэрис.

Даниелс вздохнул.

– Доктор Болдуин... Сара... мне действительно жаль, что мы отвлекаемся, – продолжал Даниелс. – Вся эта история для вас – не простая царапина. А мы то ставим под вопрос мою квалификацию как юриста, то теперь перекинулись на бейсбол, делу это явно не поможет.

– Да все в порядке, – заверила его Сара. – К тому же мне бы тоже хотелось знать.

– О'кей, мистер Пэрис, кличку мне дали потому, что я был суеверным, когда играл в команде.

– Начиная игру, всегда становился на первую базовую площадку, – добавил Бленкеншип. – Никогда не присаживался за пределами игрового поля, никогда не подавал без красной повязки на Поясе.

– Голубой, – поправил Мэт. – Вы знаете эту игру, бейсбол.

– Да, конечно, повязка была голубой. Вы не изменились? Вы также суеверны?

– Я... гм... пожалуй, по-прежнему приверженец ритуалов и всяческих удачных примет, если вы это имеете в виду. Но поверьте мне, доктор Бленкеншип, это не мешает моей работе. Когда я нахожусь в суде, то повязка всегда скрыта под пиджаком. А теперь, мне думается, нам бы надо вернуться к делу. Как красноречиво заметил

мистер Пэрис, слишком много поставлено на карту. И к сожалению, похоже, что наш уважаемый противник уже несколько обскакал нас.

– Что вы имеете в виду? – спросил Пэрис.

Даниелс вынул какие-то бумаги из своего атташе-кейса.

– Сара, человек, который снабжает вас травами и корнями, его зовут мистер Квонг?

– Совершенно правильно, Квонг Тян-Вен.

– Так вот, сегодня после обеда мистер Мэллон получил разрешение на закрытие магазина мистера Квонга в целях его проверки. Завтра в восемь утра Он явится туда с химиком, сотрудником из управления шерифа и одному Господу известно, с кем еще. Он намерен взять образцы в том магазине и проверить эти образцы в соответствии с процедурой.

– Не могли бы вы что-то предпринять? – спросил Пэрис.

– На этот вопрос я попросил бы ответить мистера Хайдена, сэр.

– Не на этой стадии, Гленн, – ответил Хайден. – Дело идет о том, кто кого облапошит. Доктор Болдуин, не догадываетесь ли вы, как Мэллону удалось так быстро найти фамилию этого человека.

– Кое о чем я догадываюсь, – ответила она.

– И что же? – спросил Пэрис.

– Я бы хотела проверить, прежде чем называть имена. К тому же испытываю внутреннее доверие к мистеру Квонгу. Он один из лучших специалистов в своей области. Чем быстрее Мэллон займется этим, тем скорее обнаружит, что затеял пустое дело.

– Думаю, что там должен быть кто-то и из больницы, – высказал соображение Даниелс. – Завтра утром мы встретимся вот по этому адресу. – Он пододвинул бумагу из суда к Хайдену.

– Я не смогу, – сказал адвокат. – Буду занят в суде.

– Ели, а вы? – спросил Пэрис. – Из вас бы получился отличный представитель.

– Согласен.

– Прекрасно. Вы заслужили еще одну порцию сладкого, Ели. Мы надеемся, что Сара права, Даниелс. Но понимаете ли вы, что мы хотим сказать о Мэллоне? Он вел десятки, может быть, сотни нечистоплотных дел. У него много сотрудников, и он перероет все на свете.

– Он не похож на человека, которого можно подцепить крючком и подтянуть леской к себе, – признал Даниелс. – В этом ему нужно отдать должное.

– Может быть, – предложил Хайден, – вы подключите к этому делу своих партнеров? Есть ли у мистера Ханнигана или мистера Гольдштейна какой-нибудь опыт в этой области?

«Проклятие, – подумала Сара, – когда они от него отвяжутся?».

– Кстати, – заметил Даниелс, – рад, что вы это затронули.

– Значит, у них есть некоторый опыт ведения дел, связанных с преступной небрежностью медиков, – произнес Хайден. – Великолепно. Сотрудничество – основа в этом деле.

– Знаете, сэр, вы не совсем правильно поняли. Видите ли, Билли Ханнигану никогда не нравилась работа адвоката, но жена не разрешала ему бросить ее. Поэтому в прошлом году, когда она убежала с другим адвокатом, он просто снялся с места. Последнее, что я слышал о нем, он работает посыльным на радиостанции в Лейк-Плэсид.

– А Гольдштейн?

Даниелс потер свой подбородок и вздохнул.

– Ну, – сказал он, – Гольдштейн – это вообще выдумка Билли. Он придумал это еще до того, как я присоединился к нему. Он занимался юриспруденцией в одиночку, но назвал свою фирму «Ханниган и Гольдштейн». Билли вроде бы хотел привлечь клиентов-евреев. Я заказал новые бланки, на которых напечатана только моя фамилия, но у меня все не дойдут руки до того, чтобы внести исправления в желтый справочник.

– Очень странно, – проворчал Хайден. – Прямо скажем, необычно.

– Сара, – обратился Пэрис, – думаю, этот обман несколько повлияет на ваше решение!

– Мистер Пэрис, мне думается, что обман – слишком сильно сказано, – возразила она. – Совершенно явно, не было попытки скрыть правду. Думаю, что мистер Даниелс вполне нас устраивает, даже и без мистера Гольдштейна.

– Очень признателен, – поблагодарил Мэт Даниелс. – А теперь мы все в одном углу. Думаю, нам надо выработать общую позицию. Завтра

в восемь утра начинается первый раунд. Поэтому давайте сосредоточимся на нем.

– Очень необычно, – донеслось до Сары чье-то замечание.

Глава 18

Если не считать ночного дежурного, то Роза Суарес находилась одна в регистратуре больницы. Время приближалось к половине одиннадцатого, и она ничего не ела с полудня. Спина и шея ныли, потому что она долго сидела за столом, согнувшись. Но в какой-то степени этот дискомфорт был приятен. Прошло уже два года с тех пор, как она проводила долгие часы над такого рода исследованием.

Начальную стадию она завершит сегодня, и Альберто, и начальник управления с ее работы с нетерпением ждали ее возвращения в Атланту. Ни тому, ни другому не понравится, что она им сообщит. Объяснение загадочных случаев ВСК она еще не нашла. Однако кое-что прояснилось. Чисто со статистической точки зрения три случая практически исключали возможность просто совпадения. И почти наверняка эти случаи могут повториться, если не будут выявлены и устранены причины произошедших трагедий. Пока что она выявила немало общих демографических и физических черт у трех заболевших женщин. У всех троих группа крови относилась к положительной А и жили они, главным образом, в радиусе шести миль от больницы. Все значились пациентками Медицинского центра Бостона по меньшей мере четыре года, и у каждой это была не первая беременность. Более расплывчатые аналогии заключались в том, что все родились в апреле, хотя и в разные годы. Все были первенцами, ни одной левши. Никто в своем обучении не пошел дальше средней школы. И забавное совпадение – все трое были кареглазы.

Самым трудоемким объектом ее исследования были дополнительные предродовые лекарства, которые Сара Болдуин давала каждой женщине. Ботаник в Смитсоновском университете и знакомый преподаватель из университета в Эмори прислали предварительные данные о составе девяти ингредиентов. Но требовалась более детальная биохимическая информация. Инстинкт подсказывал Розе, что, хотя компоненты смеси могут служить своего рода сопутствующими факторами при летальной биологической реакции, они, сами по себе безвредны. Но в своей работе она полагалась на цифры, а не на инстинкты.

– Простите, Рамона, – позвала она ночную дежурную, которая сидела по другую сторону шкафов с историями болезни. – Хочу еще раз удостовериться, что больше нет больничных карточек, относящихся к группе, которой мы заняты.

– У вас все карточки на женщин, которые здесь рожали и которым делали переливания крови во время родов за семилетний период. Миссис Суарес, известно ли вам, что, с тех пор как вы приехали в МЦБ, вы потратили здесь больше времени, чем весь медицинский персонал, вместе взятый.

– Держу пари, что это так и есть. Что же, сегодня я провожу здесь последний вечер своего нынешнего приезда. Завтра я возвращаюсь....

Роза замолчала, не закончив предложения, и посмотрела на страницы открытой истории болезни, которая лежала перед ней. Это была карта Алетеи Вортингтон, второй пациентки, пораженной ВСК. Она досконально проштудировала здесь записи, так же, как и больничные карты Констанции Идальго и Лизы Саммер. Но в данный момент ей бросилось в глаза не то, что было написано на странице, а то, что находилось между этой страницей и предыдущей. Она приподняла книжечку и стала рассматривать ее с разных сторон.

– Миссис Суарес, что-нибудь случилось? – окликнула ее дежурная.

– О, ничего. Все в порядке, дорогая Рамона. Нет ли у вас перочинного ножичка или железной пластинки скоросшивателя?

– У меня в сумке швейцарский ножичек, думаю, он вполне подойдет.

– Отлично. И принесите мне, пожалуйста, еще раз те две истории болезни...

– На Саммер и Идальго?

– Да, спасибо, милочка.

Пользуясь своими очками как увеличительными стеклами, Роза стала напряженно рассматривать зажим, где были прижаты друг к другу страницы медицинской карты с помощью гибкой полоски металлического скоросшивателя. Из-под металлической полоски, едва заметные, высовывались небольшие оборванные кусочки бумаги. Роза отметила раскрытые странички, потом немного разогнула металлическую полосу. Затем самым большим лезвием швейцарского

перочинного ножа она провела между страничками. На стол упали два крошечных клочка бумаги.

Роза аккуратно смахнула эти обрывки в конверт, не сомневаясь, что и возле другой металлической полоски скоросшивателя остались такие же маленькие обрывки. Из карты почти наверняка была вырвана одна, а то и две страницы. Роза потратила почти десять минут на то, чтобы обнаружить аналогичные обрывки в медицинской карте Констанции Идальго. Маленькие клочки от записей хода наблюдения за, пациенткой, возможно, были изложены на двух или трех листочках.

Карта Лизы Саммер была значительно толще других двух. Пока Роза убедилась, что в ней нет следов изъятия страниц, время подошло к одиннадцати. Она положила эту карту на другие две, поднялась и потянулась, впервые за два часа. Смысл сделанного ею открытия был не совсем ясен, но, без сомнения, – кто-то преследовал определенную цель, вырывая страницы из двух историй болезни.

Ливень на улице закончился. На черном бархатном небе выступило несколько бледных, звезд. Роза почувствовала прилив энергии от неожиданного нового поворота. С одной стороны, ей хотелось остаться здесь на всю ночь, как она часто делала, изучая и распутывая головоломки, пока не получала на них ответы. С другой, ей уже исполнилось шестьдесят и цена такого рода рвения могла оказаться просто непредсказуемой. Ей предстоял напряженный день в Атланте, ей надо было собраться в дорогу, поспать хотя бы пару часов перед вылетом ранним утром.

Розе ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими находками – с любым человеком, который захотел бы ее выслушать и высказать какие-то свои соображения. Обмен мнениями с коллегами часто дает неоценимую пользу. Но раны от расследования по программе Барт, хотя с тех пор прошло уже больше двух лет, все еще давали о себе знать. И эта неутрачиваемая боль снова и снова побуждала ее доверять другим только в случае крайней необходимости.

Роза собрала свои вещи, поблагодарила дежурную и пообещала скоро снова приехать. Затем вышла из здания со стороны больничного двора. Умерли две женщины от таинственного осложнения, и карты обеих изменены. Роза мысленно пыталась отыскать какое-либо невинное объяснение, но не могла ни до чего додуматься. То, что

представлялось захватывающей медицинской загадкой, неожиданно становилось зловещим.

* * *

Сара пожала руки всем пяти представителям МЦБ и поблагодарила за готовность оказать помощь в ее защите. Совещание, которое началось в такой напряженной атмосфере фактически закончилось с большой пользой. Все сошлись на том, что ключ для быстрого отвода иска Грейсона лежит в отыскании идентичного случая ВСК у пациентки на последней стадии беременности – будь то в МЦБ или любом ином госпитале, – которая совершенно не была связана с Сарой.

По предложению Мэта Даниелса, Пэрис и Снайдер взялись навести справки у своих коллег по всей стране, а Бленкеншипу поручили тщательно изучить медицинскую литературу. Арнольд Хайден поклялся поддерживать теснейшие контакты с Даниелсом, а Колин Смит заверил, что больница оплатит все расходы Хайдена и его сотрудников. Наконец группа обязалась выступить единым фронтом против Джереми Мэллона и прессы. Сара – невиновна, пока не будет неопровержимо доказано обратное. Завтра утром в порядке демонстрации поддержки Ели Бленкеншип будет сопровождать Сару и Мэта в магазин китайского специалиста по травам.

– Все прошло неплохо, – заметила Сара, когда Мэт брал свой плащ и зонтик. – Вы держали себя с большим достоинством, несмотря на трудность ситуации.

– Чепуха, если бы вы не вступились за меня, то я бы вылетел из игры.

– Может быть, я не очень разбираюсь в бейсболе, – возразила Сара, – но, кажется, там все наоборот. Если кто-то идет к вам на выручку, а вы сами не справляетесь, вы можете запросто вылететь из игры.

Впервые Мэт улыбнулся широко и непринужденно. И Сара добавила эту улыбку к растущему списку качеств, которые ей нравились в этом человеке.

– Я по-прежнему не знаю, почему администратор по претензиям в ОВМЗ выбрал именно меня вести это дело, – сказал Мэт, – но я рад этому. Я не такой продувной, как противостоящие мне адвокаты, но обещаю вам драться и устоять. Не беспокойтесь, я очень тщательно готовлюсь.

– Я не беспокоюсь. Поверьте мне, совершенно нет. Больше того, надеюсь, что послезавтра мы сможем отпраздновать завершение вашего самого короткого дела. Скажите мне, как вам удалось играть в бейсбол и закончить юридическое училище?

– Ну, – начал рассказывать Мэт, – Я был запасным на подаче. У меня всегда была отличная реакция, но, видимо, не очень умел произвести впечатление. Пресса все чаще стала писать, что у меня нет хороших качеств – скорости или рывка во время подачи, и вряд ли капитан «Ред Сокс» оставит меня в команде. Досыта начитавшись ругательских заметок прессы, я решил, что надо опереться на что-то более основательное. Поэтому в периоды между матчами я начал посещать юридическое училище. За восемь таких периодов я спихнул это дело. Потом еще целый год был на подаче в высшей лиге, а до этого играл за «Ред Сокс», и «Экспос», и «Паутакст» из Международной лиги.

– Потрясающе.

– С поправкой, помогли две заячьи лапки, старый египетский амулет двухтысячелетней давности и та скверная голубая повязка, о которой говорил доктор Бленкеншип. Плюс с полдюжины других мелких талисманов.

– Вы действительно верите во все это?

– Перефразируя слова Марка Твена о Господе, я решил на всякий случай уверовать во все это, чтобы не ошибиться.

– Суеверный адвокат, который цитирует Марка Твена и играл на подаче в высшей лиге, – многозначительно произнесла Сара. – Вас никак не назовешь середнячком.

– Да и вас тоже, – отозвался Мэт. – Бог мой, уже почти одиннадцать. Я обещал в это время заменить сиделку.

– Сиделку?

Хотя их отношения были чисто профессиональными, и Сара знала, что Мэт обязан был сохранять дистанцию, она с разочарованием услышала, что он женат.

– Моему сыну, Гарри, двенадцать лет. Большую часть года он живет с матерью.

– Ах, вот что.

– Итак, значит, мы встречаемся завтра у мистера Квонга?

– Вы думаете, что найдете его магазин?

– Я уже проехался мимо него. Я и вправду тщательно готовлюсь к предстоящим делам. Сейчас еду в Бруклин. Вас не подвезти?

– Спасибо, но я живу в северной части города и езжу туда на велосипеде. К тому же дождь прекратился, мне доставляет истинное удовольствие ездить после дождя.

Мэт протянул руку и обменялся с ней рукопожатием. Их взгляды встретились на короткое мгновение. Но он быстро отвел глаза в сторону.

– Не беспокойтесь, – подбодрил он ее. – Все будет отлично.

– Знаю. Последний вопрос, если не возражаете. До вашего прихода наш юрист Арнольд Хайден отметил, что большинство адвокатов проводят предварительные встречи, вроде нашей сегодняшней, в своих конторах. Почему не сделали этого вы?

Мэт натянул плащ, взял атташе-кейс в одну руку, зонтик в другую.

– Видите ли, честно говоря, мне хотелось произвести хорошее впечатление... на Гленна Пэриса и его команду, но особенно на вас. А моя нынешняя контора вряд ли может претендовать на самую просторную и роскошную в городе.

– Понимаю, – повторила она еще раз это слово.

– И в довершение всего, этот мой проклятый партнер, мистер Гольдштейн, похоже, не может содержать помещение в чистоте. В следующий раз, может быть, представится случай показать вам свой офис. А пока что постарайтесь отдохнуть. Завтра у нас большой день.

Сара наблюдала, как Мэт шел через зал к лифту. Любые опасения, которые у нее были связаны с посещением на следующее утро магазина Квонга Тянь-Вена, таяли перед приятным чувством, что ровно через девять с половиной часов она опять увидит этого человека.

– У вас все уже закончилось?

Сутулая уборщица терпеливо вытирала пыль и пылесосила почти целый час коридор, дожидаясь, пока освободится зал заседаний.

– Да, конечно; Извините, – спохватилась Сара.

– Не беспокойтесь, нет проблем. Очень приятный мужчина, этот вот. Очень симпатичный. – Глаза пожилой женщины сверкнули.

– Знаете, – сказала ей Сара. – Я и сама подумала то же самое. Но почувствовала, что вы скажете об этом первой.

– Нет, дочка, я не просто смотрела на него, – с упреком проговорила женщина, – я больше наблюдала за вами.

* * *

С наслаждением вдыхая сладковатый, освеженный летний воздух, Сара вышла из лечебного корпуса со стороны больничного двора и направилась к тому месту, где цепью был прикреплен ее велосипед. Больничный городок довольно хорошо освещался и патрулировался. И хотя время от времени поступали сообщения, что вечерами пристают к женщинам и была даже одна попытка ограбления, но Сара не находила широкую тенистую аллею опасной.

Сара прицепила свой велосипед «фуджи» к низкому ограждению из стальной трубы возле бокового входа в хирургический корпус. Место было удобное, она им часто пользовалась без всяких проблем. Теперь же, заворачивая за угол, ее поразила темнота. Свет над входом не горел, хотя она не могла припомнить, чтобы такое случилось раньше. Она пыталась что-то разглядеть во тьме и сделала пробный шаг вперед... потом другой. Слева от нее к стене плотно прижался какой-то мужчина.

Сара замерла, почувствовав его присутствие. Она прищурилась и поморгала, но ее зрение еще недостаточно освоилось, чтобы видеть в темноте. Ночь стояла тихая. Она напрягла слух, ловя звуки дыхания или малейшего движения. Кто-то там действительно стоял... Близко. Она переступила на правую ногу, готовясь оттолкнуться и дать тягу.

– Я знаю, что вы стоите здесь. Что вам нужно? – неожиданно она услышала свой вопрошающий голос.

Прошли пять секунд... десять.

– П-п-п-ожалуйста, н-не уб-б-бегайте, – произнес мужчина шепотом, сильно заикаясь.

Машинально Сара отпрянула, хотя и прислушалась к голосу. Мужчина, теперь обретший форму силуэта, вышел из скрывавшей его

темноты. Он был не выше ее, очень хрупкого телосложения. Сара могла различить лишь узкий контур его лица.

– Д-д-октор Б-б-олдуин. Я с-с-лежу за в-вами м-м-ного д-д-ней. Д-должен п-поговорить...

– Сара, это вы?

Сара резко повернулась. В десяти шагах стояла Роза Суарес. При звуке постороннего голоса мужчина пустился бежать. Пригнув голову, он промчался мимо Розы. Она отпрянула, потеряв равновесие, чуть не упала.

– Пожалуйста, остановитесь! – крикнула Сара.

Но мужчина уже несся по лужайке двора, на всех парах устремившись к главным воротам. Со все еще колотящимся сердцем Сара поспешила к Розе.

– С вами все в порядке?

– Думаю, нормально, – ответила Роза, тяжело дыша и всматриваясь в безлюдный двор, куда убежал мужчина. Она провела рукой по груди. – Кто это такой?

– Не знаю. Он обратился ко мне по фамилии и сказал, что должен со мной поговорить. Потом, когда вы меня окликнули, он убежал.

– Очень странно.

– Он страшно заикается... сильнее, чем кто-либо, кого я знала. И он сказал, что следил за мной. Знаете, теперь мне кажется, что я его видела... Он ездит на синей иностранной машине... возможно, на «хонде». Господи, какие чудеса. Мне просто не верится, что я там стояла и не убежала. Теперь вся дрожу.

Роза взяла руки Сары в свои. Почти мгновенно дрожь стала ослабевать. Сара отперла ключом цепь, прикреплявшую велосипед, и покатила его по направлению к главным воротам, куда они с Розой направились вместе.

– Извините, что не могла поддержать вас на этом совещании, – заметила Роза. – Как оно прошло?

– Думаю, довольно хорошо. Адвокат Лизы получил распоряжение суда проверить завтра утром моего специалиста по травам и взять образцы.

– Вас беспокоит это?

– Честно говоря, я отношусь к этому с облегчением. Чем быстрее проверят образцы, тем скорее адвокат убедится, что я ни в чем не

виновата.

Роза остановилась и посмотрела на нее. Сара не сомневалась, что у нее что-то на уме. Что-то, о чем она хотела поговорить.

– Сара, не... не проводите ли вы меня до дома, – наконец попросила она. – До моего пансионата всего несколько кварталов. Хочу объяснить вам, почему я предпочла не излагать свои выводы и соображения на вашем совещании.

– Это совсем не обязательно.

– Меня беспокоит то, что за вами следят. Думаю, то, что я обнаружила, может иметь большое значение... особенно если только что случившееся имеет какое-то отношение к этому делу.

– Продолжайте.

– Хочу начать с того, что у себя на родине, на Кубе, я работала врачом...

Сара с огромным вниманием слушала сжатый, красноречивый рассказ Розы Суарес о своей жизни. Политическая эмигрантка с Кубы, она прошла через различные лагеря для беженцев, почти не зная английского языка, мучительно осознав, что никогда не сможет документально подтвердить свое медицинское образование и специальность в США. Сменив ряд мест, преимущественно не требовавших никакой квалификации, ей удалось поступить техническим работником в ЦББ. Ее муж, поэт и просветитель на родине, устроился на работу переплетчиком и оставался там вплоть до ухода на пенсию.

Сообразительность и медицинские познания позволили Розе всего на несколько лет переместиться в область эпидемиологии. Саре приходилось слышать о некоторых ее успехах... о ее важной роли в обнаружении вспышки эпидемии среди легионеров в Филадельфии, она выявила, что рост смертельных случаев в одном из районов Техаса вызывался радиоактивными стоками. А потом наступил пик многообещающей карьеры – Розу направляют расследовать сообщения о появлении, необычной инфекции, которая стала разрастаться в различных местах Сан-Франциско. Неизвестный микроб уже отправил на тот свет многих пациентов с ослабленным иммунитетом или другими медицинскими осложнениями.

Более чем за год она собрала массу данных, провела сотни бесед и опытов по выращиванию бактерий, и все эти данные прямо

показывали на виновников – армию США. Она утверждала, что армия использовала, по ее мнению, биологически активные маркирующие бактерии для проверки современных теорий бактериологической войны в атмосфере на примере туннелей БАРТ – скоростной системы транзита через залив, ССТЗ. Из-за щекотливого характера этих обвинений Роза не раскрывала свои выводы до тех пор, пока все не было абсолютно доказано. Но все же какая-то информация просочилась.

По решению конгресса создали авторитетную комиссию из наиболее известных эпидемиологов и специалистов по инфекционным заболеваниям, чтобы проверить ее выводы. Но вместо этого комиссия выявляет мелкие погрешности в сборе данных, отмечает некачественность разработанных самой Розой программ для компьютеров, неточность подсчетов вероятностей, что позволило выводам Розы приравнять к гипотезе, не более. Сотрудники лаборатории заявили, что они вообще не получали образцы, которые, как она божилась, посылала им. И наконец, что было самым постыдным, один из экспертов комиссии легко обнаружил источник появления бактерий – свалку у черты города. Директора предприятий, ответственные за опасные сбросы, с готовностью признали свою ошибку. Их оштрафовали, но вскоре после этого, как узнала Роза, им предложили военный контракт на порядочную сумму.

– И вот, – закончила она свой рассказ, – свалку убрали, и, конечно, уровень инфекции стал снижаться. Меня отстранили от дел. А на это расследование я попала только потому, что под рукой не оказалось никого другого.

– Это был саботаж по отношению к вашей работе. Трудно в это поверить, – сказала Сара. – Впрочем, хочу поправиться. В душе я верю, что так оно и было.

– Ну вот, хотя бы теперь вы можете понять, почему я держалась ото всех в стороне, ото всех, имеющих к этому делу отношение... включая вас.

– Пожалуйста, Роза, не беспокойтесь об этом. Просто делайте свое дело.

– Завтра утром я возвращаюсь на некоторое время в Атланту. Мое расследование все еще находится в самой начальной стадии. Но кое на

что я наткнулась, и это вызывает мое беспокойство. Мне хотелось бы предупредить вас.

– Предупредить меня?

– Не в том смысле, как вы думаете, – пояснила Роза, похлопав ее по руке. – Фактически вот уже несколько дней, как мне хочется сказать вам, что мои первоначальные расследования указывают на какой-то вид инфекции, а не, на токсические вещества или яд. Но я... я воздерживаюсь от того, чтобы кому-либо рассказывать о своих предположениях.

Они подошли к парадной двери отштукатуренного дома, где остановилась Роза.

– Тогда, о чем же вы хотите меня предупредить?

– Сара, вы добрый и заботливый человек... ценные качества в вашей профессии. Я вижу боль, которую причиняют вам обвинения. Не хочу пока что вдаваться в детали, но у меня есть основания подозревать, что кое-кто пытается помешать мне узнать истинное положение вещей. Для себя я решила, что это не вы. Вам следует проявить большую осмотрительность... Даже по отношению к тем, кому вы доверяете.

– Но...

– Прошу вас, Сара. Мне было трудно решиться сказать вам даже это. Я раскрою вам больше, когда наступит нужный момент. А пока что мне предстоит очень много работы, а вам надо как следует подготовиться к защите.

Сара вздохнула.

– Знаете, ваши предположения верны. Я не тот человек.

Роза опять похлопала ее по руке.

– Я хорошо это знаю, милая. Просто наберитесь терпения и будьте очень, очень осторожны.

Сара подождала, пока эпидемиолог скроется в дверях. Потом она села на велосипед и медленно поехала в центр города. Некоторое время она пыталась разобраться в своих мыслях, но безрезультатно. Тогда попыталась сосредоточиться на своем новом знакомом адвокате и на странном заикающемся невысоком мужчине, но ее мысли вновь и, вновь возвращались к загадочному предостережению Розы Суарес:

«Просто наберитесь терпения и будьте очень, очень осторожны».

Если эта женщина хотела напугать ее, призналась, наконец, себе самой Сара, то ей это удалось.

Глава 19

21 июля

Магазин специалиста по лечебным травам Квонга Тянь-Вена занимал первый и цокольный этажи обшарпанного четырехэтажного кирпичного строения. Сара уделила больше, чем обычно, внимания своему внешнему виду и вышла из дома в четверть восьмого. Несколько миль от Норт-Энда до Чайнатауна она прошла пешком. Настроение у нее было смутное: заикающийся мужчина, странные предупреждения Розы Суарес, а тут еще предстоящее общение с Джереми Мэллоном.

Квонга она знала давно – еще со времени работы в институте Эттингера, а после возвращения из медицинского колледжа познакомилась с некоторыми членами бостонской общины холистов. Его познания ценились очень высоко, но, несмотря на это, она дважды дополнительно переговорила с ним, прежде чем стала брать у него товар. Квонг почти не говорил по-английски, но полученное когда-то приличное знание китайского языка помогали Саре вести с ним дела. Когда возникала потребность в переводчике, то старик стучал своей тростью по потолку или по отопительной трубе. Через минуту прибежал один из его родившихся уже в Америке внуков.

Сару восхищали его обширные познания и постоянный оптимизм. И конечно, было очень много схожего – физически и метафизически – между ним и Луисом Ханом. Она не могла не думать, что в Квонге она увидела отблеск своего наставника.

Вначале Сара сама забирала лекарственные травы. Но по мере того как в больнице нарастала нагрузка, она стала получать их через посыльного. Сейчас, возможно впервые, она поняла, как доставало ей этих визитов в магазин. Порвавшиеся с Квонгом связи, с грустью думала она, еще одна строчка в списке жертв, которых требует от нее работа.

Магазин стоял на узкой улочке, почти в проулке, недалеко от района Нилэнд. Завернув за угол, Сара увидела старика и Дебби – одну из его внучек, оба стояли возле дома. Она спросила себя, почему они находятся не в доме, но тут заметила желтую виниловую ленту,

которая была крестами натянута на окнах и на двери. Ей стало больно при мысли об унижении Квонга и о его недоумении, когда кто-то из заместителей шерифа или полицейский явились с постановлением суда об опечатании магазина.

– Здравствуйте, Квонг Хьян-Шень, – Сара произнесла его имя по-кантонски. – Здравствуйте, Дебби. Жаль, что с вами так поступили. – Она показала на ленточки.

Квонг своей худой рукой отмахнулся от этого выражения сочувствия, но Сара видела, что он взволнован. Вдруг она припомнила, что прошел, возможно, целый год с тех пор, как они виделись последний раз. Его серая бородка с проседью была не ухожена, на нижней губе видны следы никотина. Синяя шелковая блуза – возможно, единственная одежда, которую он постоянно носил, – износилась и продырявилась. Как он постарел! Или, может быть, раньше она по молодости не замечала этого?

– С тех пор как протянули эти ленты, у магазина поставили сторожа, – сказала Дебби. – Он ходит по этому проулку и вокруг дома, потом опять выходит сюда. Говорит, что следит, чтобы никто ничего не тронул внутри дома. Зачем это?

– Не обращайтесь на это внимания, Дебби, – ответила Сара. – Все быстро выяснится и утрясется. Жаль, что вам с дедушкой пришлось с этим столкнуться.

Старик выглядел удивительно хрупким. Сара молилась, чтобы Мэллон и его люди просто взяли бы образцы, какие захотят, и ушли. Если они станут запугивать Квонга, то Мэт должен будет защитить его во что бы то ни стало. Она уже собралась объяснить Квонгу возникшую ситуацию с помощью Дебби, но тут в конце улицы показался Мэт. Рядом с ним шагал Ели Бленкеншип, энергично жестикулируя, как будто обсуждалась важная тема. При виде его Сара почувствовала некоторое облегчение. В МЦБ не было более умного, чем он, человека, и ни у кого другого не было такой импозантной фигуры. Мэт был довольно высокий и крепкого сложения, но рядом с профессором казался малышом.

С помощью Дебби она представила обоих мужчин Квонгу. Было очевидно, что специалист по травмам не проявил к ним ни малейшего интереса, ему хотелось только одного – чтобы его оставили в покое.

Мэт, извинившись, тут же отвел Сару и Бленкеншипа на другую сторону улицы.

– Знает ли старик о том, что происходит? – прошептал он.

Сара пожала плечами.

– Его не назовешь недотепой, – заметила Сара. – Подозреваю, что догадывается, в чем дело. Но я не уверена, понимает ли он, что все это относится ко мне, а не к нему. По нему видно, что он не часто отрывает свои губы от трубки с опиумом.

– Ну и что? Опиум – это часть его жизни, – бросил Ели. – Вы не знаете, где Мэллон?

– Нет-с. Но я думал, что он опоздает. Это старая уловка юристов – заставить другую сторону понервничать и побеспокоиться. И этот прием сохраняется среди правоведов, потому что, как правило, дает результаты. – Дебби, – ласково обратился он к ней, – пожалуйста, извинитесь за нас перед своим дедушкой за то, что мы пристаем к нему, и скажите, что мы обещаем заплатить за беспокойство и причиненные неудобства.

Девочка, одетая в мешковатые джинсы и водолазку, выглядела не старше тринадцати лет. У нее была круглая мордашка и короткие, торчавшие во все стороны волосы. Сара уже собиралась посоветовать Мэту говорить с ней более простым языком, не так изысканно и высокопарно, но этот подросток легко отбарабанила перевод Квонгу. В ответ старик лишь крякнул и махнул рукой.

– Он сказал, что ему доставляет удовольствие услужить вам, к чтобы вы даже и не думали об оплате, – сообщила Дебби.

В этот момент в конце улицы показался большой «линкольн». Сара повернулась к Квонгу, чтобы подбодрить его.

– Коренастый парень – это шериф Муни, – услышала она объяснение Мэта, обращенное к Ели, – а другой, высокий, – не тот ли это, пропагандист похудания, которого показывали по ТВ?

Она посмотрела на «линкольн» и испустила негромкий стон. Питер Эттингер, прямой, как будто проглотил палку, возвышался над Мэллоном и шерифом, уставившись взглядом прямо на нее. Даже в косом свете бледного утреннего солнца на этой узкой улочке его серебристые волосы отливали фосфоресцирующим свечением.

«Подонки! – выругалась она про себя. – И он будет в качестве эксперта свидетелем Мэллона!»

Она нежно коснулась руки Квонга, который выглядел каким-то потерявшимся. Потом отступила назад и наблюдала, как две группы мужчин приблизились друг к другу, чтобы представиться. Она особенно отметила момент, когда Мэт протянул руку, чтобы поздороваться с Питером, и запомнила это мгновение, зафиксировала его в своей памяти на будущее.

Шериф графства, главврач МЦБ, Питер, Мэт, сбитый с толку старый китаец, подросток-акселерат. Вся эта компания выглядела странно и почти комично. Через несколько минут, когда эти восемь человек войдут в помещение, произойдут еще более странные вещи. Магазин Квонга представлял собой огромное нагромождение всякой всячины без каких-либо упорядоченных проходов. Восемь человек просто затеряются во всем этом хозяйстве.

Мэт подвел оппозиционные силы к тому месту, где стояла она. Питер не возражал, когда его представили ей, протянул руку, но Сара отказалась ее пожать.

– Итак, – произнес он. – Похоже, мы попали в небольшую передрагу. – Его самодовольное выражение было похоже на то, которое Сара запомнила в тот последний, ужасный день в его кабинете.

– И мы вроде бы стали еще более самонадеянными, чем были раньше, – ответила она.

«Перед тобой не наивная девочка с широко раскрытыми глазами, которую ты, Питер, привез из джунглей, – думала она. – Если ты захотел драки, то не будешь разочарован отказом».

– Вы знакомы друг с другом? – спросил Мэт.

– Доктор Болдуин когда-то работала у меня, – быстро сказал Эттингер.

– Более точно можно было бы назвать это принудительным трудом, Мэт. Сознание этого не прибавляет мне гордости, но мы прожили вместе три года, перед тем как я очнулась и удрала.

– Жили вместе? – воскликнул Мэт. – Мэллон, что за дьявольщина?

За секунду или две, пока Мэллон собирался с ответом, Сара успела заметить растерянность в его глазах. Питер ничего ему не сказал! Этот подонок так сильно хотел прихватить ее, что не сказал ни слова об их прошлом.

– Он... гм... мистер Эттингер поможет организовать нашу работу как специалист, – громко произнес Мэллон. – Мы... конечно... мы и не собирались предлагать ему выступить в суде. Он выполняет исключительно роль консультанта.

– Да уж, полагаю, что для дачи показаний вы пригласите кого-нибудь получше, чем отвергнутого поклонника, – заметил Мэт. – Мне бы не хотелось, чтобы вы в максимальной степени облегчили мою задачу. Пойдемте же и покончим с этим.

Мэллон ничего не сказал. Но по каменному выражению его лица было видно, что Мэт уколол его до крови, хотя речь пока шла всего лишь о паре капель.

– Очень недурно, – шепнула Сара. – Теперь, пожалуйста, постарайтесь, чтобы Мэллон не выместил злобу на мистере Квонге.

Виниловые ленточки перерезали и, участники судебного столкновения во главе с Квонгом Тянь-Веном и его внучкой вошли в магазин. Сара с усмешкой наблюдала за всей этой компанией – ну прямо карнавал в честь мадам Болдуин. Шериф Муни, хозяин положения, в белом костюме из льняной полосатой ткани. Джереми Мэллон, змея и обольститель в одном лице. Ели Бленкеншип, без леопардовой шкуры, загородил весь узкий проход. Питер Эттингер, само высокомерие, пригнулся, входя в дверь. Войдя вовнутрь, Сара с некоторым удовольствием отметила, что выступающие балки строения заставили каланчу Эттингера оставаться в согбенном положении.

Магазин выглядел еще более ужасно и запущенно, чем помнила Сара. Повсюду лежали охапки корней и высушенных цветов. Они перемежались бочками более мелких корешков, различными видами промолотой муки, риса и листьев. Передняя стойка из стекла и полки за ней были заставлены кувшинами самых различных размеров и форм. В одном находились высушенные скорпионы, в другом – огромные жуки, в прозрачной банке законсервирован угорь. На некоторых горшках и банках были этикетки с надписями на китайском языке, но многие другие никак не были помечены.

В углу сонно потягивались несколько запаршивевшие длинношерстные кошки, одна совершенно белая, другая черная, как угли из печки. А в центре всего этого беспорядка стоял, как восклицательный знак, аккуратно оформленный стеллаж с образцами основных товаров доктора Шолла.

– Не думаю, что сюда надо приводить присяжных заседателей, это вряд ли нам поможет, – прошептал Бленкеншип.

– Будем надеяться, что до этого дело не дойдет, – отозвалась Сара.

– Итак, коллега, как, вы думаете, следует нам поступить? – спросил Мэт.

Мэллон, видимо, не замечая, что толстый пыльный сноп высушенных стеблей подсолнуха, к которому он прислонился, нанес урон его щегольскому костюму, очень медленно, театрально-пренебрежительно осмотрел магазин. Ясно, он уже вошел в роль.

– У нас есть список ингредиентов дополнительных лекарств доктора Болдуин, – наконец произнес он. – Мы попросим дать их нам по очереди. Если будет нужно, то внучка мистера Квонга станет переводить. Потом образец мы положим в два свидетельских пакета, помеченных надписями. Первый пакет будет запечатан шерифом Муни, а вы и доктор Болдуин поставите свои инициалы. Второй пакет будет проверен мистером Эттингером, который сделает любые пометки, которые сочтет нужным. Попозже, в течение сегодняшнего дня, он начнет работать с группой ботаникой и химиков, чтобы выявить и описать каждый компонент. Вас удовлетворяет такой подход, коллега?

– Сара, Ели, вам это кажется приемлемым? – спросил Мэт.

– Я также хотел бы изучить эти образцы, как представитель Медицинского центра Бостона, – сказал Бленкеншип.

– Вы разбираетесь в лекарственных травах? – спросила Сара.

– О, немного.

Его слабая улыбка говорила о том, что так же, как и во многих других областях, то, что он считал «немного», для других значило быть экспертом своего дела.

Она поманила к себе Бленкеншипа и Мэта.

– Мне надо кое-что объяснить, – шепнула она им.

– Только нам или всем остальным.

– Всем. – Она постаралась убрать некоторую нервозность, сквозившую в ее голосе.

– Будьте поосторожней, – предупредил ее Бленкеншип. – Помните, что они наши противники.

– Понимаю. Мистер Мэллон, перед тем как вы начнете эту операцию, хочу объяснить, что я привезла состав для этой смеси из

Юго-Восточной Азии. Все было написано по-китайски блестящим специалистом по лечебным травам и целителем. У меня при себе имеется копия этого описания. Именно этот список использовал мистер Квонг для изготовления смеси, которую я рекомендую. Некоторые из названий в списке, который имеется у вас – я выдаю его своим пациентам, – являются наилучшими, с моей точки зрения, эквивалентами названий этих корней и трав на английском языке.

– Если оба списка составлены в одном и том же порядке и вы с мистером Квонгом согласны в том, что содержание этих пакетиков соответствует тому, что вы давали Лизе Грейсон, то мне все равно, какие тут используются названия. В свое время мистер Эттингер и его группа дадут нам научные названия химических составов. Но я хотел бы получить копию этого китайского списка.

Дебби перевела Квонгу и подала ему список. Сара была уверена, что старик помнит наизусть компоненты смеси. Но не собиралась говорить об этом Мэллону, так как не считала, что это может помочь делу.

– Тогда ладно, – подытожил Мэллон. – Первый в списке – восточный джинсенг.

– Панакс псеудоджинсенг, – услышала Сара шепот Бленкеншипа, обращенный к себе самому.

Дебби сказала дедушке, чтобы он начинал. Специалист по лечебным травам несколько нетерпеливо кивнул и, лишь бегло взглянув на список, подтянул к себе большой кувшин коричневых кусочков растений, достав этот кувшин из-под стойки. Старым металлическим черпаком он заполнил пару пластиковых пакетов. Сара поставила свои инициалы на одном запечатанном пакете и передала его Мэту, который передал потом пакет шерифу. Другой пакет вначале передали Бленкеншипу, а потом Питеру. Бленкеншип мгновенно оценил содержимое. Питер понюхал его, попробовал на язык и потер между пальцев. Потом, произнеся несколько раз «гм», явно чтобы позлить Сару, положил образцы в свой атташе-кейс.

Следующий ингредиент, шишковатый корень, подвергся такой же процедуре, как и третий компонент, который Сара назвала лунным драконом.

– В общем-то это верхний слой коры дерева медарах, – объяснила Сара. – Такие деревья распространены на Яве, но встречаются также в

Южном Китае. Прекрасное средство от кишечных и желудочных расстройств. Очень хорошее средство против утренней тошноты.

Объясняя это, Сара заметила, что шериф Муни напряженно всматривается в один из стеклянных сосудов с правой стороны стойки. Сосуд помещался на самой верхней полке, за рядом других более крупных горшков. Сара напрягла зрение, чтобы разобрать, во что всматривается представитель закона, и собиралась сказать об этом Мэту, как Квонг отчаянно замахал руками и закричал.

– Нет, нет, нет! – повторял он, на его лице проявилась смесь гнева и удивления. – Нет, нет, нет!

Он впал чуть ли не в истерику, ругаясь на свою внучку, жестом показывая на двухгалонный сосуд, в котором находились образцы, которые он только что отмерил, – четвертый компонент списка. Никогда прежде Саре не приходилось слышать, чтобы он так возвышал свой голос. Но ей был знаком страх в его глазах. Так смотрела ее мать, когда у нее начала сильно прогрессировать болезнь. Что-то было не так, что-то очень серьезное.

Глава 20

– Дебби, в чем дело?

Девочка-подросток, которая безуспешно пыталась успокоить своего деда, просто покачала головой.

Сара схватила небольшой стул со спинкой из бамбука и попыталась усадить на него старика. Но Квонг продолжал пулеметной скороговоркой тараторить, хотя уже охрипшим голосом на кантонском диалекте, говоря что-то Дебби и всем остальным. Сара наклонилась над ним и стала поглаживать его руку, пока он, наконец, не начал успокаиваться.

– Я не знаю, что случилось, – сказала Дебби. – Он зачерпнул листья и положил их в пакетик, все казалось нормально. Потом неожиданно он взял из того же сосуда, понюхал и раскричался. Я очень боюсь за него.

И так-то болезненный цвет лица Квонга показался Саре совсем бледным.

Машинально она проверила радиальный пульс на его кисти, на мгновение ей показалось, что у него было дикое сердцебиение, но она тут же сообразила, что она слышала свой собственный пульс, который стучал в кончиках ее пальцев. Несомненно, такой поворот дела автоматически отразился на ее нервной системе. Смятение... вероятная ошибка... истерическая реакция. Уж чего-чего, а этого она никак не ожидала от мудрого старого китайца.

– Доктор Бленкеншип, как вы думаете, с ним все в порядке? – спросила она.

– А с вами? – шепнул он.

Сара прикусила нижнюю губу и кивнула.

– Мне просто не верится, что такое могло случиться.

– Что здесь все-таки происходит? – потребовал объяснений Мэллон.

Сара дернулась в его сторону, как потревоженная кошка.

– Он заболевает, вот что здесь происходит, – отрезала она. Затем глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Простите. Не думаю, что мне пристало так резко говорить. Послушайте, я должна переговорить с

мистером Даниелсом и думаю, что доктор Бленкеншип должен осмотреть мистера Квонга.

Мэллон отошел в сторону, чтобы Сара могла пошептаться со своим адвокатом. А тем временем Ели Бленкеншип проверил пульс сонной артерии Квонга и сердцебиение, посмотрел его зрачки и ногти и оценил ритм его дыхания.

– Хорошо, – произнес Мэт, выслушав Сару. – Обстановка у нас следующая. Четвертая трава в списке – это тип ромашки. По-видимому, мистер Квонг расстроился, потому что траву в сосуде кто-то перепутал.

– Что такое? – Мэллон весь наострился. – А вообще этот компонент находится в списке? Дебби, спросите его, что это такое. Спросите его, добавлял ли он этот компонент в смесь, которую поставлял доктору Болдуин.

– Дебби, ничего этого не спрашивайте, – приказал Мэт. – Ели, как он себя чувствует?

– Жаль, что у меня нет стетоскопа, – ответил Бленкеншип. – Думаю, что он в порядке, но с уверенностью сказать этого не могу.

Квонг к этому времени значительно успокоился, хотя все еще был сбит с толку. Он сидел, положив руки на колени, глядя на сосуд, который его подвел, качая головой.

– Дебби, дома ли твоя мать? – спросила Сара. – Думаю, что его надо проводить на второй этаж и уложить в постель.

– Дома никого нет, – ответила девочка. – Но я сама присмотрю за ним. Может быть, дать немного китайского вина? Оно нравится ему.

– Минуточку, – вмешался Мэллон. – Я хочу получить ответы на свои вопросы.

– Отложите их, коллега, – бросил Мэт. – На сегодня сцена закончена.

Питер, который внимательно рассматривал траву, откашлялся, привлекая к себе внимание.

– Я могу ошибаться, – начал он, но его тон никак не допускал подобной ошибки. – Но думаю, что эта трава называется нони. Научное название – моринда ситрифолия. Ее применяют на всех тихоокеанских островах для припарок, чтобы остановить кровотечение. А в отварах – для регулирования менструации и

ненормальных внутренних кровоизлияний. Очень эффективное средство. Очень сильное.

Значение сказанного Эттингером, если он не ошибался, было понятно для всех. Трава с сильными свойствами свертывания крови, которую Квонг Тянь-Вен добавлял вместо ромашки. Все вдруг заговорили одновременно – Мэллон уговаривал Питера подготовить по этой траве химический анализ как можно скорее; Мэт предлагал Мэллону не торопиться; Бленкеншип подбадривал Квонга и спрашивал его, достаточно ли он окреп, чтобы продолжить сбор образцов; Сара спрашивала Дебби, не может ли она принести уже приготовленные лекарства дедушки, с тем чтобы они могли разобраться в медицинской стороне вопроса.

Шериф Муни резко прекратил замешательство и шум.

– Прошу всех извинить меня, – громко произнес он. – Мне надо возвращаться на совещание. Однако до отъезда я хотел бы, чтобы мистер Квонг объяснил еще одно небольшое обстоятельство. – Шериф обратился к Бленкеншипу: – Доктор, в состоянии ли мистер Квонг добраться до того вон сосуда и показать его мне? Вон того, с коричневым порошком. Там, возле стены. На самом краю полки.

– Думаю, что если это важно, то можно...

– Подождите, – прервал Мэт. – Шериф Муни, что вы себе позволяете? Вы не имеете права дергать этого человека, он еще не обвиняемый. Муни, с животиком, который вывалился на целый дюйм из-под ремня, ткнул толстым указательным пальцем в сторону адвоката.

– До сегодняшнего дня мы с вами не встречались, Мэт, – заявил он, – но мне кажется, я вас знаю. Мне нравилось смотреть на ваши подачи. Если хотите знать, то я присутствовал на знаменитой встрече в Торонто. Однако вы не можете указывать мне, что я имею право делать, а что – нет.

– Но...

– Особенно когда вы не правы. – Он вынул бумагу из внутреннего кармана своего пиджака и передал ее Мэту. – Этот ордер на обыск выдан вчера после обеда судьей Джоном О'Брайеном. Он дает право заходить в магазин и брать любые образцы, которые я пожелаю.

– Выдан на основании чего? – спросил Мэт.

– На основании звонка, касающегося этого человека по нашей горячей линии наркобизнеса. Я взял этот ордер на всякий случай. Я не собирался использовать его до тех пор, пока не наведу некоторые справки. Но мне пришлось работать в агентстве по борьбе с наркобизнесом, и я узнаю опиум, когда вижу его. Думаю, что в том сосуде как раз он и содержится.

Знания английского языка Квонга, хотя и ограниченные, все же включали слово «опиум». Его возбуждение немедленно опять стало усиливаться.

– Опиум нет! Не моя! – вылетали английские слова среди пулеметной стрекотни на кантонском диалекте.

Сара заметила на его лице не только смятение, но и настоящий ужас.

– Проклятье, Муни, – воскликнул Мэт, – разве вы не видите, что этот старикан совсем не в той форме, чтобы его так трясти.

– Юная леди, не попросите ли вы своего дедушку передать мне этот сосуд? – настаивал на своем шериф.

Мэт схватил с полки сосуд и шмякнул его на прилавок.

– Вам так сильно понадобился этот горшок. Вот, берите. Что вы за полицейский, который так поступает со стариком на глазах у внучки?

– Полицейский, который не любит распространителей этого зелья независимо от того, какого они возраста.

В этот момент Квонг, который вопил и размахивал своими похожими на палки руками, вдруг сник. Неожиданно дыхание его стало напряженным и хриплым и цвет лица немедленно потемнел.

– Дедушка! – крикнула девочка.

Сара и Ели одновременно поняли, что происходит. Острый легочный отек – плохо с сердцем, – почти наверняка тромбоз коронарных сосудов. Они быстро положили Квонга на пол. Теперь он ловил ртом воздух, тяжело, с хрипом дышал и не позволял перевернуть себя на спину.

– Вызовите «скорую помощь», скомандовал Бленкеншип, ни к кому в отдельности не обращаясь. – Сара, вы можете разговаривать с ним?

– Немного.

– Тогда идите сюда, присядьте рядом и постарайтесь его успокоить. Нам надо выиграть немного времени, пока сюда подъедет

медицинская бригада, привезет кислород и морфий.

Сара обернула полотенцем лоб и лицо старика, которые покрылись потом. Она что-то нашептывала ему в ухо и потирала спину. «Кислород и морфий, – думала она. – Кислород и морфий».

– Доктор Бленкеншип, – неожиданно сказала она. – Опиум.

Профессор мгновенно понял. Острая сердечная недостаточность – даже если она вызвана тромбозом коронарных сосудов – часто реагировала на наркотические болеутоляющие средства. Морфий был одним из лучших вариантов лечения. И морфий – это производный продукт опиума.

– Уверены ли мы в том, что находится в сосуде? – спросил он.

Сара опять протерла лоб Квонга. Цвет его лица стал ужасным. Вполне могло случиться, что легочный отек может вызвать полную остановку сердца до приезда «Скорой помощи».

– Дебби, скорее сюда, – позвала она. – Пожалуйста, не бойся. Нам нужна твоя помощь... Спроси у своего дедушки, действительно ли в этом сосуде находится опиум. Скажи ему, что это очень, очень важно. – Девочка не стронулась с места. – Дебби, пожалуйста, – взмолилась Сара. – Это может спасти ему жизнь. Нам надо знать. Скорее, спроси его.

– Незачем и спрашивать, – неожиданно произнесла девчушка. – Это – опиум. Это – его опиум. Все у нас в семье знают, что он курит его с друзьями. Но в последнее время он этого почти не делает. Держит его под замком в подвале. Не знаю, как он оказался на этой полке.

– Спасибо, Дебби, – поблагодарила Сара. – Ты поступила правильно, что сказала нам. Не беспокойся.

Ели Бленкеншип уже положил несколько кристаллов под язык старику. Все внимание Сары опять обратилось к Квонгу, она стала его подбадривать и отирать его лицо. Через минуту Бленкеншип дал ему еще одну дозу.

– Вы лечили в джунглях, – сказал он. – Для старого больничного врача вроде меня такой метод вызывает некоторую жуть.

Но дыхание Квонга уже начало успокаиваться, а цвет лица улучшаться. Он все еще ловил ртом воздух, но смертельный страх начал гаснуть в его глазах.

– Частота пульса понижается, а наполняемость усиливается, – возбужденно доложила Сара.

Впервые за время этого кризиса она взглянула на Мэта.

– Молодчина, – беззвучно произнесли его губы.

К моменту приезда «Скорой помощи» Ели дал Квонгу третью щепотку опиума, и тот уже не был в чрезвычайной опасности. Через несколько минут, в то время как оба юриста молча, как зачарованные наблюдали за этой сценой, медик-стажер и опытный врач уже уложили своего нового пациента на носилки, дали ему кислород и нужные лекарства. О лекарствах распорядился Ели Бленкеншип как лечащий врач. Теперь, хотя ситуация и была взята под контроль, он настоял на том, чтобы сопровождать Квонга в больницу. Старика перенесли в «Скорую помощь», и Бленкеншип с удивительной легкостью впрыгнул в машину вслед за носилками. Затем, кивнув на прощанье Саре и показав ей большой палец, поднятый вверх, он укатил на «Скорой помощи».

Джереми Мэллон, что-то пробормотав Мэту о том, что он с ним свяжется, увел своих потрясенных спутников из магазина. Дебби сбегала на второй этаж, чтобы написать записку матери, что они с дедом поехали в «Уайт Мемориал».

Сара, которая побледнела почти так же, как Квонг, устало опустилась на стул из тростника. Мэт принес ей стакан воды.

– Вы просто молодчина, – сказал он.

– Я очень рада, что здесь оказался доктор Бленкеншип. Он неподражаем.

– Но это вам пришла мысль дать опиум, помните? Как вы думаете, старик отойдет?

– Не знаю. Он... такой слабенький. Как будто он ужасно постарел с тех пор, как я его видела.

– Тогда он не был таким?

– Нет. Мэт, я попала в передрагу, правда?

– Ну, это мы еще посмотрим. Разве вы верите, что Квонг давал вам не те ингредиенты все это время?

– Не знаю. Просто не знаю, чему верить.

– "Ну, что касается меня, то я нутром чувствую подвох. Почему вдруг опиум оказался на полке?"

– У Тян-Вена, может быть, развивается старческий маразм. Если это так, то он способен поставить опиум на подоконник переднего окна и даже не понять этого.

– Меня на такую удочку не поймаете. По крайней мере, пока что. Анонимный звонок по горячей линии наркомафии. Дайте мне срок.

– А что вы скажете о траве нони. Если Питер прав, а я думаю, что он прав, то как это можно объяснить?

– Не знаю. Может быть, старикан чего-то напутал. Может быть, тут ничего незаконного нет. Впрочем, эта история с опиумом провернута слишком гладко. Слишком ловко все подстроено.

– Но у вас же нет возможности доказать, что Тян-Вена подставили... если действительно подставили?

– Пока что никакого ключа к разгадке.

– Поэтому у нас неприятности в любом случае.

– Ну, моту допустить, что задача наша не из легких, – заметил он мрачно. – Но тяжелая работа никогда меня не пугала. Все будет в порядке.

В этот момент черная длинношерстная кошка Квонга потянулась, поднялась на ноги, подошла к тому месту, где стоял Мэт, и села на его ботинки.

Глава 21

Шарик покатился правильно, по бороздке, не отклоняясь, но гораздо ближе к краю, чем того хотелось Лео Дурбански. Десять мужчин – пять из четвертого полицейского участка и пять из Дорчестера, – постоянные чемпионы Лиги полицейских и пожарников. Все затаили дыхание, когда шар начал отклоняться к кармашку один-три. Казалось, что он целую вечность катился до кеглей.

– Давай, дружок, – слышал Лео шепот Мэка Пиблза. – Давай, давай, дружок.

Вся сцена походила на передачу «Широкий мир спорта», не переставал думать Лео. Последний шар последней встречи сезона. Чемпионат завершался, и постоянно проигрывающие встретились со всегда выигрывающими.

И вот дошла очередь до Лео Дурбански с его средними показателями один к пятидесяти запустить серию из трех шаров, самую волнующую за всю жизнь. Дав сорок пять, два шестьдесят восемь, и вот теперь, может быть... просто, может быть...

Темно-бордовый шар Лео из Брюнсвика уверенно скатился в кармашек, шарахнув по девяти кеглям наподобие снаряда от гаубицы. Но десятая кегля устояла, покачиваясь из стороны в сторону, как маятник метронома. Несколько игроков охнули, Один из них протянул руку и похлопал Лео по плечу. Потом неожиданно одна кегля вдруг выскочила на площадку и стала мучительно медленно крутиться на ней.

Обе команды замерли. Затем предательская кегля, как будто ее дернули за невидимую веревочку, звякнула о кайму. В самый точный момент, при правильном расположении звезд. Десятая кегля, слегка больше покачнувшись от прикосновения, перевалила через свой центр тяжести, какую-то секунду колебалась и потом тоже свалилась.

Вопли и поздравления были громче, чем Лео приходилось слышать когда-нибудь раньше. Он был полицейским-ветераном с двадцатилетним стажем, который за все эти два десятилетия не сделал ничего такого, что бы запятнало его репутацию, но и ничего, что бы его прославило. А теперь его имя и героический поступок станут

бессмертными. Мэк Пиблз обещал написать статью об этом в журнал «Иллюстрированный спорт» для раздела «Лица из толпы». Джой Керриген завел разговор о том, чтобы позвонить своему кузену, спортивному обозревателю «Геральд». Даже дорчестерская команда угостила его пивом.

В двенадцатом часу Лео решил отправиться домой. Он уже позвонил Жо, рассказал ей о невероятной встрече и предупредил, чтобы она его скоро не ждала. Но, может быть, все же, возможно, она ждет его. Ночь выдалась прохладная и безлунная. Сознывая, что он выпил пару кружек пива, Лео вел машину еще более внимательно, чем всегда. Если бы он ехал побыстрее, то, возможно, проехал бы мимо и не заметил движения в темной подворотне впереди себя, чуть справа.

Лео надавил на тормоза своего «тауруса» и автоматически выключил свет. Один мужчина, спотыкаясь, тащил другого по невысокой лестнице. Первый мужчина, блондин, был примерно на голову выше своей жертвы. Он держал одну руку в кармане своей куртки таким манером, что у Лео не было сомнений – там пистолет. Лео выключил мотор, ключом открыл бардачок и вынул оттуда свой табельный револьвер.

Если бы он находился в своей патрульной машине, то по протоколу он должен был бы немедленно позвонить, чтобы его поддержали. Но в его личной машине радиосвязи не было. В этих случаях протокол предусматривал, что он может предпринять любые осторожные действия по своему усмотрению. Трудно сказать, как бы он решил поступить в другую ночь. Но эта ночь для него была особенной. Он проверил барабан своего револьвера и наблюдал, как низкорослого человека вталкивали головой к полу, коленями на заднее сиденье черного или темно-синего «олдсмобилия» новой модели. В таком положении жертва была практически беспомощна, ее было легко контролировать, похоже, высокий мужчина был профессионалом. Лео облизал губы.

Следуя за «олдсмобилем» через Саут-Энд и по автостраде, Лео заучил на память цифры номерного знака. Во рту у него пересохло, ладони рук вспотели. И все же, вопреки всему, он вновь и вновь возвращался к своему триумфу в Бинтаун-Лейнз. Катившийся шар звучал в его голове литаврами, а удар по кеглям грохотал, как взрыв противотанковой мины.

Когда они проезжали по мосту Непонсет, Лео увидел через заднее стекло впереди идущей машины какое-то движение и подумал, что, может быть, парня на полу только что пристукнули. Но он отбросил такую мысль. Если это и случилось, то он ни шиша не мог поделаться с этим. Но если этого не произошло, тогда сегодняшняя волшебная ночь таила в себе для него нечто большее, чем просто выигрыш в кегли.

Лео представлял себе, как будет гордиться его жена разговорами о нем в его отделении, когда «олдсмобиль» съехал с моста и стал спускаться по темной улице с редкими домами. Он притормозил и отстал. Именно в этом месте сбрасывают уже не первый труп. Но на этот раз судьба распорядилась иначе. Его форма была свернута и лежала на заднем сиденье. Не спуская глаз с преследуемых, Лео нащупал наручники и положил их в карман.

Фары «олдсмобилия» уже погасли, но Лео все еще мог легко различать силуэт машины на фоне освещенного города. Она запарковалась возле стены сгоревшего здания. Лео прикинул, как он может приблизиться, оставаясь незамеченным. Свет внутри салона на несколько минут вспыхнул, когда злоумышленник приоткрыл дверцу машины, вытолкнул пленника наружу и погнал его.

Возможно, в конце концов, не такой он и профессионал, подумал Лео. Настоящий профессионал никогда не допустит, чтобы автоматически вспыхнул внутренний свет в машине. Он протянул руку и поставил выключатель в своем салоне на положение «выключено». Потом тихо открыл дверцу, выскользнул из машины и быстро присел на одно колено. До него доносились голоса двух мужчин, но он был от них слишком далеко, чтобы разобрать слова.

Не имея представления, как скоро будет нанесен окончательный удар, Лео должен был поторопиться. Его замутило – неприятная отрыжка пива и желчи подступила к горлу.

«Будь осторожен, – предупредил он себя. – Сохраняй такое же хладнокровие, как в недавней игре, и ты пригвоздишь этого слюнтяка к стенке».

Он схватил поудобнее свой револьвер, держа палец на курке, и быстро приблизился к ним на расстояние тридцати ярдов.

– П-п-пожалуйста, н-не д-д-делайте этого. Я ни д-для кого н-не представляю угрозы.

– У тебя всего одна минута, чтобы сказать, с кем ты об этом говорил. Всего шестьдесят секунд... Даже пятьдесят.

– П-пожалуйста. П-пожалуйста.

Мужчина, который заикался практически на каждом слове, стоял на коленях, стонал и причитал. Лео метнулся к углу полусгнившего дощатого забора. Теперь он находился от этой пары не более чем в пятнадцати ярдах. Ему чертовски захотелось, чтобы на его «тауресе» была включена мигалка. А так у него оказалось слишком явное преимущество. Добавьте к этому мощный ручной фонарик, свет от которого освещал глаза блондина, и вам станет ясна вся картина. Лео приблизился еще на пять шагов. Потом еще на пять.

– Время вышло, – произнес убийца.

– Ни с места, – рявкнул Лео, его сердце отчаянно колотилось. – Не двигаться. Не шевелиться, сука...

Блондин еле вздернул голову. Но в это же мгновение Лео понял, что его не удастся взять без боя. Палец Лео надавливал на курок, когда убийца нырнул в сторону, крутанувшись в воздухе. Лео выстрелил на долю секунды раньше, чем увидел вспышку в его руке. До него донесся хлопок пистолета противника почти одновременно с его возгласом боли.

«Достал! – подумал Лео. – Попал!».

Незнакомец тяжело свалился, ухватившись за ногу и качаясь из стороны в сторону. Его заикающаяся жертва уползла в сторону, вскочила на ноги и пустилась наутек. «Может быть, какой-нибудь мелкий подонок», – сказал себе Лео, когда тот скрылся в темноте. Желанная для него награда – разговор и пересуды в управлении – каталась перед ним на земле. «Наверное, в розыске, – подумал он. – Может быть, среди первых в списке».

– О'кей, говнюк. А теперь ни с места и не двигайся. Я из полиции. – Лео вроде бы выкрикивал эти слова, но, странное дело, не слышал звука. Вдруг он почувствовал головокружение... тошноту... Жалящая боль с правой стороны шеи, как раз под ухом... Он неловко потянулся рукой, чтобы дотронуться до этого места. Теплая, липкая кровь заливала его ладонь. Головокружение и тошнота усилились. Он опустился на одно колено. Потом очень медленно повалился набок.

Последнее, что услышал Лео Дурбански, – страшный грохот тысячи шаров из Брюнсвика, которые мчались по тысяче ленточных

накатов, летя прямо в тысячеочковые кармашки один-три.

Глава 22

29 августа

Как раз в двенадцать минут первого Сара прошла через городской сад, направляясь к месту встречи с Мэтом. День, который начался с жаркого утра, стал теперь просто душным. Бизнесмены в рубашках с короткими рукавами, приспущенными галстуками, перекусывали вместо обеда в тени развесистых деревьев, аккуратно положив сложенные пиджаки на траву – возле себя. По всему полю, которое когда-то использовалось военными, бродили и болтали с томным видом группы матерей в шортах и высоких головных уборах, некоторые – газетных колпаках. Их дети бегали возле по густой летней траве.

Саре хотелось растянуться на этой траве и расслабиться. Ей хотелось, чтобы они с Мэтом встретились на пикнике с сэндвичами из индюшки, приобретенными в магазине «Николь», а потом бы беззаботно прогулялись вдоль проспекта Чарльза. Практически абсолютно все было бы предпочтительнее того, что ее ожидало. В час дня она с Мэтом должна находиться в зале Верховного суда Саффолка, на втором этаже, при рассмотрении дела о преступной небрежности в лечении.

Мэт, который за последние три года присутствовал на трех таких судебных разбирательствах, довольно детально объяснил ей, как это происходит, сказал, что при желании она может вообще там не появляться. Он объяснил, что врачи, против которых возбуждаются судебные дела, редко ходят на такие разбирательства, особенно когда, как должно было случиться и сегодня, решение могло быть вынесено против них. Но, располагая относительно свободным временем и почти болезненным желанием испытать на себе судебное столкновение, на просто не смогла остаться дома.

Система судебного разбирательства, начатая в Индиане, впоследствии была принята и в штате Массачусетс и представляла собой попытку покончить с легкомысленными наскоками на врачей. Выражалась надежда, что процедура предварительного рассмотрения когда-нибудь уменьшит ужасающе крупные страховые выплаты, из-за

которых многие доктора лишались клинической практики. Эти выплаты и сборы задним числом иногда превышали в год сто тысяч долларов для отдельных специалистов и представляли собой основную причину фантастического роста расходов на здравоохранение. А соответствующее страхование было обязательным при получении в этом штате лицензии. Врачи, которые хотели продолжать заниматься медицинской практикой в штате Массачусетс, не имели другого выхода, как увеличивать свою врачебную нагрузку и заказывать все больше и больше «защитных» лабораторных анализов.

Мэт объяснил, что такой синклит, который включал судью, адвоката и врача той же специальности, что и подзащитный, не ставил цели определения виновности или невиновности. Сегодня надо было ответить лишь на один вопрос: если исходить из того, что обвинения Лизы Грейсон справедливы, то имела ли место преступная небрежность при лечении? Или, говоря юридическим языком, является ли достоверным дело, которое возбудила она и ее адвокаты.

– Обычно в этой процедуре решают дела в пользу истцов, – объяснял Мэт. – Но даже если истец проигрывает, он может передать дело в суд, если готов внести залог – в Массачусетсе в размере шести тысяч долларов – для покрытия судебных расходов и оплаты юридической защиты ответчика. Но даже и тут судья может освободить от залога, если истец не в состоянии его внести. Совершенно очевидно, что это Грейсонам не угрожает.

Потертый, зазелененный травой бейсбольный мяч выпрыгнул с лужайки и покатился по тротуару как раз перед Сарой. Она подняла мяч и бросила его через голову подростку, который бежал за ним. Паренек, возможно латинос, поймал перчаткой мяч с легкостью отработанного рефлекса и скромно улыбнулся ей из-под козырька кепки с надписью: «Ред Сокс».

– Неплохой бросок для женщины, правда, Рики? – долетел до нее голос Мэта.

Он помахал ей с зеленой лужайки, оставил группу ребятшек с которыми играл, и торопливо направился к ней. Он был в водолазке «Гринпис» и в брюках от своего костюма. Разговаривая, Мэт жестикулировал бейсбольной перчаткой, как будто она являлась частью его руки.

– Рики, спасибо, что поймал, – бросил он пареньку, проходя мимо него. – Этот твой крученный мяч начинает действительно получаться. Эй, ребята, может быть, завтра я опять вас увижу.

– Симпатичный паренек, – заметила Сара.

– Он преступник, – ответил Мэт. – Впрочем, шучу... в некотором смысле. Все эти ребяташки – одна шайка! Пару лет назад суд поручил мне защиту одного из них. К счастью, ничего серьезного. Ну, знаете, я показал им некоторые вырезки из газет обо мне... и вроде бы стал им за кореша. Теперь вся эта шайка играет в бейсбол, а отдельные ребята даже учат этому малышей. Этот Рики фактически составил команду из ребят средней школы. Он талантливый парень.

– Как вам это удалось?

– Да они сами добились всего, чего хотели. Я просто объяснил им, что нет ничего плохого в том, чтобы лупить по бейсбольному мячу вместо того, чтобы бить по чьей-то голове. На следующей неделе закончится срок, как Рики выпустили на поруки. У меня пара хороших билетов на игру «Сокс» – «Балтимор». Вначале я купил их для себя и Гарри... это мой сын. Но ему пришлось уехать домой, какие-то летние занятия. Поэтому вместо него я беру с собой Рики. Хотел преподнести ему сюрприз, но не удержался и уже сказал об этом. Я не большой специалист преподносить сюрпризы.

– Где живет Гарри? – спросила Сара. Тень грусти пробежала по лицу Мэта.

– В Калифорнии, – ответил он.

Его тон отбил охоту задавать другие вопросы. После нескольких неловких минут молчания он слегка улыбнулся и кивнул перед собой.

– Там находится моя контора.

Сара с облегчением отказалась от продолжения этой болезненной для Мэта темы и просто пошла рядом.

Выходная одежда Мэта находилась в его конторе, которая размещалась на пятом этаже перестроенного здания, бывшего когда-то богатым особняком. Трехкомнатное помещение конторы не производило такого удручающего впечатления, которое он пытался создать, отметила про себя Сара.

– Все относительно, – заметил он. – К сожалению, в юридическом бизнесе, когда адвокатов больше, чем собак нерезанных, большое

значение приобретает внешний лоск. Как-нибудь, просто потехи ради, я отведу вас в контору Джереми Мэллона.

– Боже упаси, – воскликнула Сара.

Он познакомил ее с секретаршей, приятной женщиной по имени Руфь. Сара почувствовала, что той хотелось бы поговорить с ней еще до того, как они успели вымолвить хоть слово.

– Мистер Даниелс прекрасный человек, – произнесла Руфь, как только Мэт скрылся за дверью своего личного кабинета, чтобы переодеться.

– Похоже на то.

– К тому же очень хороший адвокат. И замечательный отец. Он сказал, что вы самый важный для него клиент из всех, которые у него были. Он всегда усердно работает, но никогда не видела, чтобы он начинал трудовой день так рано, с тех пор, как занялся вашим делом.

– Это обнадеживает.

Сара неловко улыбнулась и взглянула на узкий кофейный столик в поисках какого-нибудь журнала. Она решила взять журнал четырехмесячной давности с загнутыми углами, «Консьюмер Рипотс». Смысл этого поступка, который предназначался для Руфь, не произвел на последнюю ни малейшего впечатления, она продолжала тараторить.

– Когда я ухожу вечерами, он остается на рабочем месте. А когда прихожу утром, то он опять уже здесь. Эта дама, с которой он встречался, просто не могла понять, насколько важно для него приобретение опыта в его профессии, особенно после случившегося с Гарри и всего остального. Думаю, она порвала с ним, потому что он не уделял ей достаточного внимания. Мне-то она все равно не нравилась. Слишком надменная, если вы понимаете, что я хочу сказать. Мистер Даниелс заслуживает лучшей пары.

Неожиданно Сара почувствовала, что в ней борются два желания: попросить эту женщину больше не продолжать и вместе с тем узнать что-нибудь про Мэта. Она остановилась на чем-то среднем.

– Что случилось с Гарри? – спросила она, вспомнив грусть на лице Мэта и допуская худшее.

– О, дело тут не в Гарри, а в его бывшей жене. Несколько лет назад она практически похитила мальчика и уехала с ним в Калифорнию. Не куда-нибудь, а в сам Лос-Анджелес. Мистер Даниелс боролся с ней через суд, но ничего не добился... даже несмотря на то,

что она чрезмерно пьет – и все это знают. Он бы гораздо лучше воспитывал мальчика.

– Очень печально.

– Вы попали в точку. И он слишком заботится о Гарри, чтобы в чем-нибудь отказать этой женщине. Оплачивает частную школу. Летние занятия. Высылает дополнительные деньги, на одежду. Плюс расходы на дорогу самолетом сюда в любое время, когда она ему позволяет приехать. Я выписываю кучу чеков, поэтому знаю, как много денег уходит на эти поездки. Думаю, что именно поэтому для него так важно ваше дело. Если оно пройдет удачно, то компания медицинского страхования, возможно, станет чаще его загружать. Не слишком... не слишком ли я разболталась? Мистер Даниелс постоянно ругает меня за то, что я слишком много болтаю с клиентами. Но все дело в том, что, если бы у нас было побольше клиентов, мне бы пришлось поменьше разглагольствовать, если хотите знать.

Сара подумала, что секретарша за три минуты рассказала все, что ей пришлось бы вытягивать из неразговорчивого адвоката, если бы у нее возник подобный интерес. В этот момент в динамике старомодного внутреннего переговорного устройства раздался треск.

– Сара, извините, что меня так надолго задержал телефонный разговор, – донесся голос Мэта. – Никак не мог отделаться от одного клиента. Теперь долго не задержусь. Руфь, отложите в сторону свои дела и займите гостью. Пусть она не подумает, что мы тоже относимся к этим напыщенным, надменным фирмам.

* * *

Здание Верховного суда Саффолка, гранитная реликвия прошлого, находилось в пяти минутах ходьбы от конторы Мэта.

– Хочу удостовериться, что вы не ждете от меня ничего в духе Перри Мейсона^[2], – заметил он, когда они ждали зеленого света на переходе улицы Вашингтон. – Сегодня Мэллон натянет свои юридические перчатки и начнет нас дубасить по своему усмотрению и без всякого сожаления – письменные показания под присягой, письма от экспертов и другие штучки. После того как он выложит все это, мы попотчuem уважаемый синклит своей аргументацией, которая будет

сравнима только с утверждением, что матушка Мэллона ходит в армейских башмаках. Сегодня мы первый раз попадаем под обстрел, только они вооружены, а мы нет. Поэтому картина будет не из приятных. Но просто помните, что это – разведка боем.

– На первый взгляд все это ужасно.

– Не беспокойтесь, нам тоже представится свой шанс. Просто не позволяйте, чтобы на вас подействовала словесная трескотня. Как вам сказали в тот день в магазине мистера Квонга, те люди не относятся к числу ваших друзей. Кстати, я его вчера видел.

– Тянь-Вена?

– Да, я заезжал туда несколько раз. Я не стал брать его к себе в клиенты, возникает конфликт интересов с вашим делом, но рекомендовал ему Анжелу Корд, отличного адвоката. Мне очень понравился старикан. Между прочим, он заметил, что вы не проводывали его с тех пор, как он выписался из госпиталя.

– Со всеми этими событиями... мне просто не хотелось ехать к нему. Он славный старичок. Мне жаль, что он заболел и что его обвинили в хранении опиума. Но дело в том, что мне это тоже не понравилось. Это же действительно его опиум. Он не отрицает.

– Да, – отозвался Мэт. – Но, насколько я припоминаю, именно вы напомнили мне, что он курил опиум как воспитанный на этой традиции человек, а не как преступник. К тому же он стоит на своем, что никогда не держал опиум у себя в магазине. И по-прежнему продолжает утверждать, что, если бы он даже пятьдесят раз выкурил свою обычную трубку, он не спутал бы траву нони с ромашкой...

– Но именно это и произошло. Отрицание ответственности не меняет реального положения дел. Мэт, мне приходилось курить опиум. И не раз, когда я жила в Таиланде. Знаю, какое от него возникает состояние. И путаница вполне могла произойти из-за халатности, или его преклонного возраста, или из-за опиума, или из-за сочетания всех этих трех причин. Тянь-Вен ошибся. И из-за этих ошибок... погибли люди.

– Меня это не убедило.

– Ну, естественно, я надеюсь, что нет. Вы же юрист. Но пока вы не докажете, что его кто-то подставил, и не укажете, кто именно и почему, я вынуждена считаться с тем, что именно он мог оказаться виновным в

том, что случилось с теми женщинами. А стало быть, и я несу ответственность за использование этих лекарств.

Они обошли угол невысокой стены из бетона и гранита перед зданием Верховного суда. Перед ним топталась небольшая группа демонстрантов – человек с двадцать. К лестнице их не подпускал единственный выставленный здесь полицейский. Немного в стороне телевизионная команда 7-го канала брала интервью у одного из демонстрантов, сухопарого бородача, одетого в длинный малиновый плащ с капюшоном.

– Не нравится мне все это, – пробормотал Мэт, останавливаясь на некотором расстоянии, чтобы оценить ситуацию.

– А с чем это связано?

– Если догадка меня не подводит, то связано это с вами. Вы видели сегодня утром газету «Геральд»?

Сара покачала головой.

– С семи утра я работала в клинике. Едва успела выпить чашку кофе. Только не говорите, что опять пишут обо мне.

– Фактически о вас и о больнице. На четвертой странице помещена статья о безвозмездной ссуде, которую только что получил МЦБ для строительства нового огромного центра научных исследований в некоторых областях альтернативного лечения. Существует ли такое здание – «Чарлтон»?

– «Чилтон» – поправила Сара. – Сейчас оно заброшено и огорожено забором. Через несколько месяцев его снесут и начнут возводить новый центр. Но это старье берем. Все в МЦБ знают об этом уже давно, несколько недель.

– Ну а для «Геральд» это – новость. И как раз на следующей странице, на пятой, помещено объявление, что вас сегодня вызывают в комиссию по рассмотрению дел о недобросовестном лечении. Об этом же упоминает и Аксель Девлин. «Начало конца доктора Отравника» – кажется, так он озаглавил свою колонку. Что-то в этом роде. Ко мне в контору звонили несколько человек, хотели узнать подробности. Лично я ни с кем не разговаривал, но Руфь сказала, что у нее сложилось впечатление, что кто-то от вашего имени собирается организовать демонстрацию. И думаю, что они-то и организовали ее.

– О, нет, – простонала Сара.

– В это учреждение нельзя пройти через заднюю дверь, если это не обговорить заранее. Думаю, что у нас нет другого выхода, как поднять перчатку. Поэтому, как ваш адвокат, предлагаю вам ограничить свои высказывания всего несколькими словами в течение следующих нескольких минут: «Спасибо» и «Комментариев нет». Идет?

– Комментарии нет... спасибо, – повторила Сара.

Небольшая демонстрация состояла, главным образом, из медицинских работников альтернативных методов лечения. Сара узнала некоторых из них, включая очень талантливого костоправа и одного иглотерапевта, который когда-то работал в Пекине. Были там и три женщины, которые принимали дополнительные лекарства Сары и беременность которых развивалась нормально, они благополучно разродились. У двух из них за спиной в мягких рюкзаках сидели их малыши.

При приближении Сары и Мэта люди отодвинулись в сторону и зааплодировали.

– Держитесь там, – выкрикнул какой-то демонстрант.

– Удачи, доктор, – подбодрила незнакомая женщина. – Мы с вами.

В руках у них был самодельный плакат с надписью:

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЛЕКАРИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАБОТЯТСЯ О НАС».

Незнакомец в малиновом плаще прервал свое интервью для 7-го канала, бросился к ним, протянув костлявую руку.

– Доктор Миша Коркопович, энерголечение и шаманство, – представился он. – Мы с вами до конца, доктор Болдуин. Вы объединяете нас так, как не могло объединить ничто другое.

– Спасибо, – выдавила из себя Сара, когда Мэт быстро увлек ее вверх по лестнице. – Мэт, это странно и несколько непривычно. Я почтительно отношусь к некоторым из этих людей, как к целителям. А другие, вроде этого Миши, возможно, шарлатаны.

При входе в здание Мэт оглянулся.

– Но все они не очень отличаются от врачей, имеющих степень Д.М., верно? – спросил он.

...Давайте обратимся к фактам и посмотрим, как мы собираемся доказать свою правоту...

Джереми Мэллон заглянул в свои записки и начал медленно, с напыщенным видом ходить перед членами трибунала. За ним внимательно следили два других адвоката, один примерно такого же возраста, что и Мэллон, другой несколько постарше.

– Адвокаты Грейсона, – шепнул Мэт.

Он кивнул в сторону зала для посетителей который, когда они вошли, был практически пуст. Теперь некоторые места заняли демонстранты. И вот в проходе между рядами показался Уиллис Грейсон вместе со своим сопровождением из четырех человек. Холодные серые глаза Грейсона перехватили взгляд Сары. Она содрогнулась при виде ненависти и гнева в его взгляде. Обратив опять свое внимание к Мэллону, она подумала о Лизе... Как она себя чувствует и сама ли она решила не присутствовать на разбирательстве?

Врач в составе трибунала, акушер из Гарварда по имени Рита Данливи, и адвокат, лысеющий взъерошенный мужчина по фамилии Киф, примостились на скамье рядом с судьей Иудой Лэндом, безупречным ветераном судебной практики с двадцатью пятью годами стажа, по словам Мэта.

Вводная часть речи Мэллона изобиловала такими словами, как опасный, опрометчивый, безответственный, халатный, самонадеянный, недоброкачественный, порочный и смертельный. Он утверждал, что Сара прописывала потенциально очень сильные лекарства пациенткам в их наиболее чувствительный и уязвимый период жизни – когда они готовились к родам.

– Учитывая недостаточный контроль за препаратами из лекарственных трав, – продолжал Мэллон, – всегда может обнаружиться причина, по которой эти снадобья из Юго-Восточной Азии могут отрицательно повлиять на здоровье женщин из Бостона. В качестве доказательств мы представляем сегодня письма акушера доктора Раймонда Горфинкла и специалиста по лечебным травам без степени Д.М. мистера Гарольда Линга. Письма этих двух экспертов ясно показывают, что доктор Болдуин не придерживалась обычной медицинской практики, выписывая своим пациенткам дополнительные лекарства из трав вместо предродовых витаминов. Она не придерживалась также обычной холистской практики в том, что

касается приготовления и распространения лекарств из трав. В частности, в письме мистера Линга ставится под вопрос компетенция фармацевта, который заказывал эти травы и затем делал смеси, предписанные доктором Болдуин.

Затем Мэллон зачитал вслух два осуждающих письма. Горфинкл, акушер, работающий в Вест-Роксбури подчеркивал, что за тридцать с лишним лет своего стажа ему доводилось наблюдать самые разные чудачества у своих пациентов – например, обращение к разного рода знахарям, так называемым народным средствам и т.д. Иногда это не причиняло вреда здоровью, бывали и другие – печальные случаи. Но он никогда не встречался с практикой такого рода, когда сам врач рекомендовал нечто, не отвечающее проверенным и утвержденным медицинским стандартам. По его мнению, замена одобренных федеральным агентством предродовых витаминов вспомогательными лекарствами из трав необоснованна и представляет потенциальную угрозу для пациентов.

Линг, специалист по травам из нью-йоркского Чайнатауна оказался не менее резок в своем суждении. Дополнительные лекарства из трав играют свою роль в поддержании здоровья, писал он, но только в небольших количествах и только тогда, когда они выдаются солидными, ответственными фармацевтами. По его мнению, Квонг Тянь-Вен, хорошо известный хронический наркоман, злоупотребляющий опиумом, отнюдь не зарекомендовал себя таковым. Далее он писал, что нони – трава, которую обнаружили в сосуде у Квонга вместо ромашки, вполне может вызвать проблемы загустения крови.

– Линг – один из старейших друзей Питера, – шепнула Сараю. – А Горфинкл – просто наемник. Он основательно зарабатывает, давая показания против докторов.

– Меня это не удивляет, – отозвался Мэт. – Уверен, что моя бывшая супружница с удовольствием поступила бы так же со мной, как с вами поступает Эттингер.

– Мистер Даниелс, – обратился к нему судья Лэнд, по усталому голосу которого можно было предположить, что Мэт мог и не выступать. – У вас примерно пять минут, чтобы представить свою аргументацию. Вам известно, что сегодня мы не будем рассматривать

или заслушивать какие-либо письма или иные свидетельские показания экспертов вашей стороны.

– Мне это известно, ваша честь. Спасибо... Сара, теперь слушайте, – шепнул он ей. – Сейчас я постараюсь обойти все моменты, каковые могли бы дать Мэллону ключ к тому, какую часть его иска мы попытаемся опровергнуть. При нынешней ситуации не вижу, чтобы мы смогли здесь выиграть. Главное – не навредить.

– Понимаю, – ответила ему также шепотом Сара, но она не была уверена, что действительно понимает.

– Ваша честь, доктор Данливи, мистер Киф, – произнес Мэт громким голосом, позволив себе лишь намек на протяжное произношение. – Мы все ждали сегодняшнего дня и изложения нашим коллегой, мистером Мэллоном, на первый взгляд достоверной аргументации дела. Но вместо этого получили впечатляющую дымовую завесу. Что же скрывает мистер Мэллон? Так вот, полагаю, что вы, так же как и я, понимаете, что он пытается скрыть тот факт, что у него нет никаких данных о связи предпринятых или не предпринимавшихся действий со стороны доктора Сары Болдуин с развитием ВСК у Лизы Грейсон.

Честно говоря, даже непонятно, как мистер Мэллон отважился представить дело с таким незначительным количеством существенного материала. Мы слышали о «не должно было бы» от доктора Горфинкла и «просто никак не могло бы» от мистера Линга, но это просто необоснованные предположения. Здесь отсутствует научный взгляд, нет эксперта, который бы заявил, что сделанное этим внимательным, преданным своему делу врачом неправильно. И что по причине – по причине! – ее мнимых действий ребенок появился мертворожденным, а мать получила серьезное увечье. Без такого утверждения эксперта нельзя считать, что мистер Мэллон показал возможную достоверность своего иска. На этом основании прошу отклонить обвинения против моего клиента.

– Bravo, – прошептала Сара, когда Мэт сел. – Bravo.

– Пустяки, – прошептал он ей в ответ.

– Что?

– Это я напускаю тумана. И вы можете судить по выражению лиц участников трибунала, что и они знают об этом. Мэллон сделал больше, чем нужно, чтобы выиграть здесь.

Судья поблагодарил участников, обещал принять решение в течение часа и закрыл заседание.

Мэт ничего не говорил, когда они вышли из здания суда и направились к его конторе.

– Ну и что? – не выдержала Сара.

– Что «ну и что»?

– Что вы об этом думаете?

– О чем об этом? – Он казался рассеянным и сбитым с толку.

– О том, конечно, что происходило в зале суда, – ответила она с раздражением.

– Думаю, что мы проиграли.

– Ну и что такого? Вы же мне сказали, что так и будет, еще до того, как мы вошли туда.

– Но это не улучшает мое настроение. Нас довольно здорово отдубасили. И Мэллон добился этого, даже не вспотев. – Он опустился на уличную скамейку. – Послушайте, Сара, – продолжал он. – Мертворожденные дети и искалеченные молодые женщины – это нечто такое, что не может не произвести впечатления на присяжных заседателей. Не знаю, насколько крепкую связь может установить Мэллон между травкой Квонга и ВСК у Лизы Грейсон. Или даже позволит ли судья ему представить два других дела о ВСК. Но я предчувствую, что арест Квонга из-за наркотиков и хрупкая, привлекательная Лиза с одной рукой, которую пригласят для свидетельских показаний... Одним словом, он может раскачать достаточно эмоций и склонить присяжных заседателей возложить основное бремя доказательств на нас.

В нем чувствовалась нервозность – напряженность во взгляде, сжата челюсть... Таким Сара его еще не видела.

– Может быть, вы коснетесь сразу главного, – предложила она.

Он взглянул на нее, поразившись, что она так быстро и так точно его раскусила.

– Так вот, главное заключается в том... У меня есть идея, которую я с вами еще не обсуждал.

– А именно.

Черная Кошка Даниелс пожевал нижней губу и откинул окурок сигареты носком ботинка.

– А именно – отказаться от защиты, – пояснил он.

Глава 23

Трехквартирный жилой дом, обшитый досками внахлестку, стоял в тупике пришедшего в запустение района Дорчестера. Он остро нуждался в новом покрытии пластиковой плиткой, ремонте водостоков, покраске. Роза Суарес шла по тротуару, неся тяжелый атташе-кейс. Сбор данных теперь значительно продвинулся, но пока что ничего не указывало на причины появления заболеваемости ВСК у пациенток МЦБ.

По ее настоянию ЦББ направил бумаги в сотни больниц с просьбой выяснить, не встречались ли в других местах подобные случаи. Но все, о чем до сих пор сообщили, имело логическое, хорошо проверенное объяснение, например, обрыв плаценты, заражение крови.

Роза решила повторно обратиться к делам некоторых пациенток. Она начала со встреч с семьями двух усопших жертв и в конце недели хотела встретиться с Лизой Грейсон. Одновременно она планировала проверить и перепроверить большое количество бактерий, которые она выращивала.

Хотя ее шеф прямо ничего не говорил, но первые признаки нетерпения уже вышли наружу в форме короткого меморандума. Доктор Уэйн Вернер, старший районный эпидемиолог, с окончанием текущего проекта завершит свою работу и через три-четыре недели получит новое назначение, говорилось в меморандуме. Поэтому все работники управления, занятые в нынешнем расследовании и нуждающиеся в помощи Вернера, должны в двухнедельный срок подать соответствующие просьбы в письменном виде. Роза понимала, что этот меморандум представлял собой по меньшей мере требование, чтобы она высказала какую-то правдоподобную гипотезу, а в худшем случае меморандум мог означать угрозу, что в скором времени ее заменят.

Над прорезью почтового ящика квартиры первого этажа краской была грубо выведена фамилия «БАРАХОНА». Рабочий Фреди Барахона целыми днями сидел дома, получая пособие из-за болезни спины. Его жена Мария работала в вечернюю смену на фабрике

спортивной обуви. Констанция Идальго была дочерью Марии от первого брака, единственным ребенком, других детей у нее не было.

Роза испытывала усталость от напряженного расследования, которое тянулось уже семь недель подряд. Она похудела, разругалась со своим мужем первый раз за несколько лет, у нее появился неприятный тик в уголке правого глаза. Но она была достаточно упряма, чтобы выкладываться на всю катушку. Уж очень хотелось уйти с работы на коне. А что еще более важно, хотелось предотвратить то, что, как она твердо верила, грозило неминуемым несчастьем.

Кто-то умышленно вырвал страницы из больничных карт по меньшей мере в двух из трех расследуемых случаев ВСК. За Сарой Болдуин следили и один раз даже приставали к ней. И методы дотошного расследования, которые в течение многих лет неизменно вознаграждали Розу, теперь не давали результата. У нее было такое чувство, как будто она на цыпочках ходила возле тикающей бомбы, но не представляла себе, как ее обезвредить. Единственное, что она понимала четко: если быстро не найти ответов, то погибнут другие женщины и их нерожденные младенцы.

Мария Барахона, полная, измученная работой женщина, в свое время несомненно была довольно привлекательной. Внешне она бодрилась, но по глазам было видно, как она переживает потерю своего единственного ребенка. Однажды, во время первой беседы Розы с ней, она расплакалась. Но быстро взяла себя в руки, извинилась и продолжала отвечать на вопросы. Сейчас, когда ее муж задремал на потрепанной качалке, она угостила Розу чаем и опять стала рассказывать о Конни. Хотя она довольно прилично говорила по-английски, с облегчением перешла на испанский.

– Знаете, в машине были наркотики, – сказала она. – Нам сообщили, что в крови у Конни обнаружили марихуану, но я этому не верю. Она была жизнерадостная девушка. К тому же хорошая девушка. И такая красивая. Ее единственное несчастье заключалось в том, что она влюбилась в этого подонка Билли Молино. Пожалуйста, миссис Суарес, простите меня за эти грубые слова.

– Миссис Барахона, вам совершенно незачем извиняться.

– Она была такая красивая. Если бы вы только видели ее, миссис Суарес. Когда она проходила мимо, мужчины просто останавливались и не сводили с нее взгляда. Мы уже выбрали имя для ее мальчика,

Гильермо. И даже если бы его назвали Билли, Конни хотела записать его имя на испанский манер.

Как и во время их первой встречи, Мария Барахона стала перескакивать с одной мысли на другую, сдерживая слезы. Роза сделала отчаянную попытку узнать у нее что-то новое.

– Миссис Барахона, – обратилась на к ней, – где-то три или пять лет назад ваша дочь лечилась в Медицинском центре Бостона. Вы не помните, чем она болела?

Выражение лица женщины стало не таким напряженным, она отвлеклась, сосредоточившись на вопросе Розы.

– Я... что-то не помню. У нее были головные боли и какое-то желудочное расстройство... связанное, главным образом, знаете ли, с ее месячными. Но все это прошло, когда она стала принимать лекарства. Она всегда очень верила врачам Медицинского центра. Если они рекомендовали принимать таблетку в три минуты пятого, то моя Констанция садилась возле часов и ждала, пока стукнет ровно три минуты пятого.

Опять тупик. Роза смотрела в пол, пытаясь представить себе нарастающий ужас Конни Идальго в течение этих последних кошмарных часов. Было ли там еще что-то? Хоть какая-нибудь деталь.

– Миссис Барахона, Мария, я знаю, что Конни жила с Билли Молиаро, – наконец сказала она. – Когда она ушла из дома совсем?

– Они собирались пожениться, – ответила Мария, явно растерявшись. – Но она часто ночевала дома. Довольно часто.

– Простите, Мария. Вы меня не совсем правильно поняли, я ни на что не намекаю. Просто мне любопытно знать, остались ли какие-нибудь вещи в ее комнате. И все. Если остались, то, с вашего разрешения, я хотела бы взглянуть на них.

– Ах, вот что. Если вы думаете, что это может пригодиться, то осматривайте, что хотите. Это последняя комната справа. Я там ничего не меняла. А теперь, если вы не против, я займусь приготовлением обеда. Знаете, я работаю в вечернюю смену.

– Знаю, – отозвалась Роза, взглянув на Фреди Барахону, который давно не брился и даже не пошевелинулся с момента ее прихода. Она подумала, приходилось ли ему когда-нибудь самому готовить пищу? На мгновение в ее голове пробежала мысль: какой она была

счастливой все сорок лет, что прожила с Альберто Суаресом. – Спасибо, Мария. Я взгляну сама.

Спальня Конни Идальго рассказывала о женщине, которая всегда оставалась девочкой. Кровать и письменный столик были покрашены, возможно самой Конни, в белый и розовый цвета. Наволочки, тоже розового цвета, покрыты вышивкой с изображениями медвежат и шаров. И повсюду лежали мягкие игрушки... не меньше сотни. Зебры и слоны, медведи и орангутанги, кошечки и всевозможные собачки. Стены украшали плакаты с изображением романтических островов и залитых неоновым светом городов. Роза проглотила горечь, подступившую к горлу. Несмотря на сообщение, что в крови Конни обнаружили марихуану, Роза чувствовала, что эта девушка могла бы превратиться в любящую, преданную мать.

Роза взяла со столика вставленную в рамку фотографию и приподняла занавеску, чтобы получше рассмотреть ее на свету. Конни выглядела необычайно привлекательной, совсем не так, как на газетном снимке в досье Розы. Она стояла под руку со смуглым, красивым, самоуверенно улыбающимся молодым человеком. С Билли Молиаро. Роза не сомневалась в этом. Снимок сделали на борту какого-то судна, возможно прогулочного катера, на фоне Манхэттена.

Не зная, что, собственно, она ищет, Роза сначала осмотрела ящички письменного столика, а затем содержимое небольшого книжного шкафа. Там были в основном романтические дамские романы в мягком переплете, книги из библиотеки, которые так и не вернули назад. Никаких фотоальбомов или альбомов для вырезок. Но стоял ежегодник «Меч и роза», выпущенный средней школой святой Сесилии. Ежегодник был явно недорогим изданием. Ему было далеко до лощеных цветных изданий других школ, которые приходилось видеть Розе, включая ежегодники школы, в которой учились ее собственные дочери.

Она полистала страницы с черно-белыми фотографиями в поисках изображения Конни. Странно, но ее портрета, кажется, не было. Не много было и записей от однокашников. Те немногие, что она прочитала, не отличались изобретательностью: «Всего наилучшего потрясистой девочке... Мы друг друга не знали, но, надеюсь, ваша жизнь прекрасна... Удачи от вашего друга...» Роза посмотрела на лучезарно улыбающуюся чувственную женщину, изображенную на прогулочном

катере вместе с ярким молодым человеком, который станет потом ее мужем. Скромные записи однокашников Конни совершенно не вязались с видом этой молодой женщины.

Роза снова возвратилась к фотографиям класса в конце альбома. В аналогичных ежегодниках ее дочерей помещались по четыре цветных снимка крупного размера на одной странице, в сборнике «Меч и роза» было напечатано десять черно-белых. Снятые в автоматах фотографии сопровождались кратким обзором деятельности данного школьника за годы обучения в этой школе. Ага, вот фотография Констанции Идальго. Про нее было сказано, что она выполняла вспомогательную работу в кафетерии и состояла членом клуба кулинаров. Больше ничего. Ни музыки, ни драмы, ни спорта. Роза всматривалась в лицо Конни. Даже делая скидку на то, что фотография была нечеткая, Роза поразилась несходству с той соблазнительной красоткой рядом с Билли Молиаро. Неудивительно, что без подсказки она ее не узнала.

Она еще раз посмотрела на снимок в рамке. Рот такой же, глаза тоже, но лицо в ежегоднике было значительно круглее. Как будто кто-то обточил девичью простоту Конни.

Роза положила ежегодник на кровать и закончила осмотр комнаты. Ничего другого интересного она не нашла ни в книжном шкафу, ни на полу. Она открыла небольшой чуланчик. Рядом с двумя платьями для беременных висели довольно шикарные костюмы, все шестого размера, и лежало не меньше дюжины различных туфель. Если Роза видела одежду Конни, которую та решила не перевозить к Билли Молиаро, то, значит, бывшая вспомогательная работница кафетерия и член кулинарного клуба превратилась в очень хорошо одетую даму.

На полу чуланчика, как и по всей комнате, валялось много мягких игрушек. Роза так никогда и не узнает, что привлекло ее внимание или какой инстинкт заставил ее нагнуться и раздвинуть кучу плюшевых зверюшек. Но там под медведями, снежными леопардами и птицами стояла коробка от обуви, перетянутая резиновыми кольцами.

А внутри этой коробки находился дневник.

* * *

Мэт порадовал свою секретаршу тем, что сразу после обеда отпустил ее домой. Потом он разделил с Сарой бутерброд с мясом и поджаренные в масле картофельные палочки, которые он купил по дороге, и некоторое время болтал с ней на совершенно несущественные темы.

– Вам обязательно надо скоро отправляться в больницу? – спросил он, наливая в две чашки кофе из электрического кофейника.

– Мне надо провести запись некоторых пациентов для их посещения на дому, кое-что надиктовать и забрать свой велик. Но еще немного я могу побыть здесь.

– Хорошо. Нам надо кое-что обсудить.

– Например, отказ от этого дела?

– Например, мне бы хотелось яснее понять, как функционируют страховые компании вроде ОВМЗ.

Сара видела, как на протяжении последних шести недель нарастало напряжение у ее адвоката. При их первой встрече, ее невиновность... все это дело... казались настолько очевидными, настолько простыми. А теперь? Теперь она отпила кофе и попросила его продолжать.

– Во-первых, – сказал он, – хочу, чтобы вы знали, что я чувствую какую-то грязную возню во всем этом деле, думаю, кто-то подставил Квонга Тян-Вена, чтобы и он сам, и вы выглядели виновными за случившееся с тремя женщинами с ВСК.

– Но при сложившихся обстоятельствах у нас нет доказательств, что мы с ним не несем ответственности. У нас только слово Тян-Вена.

– И его семьи. Мы можем подготовиться к защите, основанной на предпосылке, что кто-то пытается взвалить на нас вину. Но такая защита обречена без знания, кто это делает и почему.

– Значит, если мы перенесем это в суд, то проиграем.

– Сара, мы действительно в трудном положении. – Он смолк, сжав кулаки.

– Но послушайте, – встрепелась она, – не вы ли говорили мне, что чаще всего правовая система способна отсортировать правду от неправды?

– Чаще всего не значит – всегда. В данном случае дело обстоит не так просто. Тян-Вен дышит на ладан. Он часто теряется. Может быть, я смогу получить справку от доктора, чтобы не тянуть его в суд для

дачи показаний. Но это, может быть, и не удастся, потому что в последнее время он несколько окреп. Но даже если это получится, Мэллон просто возьмет у него показания на дому, возможно с видеозаписью. Так или иначе, но присяжные заседатели смогут близко и лично познакомиться с ним, как они выражаются.

– Но как Мэллон объяснит, что так много, женщин, принимавших мои лекарства, не столкнулись ни с какими проблемами?

– Он объяснит, что не та травка или несколько трав оказали воздействие на одних женщин и по каким-то причинам не сказались на других. В такой ситуации он просто должен отреагировать наиболее эффективным образом. И необязательно правдиво. И когда на их стороне Лиза Грейсон, а Квонг Тянь-Вен на нашей, и когда присяжные заседатели склонны думать, что речь идет об удовлетворении претензий к страховым компаниям с несметными фондами, а не к живым рядовым людям, то боюсь, что дело сведется к тому, что нам придется доказывать, что мы не виноваты. Теперь я понимаю тактику Мэллона.

Он взял бейсбольный мяч и перчатку, начал ходить по комнате, кидая мяч одной рукой и ловя его другой, продолжая рассуждать вслух:

– Эта милая молодая художница с двумя здоровыми крепкими руками и здоровым плодом полностью доверилась доктору Саре Болдуин. Доктор Болдуин делает что-то непривычное и необычное с этой милой беременной молодой художницей с двумя сильными руками... что-то, что далеко выходит за рамки норм, принятых среди врачей. И вдруг эта милая молодая художница теряет своего ребенка и правую руку. Поскольку ничего другого не произошло во время беременности этой симпатичной молодой художницы, постольку доктор Болдуин должна доказать суду, что не она виновница этой трагедии.

– Звучит ужасно.

– С юридической стороны это небольшое передергивание в конце называется так – «вещи и дела говорят сами за себя». Это – ствол юридического ружья, в который ни один адвокат защиты не хотел бы заглядывать. Но это случается – во всяком случае, я читал об этом в отчетах о судебных разбирательствах случаев преступной небрежности при лечении.

– Я полагала, что невиновна, пока не будет доказано обратное.

– Если Мэллон убедит судью согласиться с принципом «вещи и дела говорят сами за себя», а мы не сможем доказать, что вы невиновны, тогда мы и спеклись. Более того, если мы проиграем в этом случае, то почти наверняка другие две семьи нацелятся на остатки ваших страховых средств и на любое другое имущество, которое у вас есть или когда-либо может быть. – Он перестал ходить по комнате и опустился в кресло.

– Как вы думаете, что делать? – спросила она.

– Перед тем как я отвечу на этот вопрос, вам надо узнать еще об одном. Это связано с Уиллисом Грейсоном и беспокоит меня почти с начала нашего дела. Наконец, сегодня, когда я увидел в зале суда его и его армию адвокатов, думаю, я понял, в чем дело, Сара: ему мало, чтобы вы проиграли это дело, он хочет вас похоронить.

– Не... не понимаю, – произнесла она, вся похолодев.

– Насколько я понимаю, у Грейсона денег больше, чем у Христа, правильно?

– Полагаю, что так.

– Уверен, что он ничего не имеет против получить шестьдесят процентов огромного гонорара присяжных заседателей. Но догадываюсь, что это все равно не сравнится с процентами, которые набегают на суммы, находящиеся на его личном счету. Как я представляю себе расклад, Мэллон стремится сорвать куш, но сорвать его с вашей больницы. Но Грейсону – подавай вас или любого, виновного в трагедии Лизы, чтобы устранить этого человека на долгий, долгий срок.

– Не могу поверить в это. Уиллис Грейсон собрался погубить меня. Это безумие, просто безумие. Но знаете ли вы, Мэт, что меня убивает в этой чудовищной истории? То, что даже я не знаю, оправданы ли намерения отца Лизы или нет.

– Я уже сказал вам, что думаю об этом.

– Знаю. Что же мы должны делать?

– Ну, мы можем попытаться договориться о полюбовной сделке, не признавая своей вины. Не уверен, что смогу купить на это ОВМЗ, Мэллона или Грейсона, но кто знает. Это вроде мексиканской ничьей. Наша сторона заявляет, что мы могли бы выиграть дело в суде, но расходы по судопроизводству оказались бы выше, чем по полюбовной

делке. Другая сторона утверждает, что хотя и нет признания вины, но тот факт, что ОВМЗ заплатила, говорит об их правоте, когда ни подали судебный иск. Потом взаимная риторика прекращается, и обе стороны возвращаются к своим делам. Не успеешь оглянуться, как волнение на поверхности воды пропадает и озеро восстанавливает свою обычную спокойную гладь.

– И вы это можете сделать?

– Можно попытаться.

– И вы думаете, что это надо делать?

Мэт приложил друг к другу кончики пальцев обеих рук и стал смотреть в окно. Складки на его лбу углубились.

– Если они пойдут на это, то мой ответ утвердительный, – наконец сказал он. – Да, думаю, что надо.

– Я должна подумать. Сколько времени в моем распоряжении?

– Может быть, неделя. Если потребуется, немного больше.

– Спасибо.

Она почувствовала себя сбитой с толку и вдруг очень уставшей. «Квонг Тянь-Вен...Мэллон... Лиза... Уиллис Грейсон... больница... проклятый Питер... уголовные обвинения... дальнейшие судебные иски... Почему же все это дело недавно казалось ей таким простым?» Она поставила чашку на стол и собралась уходить.

– Я отвезу вас в больницу, – предложил Мэт.

– Не стоит.

– Ну что вы. Я... хочу, очень хочу это сделать.

Сара повернулась и взглянула на него, но он быстро отвел глаза в сторону и начал складывать бумаги в свой атташе-кейс.

«Я хочу, очень хочу это сделать». Неужели он действительно сказал это?

– Предложение принято, – отозвалась она.

* * *

Мэт сфокусировал свой взгляд на хвосте впереди идущего автомобиля, медленно катясь в своей машине «лигэси» из города. Сара не могла себе представить ситуацию, при которой забитая машинами дорога ее только радовала. Но в этот послеобеденный час у нее

возникло именно такое чувство. Поездка из конторы Мэта в центре города до МЦБ, которая обычно занимает пятнадцать минут, растянулась теперь до сорока. Если не считать отдельных замечаний, не связанных с делом, то они практически не разговаривали. Когда она обращалась к нему, то смотрела прямо в его сторону, в промежутках продолжала изучать его лицо краешком глаза. Не самое лучшее время для подобных настроений, подумала она. Увлечься адвокатом, который представляет ее по делу о недоброкачественном лечении, было далеко не самым лучшим поступком. Но она абсолютно ничего не могла с собой поделать...

И хотя им не было произнесено ни одного неосторожного слова, она чувствовала, что Мэт тоже увлекся ею. Профессиональная этика заставляла его быть сдержанным. Возможно, если удастся покончить с этим делом и они без оглядок смогут получше узнать друг друга, тогда, кто знает...

Но перед тем как согласиться на любовное урегулирование, ей надо было узнать еще кое о чем.

– Мэт, скажите мне, если вы можете провести всю эту юридическую ситуацию точно так, как вы хотите... чтобы получить максимально положительный для себя результат, то как бы вы поступили?

Он странно посмотрел на нее.

– Какой чудной вопрос. Что вы имеете в виду, когда говорите «максимально положительный для себя результат»?

– Ну, вы знаете, в финансовом отношении, с точки зрения карьеры.

Она сначала хотела дать ему понять, что знает о его проблемах, связанных с сыном, но передумала. И даже испугалась, что Мэт догадается, что она знает о нем больше, нежели он сам рассказывал о себе.

– Ну... – наконец ответил он. – Думаю, если выстроить по порядку гипотетические варианты, то первым наиболее желательным был бы вариант с лобовым столкновением в суде с Джереми Мэллоном, что привело бы к большей гласности и большим для меня заработкам, а для вас закончилось бы решением присяжных заседателей о невиновности в преступной небрежности при лечении.

– А самый нежелательный вариант?

– Абсолютно такой же сценарий, только мы оба проигрываем. На этом практически была бы поставлена точка в том, что касается моего участия в делах по недобросовестному лечению, уж не говоря о повторных ко мне обращениях. В этой игре всем известно, кто выигрывает, а кто проигрывает.

– Именно поэтому вы советуете нам пойти на мировую?

Он резко затормозил и свирепо уставился на нее, не обращая внимания на нетерпеливый гудок идущей сзади машины.

– Вы так думаете? – спросил он.

– Простите. Нет, я так не думаю и не хочу этого сказать. Проклятье, Мэт. Я не очень четко все себе представляю. Мне просто хочется поскорее покончить со всем этим.

Выражение его лица быстро смягчилось. Он пожал ее руку. Потом съехал на обочину дороги.

– Сара, я позволил бы загнать себе под ногти бамбуковые шипы, если бы знал, что это нам поможет в суде. Но я дьявольски потрудился над каждым возможным поворотом, но нигде не вижу выхода. И если я настойчиво предлагаю урегулирование, то, возможно, потому, что сегодня я впервые ясно почувствовал, как все это может обернуться.

И все же, если вы этого не захотите или если они откажутся от наших намерений, я готов копать дальше и драться. Возможно, вы многого не знаете о запасных игроках на подаче, но у них явно недостает в той части мозга, которая предупреждает о вполне реальных опасностях. Я предлагаю урегулирование, потому что думаю, это для вас лучшее. Это может оказаться лучшим выходом и для меня, но поверьте, это лишь случайное совпадение. Впрочем, подумайте обо всем об этом. Это дело уже предано огласке, хотя практически еще не началось. Если мы доведем дело до суда, то вы превратитесь в артистку цирка с тремя рингами, о чем вы себе и представить не можете. Аксель Девлин окажется лишь одной из ваших проблем.

– Понимаю, Мэт. Забудьте о моих недавних словах. Я сразу же сообщу вам, как только на что-нибудь решусь.

Он кивнул и опять въехал в поток машин.

– Не беспокойтесь, – успокоил он. – Так или иначе, но дело образуется и независимо от того, как все кончится...

– Что? – «Продолжайте, Мэт, скажите об этом, – мысленно понукала она его. – Скажите мне, что, что бы ни случилось, мы будем вместе. Скажите, что вы счастливы, что мы встретились».

– Я... гм... просто хочу, чтобы вы знали, что я целиком на вашей стороне.

Через две минуты взаимного молчания он остановил машину возле главного входа в МЦБ. Сара поблагодарила его и подумала даже о том, чтобы поделиться с ним своими чувствами. Но повернулась и пошла. На него и так навалилась большая нога. Если она неправильно прочитала его мысли, то просто еще больше утяжелит этот груз.

Она вошла на территорию больничного городка через охраняемые ворота и направилась к хирургическому корпусу, где находился ее велосипед. Небольшая поездка по тенистым аллеям станет хорошей зарядкой перед давно назревшим очередным сеансом научной работы в магнитофонной кабине. «Договориться или драться?» Ее мысли разбегались. Отвлекшись, она только в нескольких ярдах от хирургического корпуса поняла, что случилось.

Ее велосипед облили краской – ярко-красной эмалью. К сиденью привязали тряпичную куклу и тоже залили ее блестящей красной жидкостью. Одна ручонка была у куклы оторвана и брошена на землю. Живот куклы был разрезан. К груди приколото карточка с неровной надписью:

«ЗНАХАРЬ-УБИЙЦА».

Сара попыталась сохранить спокойствие, но безуспешно. Слезы покатались из глаз, она бросилась в хирургический корпус. Ее первый звонок был в службу охраны больницы, второй к Мэту.

– Мэт, пожалуйста, позвоните мне в больницу, – сказала она автоматическому ответчику. – Мне надо срочно увидеть вас по очень важному делу. Я приняла решение.

Глава 24

– Бактерии тканей погибли. Абсолютно все. Раньше этого никогда не случалось. Ни разу.

Обезумевший микробиолог, весьма способный молодой человек по имени Крис Холл, недоверчиво качал головой. Роза успокаивающе дотронулась до его руки, хотя на самом деле, возможно, она расстроилась гораздо больше.

– Когда вы делали последнюю проверку? – спросила она.

– Вчера после обеда. Пропали не только ваши опыты, но и все остальные. Уничтожены десятки и десятки различных проб и выведенных бактерий. Бог мой, просто не могу этому поверить. Доктора Уиллок, Эдельман и Бленкеншип... они придут в ярость. Вчера я сменил питательную среду. Все было в отличном состоянии, кристально чисто. Не знаю почему, но замененная жидкость, видимо, была заражена каким-то видом цитоксина.

– Успокойтесь, Крис, – утешала Роза. – Такое случается. Всякий, кто занимается микробиологией, понимает это. Особенно те, которые занимались выращиванием бактерий ткани. – В отличие от бактерий, которые выращивались, в лабораториях на твердых питательных грибках, вирусы можно было развести только среди живых, размножающихся клеток ткани. – Покажите мне лабораторию, в которой не возникало бы проблем в связи с заражением бактерий ткани, – продолжала она, – и я покажу вам лабораторию, где ничего не делают. Имеются ли у вас замороженные запасные образцы?

– Кое-что.

– Что-нибудь из моих образцов?

– Не думаю. Доктор Суарес, я очень сожалею. Поверьте мне.

– Послушайте, Крис, если вы сделали это нарочно, тогда можете извиниться. А если это не так, то займитесь делом, приведите лабораторию в порядок и не беспокойтесь. Все будет в порядке.

Она твердо решила не усугублять отчаяние лаборанта, резкими словами. Но сильная головная боль, вызванная усталостью и разочарованием, с каждой минутой усиливалась ее раздражительность. В действительности, хотя она ни за что на свете не сказала бы об этом

Крису Холлу, погибшие бактерии пока что не привели к несчастью, которое могло бы произойти. Из-за ССТЗ (БАРТ) она стала чуть ли не фанатиком копий, запасных материалов. Дубликаты она направила Кену Малхолланду, своему старому приятелю в ЦББ в Атланте. Во время последней проверки, примерно неделю назад, он ничего не обнаружил.

– Надеюсь, что другие отнесутся с таким же пониманием, как вы, – вздохнул Крис.

– О, уверена, что так и будет. Нет ли у вас журнала с перечислением бактерий, которые вы выращивали для меня?

Он подал ей обычный блокнот в картонном переплете, на котором было написано: «Р.Суарес». Роза открыла свой атташе-кейс и положила этот блокнот поверх дневника Конни Идальго. Приняв таблетку теленола и вздремнув немного, она займется этим дневником.

– Не говорил ли я вам о том, что в паре ваших мензурок что-то появилось? – спросил Крис.

– Нет, не говорили.

– Я отметил эти образцы звездочкой на полях в вашем блокноте записей для того, чтобы почаще проверять их. Ничего особенного, просто некоторая шероховатость на полоске ткани, которую мы иногда видим на начальной стадии инфекции. Такие же изменения происходят, когда сами клетки ткани лишаются газа. Это подсказывает нам, что надо растопить новую порцию.

– Спасибо, Крис. Я расшифрую код, когда вернусь домой и посмотрю, какие образцы были в тех мензурках.

– Если те бактерии и начали что-то рождать, а я, честно говоря, в этом сомневаюсь, то, что бы там ни было, они были самые медленно развивающиеся вирусы из всех встречавшихся мне.

– Возможно, это пустяки. Признательна за все, что вы мне сказали, Крис. И за вашу услужливость. Я пошлю записочку доктору Бленкеншипу, в которой укажу то же самое.

– Спасибо. После такого несчастья она не помешает.

Роза достала из своей сумочки две таблетки тиленола повышенного воздействия, проглотила их, запила водой из одной из больших стеклянных емкостей с питьевой водой и ушла из больницы. Знойная послеобеденная жара, горячие мостовые и стволы деревьев напоминали ей о родном городе. Никто – ни ее босс, ни ее дети, ни

муж – не хотел, чтобы она возвращалась в Бостон. Никто этого не хотел, кроме самой Розы. Теперь, несмотря на неудачу с бактериями, она чувствовала, что, вполне возможно, ее тяжелый труд начнет окупаться.

Ранее не виденный ею дневник и журнал записей, который, возможно, отразил позитивные результаты выращивания микробов. Не так много, но, конечно, больше, чем она располагала всего несколькими часами назад.

Пока она дошла до своего пансионата, ее платье под мышками и на воротнике взмокло от пота. Как всегда, она поговорила ради приличия с миссис Фруманян, ответив на ее вопросы еще более сдержанно и лаконично, чем всегда. Потом поплелась вверх по лестнице в свою комнату – к счастью, хозяйка не забрала небольшой вентилятор, стоявший на подоконнике.

Переодевшись в шорты и майку, Роза проверила закодированные бактерии, которые отметил звездочкой Крис Холл. Их было два вида – 172А и 172Б, оба выращенные на микробах ткани фиброцитных клеток. Расшифровка кода, которую она хранила в одной из своих научных книг, показывала на источник обоих образцов – на сыворотку из небольшого оставшегося количества крови, которую взяли для анализов у Лизы Грейсон. Роза перелистала остальные страницы журнала, после чего позвонила Кену Малхолланду в Атланту. Вирусолог сообщил, что не отмечено никакого роста на всех присланных ею образцах, на фиброцитах или других видах клеток. Тупик.

Роза положила ноги на спинку кровати, выше туловища, закрыла глаза и попыталась задремать. Но через несколько минут отказалась от этой затеи. Она вдоволь сможет отоспаться, когда вся эта история закончится. Положив на кровати возле себя картонную подставку для письма и ручку, опять водрузила свои большие очки на нос с покрасневшей полоской и раскрыла дневник Констанции Идальго.

Дневник, который охватывал пятилетний период, содержал почти ежедневные записи. Иногда всего несколько слов. В других местах к соответствующим дням были приколоты напечатанные страницы. Некоторые имена были обозначены только инициалами или стенографическими знаками. И по всему дневнику были разбросаны

зарисовки, преимущественно лица, – небольшие наброски, довольно неплохо сделанные.

Конни начала свои записи, когда ей исполнилось семнадцать лет, и закончила их почти двадцать два года. Тональность первой записи позволяла думать, что это была вторая книжка дневника. Роза тут же погрузилась в безрадостную жизнь и болезненные фантазии застенчивой, малообразованной девушки, жившей с матерью, которая мало уделяла ей времени, и с отчимом, который в течение многих лет приставал к ней. По мере чтения дневника Роза поклялась ни за что не показывать эту исповедь Марии Барахона. Но все же Конни как-то удалось защититься от большинства приставаний Фреды Барахены. А к двадцати годам уже больше не стало упоминаний об этом. Если Мария не знала обо всем этом при жизни Конни, то не было причин обрекать ее на такие страдания теперь.

Изредка упоминалось о посещении различных врачей в Медицинском, центре Бостона. Были случаи простуды и головных болей, как и упоминала Мария Барахона. Был также случай гонореи в возрасте восемнадцати лет. Лечили в отделении «скорой помощи», кто-то по имени Т.Г., который «обманул меня, когда сказал, что любит меня, но я знала, что он врет. Наплевать». В конце этой записи Конни написала: «...было приятно, пока это продолжалось. А побирушки не выбирают».

Роза опять начинала уставать и уже хотела отложить в сторону дневник, когда увидела еще одно упоминание о посещении. МЦБ. В это время Конни исполнилось девятнадцать лет.

"3 апреля.

Сегодня ходила в МЦБ по поводу головной боли. Чудной маленький доктор С. подошел ко мне... думаю, араб или в этом роде. Сказал, что я могу избавиться от полноты. Я ему объяснила, что диета мне не помогает, но он сказал, что мне не надо будет садиться на диету, лишь чуть-чуть воздержаться в еде. Он предложил мне прийти к нему через неделю. Не думаю, что пойду. А может быть, пойду. Он вроде ничего".

Сонливость у Розы как рукой сняло. Последовало много других посещений доктора С. Изредка упоминался какой-то диетический порошок. И самое потрясающее – всего за четыре месяца Конни Идальго похудела почти на пятьдесят фунтов! В общей сложности она

сбросила за полгода семьдесят, оставшись при ста восьми. Такая трансформация сама по себе производила впечатление. Но еще больше Розу заинтриговал тот факт, что даты первого и последующего посещения доктора С. совпали с датами вырванных страниц из истории болезни Конни. Ничто, кроме этих пропавших страниц, не связывало посещение Конни доктора С. – кто бы он ни был – с ее насильственной смертью. Но если такая связь была, то Роза не сомневалась, что докопается до нее.

Она продолжала просматривать оставшуюся часть дневника, когда из Атланты позвонил Кен Малхолланд.

– Роза, я надеюсь, что не разбудил вас, – извинился он. – Мне показалось по вашему голосу, что вы устали.

– Устала, Кен, но я несколько воспрянула. То опускаю нос, то вздергиваю его вверх. Вы знаете, как это бывает со старыми дамами.

– Мы все подойдем к вашему возрасту, если сможем. Послушайте, Роза, после нашего разговора я пошел в лабораторию и сделал быстрый спектроанализ пары образцов, которые вы назвали. Один из них – только один – окружен каким-то странным пятном ДНК. Мой лаборант сейчас проводит новый анализ. Похоже на вирусное происхождение, но микробы ткани кажутся чистыми, и их количества недостаточно, чтобы сказать определенно. Не могли бы вы прислать немного больше образцов?

– От той же самой пациентки, может быть, – ответила Роза. – Но она была больна, когда у нее получили эту сыворотку, а теперь выздоровела.

– Понятно.

– Послушайте, лучшее, что я могу достать, – это сыворотка во время ее выздоровления. Но не уверена, что мне это удастся. Пациентка, о которой идет речь, предъявила судебный иск докторам этой больницы за преступную небрежность при лечении. В данный момент она может не пожелать сотрудничать с нами.

– А как насчет других пациенток с такой же болезнью?

– Они обе умерли.

– А других случаев нет?

– Нет, – ответила Роза. Поколебалась и добавила: – По крайней мере, в настоящее время.

Мэт ответил Саре только тогда, когда она, уже возвратившись домой, лежала, свернувшись калачиком, на тахте в своих самых удобных протертых домашних джинсах и помаленьку пила бокал «Шардоннэ». Она написала заявления о случившемся в службу безопасности больницы и полицию и оставила записку Гленну Пэрису, который куда-то уехал на совещание. Потом она поставила в известность дежурного стажера и согласилась, чтобы ее довез до дома секретарь родильно-гинекологического отделения. Она решила, что диктовка подождет.

– Не догадываетесь, кто мог это сделать? – спросил Мэт после того, как она схематично описала ему события последних нескольких часов.

– Все и никто. У этих трех девушек были друзья и родственники. Не говоря уже об обычных сумасбродах, которые питаются тридцатисекундными клипами новостей по ТВ и мгновенно превращаются в мстителей-крестоносцев. Мэт, я не циник, но знаю, что люди могут становиться гадкими.

– Забудьте об этом. Вы сказали, что приняли решение относительно нашего дела. Хотите сказать об этом по телефону или лучше при личной встрече?

Сара надеялась, что он спросит об этом, и уже подготовила ответ.

– Не приедете ли вы ко мне? – спросила она. – Я люблю готовить, но больше почти не занимаюсь этим. У меня тут достаточно продуктов, чтобы приготовить что-нибудь вкусное, если, конечно, вы не очень разборчивы. И вы мне поможете воздержаться от того, чтобы одной прикончить бутылку «Шардоннэ».

– Идет. Буду у вас через полчаса. Не намекнете ли, что вы решили?

– Думаю, что могу обойтись без намеков, – ответила она. – Могу сказать совершенно определенно: я решила не соглашаться на мировую ни при каких условиях.

– Вы знаете, Мэт, мне казалось, что я знаю, что мне надо сделать, когда я рассталась с "вами сегодня после обеда, – начала Сара беседу. – А потом, когда я увидела, как они поступили с моим велосипедом, укрепила в своем решении.

Они сидели на тахте, пили декофеинированный кофе и ели остатки торта, который она обнаружила среди запасов в своем морозильнике. Сам ужин – кусочки курятины с грибами и готовый гарнир из разогретых замороженных овощей – оказался довольно неплох. И все-таки она не чувствовала себя так раскованно, как ей хотелось бы. Одна из причин была – происшедшее в больнице. Другая состояла в том, что Мэт был первым мужчиной, с которым она осталась наедине за последние два года.

– Послушайте, мы поступим так, как вы скажете, – заявил он.

Если его и расстроило ее решение, он умело это скрывал.

– Меня ужасает, что может произойти в суде, Мэт, – продолжала она. – Но мировая без выявления истины ничего не даст, не остановит людей с красной краской. И я не собираюсь остаток своей жизни бегать от них или подвергаться хамству с их стороны. Они должны узнать, что я невиновна. Но если я виновата, то тоже должна об этом узнать. Поверьте, что меня не сломит, даже если произойдет наихудшее, даже если осуществится желание Уиллиса Грейсона и меня отправят в тюрьму. Я верю в Высший Разум и Судьбу. Теперь вы все знаете.

– Теперь вы все выложили, – отозвался он. – Ну что же, чего бы это ни стоило, вы, как я и подозревал, пойдете до конца. Практически после того, как я вас высадил, я начал составлять график свидетельских показаний под присягой, начиная с вашего старого приятеля Эттингера. Но могу вас предупредить об одном – Мэллон настроен драться как черт.

– И я рада, что именно вы представляете меня, – сказала Сара.

– Впрочем, есть одна проблема. Что-то такое, в чем мне понадобится ваша помощь.

– Вам достаточно назвать ее.

Он неловко пошевелинулся. Потом порывисто повернулся к ней и взял обе ее руки в свои.

– Сара, мы не можем допустить, чтобы между нами что-нибудь было... во всяком случае, пока не закончится это дело. Я... проклятье, я

даже не знаю, что собираюсь сказать. Не смотрите на меня так.

Сара переплела свои пальцы с его. Лицо – его доброе, замечательное лицо – говорило ей обо всем, что она хотела знать о его чувствах к себе.

– Постараюсь помочь вам в этом, – с трудом произнесла она. – Но я не могу контролировать свое отношение к вам. Также и вам неподвластно ваше отношение ко мне.

Она медленно облизала языком свои губы. Мэт расстегнул воротник.

– Эй, надо, чтобы вы полностью прекратили так вести себя со мной, – пошутил он, – иначе я совсем расту. Сара, послушайте, я работаю по девяти часов в неделю, Чувствую себя чертовски одиноко и – говорю вам сущую правду – начинаю думать о вас постоянно. Но если я останусь вашим адвокатом, то, ей-богу, это будет не лучшим решением. Адвокатам категорически запрещается вступать в романтические отношения со своими клиентами. Считается, что это нарушает их объективность. В некоторых штатах на сей счет приняты даже законы. Не за горами то время, когда в Массачусетсе примут такой же закон.

– Понимаю.

– Значит, вы мне поможете? По крайней мере, в настоящее время? Я не такой волевой человек.

– Я подумаю об этом, Мэт. Но теперь я самостоятельная девушка. Могу с успехом позаботиться сама о себе и совсем не собираюсь рассказывать что бы то ни было ассоциации юристов. К тому же о чем большем может мечтать клиент, если ему достается защитник, который постоянно думает о нем?

– Сара, я говорю серьезно. В таком деле, как ваше, предстоит постоянно быть начеку, принимать много ответственных решений. Сегодняшнее решение вы практически приняли сами. Но для принятия других вам понадобится объективный, бесстрастный адвокат. Если получится так, что я слишком увлекусь вами и не смогу должным образом представлять вас, то я должен буду отказаться от этого дела.

– Увлечись мною, – повторила она. – Мне нравятся эти слова, Мэт, я сожалею. Пожалуйста, не расстраивайтесь. Если вам в помощь понадобится другой адвокат, то уверена, вы его получите. Я полагаюсь на вашу рассудительность в этом вопросе... и на свою.

Она охватила его руки своими ладонями. Их взгляды встретились... На этот раз Мэт сделал лишь робкую попытку отвести глаза. Сара почувствовала, как у нее пересохло во рту. Сколько же времени прошло с тех пор, как она чувствовала себя так же с мужчинами? Ее глаза медленно закрылись. Его ладони скользнули по ее рукам, и он привлек ее к себе. Она чувствовала, как склонилась его голова, как приближались его губы. Но тут зазвонил телефон.

Хрупкое возбуждение, возникшее между ними, мгновенно прошло. Мэт неловко улыбнулся, отнял руки и отодвинулся.

– У меня автоматический ответчик, – сказала она, испытывая желание вырвать телефонный провод из стены.

– Все равно лучше ответить на звонок, – посоветовал он. – Пожалуйста, возьмите трубку.

В трубке раздался голос, которого она не слышала уже шесть недель.

– Сара, говорит Эндрю Трюкот. Не бросайте, пожалуйста, трубку, если у вас есть такое намерение.

«Проклятье», – подумала Сара, прикрыв трубку ладонью.

– Это Эндрю Трюкот, – прошептала она. – Хирург, о котором я вам говорила... Да, Эндрю, – ответила она в трубку с подчеркнутой холодностью. – Что вы хотите?

– Вы действительно проявили тактичность и не навлекли на меня неприятности, ничего не сказали Пэрису, – сказал он. – И так же поступили с этим... другим случаем.

– Вы из-за этого и решили позвонить мне?

– Пэрис только что предложил мне чертовски хорошее место в штате МЦБ, включая преподавательскую должность в медицинском училище и собственную лабораторию в этом новом центре – в том, который собираются построить на месте здания «Чилтон». Он разрабатывает некоторые действительно увлекательные программы. Похоже, что его методы все-таки вытянули наше учреждение из финансовой дыры.

– Без вашей помощи.

– Так вот, если бы он узнал... вы понимаете, о чем я, мне бы не получить научной и преподавательской работы.

– Значит, вы позвонили только из-за этого?

– Нет, нет, Сара. Пожалуйста, выслушайте меня. Не знаю, как долго этот малый будет находиться здесь. Но уже сейчас происходит что-то такое, что имеет к вам отношение. И я хочу вам помочь. Поверьте мне.

– Не понимаю.

– Я сейчас в Чайнатауне. Мы тут обедали со старым другом из Австралии, в ресторанчике «Шечуан-Террас», на улице Хадсон. Мой друг должен был возвратиться в гостиницу. Когда он ушел, я решил задержаться и выпить еще один коктейль. И вот тут-то я услышал, как кто-то в соседней кабинке произнес ваше имя. Он говорил что-то о вашем посещении суда сегодня и о том, как легко было все подменить в магазине лекарственных трав. Он сказал, что с удовольствием посмотрел бы, как вас с Квонгом пришили бы на солнышке.

Сара почувствовала, как заколотилось ее сердце, как напряглось все ее тело.

– А где он сейчас? – спросила она.

– Здесь, где и я. На другом конце зала. Я только что заплатил кассирше двадцать долларов, и она назвала мне его имя. Его зовут Томми Це-то. – Эндрю назвал ей это имя по буквам. – Вы знаете его?

– Нет. Никогда о нем не слышала.

– Ну вот. Он тут с двумя другими парнями. Кассирша, похоже, несколько их побаивается. Она говорит, что не знает, где они живут и... О, черт! Послушайте, Сара. Думаю, они собираются уходить. Попробую проследить за ними. Давайте встретимся здесь через три четверти часа. «Шечуан-Террас». Улица Хадсон. До встречи. Пожалуйста, поверьте мне. Приезжайте...

Хотя раздалась прерывистые гудки, Сара не опускала трубку десять секунд или больше. Почти два месяца она не слышала от Эндрю ни слова, не говоря уже об извинениях. И вот нате вам. Мэт с любопытством смотрел на нее со своего места на тахте.

Не было никаких оснований верить Эндрю Трюскоту, и все же она не могла себе представить, что у него могут быть в данном случае какие-то скрытые мотивы. Если Эндрю только что сказал правду и может подтвердить это в суде, то вся ее жизнь переменится к лучшему.

– Он сказал, что звонит из ресторана в Чайнатауне и что в соседней с ним кабинке находился человек, который подменил травы в

магазине Квонга, он говорил об этом друзьям. Эндрю хочет встретиться там со мной через три четверти часа. Поедете?

– О чем разговор? Вы ему верите?

– Разве это имеет значение? Мэт, мне хочется, чтобы все это закончилось. Ужасно хочу этого.

– И я тоже, – вымолвил он.

Глава 25

– В этом здании должна быть какая-то необыкновенная еда, – заметил Мэт. – Потому что, конечно, оно не продержалось бы с таким интерьером и общей обстановкой.

Ресторанчик «Шечуан-Террас» можно было описать одним словом – пластика. Свисавшие с потолка фонарики из пластика, пластиковые скатерти на столиках, пластиковые рельефы китайских ландшафтов на стенах. Даже кабинки, сделанные из красного винила, завешивались пластиковыми занавесками.

Сара и Мэт пошли в район Чайнатауна пешком. Воздух значительно посвежел, а на востоке сверкали молнии. Но прохладный ветерок приятно овеивал, а город оставался таким же оживленным.

Время приближалось к половине десятого. «Шечуан-Террас» все еще был на четверть заполнен. Обслуживающий персонал состоял в основном из азиатов.

– Как вы думаете, качество китайского ресторана измеряется тем, сколько китайцев в нем обедает? – шепотом спросила Сара.

– Конечно, разве не так же думают другие?

– До того как я прожила несколько лет на Дальнем Востоке, я тоже так думала. Но на самом деле столько же азиатов не любят китайскую кухню, сколько американцам не нравится западная еда. Со временем в Пекине появятся наши заведения скорой готовой пищи.

Мэт сел на высокий круглый стол у красной стойки, а Сара безучастно ходила от кабинок и обратно.

– Эндрю здесь нет, – сказала она, садясь на соседний покрытый винилом круглый стул у стойки бара.

– Судя по вашим рассказам об этом Трюскоте, его нынешняя метаморфоза удивительна.

– Не совсем. Эндрю знает, что я дважды могла бы причинить ему большие неприятности в больнице, но не сделала этого. – К тому же, Мэт, разве у нас есть какой-нибудь выбор? Этот Томми Це-то может быть ключом ко всему.

Без десяти минут десять Сара подошла к кассиру, который недавно сменил женщину за кассовым аппаратом. Он быстро

переговорил с официантами и сказал им, что никого, похожего по описаниям на Эндрю, в ресторане не было. Но, добавил он, народу в этот вечер было очень много. Когда она упомянула имя Томми Це-то, в глазах кассира сверкнула искра понимания, но он отрицал, что знает такого человека.

– Здесь никто не запомнил Эндрю, – шепнула Сара Мэту. – Но думаю, что этот кассир знает, кто такой Томми Це-то. Он уверяет, что не знает, но по лицу видно, что лжет.

– Но куда запропастился Эндрю?

– Не знаю, но печенками чувствую что-то тревожное. Давайте подождем еще минут десять.

– У меня есть мысль получше.

Мэт направился к телефону-автомату, расположенному прямо во входном коридорчике и просмотрел телефонный справочник. Оттуда Эндрю мог видеть выходящих из любой кабинки, в том числе и Це-то. Интуиция подсказывала ей, что Трюскот действительно подслушал разговор, о котором рассказал ей. Но если это так, с беспокойством задавалась она вопросом, где же он теперь?

– Це-то... Так вы назвали фамилию этого парня по буквам? – спросил Мэт, возвратившись к бару.

– Именно так назвал ее Эндрю.

– Так, в справочнике приводятся несколько Це-то, но нет Томми.

– Меня это не удивляет.

– Я знал одного парня из Чайнатауна... Бенни Синг. И вполне уверен, что Беннет Синг в справочник внесен.

– И что?

– Бенни был членом спортивного клуба команды «Сокс», но потом его исключили. Он всегда лез не в свое дело, распространял сплетни о других. Если этот Це-то не является просто плодом воображения Трюскота, то Бенни его знает.

– Где он живет?

– На улице Ригэл, в нескольких кварталах отсюда.

– Будет ли Он с нами откровенен?

– Кто знает. Когда-то я ему даже нравился. Хотя бы потому, что моя жизнь была настолько унылой, что ему и в голову не приходило распространять обо мне сплетни. Все равно никто бы не поверил, что со мной случилось что-то необычайное. А с другой стороны, когда

Стив Мац обвинил его в краже золотого ожерелья и позже прогнал из клуба, я попытался объяснить ему, что с точки зрения закона, если нет свидетеля или самой украденной вещи, у Маца нет оснований для судебного дела.

– Тогда почему же прогнали Бенни?

– Ну, в то время я был студентом второго курса юридического колледжа, и к тому же не очень предприимчивым. А Мац был ведущим игроком команды. И пока он был на таком счету, он мог прогнать из организации почти любого.

– Может быть, нам сначала позвонить этому Бенни?

– Бенни никогда не высывался ради других. Думаю, что ему труднее будет отказаться поговорить с нами, если мы просто заявимся к нему домой.

В десять часов они ушли из ресторана. Но перед этим Сара позвонила на квартиру к Эндрю. С женой Эндрю Клэр она встречалась несколько раз и всегда находила ее милой, но страшно застенчивой женщиной. Она никогда не казалась идеальной парой для ее яркого, с острым язычком мужа.

– Я... гм... думала, может быть, вы знаете, – мямлила Клэр. – Вы дружите с Эндрю и все такое.

– Что знаю?

– Мы разошлись. Примерно шесть недель назад Эндрю ушел из этого дома. Он живет теперь на квартире, недалеко от больницы. Если хотите, могу дать его телефон.

– Клэр, мне жаль слышать об этом.

– Спасибо. Но, я думаю, это к лучшему. Последние несколько лет Эндрю был женат скорее на больнице. А теперь он сказал мне, что у него связь с другой женщиной. Но не сказал, с кем именно. Хотите верьте, хотите нет, но я думала о вас.

– Это совершенно неверно, Клэр. На самом деле уже несколько недель мы не разговариваем друг с другом.

Сара записала новый телефон Эндрю и попыталась позвонить ему, но ответа не было.

Улица Ригэл находилась недалеко от останков когда-то процветающего района красных фонарей, который окрестили зоной потасовок. Они прошли три с половиной квартала под небольшим морозящим дождем, под звуки отдаленного грома. Жилище Бенни

Синга находилось в непривлекательном кирпичном жилом здании с запахом мочи при входе и необычайно большим количеством кнопок звонков на двери. Напротив одной из кнопок стояла фамилия Бенни. После двух звонков он показался наверху лестничного марша в подъезде дома, посмотрел на них и бросился открывать дверь.

– Кошка, – воскликнул он. – Вот это да! Неужели мои усталые глаза видят тебя? – Говорил он быстро и отрывисто, резкий контраст с протяжной речью Мэта.

– Привет, Бенни. Как поживаешь? – приветствовал его Мэт. – Бенни, это – Сара Болдуин. У тебя не найдется свободной минутки?

– Это для тебя-то? Для Черной Кошки? Конечно. Конечно. Заходите. Поднимайтесь ко мне.

Это был мешковатый, лысеющий человек, довольно неискренняя улыбка обнажала дурные зубы. Запятнанные китайские брюки дудками и водолазка, запах табака, пота и пива. Сара понимала, что он мог измениться за те годы, что перестал работать на команду «Ред Сокс». Но все равно ей не надо было очень напрягать свое воображение, чтобы представить, как Бенни Синг выкрадывает чье-то золотое ожерелье.

– Жена у меня спит. – Бенни показал на дверь в спальню. Он предложил им садиться на тахту, покрытую коричневым армейским одеялом. – Чем-нибудь угостить вас? Хотите пива? Коку? Елки-палки, Кошка, какое совпадение. Я недавно смотрел игру команды «Сокс» в Детройте. И думал о прежних деньках. Этот мужчина, мисс, был молоток на подаче. Потрясный подавала.

– Я слышала об этом, – отозвалась Сара.

– Й ловкий. Скажу вам, мисс, более ловких не бывает. Ты теперь адвокат, да, Кошка?

– Да. Бенни, нам нужна помощь, – обратился к нему Мэт.

– Моя помощь?

– Мы кое-кого разыскиваем. Человека по фамилии Це-то. Томми Це-то.

Бенни крутанулся и показал узловатым пальцем на Сару.

– Доктор! Вот кто вы. Доктор Квонга Тянь-Вена. Бог ты мор, простите, что я так говорю, мисс, но в жизни вы гораздо лучше выглядите, чем на снимках в газетах.

– Спасибо, – неохотно вымолвила Сара.

– Квонг уверяет, что кто-то его подставил, – продолжал Мэт. – Он клянется, что кто-то копался в его травах в магазине и из подвала принес туда опиум, поставил его на открытую полку. Ты что-нибудь слышал об этом.

– Черная Кошка Даниелс в моем доме, а? Я твой должник, Кошка. Ты единственный, кто пытался отбить меня от этого ублюдка Маца. Единственный человек. Мне пришлось нелегко, с тех пор как меня прогнали, Кошка. Чертовски трудно.

Он жестом обвел маленькую комнатку. В ответ Мэт вытащил свой кошелек и положил на кофейный столик две двадцатки.

– Для нас это важно, Бенни, – подчеркнул он.

Бенни пренебрежительно посмотрел на деньги.

– Многого я не знаю, – отозвался он. – Практически ничего.

– Бенни, тут вся моя наличность. Поверь. Эй, подожди-ка. – Он опять пошуровал в бумажнике и выудил оттуда два билета, держа их так, как будто это были драгоценные кристаллы. – Вот два билета в переднюю ложу на игру на следующей неделе «Сокса» с «Ориолесом». Первая базовая полоса. Скажи, что нам надо, о Томми Це-то, и эти сорок и два билета твои.

Сара хотела было возразить, чтобы из-за нее не тратили так много, но Мэт быстрым взглядом остановил ее. Бенни жадно смотрел на билеты.

– Знаешь, как давно я не смотрел игру на стадионе?

– Бенни, ты будешь там на следующей неделе. Скажи только, что ты знаешь о Це-то и где мы можем найти его.

– До меня доходят только сплетни, Кошка. Одни сплетни. Це-то – дрянь человек. Совсем скверный. Он слышит, что я говорю о нем кому-то, и сбывает мое тело по кускам. Он – тонг. Понимаешь, что это значит?

– Член банды, правильно?

– Тонг круче любой банды, Кошка. Банды появляются здесь только с разрешения тонга.

– Продолжай.

– Говорят – помните, я все говорю с чужих слов, – что Це-то схватил большие бабки, подставив Квонга. Очень, очень большие бабки.

– Я знал это, – шепнул Мэт.

– От кого? – спросила Сара, сбитая с толку и напуганная этой новостью.

Бенни Синг пожал плечами и покачал головой.

– Где мы его можем найти? – спросил Мэт.

– Он приходит и уходит. В Нью-Йорке много щелей. Вы знаете, где швартуются суда? А тут он либо с женщиной, либо играет в покер у Мориса Фенга.

Бенни смотрел на деньги и билеты, но Мэт не пододвигал их в его сторону.

– Где находится заведение Мориса Фенга?

– Пожалуйста, Кошка. Если Це-то узнает, я – труп.

– Он ничего не узнает. Так где же это?

Бенни колебался, потом нацарапал адрес на обратной стороне конверта.

– Второй этаж. Зеленая дверь. Игра в покер каждый вечер допяти утра. Начинают опять на следующее утро в десять. Морис – кореш Це-то. Надо быть осторожным.

– Постарайся. Как его узнать?

Бенни провел воображаемую линию от глаза до уголка рта.

– Большой шрам, Кошка, – пояснил он. – Думаю, нож.

Мэт отошел, пятясь назад, от денег и билетов. Бенни тут же схватил их. Потом торопливо юркнул в спальню и появился оттуда с бейсбольным мячом.

– Вот, Кошка, – протянул он мяч. – Ты всегда хорошо ко мне относился. И тогда, и теперь. Вот мяч, который ты бросил и закрепил наш титул в игре в Торонто. Помнишь? Сколько раз я хотел продать его, но всегда говорил себе: «Нет. Это мяч Кошки, и когда-нибудь мне представится случай дать его ему».

– Это очень мило, Бенни. Спасибо.

Мэт пару раз подбросил мяч, а потом сунул его в карман пиджака.

– Будьте осторожны с Це-то, – снова предупредил Бенни. – Будьте осторожны и не упоминайте имени Бенни Синга. Удачи, мисс.

Сара поблагодарила его и стала первой спускаться по слабоосвещенной лестнице к зловонному подъезду. Выйдя на улицу через стеклянную парадную дверь, они почувствовали, как усилился дождь и покрепчал ветер.

– Давайте зайдём в эту закусочную на углу и подумаем о том, что нам надо делать дальше, – предложил Мэт.

Сара жестом очертила перед собой круг и зажала нос.

– Куда угодно, только подальше от этого места. Впрочем, Бенни оказался достаточно любезным. Как вы думаете?

– Что?

– Отдал вам этот мяч... Такой жест.

– Да-а, – протянул Мэт. – Это было очень любезно, за исключением одного. Мяч от игры в Торонто уже лежит у меня в закутке.

* * *

Продолжал лить ровный дождь, но это была ещё не гроза. После кофе и толстого яблочного пирога, Сара и Мэт вышли из небольшой закусочной и перебежками, прячась от дождя у подъездов, устремились к бостонскому автомату выдачи денег. Они обсудили и отбросили все варианты, которые пришли им на ум и, наконец, остановились на самом первом – разыскать Томми Це-то и как-то заставить его открыть, кто его нанял и почему. Для этого они используют все средства: уговоры, подкуп, угрозы – если будет необходимо, то и некоторое физическое насилие.

Сара больше не сомневалась, что Томми Це-то наняли подменить травы в магазине Квонга Тянь-Вена. Кто-то хотел разорить старика и загубить карьеру Сары. Возможно, и то, и другое. Но шансы на то, что гангстер, подобный Це-то, задержится в Бостоне достаточно долго, чтобы учинить ему допрос законным путем, были невелики, не говоря уже о том, что органы правопорядка вряд ли захотят возиться с этим делом. Собственно, особого выбора не было. Им надо было увидеть Це-то до того, как он узнает, что они его разыскивают. Все очень просто.

Банкомат не выдал им больше двухсотпятидесяти долларов, но Мэт отнес такой лимит к положительным качествам машины. Они пробежали, разбрызгивая лужи, четыре квартала к дому, где находилось заведение Мориса Фенга, ночная игра в покер. Хотя ни не

спрашивали друг друга об этом, обоих мучил вопрос: что же случилось с Эндрю Трюскотом?

Их план – если это можно было назвать планом – заключался в том, чтобы склонить Томми на свою сторону, представившись юристами, заинтересованными в этом деле, и пообещать хорошую плату.

– Что, если он на это не клюнет? – спросила Сара.

– Тогда мы переключаемся на план Б, в чем бы он ни заключался. В конечном счете все может свестись к тому, кто из нас здоровее.

– Или лучше вооружен...

Ветхое трехэтажное здание затерялось на узкой улочке всего в квартале от магазина Квонга. Дверь с улицы открывалась в фойе, заваленное выброшенными газетами и корреспонденцией и освещенное не лучше, чем улица Ригэл. Темно-зеленая дверь, выкрашенная блестящей эмалью, находилась на площадке первого марша лестницы. До слуха Сары и Мэта донеслась музыка и звонкий голос женщины, которая пела с другой стороны.

– Постарайтесь выглядеть уверенно, – шепнул Мэт перед тем, как постучать.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы увидеть полоску лица и один слезящийся глаз. Пение, которое раздавалось теперь громче, было явно на китайском языке и давалось в записи.

– Что вам надо?

Голос прозвучал хрипло и нетерпеливо.

– Меня зовут Мэт Даниелс. – Мэт махнул визитной карточкой и быстро ее спрятал. – Я адвокат из фирмы «Даниелс, Ханниган и Чанг». Если вы Морис Фенг, то мне надо поговорить с вами.

– О чем?

– В общем-то дело идет о деньгах, которые задолжали одному из ваших клиентов. О большой сумме денег. Мистер Фенг, пожалуйста. Мне известно об игре в карты в вашем заведении, но мне до этого нет дела. Я не веду дела, стоя в коридоре. Так, может быть, мы можем войти? Сейчас уже поздно, и я бы действительно хотел покончить с этим делом до наступления ночи.

Сара, оставшаяся вне пределов видения глаза за дверью, кивнула Мэту, давая знать, что он производит хорошее впечатление. После некоторого колебания хозяина железный засов отодвинули в

сторону и открыли зеленую дверь. Квартира Мориса Фенга была меблирована гораздо лучше, чем квартира Бенни Синга, но зато здесь было гораздо больше табачного дыма. Неширокая струя его плыла из следующей комнаты в прихожую.

– Кого вы ищете? – спросил Фенг.

Это был гибкий худощавый мужчина лет шестидесяти в черной выходной рубашке с большим белым галстуком. Чей-то дедушка, который хочет быть добрым дядюшкой, мелькнуло в голове у Сары. Мэт, не мешкая, несколько подвинулся и оказался между Фенгом и входом в прокуренную комнату.

– Как я уже сказал вам, я – адвокат. А это мой ассистент, мисс Шарп. Было проведено урегулирование имущественного иска. Мы пытаемся найти человека по фамилии Це-то. Имя – Томми. Меня уполномочили заплатить до пятидесяти долларов за информацию, которая помогла бы разыскать его. Мы ищем его целый день. Наконец, кто-то посоветовал заглянуть сюда.

– Кто?

– Мистер Фенг. Я – адвокат. Все, что мне говорят, остается конфиденциальным. Именно поэтому все могут не беспокоиться, включая вас.

– Давайте взглянем на вашу полсотню, – предложил Фенг.

Он взял купюры и предложил Мэту и Саре подождать его в прихожей, а сам направился в комнату карточной игры. Мэт остался стоять на своем месте. Сара подошла к нему. Через минуту Фенг возвратился и протянул обратно купюру.

– Никто не знает, где находится Це-то, – объявил он. – Эй! Подождите минутку.

Мэт двинулся мимо него к комнате.

– Хочу спросить сам, – бросил он. – Мы потратили на это целый день.

Сара последовала его примеру и, войдя в комнату, тут же увидела, что один из куривших и игравших картежников-китайцев был Томми Це-то. Он был тщедушного телосложения, с нездоровым цветом кожи и обезьяньими чертами, тонкими усиками и разительным шрамом, как точно показал Бенни.

Морис Фенг попытался вытолкнуть Мэта из комнаты, но Мэт легко отбросил его в сторону.

– Не знаю, есть ли среди вас мистер Томми Це-то, – соврал он. – Но мне надо с ним переговорить относительно денег, которые он может получить, – большой суммы денег.

Сидевшие за столом люди просто уставились на Мэта. Никто не пошевелился.

– Видите, – взвизгнул Фенг, – видите сами? А теперь убирайтесь отсюда к чертовой бабушке!

Мэт взглянул на Сару. Оба они понимали, что второго такого случая может не представиться. Це-то явно не попался на удочку Мэта.

– Думаю, нам стоит попробовать план Б, – шепнул он ей через плечо.

Взглядом он измерил комнату, затем шагнул вперед и схватил Томми Це-то за правую руку.

– Очень приятно встретиться с вами, мистер Це-то. Очень приятно, – проговорил он с напускным воодушевлением...

Не успел Це-то опомниться, как Мэт поднял его на ноги, заломил ему правую руку за спину, а левой рукой придавил тощую шею.

– Что за бя... – прохрипел Це-то.

– Плохого я вам ничего не сделаю, Томми, – успокаивал его Мэт, вытаскивая в узкую прихожую. – Но нам надо поговорить. – Он надавил посильнее на его горло. – Понятно?

Це-то кивнул. Мэт, не ослабляя захвата, повернул его лицом к тоже вышедшей в прихожую Саре.

– Вы знаете, кто это такая? – требовательно спросил он. – Знаете?

Це-то попытался вырваться, но тут же отказался от этой мысли. Он был по меньшей мере на шесть дюймов ниже Мэта и весил на пятьдесят фунтов меньше.

– Отпустите, – пропихивал он.

– Вы знаете, кто это такая?

– Да.

– И почему она здесь?

– Да, да. Отпустите.

Мэт ослабил хватку. С быстрой, неожиданной сноровкой Це-то выдернул свою руку, саданул Мэту по физиономии, не оборачиваясь, потом крутанулся и изо всей силы ударил его в пах. Мэт крикнул от боли и тяжело привалился спиной к стене. Це-то хотел было кинуться

к нему, чтобы добавить, но Мэт уже оправился от неожиданности. После мгновенной нерешительности бандит что-то крикнул Морису Фенгу по-китайски, стремглав устремился к окну с другой стороны прихожей и прыгнул через подоконник на пожарную лестницу. Мэт, глаза которого слезились и из разбитой губы засочилась кровь, пошатываясь, бросился за ним. Сара не отставала. Но Це-то уже исчез с площадки пожарной лестницы. Потом они услышали крик боли со стороны аллеи.

– Он ушибся, – предположил Мэт, пытаясь что-то рассмотреть в дождливой темноте через дырку, образовавшуюся на месте стекла. – Мы можем догнать его.

Не дожидаясь ответа Сары, он вылез на блестящие прутья платформы. Сара тут же последовала за ним.

– Суки поганые, сумасшедшие кретины! – донеслась до них яростная ругань Мориса Фенга.

Це-то, видимо, не смог ослабить зажимы и опустить нижнюю часть пожарной лестницы и спрыгнул. Теперь он находился примерно в двадцати ярдах от дома, шел под дождем, сильно хромя, в направлении следующей аллеи.

– Мы должны поторопиться, – сказал Мэт, нагибаясь и освобождая нижнюю секцию лестницы.

– Как вы там, в порядке? – спросила Сара, когда он добрался до грязной, плохо замощенной поверхности.

– Об этом потом, – крикнул он ей. – Спускайтесь.

Сара скорее скользила, чем спускалась по лестнице, и бросилась бежать за Мэтом, разбрызгивая по пути грязные лужи. Она догнала его у следующей аллеи. По ее сторонам стояли пустые ящики для мусора и набитые отбросами картонные коробки. Освещения не было. Они всматривались в промозглую темноту, но никого не вдели.

– Что Це-то крикнул Морису, когда удирал? – спросил Мэт, делая наугад несколько шагов по аллее. – Вы не поняли?

– Точно не уверена. Что-то вроде: «Позвони Гуо-Мингу».

Они осторожно пошли вдоль аллеи. Впереди находилась масса мест, где мог спрятаться Томии Це-то и даже устроить им засаду.

Вдруг яркая молния стрелой пронзила затопленную водой аллею, осветив все вокруг. И тут же грохнул гром. Потом вспышка молнии повторилась.

– Вот он! – крикнул Мэт, указывая вперед.

Це-то казался тенью, которая двигалась вдоль здания к дальнему концу аллеи. Как только он услышал голос Мэта, он прибавил шаг. Они припустились за ним по безлюдному переулку к разветвлению железнодорожных путей, которые сходились возле массивных сооружений Южного вокзала. Це-то ковылял перед ними к составу пустых пассажирских вагонов и, достигнув их, нырнул между двумя вагонами. Задыхаясь от тяжелых испарений, Мэт преследовал его, Сара, явно физически более выносливая, следовала за ним по пятам. Они проскочили между двух вагонов и замерли на месте.

Це-то был от них не более чем в пятнадцати ярдах. Но он остановился, обернулся и ждал их, а рядом, под проливным дождем, стояли трое других. Двое азиатов, у одного из которых в руке сверкнул пистолет. Третьим оказался Эндрю Трюскот.

– Господи Иисусе, – пробормотал Мэт.

– Мэт, это же Эндрю, – шепнула она, всматриваясь в их слабо освещенные лица.

– Я подозревал это, – произнес Мэт.

– Эндрю, что происходит? – крикнула она ему громким голосом. – Что вы здесь делаете?

– Идите сюда, – завопил Це-то, стараясь перекрыть шум дождя, который барабанил по стальным вагонам. – Двигайтесь медленно. Гуо-Минг, вот он, отличный стрелок. Не заставляйте его доказывать это.

– Эндрю, что происходит? – повторила она с мольбой в голосе.

– Сара, неужели вы не видите? – торопливо зашептал ей Мэт. – Марш за мою спину и назад к вагонам. Быстро!

Сара не поняла его замысла, но сделала так, как он велел.

– Еще шаг, и вы оба трупы, – предупредил Це-то. – Так же, как и ваш друг.

Мужчины, стоявшие по обеим сторонам Эндрю, отошли и безжизненное тело Эндрю хряснулось вперед на рельсы.

– Гуо-Минг, давай, пристрели их.

– Сара, беги! – бросил Мэт в то время, как Це-то заковылял за бросившимися к ним навстречу двумя бандитами. – Беги!

Правая рука Мэта была уже в кармане спортивного пиджака, пальцы железной рукой охватили бейсбольный мяч. Непрерывно меняя положение, он вынул мяч, подался вперед и метнул. Бандит с

пистолетом, который был теперь на расстоянии всего тридцати шагов, потерял секунду, пытаясь понять, что происходит. Для него эта секунда оказалась чересчур длинной. Бросок, мощный и быстрый, как стрела, бросок, идущий по восходящей, врубился в грудь, как раз под горлом. Пистолет выстрелил в воздух и стукнулся о гравий. Бандита отбросило назад, как будто его ударил бык, и он шмякнулся о землю, тяжело застонав.

Сара уже пробиралась между двумя вагонами.

– Сара, беги! – опять крикнул Мэт. – Назад, к аллее.

Они снова пересекли дорогу. Подбегая к аллее, оглянулись и увидели, как Це-то и другой бандит вылезают из-под вагонов. Пистолет, теперь в руках Це-то, сверкнул. От кирпича, как раз с правой стороны от головы Сары, отлетели осколки. Мэт схватил ее за руку и пригнул к земле, потому оба живо повернулись и, согнувшись, побежали по аллее.

Глава 26

– Вы их видите? – спросила Сара.

Они укрылись за припаркованной машиной на темной, пустынной улице. Время приближалось к полуночи. Непрерывно лил сильный дождь. Мэт пытался разглядеть что-то через окна машины.

– Они на другой стороне улицы, – шепнул он. Не думаю, что другой парень пойдет на что-то без Це-то, а Це-то не может быстро двигаться со своей вывихнутой ногой. Думаю, здесь мы можем удрать от них.

– Вы хоть ориентируетесь? Где мы находимся?

– Не совсем, но к центру города – вот в этом направлении. Сара выглянула из-за крыши машины и увидела двоих мужчин. Было видно, что они шли довольно неторопливо.

– Они безумцы! Убили Эндрю, Мэт, я страшно боюсь. До сих пор вся дрожу.

– И это означает, что командовать будете вы, потому что я сам в гораздо худшем состоянии. Послушайте, мы можем вот что сделать. Це-то еле передвигается. – Он осмотрел улицу. – Вон, видите тот переулок? Мы сделаем рывок туда, а потом попытаемся добежать до улицы Стюарт или еще куда-нибудь, где есть люди. Идет?

– Мэт, смотри!

Там, где только что было двое, стало уже четверо. Еще двое мужчин вынырнули из-за спины Це-то и теперь стояли рядом с ним, просматривая улицу. У одного из вновь прибывших в руке был пистолет. Другой что-то говорил по радиотелефону или какому-то переговорному устройству. Оба держали себя спокойно и были атлетического сложения.

– Господи, тут целая армия.

– Тонг. Помните, что сказал Бенни об этой организации.

– Мы должны выбраться отсюда.

– О Боже, Мет. Вон там. Думаю, их еще больше.

Действительно, трое других закрыли улицу с другого, дальнего конца.

– Тот переулок остается для нас единственным путем спасения. Нам надо добраться туда. Не разгибайтесь, пока мы не достигнем угла вон того здания, потом сделайте отчаянный рывок. Готовы?

– Да.

– Сара, вы... мне действительно дороги. Вперед. Смелее.

Пригнувшись как можно ниже, они поползли назад на четвереньках, чтобы не потерять равновесия.

– Бежим! – скомандовал Мэт.

Они вскочили и понеслись к переулку. За спиной вскрикнул один из преследователей. Мгновение спустя раздались щелчки двух выстрелов.

– Пригнитесь! – опять предупредил Мэт. – И не останавливайтесь.

Узкий переулок был завален мусором и отбросами. Мэт оттащил в сторону один переполненный мусором ящик, оказавшийся на дороге, потом другой.

– Бежим направо! – вскрикнула Сара, показав вперед.

В конце переулка появились еще два человека. Неожиданно Чайнатаун, состоявший не больше как из дюжины кварталов, показался городом без конца и края. Повинуясь команде Сары, Мэт влетел в узкий промежуток между двумя домами, поскользнулся и упал, вскочил на ноги и понесся дальше.

– Они множатся, как кролики, – крикнул он, тяжело дыша. – Сара, не уверен, что нам удастся отсюда выбраться. Думаю, надо где-то спрятаться.

Теперь Сара явно двигалась быстрее, чем он. Она опередила его на десять шагов, когда подбежала к перекрестку следующей улицы, потом замедлила бег и взглянула направо. В нескольких ярдах находился вход в старый театр. Он был огорожен и, видимо, не использовался, но здесь все еще висели плакаты, во многих местах порванные, которые рекламировали китайские кинофильмы, а один плакат изображал Хэмфри Богарта и Кэтрин Хепберн на корабле «Королева Африки».

– Мэт! – выдохнула она, показывая на дверь. – Не можем ли мы пробраться внутрь?

Он стукнул плечом по двери, но та устояла. Тогда он отошел назад, поднатужился и с разбега раскрыл дверь ударом плеча. Они проскользнули внутрь и быстро закрыли за собой дверь. Фойе еле

освещалось наружным светом, который проходил в небольшие оконца высоко на стенах. Если не считать какого-то изношенного ковра помещение было совершенно пустым. Сара слышала запах воздушной кукурузы, которую когда-то готовили и продавали здесь. Держась за руки, они вошли в зал театра. Как и в фойе, высоко в стенах, возле потолка, находились узкие оконца, которые, наверное, завешивались во время представлений. Через них проходило достаточно света, чтобы разглядеть впереди сцену, на которой когда-то вешали экран. Почти все сиденья были убраны, за исключением некоторых, совершенно разбитых.

– Нам надо найти, где спрятаться, – заметил Мэт, – и живо.

Сара вспрыгнула на сцену и громким голосом позвала:

– Мэт, идите сюда. Смотрите.

Рядом со сценой находилась стальная лестница, подвесная, на несколько дюймов не доходившая до пола. Она поднималась прямо вверх, к подвесному мостику под куполом театра. В полумраке этот мостик, висевший на высоте примерно двадцати пяти футов от пола, был еле заметен. Не ожидая ответа, Сара схватила стеганое одеяло из кучи, лежавшей на сцене, и начала подъем.

– Лестница надежная, Мэт, – крикнула она. – Поднимайтесь.

Вскоре они услышали, как двери фойе с треском раскрылись. Послышались голоса. Мэт посмотрел наверх, но совсем не различил Сару. Он бросил через плечо еще пару одеял и стал быстро карабкаться по лестнице. Металлический мостик шириной в три фута, подвешенный к потолку на стальных прутьях, оказался вполне надежным. Мэт расстелил одно из одеял рядом с ее, а второе свернул трубкой для изголовья. Одеяла были сырыми и пахли плесенью. Но им, охваченным ужасом, промокшим до нитки, было не до удобств. Мэт лег рядом с ней и подтянул ноги, подняв вверх колени, когда несколько человек вошли в зрительный зал театра.

– Видите вы что-нибудь? – шепнула она, приложив губы к его уху.

Мэт покачал головой, моля, чтобы их не заметили снизу. Люди – вроде бы их было дворе – разговаривали на китайском языке, в довольно спокойной манере. Затем, побыв минуту или две, они обошли помещение театра и удалились. Дверь в фойе открылась и захлопнулась. Но оба ли они ушли?

Сара было заговорила, но Мэт приложил палец к ее губам и придвинул ее поближе к себе. Прошло пять минут, прежде чем кто-то внизу прочистил горло и тихо откашлялся.

– Я так и знал, – шепнул он.

В это время дверь фойе опять с шумом распахнулась. Несколько вновь вошедших затеяли разговор с оставшимся в засаде. И вдруг сумрачное, затхлое помещение залило ярким светом.

– У, мерзость.

Мэт скорее сделал движение губами, чем произнес это слово.

Сара еще крепче прижалась к нему. Она изо всех сил старалась разобрать китайскую речь, которая звучала внизу, но до нее доходили только разрозненные слова и изредка целая фраза. Было ясно, что Томми Це-то взбешен и напуган. Они вроде бы говорили о том, что кто-то – имени она не расслышала – останется очень недоволен, если Саре и Мэту удастся спастись и они начнут давать показания. За их поимку была назначена награда.

Стараясь даже дышать беззвучно, они наблюдали, как яркий луч света плясал по потолку, по их мостику и, возможно, даже по нижней части одеял, на которых они лежали. Мэт только теперь осознал гениальную идею Сары – схватить эти одеяла. Он попытался представить себе, как выглядит их гнездышко снизу. Возможно, никак. Если им удастся спастись, то ему надо будет придумать что-то особенное, чтобы отблагодарить ее.

Если...

Лучи света и голоса под ними приблизились к сцене. Их мостик осветило раз... потом другой. Лучи света бегали взад и вперед. Сара чувствовала, что начинает дрожать. Возможно поняв ее состояние, Мэт слегка повернул голову и прижался губами к ее лбу. Мостик качнулся, когда один из вошедших схватился за лестницу. Потом мостик чуть наклонился, когда он наступил на Первую ступеньку. Губы Мэта прижались еще крепче ко лбу Сары. Еще шаг. И еще один. Они видели, как луч фонаря дергался в том месте, где они лежали. Еще шаг... потом мостик дернулся и задрожал, когда он оттолкнулся и спрыгнул на пол.

– Никого, – донеслось до их слуха.

Лучи от фонарей, по которым ни могли судить о местонахождении бандитов, начали двигаться по углам зала. Прижавшись друг к другу на мостике, уставшие и промокшие, Мэт и Сара преодолевали желание

пошевелиться. Болезненная неподвижность как иголки колола их руки и ноги. Они лежали, как бы слившись воедино, не смея двинуться или заговорить и все же оставаясь на расстоянии.

Обыск помещения продолжался по крайней мере еще полчаса. Томми Це-то ушел раньше, но другие продолжали искать. Сара и Мэт два раза слышали, как открывается и закрывается наружная дверь. В театре все стихло.

Сара хотела пошевелиться, но Мэт не разрешил ей.

– Они все еще здесь, – прошептал он почти беззвучно. – Не шевелись.

Он слегка повернул голову и неожиданна его губы оказались на ее губах. Откуда-то из темноты снизу донесся шорох движения и тихое крякание. Не желая – или не смея – отрывать от него своих губ, Сара подняла свободную руку и обхватила его за шею. Так, закрыв глаза, они пролежали два часа, синхронно дыша. Изредка человек, оставшийся внизу в засаде, шевелился или издавал звук. Наконец, после мучительной вечности, он включил свой радиотелефон и начал говорить по-китайски.

– Он хочет уходить, – взволнованно прошептала Сара.

Они слышали, как он потяну лег и издал тяжелый вздох. Донесся шум шагов. Опять наружная дверь открылась и закрылась. А потом воцарилась полная тишина.

– Как вы думаете? – рискнул спросить Мэт.

– Думаю, они нас не нашли.

– Полагаю, он ушел.

– Мэт, не могу не думать об Эндрю. Пожалуйста, пока не двигайтесь.

Мэт опять несколько повернул голову, и их губы вновь встретились.

– Если вы настаиваете, – прошептал он.

* * *

В половине шестого неясный свет нового дня стал проникать в театр. Прижавшись друг к другу на металлическом мостике, висевшем над пустой сценой, Сара и Мэт немного пошевелились, чтобы

размяться. Но не выпустили друг друга из объятий и не произнесли ни слова. Кто-то из них, а может быть и оба, засыпал ненадолго, но ни не были уверены в этом. Мэт ладонями погладил ее лицо, нежно поцеловал глаза.

– Вы оказались удивительно смелой, – сказал он. – Я поступил глупо, разыграв из себя десантника.

– Они действительно ушли?

Мэт медленно и осторожно сел и выглянул из-за перил мостика.

– Не могу поручиться за фойе, но в театре никого нет. Думаю, нам надо подождать до девяти или десяти и только тогда уходить отсюда. Чем больше будет людей на улице, тем больше шансов добраться до дома. Хотя, честно говоря, если бы я был на месте Томми Це-то, я бы уже был в пути, далеко отсюда.

– Бедный Эндрю. Он действительно хотел мне помочь.

– Может быть, он сделал это как раз вовремя, чтобы вернуть себе место на небесах, – съязвил Мэт. – Но, учитывая, как он поступил в конце, я бы сказал, что это было чертовски благородно. Надеюсь, что он смог узнать, кто подкупил Це-то. Как вы думаете – кто?

– Ни малейшего представления, – отозвалась она. – Ни малейшего представления о том, кто и почему. За исключением того, что мы теперь знаем кое-что важное.

– А именно – кто-то готов пойти на все, чтобы доказать, что именно вы виноваты в возникновении этих случаев ВСК.

– Но это еще не безусловное доказательство того, что Тянь-Вен и я невиновны. Но похоже, что некоторые думают, что мы таки невиновны. Когда мы выберемся отсюда, сосредоточимся на том, чтобы выявить, кто это. Но первое, что я сделаю, пойду и поговорю с Клэр Трюскот.

– Кажется, вы сказали, что Эндрю ушел от нее.

– Он остается отцом ее ребенка. Я собираюсь помочь Клэр всем, чем смогу, – и сейчас, и в будущем.

Мэт взглянул на свои часы.

– Еще пару часов, – сказал он. – Может быть, два с половиной. Думаю, что столько нам надо еще пробыть здесь и не шуметь.

– Согласна.

Она улыбнулась и нежно поцеловала его. Он засунул руку под ее блузку и погладил ее голую спину.

– Знаете, – мечтательно произнес он, – воображение рисовало мне не совсем такую сцену близости без простыней.

– К тому же я думаю, что все это было специально подстроено, так как вы знаете, что мне нравится все необычное и экзотическое.

– Обещайте, что не выдадите меня перед ассоциацией юристов.

– Если вы пообещаете не отказываться от меня как от клиентки.

Она опять его поцеловала, теперь более страстно. Потом опустила руку и расстегнула ширинку на его брюках.

– Вчера вечером, Кошка, вы держали себя очень по-джентльменски, – прошептала она. – Этот негодяй вас ударил очень больно?

– Не помню, – ответил он, пожирая ее глазами. – Может быть, слегка. Бог мой, то что вы сейчас делаете, сводит меня с ума.

Она опять улыбнулась ему. Ужас только что прошедшей ночи уступил место мыслям о будущем и о мужчине, нежный взгляд которого был теперь прикован к ней.

– Это лишь начало, – прошептала она.

Глава 27

9 октября

– Скальпель... Губка, пожалуйста... Скоп приготовить... Как вы себя чувствуете, Кристин?.. Отлично, превосходно... Вы все еще хотите продолжать смотреть всю эту процедуру на мониторе?.. Тогда ладно. Поехали.

Молодая женщина на операционном столе, мать троих детей, просила сделать ей местный, а не общий наркоз. Хотя по правилам нужен был общий, Сара согласилась! Она сделала первую перевязку трубы с помощью лапароскопа в конце первого года своей стажировки. Операция прошла без сучка без задоринки, так же, как двадцать или двадцать пять других, сделанных ею с тех пор, в трех из которых применялся местный наркоз с большой дозой успокоительных. Она стала дьявольски хорошим хирургом. Одной из лучших, если не самой лучшей среди стажеров. Почему же ее жизнь в больнице превратилась в ад?

– О'кей, Кристин. Вы смотрите на то, что находится внутри вас. На самом кончике лапароскопа находится маленькая, но очень сильная лампочка. Рядом с источником света находится волоконно-оптическое устройство, которое передает свет и может изгибаться во все стороны. Волоконная оптика передает изображение на это вот приемное устройство и потом на телевизионный монитор. В данный момент ваш левый яичник – вот эта маленькая розовая точка в середине экрана – светится как звездочка! Поразительно, правда?

Волоконная оптика. Сара невольно задумалась об ученом, который изобрел это потрясающее устройство, значительно расширившее границы хирургии. Может быть, это самое замечательное открытие после изобретения анестезии. Вознаградила ли жизнь изобретателя за это изобретение? Разбогател ли он? Обрел ли покой? Или же проблемы, болезнь или махинации других людей осложнили его жизнь?

– ...Порядок, Кристин. Ваша труба полностью освобождена. Теперь я перехвачу ее маленьким пинцетом на термокаутере и прижиганием закрою ее. Если вы хотите продолжать и дальше

наблюдать за операцией, то увидите, как жировые клетки тканей шипят и лопаются. Потом, чтобы перестраховаться на будущее, я повторю эту процедуру и на второй точке, расположенной ближе к вашей матке. Прижигание умертвит чувствительные нервы, так же, как и ткань трубы, поэтому после операции в этой области боли не будет, если вы вообще почувствуете какую-либо боль...

«Мы сделаем... После того, как мы сделаем...» Мысленно повторяемые, эти фразы звучали так же неуклюже, как чувствовала себя и она сама. Она мельком взглянула на сестру. Бывало, они любили ассистировать ей, болтали и шутили в перерывах. Теперь, намеренно или невольно, в ее отношениях с ними образовался холодок.

Она и Мэт сообщили в полицию об убийстве Эндрю. Но детектив, которому поручили расследование этого дела, не смог найти тело Эндрю или каких-либо доказательств преступления. Он не смог разыскать Томми Це-то или хотя бы найти свидетеля, который пожелал бы подтвердить хотя бы часть их рассказа. Дело против нее о преступной халатности в лечении продолжалось своим чередом и, подогретое ее бездоказательным рассказом о ночи в Чайнатауне, все еще привлекало к себе внимание средств массовой информации. В госпитале ходило много нелепых слухов. По одному из них, Эндрю бросил жену ради Сары, а потом уехал в Австралию, когда Сара променяла его на другого мужчину. По другому – Сара убила Эндрю после скандала с любовником и выдумала историю с китайской бандой на случай, если будет обнаружено его тело. Страшно разочаровывало то, что без каких-либо конкретных доказательств она была беспомощна заставить сомневающихся поверить в правдивость своего рассказа.

Пресса всячески изощрялась в рассказах о Саре и о порядках в Медицинском центре Бостона. Газета «Глоб» опубликовала отвратительное письмо президента ассоциации жителей Чайнатауна, где ее утверждения о тонге и насилии квалифицировались как наносящие ущерб общине. В различных публикациях и передачах мотивы ее поведения ставились под вопрос, так же, как ее моральный облик и даже здравый рассудок. А хуже всего то, что ничего не изменилось. Абсолютно ничего.

Горя желанием обелить имя Сары и укрепить собственную пошатнувшуюся репутацию, Мэт нанял частного сыщика. После почти

трех недель, израсходовав более двух тысяч долларов, этот человек практически не собрал никакой информации, кроме того, что Це-то больше нет в Бостоне и, возможно, даже в стране. Никто, с кем он разговаривал в Чайнатауне, не знал ничего о докторе Эндрю Трюскоте.

– Вот и все, Кристин. Пара пластырей, и вы на пути к выздоровлению, – подвела итог Сара. – Благодарю вас всех. Большое вам спасибо.

В ответ что-то пробормотали, но никто не похвалил работу, которая на самом деле была выполнена великолепно. Сара стянула с себя перчатки и заторопилась в комнату с шкафами медсестер, чуть не плача. Она обязана была выполнять работу и все доводить до конца – особенно после того, как погиб Эндрю. Но она сомневалась, что когда-либо опять будет чувствовать себя комфортно в МЦБ. Когда поднимаешься на пьедестал, то становишься легкой добычей для других. Она даже представить себе не могла, насколько зыбкими могут быть репутация врача и профессиональное уважение к нему. Было невероятно мучительно сознавать, что более двух лет неизменно хорошей работы – она всегда задерживалась, если надо, всегда шла навстречу, когда требовалась помощь, – смазывались беспочвенными слухами и разными намеками.

Она переделалась в свежий халат, зашла в почтовую комнату, чтобы заглянуть в свой ящик. Среди докладов по патологии и копий оперативных распоряжений лежала записка от Розы Суарес, датированная сегодняшним утром и содержащая просьбу связаться с ней. Было также письмо от председателя совета попечителей больницы, направленное через систему компьютерной связи. Конверт не отличался от других, которые на часто получала и которые касались проведения совместных мероприятий штатных сотрудников и попечителей или в которых содержалась просьба переслать свежие данные о ее учебной деятельности. На этот раз содержание конверта оказалось не рутинным. Письмо, подписанное какой-то машинисткой от имени председателя правления, любезно извещало Сару о том, что ввиду путаницы и неясности, связанных с ней и ее будущим, подкомитет правления по использованию профессиональных сотрудников просил заведующего родильно-гинекологическим отделением доктора Рэндала Снайдера представить альтернативную рекомендацию на пост главного стажера будущего года.

– Проклятье! – Сара засунула письмо в карман халата и стукнула кулаком по стойке.

– Проклятье что?

Ели Бленкеншип, массивная башка которого отливалась под лампой дневного освещения, улыбался, глядя на нее. При виде его гнев Сары тут же смягчился. За все время ее тяжелых испытаний главный врач оставался одним из немногих людей в больнице, на которых она могла без оглядки положиться – всегда веселый и подбадривающий, всегда готовый пустить в ход свой невероятный интеллект для решения ее проблем. Нет никаких сомнений, сказал он ей, что история, которую она и Мэт рассказали о Томми Це-то и Эндрю Трюскоте, совершенно правдива. С этим согласился бы любой новичок, побывавший в таинственных переделках, добавил он. Их изложение содержало слишком много деталей, слишком много грубой житейской правды, чтобы быть чем-то другим, чем действительным фактом.

– Доброе утро, доктор Бленкеншип, – приветствовала его секретарь, подавая ему кипу объявлений, лабораторных докладов, журналов и других изданий.

– С добрым утром и вас, Тейт. Как чувствует себя мадам?

– Все идет прекрасно благодаря, вам.

Бленкеншип улыбнулся довольно и отвел Сару в сторону от окна.

– Что стряслось? – спросил он.

Она достала письмо совета попечителей больницы и протянула ему.

Бленкеншип моментально ознакомился с ним.

– Это нелепо, – воскликнул он. – Роб Маккормик и другие щеголи в совете управляющих без конца пекутся о форме и забывают о содержании. Следовательно, у них и нет никакого содержания. Идиоты. Сара, у нас, кажется, назначено совещание с участием вашего адвоката?

– Да, сэр. Завтра вечером.

– Так обещаю вам переговорить к тому времени с Маккормиком. Не могу гарантировать, что он изменит свое отношение, но, когда надо, я могу быть очень настойчивым. Обещаю вам также пространную научную работу по ВСК, по этой болезни я стал большим экспертом. Я решительно склоняюсь к тому, что здесь замешано что-то другое, а не ваши предродовые дополнительные

лекарственные травы. И клянусь, мы установим, что это такое. – Он внимательно смотрел ей в глаза, в которых отражались гнев и разочарование. – Сара, вы не должны вешать носа, пока все это тянется. В больнице у вас больше поддержки, чем вы себе представляете, включая, насколько я знаю, доктора Снайдера. Думаю, он не имеет никакого отношения к этому письму.

– Как же это может быть? – возразила Сара. – Всего несколько месяцев назад он предложил мне партнерство. А теперь он относится ко мне с прохладцей и очень официально. У меня сложилось такое впечатление, что большинство здешних сотрудников, включая доктора Снайдера, были бы счастливы, если бы я провалилась сквозь землю и исчезла с глаз долой.

– Но этого не случится, верно?

– Нет, доктор Бленкеншип. Не случится. Я не допущу этого, потому что, независимо от того что думает большинство, я уверена, что ничего плохого не сделала... не сделала – ни тем трем женщинам, ни Эндрю.

Бленкеншип подбадривающе обнял ее за плечи.

– Мы докопаемся до истины, – произнес он с твердой уверенностью. – Мы установим, от чего пострадали те женщины, и мы выясним, кто несет ответственность за смерть Эндрю Трюскота. Скоро что-нибудь выйдет наружу, Сара. Чувствую это печенками. – Он коснулся своего животу. – Что, кстати говоря, не является моим самым чувствительным органом. А тем временем я намерен принять все необходимые меры и оградить вас от любых наскоков людей, которые часто руководствуются домыслами, а не фактами.

– Спасибо, – поблагодарила Сара. – Спасибо вам за все.

– Тогда лады, – резюмировал Бленкеншип. – Увижу вас завтра вечером... надеюсь, с хорошими новостями от этого треклятого совета попечителей. Куда вы теперь идете?

– Собираюсь позвонить Розе Суарес. Ей хочется со мной о чем-то поговорить.

– Что бы там ни было, можете доложить мне об этом завтра вечером, – рекомендовал Бленкеншип. – Или даже лучше того, может быть, вы сможете уговорить нашего скрытного эпидемиолога прийти и доложить обо всем самой.

«Может быть, и смогу, – раздумывала Сара, чувствуя большую уверенность и решимость, чем за все последние недели. – Вполне, может быть, смогу».

* * *

– Роза, что вы имеете в виду, когда говорите, что вас сняли с расследования?

Сидя у изножья кровати на кленовой качалке в комнате Розы Суарес, Сара не верила своим ушам, глядя на пожилую женщину.

– Я говорила вам раньше, что во многих случаях я расхожусь со своим начальником во взглядах.

– Из-за того расследования, которое вы проводили в Сан-Франциско?

– Именно.

– Но собранные вами данные были изменены.

– Он в это не верит. Как бы там ни было, он указал на отсутствие прогресса в расследовании и на то, что нет других случаев ВСК, и направил меня работать в библиотеку на четыре месяца, до выхода на пенсию. Пока что никакая замена по этому расследованию не назначена.

– Это ужасно, – Сара почувствовала, как ее охватывает паническое состояние. Она надеялась, даже верила, что дотошная худенькая женщина сумеет-таки разгадать тайну, которая угрожала ее карьере. – После того что вы мне рассказали, у меня действительно появились большие надежды на какой-то прорыв. А теперь вы уезжаете, я просто...

Роза Суарес остановила ее, приподняв руку. Потом присела на край кровати, ее глаза оказались на одном уровне с глазами Сары.

– Сара, открытие произошло, – поведала она. – И я ни за что не уеду.

– Но...

– У меня накопилось шесть недель неиспользованного отпуска по болезни. Поэтому с сегодняшнего дня я в отпуске по болезни, лечу смущенную пластинку позвоночника. Наш друг, ортопед, которому я

оказала когда-то любезность, снабдил меня соответствующей документацией о моей болезни.

Сара перевела дух.

– Спасибо, – произнесла она сиплым от волнения голосом. – Спасибо, что вы не отступаете. Но я не понимаю. Как же может начальник вашего управления остановить расследование, если удалось что-то обнаружить?

– Потому, – сказала с улыбкой Роза, – что он еще не знает об этом. И не узнает до тех пор, пока все не будет железно доказано и вдвойне подстраховано дубликатами данных. Я чувствую, что, хотя военные США тут не замешаны, как это было в Сан-Франциско, речь идет об очень могущественных и изобретательных людях.

– Расскажите мне об этом.

– Вы столкнулись с двоякой проблемой. Во-первых, не удалось найти случаев ВСК, которые не связаны с вами. И во-вторых, три случая ВСК в вашей больнице объединены, казалось бы, лишь одним фактором риска – употреблением пациентками ваших дополнительных лечебных трав.

– Да, я понимаю.

– Так вот, после целого ряда неудач я раскопала еще один важный фактор, который роднит все наши три случая ВСК.

– А именно? – возбужденно спросила Сара.

– А именно вес.

Розе понадобилось больше пятнадцати минут на то, чтобы описать усилия, которые завершились нахождением дневника Констанции Идальго и открытием поразительного похудения этой девушки, что было достигнуто с помощью какого-то порошка от иностранного доктора МЦБ, который был указан в дневнике только как «д-р С».

– Вооружившись этой информацией, – объяснила она, – я снова прошла по стадиям своего расследования, включая прошлое Алетеи Вортингтон и, наконец, Лизы Саммер. Это заняло гораздо больше времени, чем мне того хотелось, потому что семья Алетеи фактически прекратила свое существование. А Лиза с отцом уезжали из страны в последний месяц. Но обнаруженное мною носит более чем интригующий характер. Алетея одно время была ужасно толстой. Ее соседи сказали мне, что она весила двести сорок фунтов. Вот тут пара

копий фотографий, снятых с ее школьного ежегодника. Вот здесь Алетея. Как видите, она была ужасно толстая.

– Известно ли вам, что она принимала тот же порошок для похудения, что и Конни Идальго? – спросила Сара.

– Нет. Но я смогла установить, что она похудела примерно четыре с лишним года назад – примерно в то же время, что и Конни. И страницы, охватывающие это время, также были изъяты из ее истории болезни в МЦБ.

– И вы об этом никому не сказали?

Роза покачала головой.

– После того что произошло в Сан-Франциско, мне нелегко даже с вами делиться такой информацией, – объяснила она. – Но мне известно, как вы пострадали. И хотя я не считаю себя большим знатоком людей, вам я действительно доверяю.

– Спасибо, – воскликнула Сара. – О Господи, слава тебе.

Бленкеншип оказался прав. Правда должна была неминуемо выйти наружу.

– Но это не все, – заметила Роза, как будто прочитав ее мысли. – Есть еще кое-что.

– О Лизе?

– Точно. Лично с ней я не разговаривала, но несколько раз побывала на ее бостонской квартире. Тамошние жильцы отнеслись ко мне очень подозрительно, особенно учитывая судебное дело против вас. Но потом их отношение изменилось. Вот некоторые ее фотографии, которые они мне дали. Несколько верхних относятся к тому времени, когда она въехала в этот дом. Нижние две относятся к недавнему времени.

– На этих снимках она весит фунтов на пятьдесят меньше!

– Фактически на семьдесят, – поправила Роза. – Из жильцов того времени остался только один, но он не сомневается, что она достигла этого с помощью какого-то порошка. Одно и то же время, возможно, один и тот же порошок. Сара, мы тут имеем дело не со случайным совпадением. Уверяю вас.

– Проверили ли вы историю болезни Лизы на предмет вырванных страниц?

– Я не нашла физических доказательств, что страницы были изъяты, но это ничего не значит. Весь этот год не отражен в

больничной карте.

– Роза, это действительно большое открытие. Не догадываетесь ли вы, кто может быть этот доктор С?

– Некоторые соображения на этот счет имеются. Из дневника Констанции Идальго можно сделать предположение, что это мужчина, возможно иностранец. Я добавила к этому уравнению отрезок времени, в течение которого распространялся этот чудодейственный порошок и инициал "С". Затем я проверила списки сотрудников. – Она покопалась в своем портфеле и достала из него свернутый в трубку блокнот. – Предположим, что все взятые мною параметры верны, то тогда у нас три подходящих кандидата. Я не знала, как правильно истолковать ее впечатление, что мужчина был иностранец. Запись не давала ясности. Человек с первой фамилией из трех все еще состоит в штате МЦБ. Двое других уже много лет здесь не работают.

Она передала блокнот Саре.

«Жильберто Сантьяго, Д.М. Сан Сун, Д.М., Д.Н. Прамод Синг, Д.М. (аюр)», – читала про себя Сара.

– Эти фамилии ничего мне не говорят. Даже Сантьяго.

– А что значит вот это? – спросила Роза. – Вот эта степень после последней фамилии?

– Возможно, доктор медицины по аюрведике. Это древняя система лечения в Индии... Ее голос прервался.

– Сара, что такое? Вы выглядите так, как будто только что увидели призрак.

Медленно глаза Сары встретились с ее глазами.

– Роза, то, что я сейчас увидела, – это сама истина. Мне надо позвонить.

– Можете звонить вот с этого аппарата. Если это междугородный разговор, используйте вот эту кредитную карточку. Я уже давно буду на пенсии, пока поймут, что из Бостона звонила женщина, живущая в Атланте, но находящаяся в данный момент в отпуске по болезни в Бостоне.

Чтобы легче всего связаться с Аннали Эттингер, Сара должна была попросить телефонистку в «Ксанаду» срочно перезвонить ей. Она назвала фамилию Розы, а не свою и несколько раз повторила, что это очень важно.

– А теперь, – сказала Роза, когда Сара положила трубку. – Теперь ваша очередь объясняться.

Сара рассказала то небольшое, что она знала о Прамоде Синге и о аюрведческой системе похудения с помощью трав. Она дала как можно более объективную характеристику Питеру Эттингеру, но Роза тут же заметила отголоски напряжения в ее голосе, когда она говорила об этом человеке.

– Мне представляется, что он явно страдает манией величия, – заметила Роза.

– Я всегда знала, что он гордец, но считала его больше мечтателем.

– Из своего собственного опыта знаю, что оба этих качества часто ведут к мании величия.

Когда зазвонил телефон, Сара живо схватила трубку.

– Пожалуйста, доктора Розу Суарес, – услышала она в трубке.

Сара узнала сочное контральто Аннали. – Аннали, это – Сара. Как дела?

– Ой, какой приятный сюрприз. У нас все превосходно. Малыш шевелится, готовится вынырнуть на свет Божий.

– Сколько еще осталось?

– Шесть-семь недель. Я была бы готова к этому хоть завтра. Питер денег не жалеет, выписал двух повивальных бабок из Мали, они все время прыгают вокруг меня. Поскольку проблем у меня никаких нет, они все время что-то готовят, чистят и натываются друг на друга.

– Аннали, я так рада за вас.

– Питер на этот раз стал очень внимателен. Так что там такое срочное? И кто такая Роза Суарес?

– Да, действительно, существует такая доктор Суарес. Кстати, она находится рядом со мной. Она... изучала программы похудения по указанию правительства. Я рассказала ей о программе Питера и докторе Синге.

– Эти двое просто гребут монету, – подхватила словоохотливая Аннали. – Питер пристроил здесь целый новый погрузочный объект. Только на упаковке и отправке сидит не меньше двадцати работников. Как будто полАмерики растолстели, сидят и смотрят поздними вечерами телевизионные передачи. И каждый старается найти тропинку к стройности, как выражается Питер.

– Аннали, вы не подскажете, как нам можно было бы связаться с доктором Сингом?

– Не знаю. Он приезжает сюда раз в несколько недель, привозит новую партию капсул для витаминов, которые высылаются заказчикам. Но я почти никогда его не вижу. Попытаюсь выведать это у Питера, не упоминая про вас. Он взбешен, что ваш адвокат вызвал его в суд для дачи показаний.

– Неисправимый, – пробормотала Сара. – Послушайте, Аннали. Не навлекайте на себя из-за этого неприятностей. Но нам бы сильно помогло, если бы мы смогли поговорить с доктором Сингом.

– Постараюсь что-нибудь сделать. И это все?

– Не могли бы вы прислать мне немного этого порошка?

– Вы хотите сказать, что не хотите платить сорок девять долларов девяносто пять центов в форме чека или кредитной карточки и не хотите ждать от трех до шести недель, пока получите порошок? Простите, но у нас нет системы оплаты наличными при доставке. Ну что же, думаю, что сумею это сделать.

Сара продиктовала Аннали адрес Розы, поблагодарила ее и еще раз попросила не ссориться с отцом. Потом задумалась, обратив невидящий взгляд через окно на великолепный осенний вечер.

– Роза, вы действительно думаете, что этот порошок для похудения может иметь отношение к случаям ВСК? – спросила она.

– Если предположить, что собранные нами факты соответствуют действительности, – ответила Роза, – то, конечно, порошок также может оказаться причиной, как и ваши предродовые дополнительные травы.

– Какая-то бессмыслица.

– Потому что собрали еще не все необходимые факты. Мне бы хотелось взглянуть на некоторые из этих рекламных материалов, о которых вы говорили.

– При желании их можно достать. У моего адвоката имеются кое-какие связи на телевидении. Я спрошу, не сможет ли он привезти видеозапись одного из таких рекламных материалов на наше завтрашнее совещание о ходе судебного разбирательства. Кстати, вы придете?

– Не собиралась. Но теперь, поскольку официально я снята с этого расследования, думаю, что приду. Особенно если можно будет

посмотреть эту видеозапись. К тому же, учитывая то, что вы мне сказали и что я слышала только что по телефону, думаю, что ставки растут.

– Не понимаю.

– Ваша знакомая, Аннали, принимала этот порошок, так?

– Да.

– И до родовых схваток ей остается всего несколько недель, так?

– Об этом я даже и не подумала.

– На вас столько всего свалилось за последний час, что это не удивительно. К тому же время еще есть. Не так много, но некоторый запас имеется. Увижу вас завтра вечером, в конторе вашего адвоката.

Сара любяще обняла Розу, долго не отпуская ее, и обещала никому не рассказывать об их беседе. Потом поспешно сбежала с лестницы, направляясь в МЦБ. Качели ее настроения опять взметнулись вверх. Она почувствовала себя более энергичной, чем когда-либо.

* * *

Оставшись одна в своей комнате и положив ногу на ногу, Роза Суарес попыталась совместить полученную информацию с той, которую она уже имела. Сара права. Приписывать появление ВСК краткосрочному приему порошка из трав было бы не совсем разумно... и все же. Это также не клеилось никаким образом с пропавшими страницами в больничных картах. Проводя ручкой линии и рисуя стрелы на бумажной скатерти на столе, Роза мысленно старалась разобраться во всех фактах, упорядочить их, пока не почувствовала усталость и оцепенение. Измученная она свалилась на подушку. Ничего нет определенного. Абсолютно ничего. Она все равно что пыталась сложить картинку из обрывочных кусочков. Ей отчаянно хотелось покончить со всем этим и заснуть. Но вместо этого она позвонила Кену Макхолланду в лабораторию ЦББ.

– А, Роза, как ваша спина? – спросил он.

Просто сам звук его голоса породил на ее лице улыбку. Из всех сотрудников только Кен знал, где она находилась и как оформила отпуск.

– С каждым днем все хуже, но Господь милостив, – ответила она. – У вас для меня что-нибудь есть?

– И да, и нет. Не знаю, что там у вас с вашим шефом, но поступил циркуляр о том, что ваше расследование официально закрыто. Никому в управлении больше не разрешается тратить на это время. Начальник моего подразделения не только довел до моего сведения содержание этого документа, но и зашел ко мне. Он знает, что я помогал вам. Меня... гм... строго предупредили.

– Неужели? Мой шеф действительно хочет, чтобы я провалила это расследование. Очень жаль, Кен. Послушайте, зря не рискуйте. Но я действительно нуждаюсь в вашей помощи.

– И вы ее получите. Здесь есть и другие люди, которые хотят воспользоваться своим правом на отпуск по болезни, если хотите знать. Возникни необходимость, я тут же простужусь и поеду поработаю с вами. Вы вроде бы говорили, что можно воспользоваться оборудованием там, у вас на месте.

– Возможности не такие, как у вас, но они есть. Целая лаборатория, включая лаборанта. Так что там у вас?

– Мы получили достаточно материала, чтобы утверждать, что в крови вашей девушки, анализ которой брали в июле, содержится какой-то тип вируса ДНК. Но у нас недостаточно этой культуры, чтобы классифицировать его тип. И больше не будет. Наш последний образец вчера сгорел. Если вы хотите, чтобы продолжились исследования, нам нужна дополнительная сыворотка.

– Значит, надо найти способ достать некоторое ее количество.

– И мне нужна фамилия и номер телефона вашего лаборанта, у вас там. Я, возможно, попрошу его вырастить бактерии.

– Вы получите все, что в моих силах.

– Это так важно, да?

– Я сижу на вулкане, Кен. Клянусь вам. И скоро, думаю, очень скоро, произойдет извержение.

Глава 28

10 октября

– Из телевизионного городка с вами говорит Джонни Норман, спрашивая вас, наших зрителей в самой студии, и вас, миллионы зрителей, которые сидят у себя дома: готовы ли вы изменить свою жизнь к лучшему?

– Да!

– Готовы ли вы ухватиться за бронзовое кольцо и больше не отпускать его?

– Да!

– Готовы ли ступить на Прекрасную дорогу Стройности и Здоровья?

– Да!

– Погромче, пожалуйста. Плохо слышу.

– Да!

– Ладно. Тогда все в порядке. Вы попали, куда надо, можно начинать. Время еще раз поздороваться с нашим провожатым по Прекрасной дороге – с человеком, который был тренером всего клуба, готовил его к двум потрясающим играм в шары, но себя самого не мог оторвать от сладкого шарика мороженого. Давайте горячо поприветствуем от имени Программы похудения тренера Тома Грисвольда-Медведя!

Высокий, с квадратной челюстью, но стройный, как тростник, тренер Том Грисвольд выпрыгнул на сцену, жестикулируя и прихлопывая в ладоши. Сразу было видно: ему не впервой разглагольствовать с экрана. В приемной конторы Мэта разместились восемь зрителей, они просматривали видеозапись рекламной информационной программы чуть ли не с болезненным восхищением, слушали, как Грисвольд делится рассказами о своей жизни и карьере, сопровождая их показом наглядных эпизодов, как увеличилась его слава и изменилась фигура.

– В банке у меня лежало столько денег, сколько я никогда бы не смог истратить, у меня была любящая семья, открывалась прекрасная карьера в вещании, но почти триста фунтов веса, по мнению докторов,

могли прервать мою жизнь через несколько месяцев! Сначала они мне просто спокойно советовали похудеть. Потом стали угрожать. Они предупреждали, что если я не похудею, то некоторые радости жизни будут мне недоступны. – Взрыв хохота. – Ну вот, взгляните на меня теперь!

Он повернулся в неуклюжем пируэте под аккомпанемент восторженных криков обожающих его зрителей.

– Поразительно; – пробормотал Пэрис с благоговейным трепетом.

– Отнюдь, это же Америка, – возразил Ели Бленкеншип, – страна, где нет границ ни богатству, ни стройности.

– А теперь, Джонни, – продолжал тренер, – до того, как к нам присоединится человек, подарившей Америке это великое открытие, давайте подобьем итоги на сегодняшний день.

На экране появилась огромная ярко освещенная схема.

– О'кей, тренер. Поехали. На сегодняшнее число количество людей в стране и во всем мире, которые присоединились к нам на Прекрасной дороге к Стройности и Здоровью, составило ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ОДНУ ТЫСЯЧУ ШЕСТЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТЬ! – Овации.

– И каждый выложил по сорок девять долларов девяносто пять центов, – заметил адвокат Хайден. – Просто невероятно. Давно ли они начали продавать этот порошок?

– С полгода назад, – ответил Мэт.

– Но не забывайте, Арнольд, – вставил Колин Смит, – что, судя по всему, эта штука эффективна. А теперь скажите честно, разве вы не заплатите пятьдесят баксов, чтобы освободиться от полноты... особенно если не надо мучить себя диетой?

– Благодарю вас, Джонни Норман, – продолжал между тем Грисвольд. – А теперь хочу представить вам человека, который вернул мне многие годы жизни, не говоря уже о том, что я смог заняться теннисом... и моя очаровательная жена Шерри может засвидетельствовать... любовными делами также. – Последовало несколько возбужденных уханий. – Но сначала давайте послушаем песню в исполнении одной из верных дочерей аюрведческой системы похудения с помощью трав. Звезда Бродвея Бетти Вильсон весила двести тридцать фунтов. Сейчас она сама расскажет, как противно ей было смотреть на себя в зеркало. Сегодня она по-прежнему звезда. Но

взгляните, как она теперь смотрится! – Свистки и приветственные крики в адрес певицы, на складной фигурке которой ловко сидело платье шестого размера. – Дамы и господа, мисс Бетти Вильсон споеет заглавную песню из ее нового спектакля на Бродвее.

Мэт прогнал вперед пленку с песней, в то время как собравшиеся в приемной обменивались впечатлениями. Затем тренер после слящавого девятидесятисекундного представления дал слово самому Питеру Эттингеру, который появился на сцене под овацию зрителей телестудии. Лицо Сары напряглось. Но даже она должна была признать, что этот человек, который и в обычной жизни смотрелся неплохо, на сцене выглядел просто импозантным.

Он ходил от одной стороны сцены к другой с грациозностью жирафа и рассказывал тщательно документированную историю своего знакомства с доктором Прамодом Сингом из Нью-Дели, Индия. И о замечательной системе похудения с помощью трав. Потом начались высказывания различных тщательно подобранных клиентов, которым помогла только эта система. Свою взволнованную благодарность они переплетали с поэтапным рассказом об аюрведческой медицине, прослеживая ее развитие на протяжении многих тысячелетий, с древнейших времен, через различные периоды отказа от этих методов и их возвращения к необычайному расцвету в 80-х и 90-х годах нашего столетия.

И наконец, на фоне пейзажа Индии было передано выступление самого Прамода Синга. Секретные травы, включенные в аюрведическую систему похудения, составляли только часть всего дела, утверждал он. Хотя и важную, но лишь составную часть.

– Правильно принимайте порошки, ешьте умеренно, избегайте пяти запретных видов питания, – советовал он, музыкально произнося слова, – и, что бы там ни было, вы обязательно похудеете. Ежедневно по пять минут предавайтесь созерцанию и следуйте другим основным принципам Аюрведа, которые изложены в направленной вам памятке, и вам откроются новые виды свободы, свободы духа. Жаль, что не смогу встретиться со всеми вами лично, но я нахожусь в Индии и наблюдаю за сбором двенадцати решающих природных компонентов нашего порошка. Надеюсь увидеть многих из вас в ближайшие недели. А теперь опять слово доктору Питеру Эттингеру.

– Доктор каких наук? – спросил Мэт, останавливая видеозапись.

– У Питера Эттингера несколько степеней от целого ряда институтов, – сказала Сара. – Но не знаю, есть ли у него докторское звание из обычного, традиционного университета.

– По вашему голосу видно, что вам не очень-то нравится этот человек, – заметил Колин Смит.

– Если хотите знать мое мнение, то это настоящий напыщенный индюк, – вставил Гленн Пэрис.

Сара мысленно улыбнулась, подумав о том, что Питер точно такими же словами охарактеризовал бы их старшего начальника.

– Ну что же, – произнес Мэт. – Думаю, надо начинать. Я уже сделал свой вклад, рассказав о кошмарной ночи, которую мы с Сарой пережили в Чайнатауне. Это – подлинная история, и какие бы ни ходили слухи, нашли тело или нет, но Эндрю Трюскот погиб. Полиции не удалось обнаружить ничего нового. Так же, как и частному сыщику, которого я нанял, – очень хорошему специалисту. Мы не отказались от попыток подтвердить свой рассказ, но не совсем представляем себе, как можно его использовать. Может быть, имеются какие-либо предложения?.. Тогда, если вопросов нет, мы пойдем дальше.

Пока что в этом деле все очки срывает Джереми Мэллон, мы же главным образом защищаемся. Завтра Питер Эттингер начнет давать официальные показания под присягой, и я надеюсь, что положение изменится. Перед тем как показать вам видеозапись, я беседовал с миссис Суарес, ее соображения и находки могут повлиять на ход дела. Думаю, она сейчас поделится с нами дальнейшими деталями. Но сначала хотелось бы заслушать доктора Снайдера и доктора Бленкеншипа. В любой очередности.

Сара перехватила на долю момента взгляд Мэта. Он держал себя уверенно и хорошо вел совещание. Он далеко ушел с того первого совещания в зале заседаний администрации МЦБ. Она с нетерпением ждала того дня, когда перестанет скрывать, что он – ее друг и любовник. Того дня, когда Уиллис Грейсон со своей злобой и своими адвокатами превратится в прошлое.

– Может быть, начну я, Ели, – предложил Рэндал Снайдер. – Я не займу много времени. – Он откашлялся. – Через американский колледж акушерства и гинекологии я разослал письма руководителям отделений акушерства по всей стране с просьбой поискать необъяснимые случаи ВСК во время беременности и родовых схваток.

Пока что мы не нашли ни одного случая, в котором не было предрасположенности – отрыв плаценты, заражение, болезнь клеток, фатальный исход в утробе матери. Ни одного. Должен сказать, что Сара сама рассылала эти письма и потом звонила в десятки мест. Отсутствие случаев ВСК у пациенток, которые не принимали ее предродовых трав, остается наиболее беспокоящим и, если хотите, обвиняющим обстоятельством.

– Спасибо, – холодно поблагодарил Мэт. – Говорить можно все, что хочешь. Кто-то очень постарался, чтобы создать впечатление, что предродовые дополнительные травы Сары повинны в этих случаях. Уже один этот факт говорит, с моей точки зрения, об обратном. Доктор Бленкеншип?

Главный врач задумчиво постукивал карандашом по своей ладони перед тем, как поднять пачку исписанных листков, которые он положил возле себя на пол.

– Так, – произнес он, наконец. – Передо мной была поставлена задача – проанализировать все известные в мире случаи по рассеянной внутривенной терапии свертывания крови. Это оказалось не так просто. Я обнаружил, что все люди, работающие в этой области гематологии, знают, когда происходят случаи ВСК, но никто не знает, почему они происходят. Наиболее простое название этого состояния – истощающая коагулопатия. Потому что пока продолжается эта болезнь, все факторы свертывания крови в организме поглощаются этими мелкими, аномальными сгустками. В своей худшей форме ВСК почти повсеместно заканчивается смертельным исходом. Этот факт только подчеркивает достижение доктора Сары Болдуин, когда она спасла жизнь Лизе Грейсон. Люди, у которых болезнь ВСК проходила в такой же форме, как у нее, просто не выживали.

– Дам ли я такое же показание на свидетельской скамье в суде, мистер Даниелс? Можете заключать пари, что дам. – Его манера говорить и тон, которые до сих пор были бесстрастными и спокойными, драматически изменились, стали взволнованными. – Сделаю все возможное, чтобы оказать честную помощь. Меня очень расстроило это дело и то, что Сара не находит большой поддержки со стороны нашего учреждения. Несколько месяцев назад мы обещали ей и самим себе, что будем выступать единым фронтом и что Сару будем считать невиновной, пока не будет доказано обратное. Рэндал, Гленн, я

разговаривал с Робом Маккормиком относительно письма, в котором он предлагает заменить Сару на посту главного стажера родильного отделения в будущем году. Он сказал, что будет рад отозвать это письмо, если вы двое согласны на это.

– Ели, – начал Пэрис. – Сейчас неподходящее место и время...

– Гленн, пожалуйста. Не хочу начинать здесь скандал или ставить в неловкое положение Сару. Но если мы действительно хотим выступить единым фронтом, о чем мы договорились, тогда надо потребовать, чтобы Маккормик отменил свое указание. Верно?

Пэрис явно был раздосадован. Соглашался он или не соглашался с предложением Бленкеншипа – это неважно, но ему было неприятно слышать указания, что ему надо делать.

Наконец, после довольно длительной паузы, в течение которой он успокоился, он улыбнулся и кивнул.

– Вы правы, Ели. Не знаю, почему у Роба появилась такая мысль, но завтра я позвоню ему и все поправлю.

– Отлично, а вы, Рэндал?

– Никаких проблем, – ответил Снайдер без особого энтузиазма.

В таком случае продолжим наше совещание, – констатировал Бленкеншип. – Существует еще одна категория болезни ВСК, которую мне хотелось бы упомянуть, а именно – яды. Ввод вещества, который появляется в естественных условиях, – тромбина, может вызвать состояние типа ВСК, так же, как и яд некоторых змей. Токсины, обнаруженные по крайней мере в пяти различных видах крокодилов, могут вызывать ВСК со смертельным исходом.

– Крокодилов? – переспросил Мэт.

– Простите, Мэт, гремучих змей.

– Но мне не верится, что яды, о которых вы говорите, эффективны, если их принимать наподобие таблеток, – заметила Сара. – А Лиза находилась дома, когда начался приступ ВСК. Не думаю, чтобы она получила какой-либо укол.

– Или ее укусила моль, – загоготал Арнольд Хайден.

Никто больше не засмеялся.

– Как я уже сказал, – ответил ей Бленкеншип, – яд включен лишь для полноты картины. Может существовать соматический токсин, который нам незнаком и который вызывает ВСК. Может быть, кто-то

располагает таким веществом и ведет кровную месть против больницы и отделения акушерства. Кто это может знать на данный момент?

– Нам не хватало только этого, – простонал Гленн Пэрис. – Психопат.

– Есть ли вопросы к Ели? – спросил Мэт. – Тогда ладно. Роза, вы любезно поделитесь некоторыми важными результатами своей работы. Не могли бы вы суммировать полученные вами выводы?

В этот день, несколько раньше, Сара разговаривала с Розой почти целый час. Эпидемиолог разрывалась между отчаянным желанием поделиться информацией и мыслями со всеми заинтересованными лицами и своей глубоко укоренившейся скрытностью, нежеланием разглашать факты еще не закончившегося расследования. В конце концов они ни о чем не договорились, за исключением того, что Роза придет на совещание и изложит те данные и соображения, которые сочтет нужным. Не больше того.

– Во-первых, я должна кое-что подчеркнуть в сообщении доктора Снайдера, – начала Роза. – Твердо установлена связь, будь она важная или нет, между тремя случаями ВСК и приемом предродовых дополнительных трав Сары. Однако я должна добавить, что результаты моей лабораторной работы и исследований не показывают прямой связи между ВСК и приемом каких-либо трав. Определенная аллергия к одному из компонентов и, возможно, заражение токсическим веществом – это вполне можно предположить. Но я серьезно сомневаюсь в возможности даже этих двух вариантов. Как здесь уже отмечалось, если бы в другой клинике обнаружилась пациентка с ВСК в период предродовых схваток, это фактически сняло бы с доктора Болдуин любую ответственность.

– Что вы думаете об этом продукте из трав для похудения? – спросил Пэрис.

– Я надеялась, что вы сможете нам помочь в этом, мистер Пэрис, – сказала Роза. – Что вы знаете о Прамоде Синге?

– Не очень много. Шесть лет назад, когда я приехал в МЦБ, то принял решение пригласить на работу ряд специалистов в области холистической медицины. Мне хотелось, чтобы в МЦБ была какая-то изюминка по сравнению с другими больницами, что-то такое, что привлекло бы к нам пациентов. Прамод Синг – один из авторитетов среди аюрведических врачей, узнал о наших планах и связался со

мной. Я взял его в штат, и он проработал в нашем отделении помощи на дому почти два года. А потом взял и ушел. Без предупреждения. Не написал даже объяснительной записки, оставил просто клочок бумажки с двумя фразами. И все эти годы я ничего не слышал о нем, пока не увидел в этих дурацких программах.

Первоначально я надеялся, что Синг сможет присоединиться к нашему расширенному холистическому отделению в больнице. Но до получения безвозмездной ссуды от фонда МакГрафа наше финансовое положение было очень стесненное. Я ничего не мог гарантировать. Кстати говоря, поскольку мы уж затронули этот вопрос, я приглашаю вас всех в качестве гостей на церемонию сноса здания «Чилтон» в конце месяца. Мы начинаем осуществление самого крупного строительного проекта в истории МЦБ и по этому случаю организуем прием с шампанским. Надеюсь также, что вы примете участие в лотерее, купите билеты и, может быть, кому-то из вас повезет и именно он нажмет кнопку. Такая возможность представляется только раз в жизни, уверен в этом.

– Не известно ли кому из вас о том, что доктор Синг уже пользовал пациентов этим порошком для похудения, когда работал в МЦБ? – задала Роза совершенно конкретный вопрос, проигнорировав воодушевленную речь Пэриса. – Не мешало бы это разузнать.

– Вы действительно думаете, что это снадобье и случаи ВСК друг с другом связаны? – спросил Снайдер.

– Хочу, чтобы вы не забывали, доктор Снайдер, – отозвалась Роза, – что в своей профессии я имею дело с вероятностями. Чем чаще встречается какая-то связь, тем более вероятна ее неслучайность. Помимо ряда других общих черт, которые я обнаружила в этих трех случаях заболеваний, мы, возможно, можем добавить тот факт, что четыре или пять лет назад доктор Синг уже пользовал пациентов этим порошком. Но, как вы помните, мистер Пэрис только что объяснил, что он намеренно создал уникальное подразделение, в котором могли существовать такие лекарства, как порошок доктора Синга и предродовые дополнительные лекарственные травы Сары. Поэтому в конечном итоге может быть, наиважнейшая общая черта состоит в том, что эти три женщины предпочли обратиться за лечением в Медицинский центр Бостона.

– Бог ты мой, нам только этого не хватало! – воскликнул Пэрис. – Роза, не собираетесь ли вы выступить с этим перед прессой?

Это предположение вызвало у Розы улыбку.

– Доктору Болдуин было нелегко затащить меня даже сюда, – ответила она. – Я не склонна доверять более широкой аудитории результаты своих исследований, во всяком случае в данный момент.

– Очень хорошо, – подытожил обсуждение Мэт. – Если других дел нет, на этом мы закончим, а я продолжу подготовку нашего первого наступления. Арнольд, Эттин-гер будет давать показания в конторе Мэллона в одиннадцать часов. Вы приглашаетесь.

– Может быть, и приду, – отозвался адвокат.

– Покажите им, где раки зимуют, Даниелс, – произнес Пэрис.

Один за другим сотрудники МЦБ удалились, на месте остались лишь Мэт, Сара и Роза.

– Мэт, мне показалось, что совещание прошло удачно, – предположила Сара.

– Какое там. Мы совершенно не продвинулись, и вы это знаете. – Он подошел к окну, сжав кулаки от разочарования. – Часть больничных записей пропала. Китайских тонгов подкупили, чтобы подставить вас и беспомощного старика. Какой-то нервный, заикающийся мужичишко следит за вами. Кто-то где-то знает, что на самом деле здесь происходит. И меня просто бесит, что я не могу докопаться до истины.

– Возможно, я смогу немного помочь вам, – тихо произнесла Роза.

– Как именно? – спросил Мэт, прекращая хождение.

– Я знаю кое-что еще и решила поделиться этим только с вами, и ни с кем больше, во всяком случае в данный момент. Пусть это будет нашей тайной. Пока.

Мэт взглянул на Сару.

– Даем вам слово, – заверил он.

– Ладно. У Лизы Грейсон был какой-то вид вируса ДНК в крови в момент кризиса. Мой лаборант пока что точно не знает, какой именно тип, но он знает, что это не обычный вирус. И просит дополнительно сыворотку крови Лизы.

– Даже если у нее теперь нет симптомов болезни ВСК? – спросила Сара.

– Он согласен на любые образцы крови. Если не удастся ничего вырастить, то он поищет антитела с тем, чтобы попытаться опознать этот вид вируса. Он большой мастер своего дела. Один из лучших. Но боюсь, мы не сможем связаться с Лизой, не ставя в известность ее адвоката.

– В таком случае, может быть, спросить его об этом, перед тем как мы приступим к расспросам Эттингера? – предложил Мэт.

– Это очень важно, – подчеркнула Роза. – Не, думаю, что порошок из трав для похудения или витамин С Сары являются единственной причиной того, что произошло. Они могут тоже что-то значить, но, скорее, это какая-то инфекция. У меня страшное, ужасное предчувствие, что если мы в ближайшее время не выясним, в чем дело, то могут погибнуть и другие женщины.

* * *

В пятидесяти милях к западу Аннали Эттингер лежала на своей кровати под балдахином в объятиях своего жениха Тейлора.

– Тей, – сказала она. – Это опять случилось. Здесь, прямо вот здесь. Могу побожиться, что у меня начинаются какие-то схватки.

Глава 29

11 октября

Никаких вводных любезностей, никакого пожатия рук. Как только представители спорящих сторон пришли и расселись за массивным столом заседаний в библиотеке юридической фирмы Джереми Мэллона, как только стенографистка подготовила свою машинку и расслабила пальчики, сразу же началось само сражение. «Насколько мерзкой может стать вся эта сцена, – думала Сара, – когда не присутствует судья».

– Назовите, пожалуйста, свое имя и фамилию, – попросил Мэт, назвав время, дату, место проведения, присутствующих и цель заседания.

– Питер Дэвид Эттингер.

– Род занятий?

– Антрополог и целитель.

– Образование?

– Степень бакалавра колледжа Рид и магистра Мичиганского университета, обе степени по антропологии, обе с отличиями.

– В рекламных материалах по телевидению, когда вы пропагандируете свой продукт для похудения, вас часто называют «доктор». Есть ли у вас такая степень?

– У меня почетное звание доктора науки о лечебных травах Холбрукского колледжа по костоправству, а также ряд других почетных докторских званий.

– Есть ли у вас степень доктора наук?

– Нет.

– Доктора медицины?

– Конечно, нет.

– Чем вы в настоящее время занимаетесь?

– Исполнительный директор общины холистического здоровья «Ксанаду» и президент корпорации «Ксанаду».

– Чем именно занимается эта корпорация «Ксанаду»?

– Мы готовим и распространяем порошок из трав по системе аюрведического похудения.

Мэт объяснил Саре, что ключом к успешному проведению дачи показаний под присягой является то же, что и при перекрестном допросе в зале суда, – задавать только те вопросы, на которые вы уже знаете ответы. Но ему пришлось добавить с сожалением, что на наиболее существенные вопросы, которые он сегодня собирается задать Эттингеру, ответов они не знали.

Сара смотрела на свои руки, которые она напряженно сжала и положила перед собой на столе. Она надеялась, что Питер не поймет, как она взволнована. Когда она возвратилась в Бостон, то фактически вынашивала надежду восстановить какие-либо профессиональные или дружеские отношения с этим человеком. А теперь ей было даже смотреть на него неприятно. Она не причинила ему зла, если не считать, что продолжила свой жизненный путь без него. Никакого общественного порицания, никаких мерзких писем, никаких разоблачительных статей, никаких требований средств на содержание. А он взялся помогать раскручивать против нее судебное дело, которое может погубить ее профессиональную карьеру и даже отправить в тюрьму.

– Вы сказали, что являетесь целителем, мистер Эттингер... ах, простите, вы предпочитаете, чтобы к вам обращались «мистер» или «доктор»?

– Все равно. «Мистер» вполне сойдет.

– Не дергайте этого человека, коллега, – предупредил ровным голосом Джереми Мэллон. – Ни по смыслу, ни по форме. Вы слишком много себе позволяете, и эти свидетельские показания могут закончиться быстрее, чем вы ожидаете.

– Мистер Мэллон, прошу мне не угрожать, – отпарировал Мэт. Саре показалось, что он нарочито растягивает слова, подчеркивая свое миссисипское произношение. – Вы оседлали клячу этого дела несколько месяцев назад в магазине больного старика. Теперь вы сами и орава ваших экспертов должны быть готовыми кататься на этом одре.

В углу зала стенографистка бесстрастно нашептывала в микрофон магнитофона обмен колкостями и одновременно печатала на машинке. Арнольд Хайден, который сидел с правой стороны от Мэта одобрительно кивнул, давая понять, что отповедь Мэта была уместной и необходимой. Партнер Мэллона, сидевший напротив Хайдена, в ответ на это что-то прошептал Мэллону на ухо. Сара украдкой

взглянула на Питера, но увидела только бесстрастную маску. Все это было бы для нее невероятно занимательным, если бы речь не шла о ее профессиональном реноме и ее заработках.

Утро началось с пререкательства на целый час раньше самой дачи свидетельских показаний. Мэллон наотрез отказался разрешить своей клиентке Лизе Грейсон сдать на анализ кровь и запретил даже связываться с ней, будь это Мэт, Сара, Роза Суарес или кто-либо другой, без предварительного разрешения со своей стороны. Мэт сохранил хладнокровие и еле удержался от того, чтобы сразу пустить в ход оружие, неизвестное оппонентам: обнаруженная общность между тремя пострадавшими – использование ими средства для похудения по аюрведической системе. Но для Сары было очевидным, что еще до окончания этой встречи удивительная золотая жила Питера подвергнется атаке.

Арнольд Хайден находился с ними с самого утра. Сару приятно удивило, что первоначальное впечатление об этом человеке как о поверхностном казуисте не подтвердилось. Он обладал практической проницательностью и отличной теоретической подготовкой, что весьма пригодились Мэту, и выдержанной манерой поведения – это помогало ей не выходить из себя. Теперь, в момент схватки, его присутствие и внешний вид, казалось, придавали расследованию Мэта вес и убедительность.

Заранее было решено, что Хайден придет на выручку, если каким-то образом проявится необъективность Мэта. Не желая отказываться ни от Сары, ни от ее дела, Мэт попросил его помощи, имея именно это в виду. И хотя он открыто не рассказал Хайдену степени своего увлечения Сарой, она подозревала, что больничный адвокат догадывается об их отношениях.

– Хорошо, мистер Эттингер, – продолжал Мэт. – Вернемся к обсуждаемому вопросу. Скажите, как вы определяете смысл понятия «целитель»?

Почти в течение полутора часов Мэт спрашивал, перефразировал, опять задавал вопросы, предназначенные больше для того, чтобы заполнить время и задать тон, чем добиться каких-то юридических очков. Стратегия, о которой договорились он, Сара и Хайден, заключалась в том, чтобы заставить Питера признать, что метод Сары прописывания и раздачи лекарственных трав фактически не отличался

от его собственного. Если этого удастся добиться, то Питер, по существу, превратится в эксперта, дающего показания в их пользу. Тогда они перейдут к разматыванию связи между Эттингером, аюрведической системой похудения «Ксанаду» и Прамодом Сингом.

– Когда мы доведем до этой стадии, – сказал Мэт, – я просто взмахну вот этим. – Он потряс в воздухе египетским амулетом. – А что, какие могут быть возражения против двух тысяч лет черной магии?

Ровно через полтора часа они устроили перерыв, во время которого Мэллон попросил одну из своих секретарш приготовить кофе.

– Эй, Мэт, – шепнула Сара. – Может быть, вам стоит поменяться чашками с Джереми. Кто знает, что он тебе налил.

– Чепуха, – нараспев протянул Мэт. – Он теперь так же запуган мною, как голодный горный лев пасхальным зайцем в мультфильмах. Не в его интересах выкинуть меня из этого спектакля. Он тешится игрой со мной. Но сейчас я как следует возьмусь за Питера Эттингера, его эксперта. Насколько эффективны будут мои вопросы, пойдем по частоте его возражений. Арнольд, у вас есть какие-нибудь предложения?

– Пожалуй, нет, – отозвался Хайден. – Но думаю, подошло время повесить кое-что на этого доктора Синга. Пока что ваше ведение допроса производит на меня хорошее впечатление.

– Спасибо. Вы очень любезны... особенно если учесть, что вреда им я пока что никакого не причинил.

– Отвлекающие удары по туловищу, я бы так назвал вашу тактику, – одобрительно отозвался опытный адвокат. – Как правило, на них никто особенного внимания не обращает, но они готовят почву для основных ударов, по голове. У вас все идет отлично. – Он подбадривающе похлопал Мэта по плечу, когда заседание возобновилось.

– Хорошо, мистер Эттингер, – снова начал Мэт. – Я хотел бы некоторое время уделить этой вашей аюрведической системе похудения с помощью трав.

– Почему? – спросил Мэллон.

– Вы сами пригласили этого человека в качестве эксперта, – ответил Мэт. – Я лишь пытаюсь документально подтвердить его

квалификацию.

– Питер, я нечетко представляю себе, какие вопросы тут уместны. Если на какие-то вопросы вы не желаете отвечать, то не вижу причин, которые помешали бы вам поступить именно так.

– Экспромтом могу указать по крайней мере на два обстоятельства, мистер Эттингер, – произнес Мэт уверенным тоном. – Прежде всего, если вы откажетесь отвечать, то обещаю, что сегодня же обращусь к судье и добьюсь его решения заставить вас отвечать. И во-вторых... – Он взглянул сначала на Сару, потом на Мэллона перед тем, как намеренно остановить свой взгляд на Питере. – И во-вторых, у меня есть основания считать – да что там, у меня имеются доказательства, – что Лиза Грейсон не только принимала лекарства из трав Сары Болдуин перед ее неудачными родами, но также и ваш продукт из трав для похудения!

– Но...

– Я сказал, доказательства.

– Подождите! – бросил Мэллон. – Питер, не торопитесь с ответом. На такую приманку я не клюну. Но поскольку ваши утверждения являются для меня новостью, я хочу переговорить с мистером Эттингером наедине, прежде чем мы продолжим показания.

– Сколько угодно, – отозвался Мэт.

Арнольд Хайден отвернулся от Мэллона и незаметно поднес кулак к своей челюсти. Мэт прекрасно выбрал время. Его первый удар в голову попал в точку.

Сара наблюдала, как ее бывший любовник распрямил свой стройный стан в шесть с половиной футов. Он взглянул на нее, выражение лица подавленное и злое. Показалось на мгновение, что он сделает сейчас непристойный жест.

«Век живи, век учись», – беззвучно произнесла она, лишь пошевелив губами.

Она была рада, что не поняла его мысленного ответа.

– О'кей, – произнес Мэллон после их возвращения. – Я не только не возражаю, чтобы мистер Эттингер ответил на этот вопрос, но и советую ему это сделать. Манеры его вновь стали самоуверенными, даже слишком.

Сара изо всех сил старалась понять – почему.

– Мистер Эттингер, при каких обстоятельствах вы встретились с Прамодом Сингом? – задал свой очередной вопрос Мэт.

– Мы вместе провели ряд семинаров несколько лет назад, когда он работал в штате Медицинского центра Бостона. Он рассказал мне о древних аюрведических правилах диеты и о травах, которыми пользуются его пациенты, стремящиеся сбросить вес, с поразительным успехом.

– Была ли среди пациентов Лиза Саммер?

– Не знаю.

– А Констанция Идальго?

– Не...

– Стоп, Питер! – обрезал Мэллон. – Мистер Даниелс, придерживайтесь обсуждаемого вопроса.

– Мистер Эттингер, собирался ли Прамод Синг продавать свой продукт всем гражданам подряд?

– Собирался.

– С вами в качестве рекламного агента – подставного лица?

– Среди других обязанностей были и эти.

– И вы, два предпринимателя от аюрведики, пришли к какой-то договоренности?

– Возражаю против враждебной направленности вопроса, – вмешался Мэллон. – Не отвечайте на него, Питер.

– Мистер Эттингер, из чего состоит ваш продукт?

– Из целого ряда трав, растений и корней. Более конкретно из двенадцати. Доктор Синг получает компоненты в Индии и местах Дальнего Востока и пересылает их мне. Мы создали цех, где природные вещества смешиваются с порошком протеина и возникает комбинация сбалансированной питательной замены, которая подавляет также аппетит.

– Но состав вашего продукта не проходил научную проверку, так ведь?

Эттингер метнул взгляд на Джереми Мэллона. Потом опять повернулся к Мэту с самоуверенной улыбкой на лице.

– Между прочим, – торжествуя заметил он, – в отличие от лекарств доктора Болдуин, мы прошли полную научную проверку в федеральном агентстве по лекарственным препаратам и получили одобрение. Я потребовал всего этого еще до того, как мы начали

использовать название «Ксанаду», и мы периодически повторяем эти проверки.

Еще один удар по голове. Но на этот раз со стороны истца. Мэт начал копаться в своих записях. Сара чувствовала, как он старается сохранить самообладание, внимательно подбирая следующий вопрос.

– Этот цех по упаковке, – наконец спросил он, – находится на территории общины «Ксанаду»?

– Да.

– Рассылка тоже идет оттуда?

– Из другого помещения, но с той же территории. Рассылка тоже идет из общины «Ксанаду».

– Мистер Эттингер, как много денег вы вдвоем гребете на этом порошке?

– Возражаю! – крикнул Мэллон. – Питер, не отвечайте. Мистер Даниелс, форма и содержание этого вопроса оскорбительны и далеки от содержания нашего дела. Это ваш второй процесс по преступной небрежности в медицинской практике, мистер Даниелс, и я закрываю глаза на некоторую вашу некомпетентность в этой области, не говоря уже о недоброжелательном подтексте. Но существуют границы...

Щеки Мэта вспыхнули. Под столом Сара успокаивающе гладила его по ноге.

– Легче, легче, – шепнула она.

Мэт взял себя в руки, глубоко вздохнув.

– Мистер Эттингер, расскажите кратко о том, как построена работа в вашем цехе.

– Все довольно просто, – сказал Эттингер, как будто объяснял что-то элементарное третьекласснику. – К нам поступают растения и корни, мы их тщательно моем, проверяем, стерилизуем жарой или лучами, потом их дробят или мелют, сортируют, смешивают в пропорциях, соответствующих древним аюрведическим нормам, которыми мы пользуемся, и добавляют готовый коммерческий протеин. И наконец, эта смесь опять стерилизуется и пакуется.

– И потом просто рассылается?

– Мы рассылаем готовые пакеты, которые включают четырехмесячный запас порошка, руководство по аюрведу, описание аюрведических диетических принципов и запас витаминов.

– Витаминов?

Мэт заметно дернул головой, услышав это слово.

– Да.

– Витамины лекарственных трав? Так же, как это делает доктор Болдуин?

Питер опять самодовольно улыбнулся.

– Не совсем. – Он старался говорить как можно более едко. – Дополнительные лекарственные травы доктора Болдуин, видите ли, это лекарства доктора Болдуин. У нас же – это чистые витамины – стандартные, утвержденные федеральным агентством мультивитамины, которые изготавливаются для нас фирмой «Фармацевтика Гурона».

Настойчивость Мэта ослабела.

– Пилюли? – спросил он.

– Скорее, это – желатиновые капсулы. По одной добавляется в ежедневную порцию трав для похудения.

Джереми Мэллон незаметно зевнул.

– Прошу вас, мистер Даниелс, – обратился он к нему. – Ваши разведывательные вопросы исчерпали себя, и вы это знаете. Мистер Эттингер оказался значительно более терпеливым, чем того требовала обстановка. Несомненно, более терпимым, чем оказался бы я на его месте.

– Мистер Эттингер, вы и доктор Синг – партнеры? – спросил Мэт, не обращая внимания на слова Мэллона.

– Да, партнеры.

– Как можно связаться с этим человеком, с этим вашим аюрведическим партнером по лечебным травам?

– Довольно! – рявкнул Мэллон.

– Да ничего, – ответил Эттингер. – Дело в том, что Прамод большую часть своего времени проводит теперь в Индии, И чаще всего находится в пути. Я связываюсь с ним через американское учреждение «Экспресс» в Нью-Дели. Если вам нужен его адрес, буду рад передать вам его через моего секретаря.

– А теперь хватит, – заявил Мэллон. – Задавайте другие вопросы, или прекращаем заседание.

– В общем-то у меня все. Но мне надо кое-что сказать вам обоим. Как говорится, не для протокола.

– Эвелин, мы закончили. Спасибо. – Мэллон начал шептаться со своим партнером, пока стенографистка не вышла из комнаты. – О'кей, слушаем вас, – сказал он после этого.

– Всем хорошо известно, что кроме Лизы Грейсон заболели ВСК еще две женщины.

– И что?

– Ранее я довел до вашего сведения, что несколько лет назад Лизу Грейсон лечил доктор Синг, используя, как я предполагаю, аюрведические травы для похудения. Так вот, у нас имеются доказательства, что в двух других случаях ВСК, пациентки также сильно похудели.

– Что вы сказали? – воскликнул Эттингер.

Заранее предчувствуя, что скажет Мэт, Сара все свое внимание сосредоточила на мужчине, который сидел за столом напротив нее. Его удивление выглядело искренним. Однако она напомнила себе о том, что не раз раньше неправильно прочитывала мысли Питера Эттингера.

– Успокойтесь, Питер, – заявил Мэллон. – Этот человек все утро проигрывал нам. Это блеф, чтобы сбить нас с толку.

– Это не блеф, – заметила Сара.

– Нам нужны подтверждения, доказательства, – вызывающе заметил Мэллон.

– А нам нужны образцы крови Лизы Грейсон, – сердито парировала Сара.

– Все, показания закончены, – заявил Мэллон.

Он бросил бумаги в свой атташе-кейс, чуть ли не за руку вытащил Питера Эттингера из-за стола и увлек его к двери.

– Это ведь не игрушки, – бросил им вдогонку Мэт. – Речь идет о жизнях людей. Вас это не беспокоит?

– Идите вы к такой-то матери, – огрызнулся Мэллон.

– Питер, – решила обратиться к нему Сара. – Это очень важно. Аннали тоже принимала ваш порошок.

– Но она не принимала ваших липовых лекарств из трав. Держитесь от нее подальше, и у нее все будет в ажуре.

Его язвительный сарказм чуть не спровоцировал ее броситься на него.

Но она сдержалась и мелодично позвала:

– Питер?

- Да.
- Не диктуйте, что мне надо делать.

Глава 30

17 октября

Осень на Лонг-Айленде все еще не потеряла своей истинной прелести. Одетая в голубой спортивный костюм, Лиза Грейсон бежала по все еще зеленому туннелю, шурша опавшими листьями по дороге длиной в целую милю, которая поднималась на холм, потом, засыпанная гравием, выравнивалась и вела к Стони-Хилл. Она вспотела, но не очень сильно. Особенно если учесть, что, когда она подбежит к дому, это уже будет половинный путь марафона, впервые в жизни. «Фантастика! – подумала она. – Тринадцать миль пробежала женщина, для которой совсем недавно поход до ближайшего магазина был пределом физических возможностей».

– Очень даже много... Очень даже много.

Она напевала эти слова в колыбельном ритме, синхронно с размеренными толчками бега. Массовый забег проводился в Бостоне в середине апреля, она вполне еще может подготовиться к нему. Ее физиотерапевт знал организаторов этого забега. Если Лиза сможет покрыть двадцать шесть миль с хвостиком примерно за полтора часа, то Джуди позаботится о том, чтобы обойтись без формальностей при включении ее в число участников.

– Посмотрим, как она побежит... Посмотрим, как она бежит...

Капли пота попали ей в глаза. Слегка замедлив бег, Лиза сунула правую руку в карман спортивной куртки.

«Кулак, – напряженно подумала она. – Кулак».

Биоэлектронная рука системы Отто Бока оказалась просто невероятной, но не имела сенсорных датчиков. Лиза полагалась на другие сигналы, чтобы знать, правильно ли функционирует ее протез. Сначала она чувствовала теперь уже знакомое ощущение напряжения вокруг локтя. Там, в сгибающиеся мышцы были вжаты электроды. Потом она ощущала твердость сжавшегося кулака со стороны кармана, на бедре.

– Давай же, поддельная рука, – вымолвила она, тяжело выдыхая в такт бега. – Делай свое дело.

Она вынула руку из кармана и, не глядя, почувствовала, что, похожие на живые, протезные пальцы сжимали ее скомканный носовой платок.

– Еще надо потренироваться, рука, – выговорила она, вытирая лоб и не прекращая пробежки. – Еще надо подучиться.

За два месяца после установки протеза, она добилась замечательных успехов. Физиотерапевт и протезист заверили ее, что со временем она сможет стряхивать пепел с сигареты в нужное место, не рассыпая его. Она сможет также брать этой рукой предмет, и пусть кто-нибудь посмеет – хоть кто-нибудь – вырвать его у нее. Бионическая женщина! Конечно, существуют границы. Она остановила свой выбор на менее заметной «косметической» коже в противовес более эффективным и более легким в пользовании металлическим щипцам. Однако в целом ее искусственная рука далеко превзошла ее ожидания. Необходимость сконцентрировать свое внимание на том, как научиться ею пользоваться, очень помогла преодолеть подавленное состояние.

Она все еще ужасно горевала о своем неродившемся младенце и по многу раз в день возвращалась к мысли о том, какой бы стала ее жизнь вместе с ним. Но она сознавала также, что все пережитое ею – теперь дело прошлого. Оценивая произошедшую трагедию, стараясь превозмочь боль и страдания, она становилась более умудренной, живя в местах, которые не изменились с тех пор, как она убежала из дома.

И потом, конечно, ее отец. За те месяцы, что прошли после ее возвращения в Стони-Хилл, Уиллис Грейсон изменился еще больше, чем она сама. Он стал мягче, терпимее и почти всегда готов был выслушать ее. И он лез из кожи вон, чтобы побольше побыть с ней. Лиза никогда не верила, что он способен измениться, но это случилось.

Она миновала узкий мостик перед въездом на длинный, покрытый гравием подъездной путь к дому. Ворота, охраняемые видеокамерами, были закрыты, но небольшая калитка рядом с ними открыта. До дома осталось четыре десятых мили. Мышцы ног начали уставать, но она добежит до места. Она знала, что сумеет это сделать.

– Мисс Грейсон, – окликнул ее откуда-то сзади мужской голос.

Лиза остановилась и повернулась, продолжая бег на месте. Из-за дерева вышел молодой человек в серой форме и шляпе. В руке он держал конверт федеральной почтовой службы «Экспресс».

– Встретимся у дома, – выдохнула она, не приближаясь к нему и гадая, где же остановился его грузовичок. – Хочу закончить пробежку.

– Не могу, – торопливо отозвался он. – Мне заплатили за то, чтобы я вручил вот это вам лично. Я уже третий день подкарауливаю вас. Патрульные охранники вашего отца отделают меня, если снова поймают, и с минуты на минуту они опять покажутся здесь. Надо поторопиться.

Удивленная, Лиза взглянула на свои часы, взвесила за и против и потом полностью остановилась.

– Хорошо, в чем дело? – спросила она. Между нею и молодым человеком все еще оставалось не меньше двадцати ярдов.

– Не знаю. Мне заплатили, чтобы я нашел способ передать это вам. Вот и все. Пожалуйста. Я слышу звук приближающейся машины.

– Кладите конверт на землю, где стоите, – велела она. – И уходите.

Молодой человек заколебался, затем опустил конверт в траву возле дороги.

– Не отдавайте его им, – крикнул он. Затем повернулся и бегом пустился прочь.

В тишине раннего утра Лиза действительно услышала, как от дома приближается машина. Она схватила конверт и бросилась вниз с холма, пока не нашла укромное место, сплошь заросшее кустарником. Тяжело дыша, она наблюдала из своего тайника, как два нанятые ее отцом охранника медленно проехали мимо. Когда затихли звуки мотора, она уже достаточно оправилась и оторвала край конверта федеральной почтовой службы «Экспресс». Внутри был вложен простой белый конверт, на котором мелким аккуратным почерком было написано имя Лизы. А в самом внутреннем конверте лежал машинописный листок.

"Дорогая Лиза,

человек, который передаст вам это, не работает в федеральной службе «Экспресс». Я наняла его в надежде, что он найдет способ передать вам это письмо. Меня зовут Роза Суарес. Может быть, вы меня помните. Я – эпидемиолог, которого назначил Центр по борьбе с болезнями для расследования трех случаев болезни ВСК в Медицинском центре Бостона. Мне нужна ваша помощь, но я не смогла связаться с вами ни по телефону, ни по почте. Несколько раз я оставляла для вас послания по вашему старому номеру телефона, а потом выяснила,

что ваш номер телефона изменился, но новый номер неизвестен – во всяком случае, мне его не дали. Мне сообщили, что вам были доставлены два моих заказных письма. Может быть, вы их и получили, но меня одолевают сомнения. Думаю, что ни ваш адвокат, ни ваш отец не хотят выслушать меня... не хотят, чтобы я обратилась к вам с просьбой..."

– Мистер Даниелс?

– Да.

– Здравствуйте, я – Роджер Фелпс. Рад, что застал вас. «А я нет», – подумал Мэт. Инспектор по искам в ОВМЗ, возможно, приложил руку к тому, чтобы именно Даниелсу было поручено вести дело Сары, но было что-то такое в этом маленьком человечке... что-то в его речи, а возможно и в глазах, от чего Мэту становилось не по себе.

– Здравствуйте, мистер Фелпс. Чем могу служить?

Письменный стол Мэта был завален подшивками документов, томами юридических справочников, копиями историй болезни из больницы. В ближайшие две недели он будет брать показания под присягой у двух свидетелей – экспертов Мэллона и у самой Лизы Грейсон. От имени истицы Мэллон навалился на Сару и на Квонга Тян-Вена. Напряженный финал в день показаний Питера Эттингера так и повис в воздухе. Ни намека. Мэт в душе надеялся, что его противник по крайней мере предложит притормозить это дело, пока обвинения в адрес порошка для похудения не будут оценены. Ничего подобного. Было похоже, что, независимо от характера вскрытых фактов, Мэллон оставался невозмутимым.

– Мистер Даниелс, – начал Фелпс, – во-первых, хочу поблагодарить вас за то, что вы держите меня в курсе событий по делу Болдуин. Это значительно облегчило нашу задачу – правильно оценить обстановку, и мы приняли решение, как поступать дальше.

– Решение?

– Да, мистер Даниелс. Тщательно взвесив все аспекты и перспективы этого дела, мы решили пойти на урегулирование.

– Что?

– Вы проделали отличную работу, и могу вас заверить, что в будущем вас будут приглашать много...

– Мистер Фелпс, простите, но мне непонятно.

– Что же вам непонятно, мистер Даниелс? Мы прикинули расходы, связанные с продолжением этого разбирательства, с потенциальным размером вознаграждения присяжным заседателям и возможностью проигрыша этого дела, и решили попытаться предложить мировую. Когда довели до сведения Мэллона примерную цифру взаимных расчетов, он согласился от имени своего клиента. Конечно, урегулирование не будет включать признание вины доктора Болдуин.

Мэт в полнейшем недоумении уставился на своего собеседника.

– Мистер Фелпс, – произнес он как можно более спокойно. – Сару Болдуин невозможно осудить за преступную медицинскую небрежность. Многое выявилось... очень важные вещи. Мы выиграем это дело.

– Ах, эта китайская история о тонгах. Простите, мистер Даниелс, но это мы тоже обсудили. Пока что перед присяжными могут выступить этот несчастный старик и...

– Сколько вы предлагаете в качестве мировой сделки?

– Мистер Даниелс, совершенно ни к чему так раздражаться.

– И все же?

– Двести тысяч.

– И Уиллис Грейсон согласился на это?

– Вероятно.

– Мистер Фелпс. Для Уиллиса Грейсона – это мелочь, которую он держит у себя в коробочке для конфет. Он хотел упрятать доктора Болдуин за решетку. Ему нужна была ее шкура, понятно? Почему же, черт побери, он соглашается на мировую, если считает, что он прав?

– Мистер Даниелс, пожалуйста, оставим это. Я зашел к вам не для того, чтобы затеять спор. Решение уже принято.

– А две другие женщины? Что будет, когда их родственники пронюхают об этом?

– Мы займемся этим в свое время. А теперь, если у вас других вопросов нет...

– Доктор Болдуин может отказаться прекратить это дело.

– Тогда она сама будет оплачивать все судебные расходы и любое вознаграждение для присяжных. Зачем ей это?

– Затем, что она невиновна, вот зачем, проклятье.

– Мистер Даниелс, мне известны ваши отношения с доктором Болдуин. Если вы уговорите ее продолжать это дело и получите за работу хоть какую-либо оплату, то я расценю это как серьезное нарушение этики.

– Что вы знаете о правовой этике?

– Я адвокат и член ассоциации юристов, сэр. Вот так. А теперь полагаю, что внятно изложил нашу позицию. Что касается Организации взаимной медицинской защиты, то это дело прекращено.

* * *

За двадцать три года своей работы государственным эпидемиологом Роза встречалась с министрами, губернаторами и двумя вице-президентами. Она не склонила голову перед боссом, который хотел распять ее, и смело смотрела в дуло подкомитета конгресса по расследованию ее обвинений по адресу БАРТ. Но никогда ее не запугивали так сильно, никогда она так тщательно не взвешивала свои слова, как в сегодняшнем разговоре с Уиллисом Грейсоном.

Вертолет его корпорации забрал Розу на крыше хирургического корпуса Медицинского центра Бостона, потом сделал широкий круг над сверкающим центром города и взял курс на Лонг-Айленд. Машина была шикарно оборудована и совсем не такая шумная, как казалось раньше Розе. Пилота и второго мужчину отделяла от кабины стеклянная панель, которая в случае необходимости плавно отодвигалась на колесиках и которая фактически обеспечивала звукоизоляцию. Помимо Розы в обитой плюшем кабине находился всего один пассажир – Грейсон. Его холодная манера поведения и постоянно злобный взгляд совершенно ясно говорили о том, что не ему принадлежит идея полета из Бостона в Нью-Йорк и обратно просто для того, чтобы взять анализ крови у ее дочери. Он кивнул ей в порядке приветствия, когда его человек помогал Розе подняться, а потом знаком предложил ей пристегнуть ремень безопасности. Но они пролетали уже над Провиденс, когда он, собственно, заговорил с ней.

– Не понимаю, почему вы настояли, чтобы самой взять у Лизы кровь, когда у нас достаточно людей, которые вполне бы могли это сделать, – заметил он после обмена общими фразами.

– Я узнала на собственном опыте, что в критических ситуациях ничего нельзя передоверять другим, целиком положиться можно только на себя.

В улыбке Грейсона отразилась ирония.

– Такой подход выделяет вас среди девяносто процентов моего руководящего персонала. Похоже, вы чувствуете себя не очень уютно. Вы боитесь полета?

– Нет.

– Боитесь меня?

Она пожала плечами.

– Вы очень богатый и очень могущественный человек, но почему я должна вас бояться.

– Я не люблю, когда мне приказывают, миссис Суарес: А теперь, из-за вашего письма и из-за трюка с подставным посыльным федеральной службы «Экспресс», моя дочь отдает мне приказы, как настоящий боевой генерал. У меня нет выбора, я должен выполнять ее просьбы, чтобы не потерять ее снова.

– Мистер Грейсон, меня вынудили к этому ваши поступки. Вы расписались в получении заказных писем для Лизы. Вы поменяли номер телефона, чтобы я не смогла с ней связаться.

– Так, но теперь я вам дал свой новый номер телефона и обещал сотрудничать с вами в любой желательной для вас форме.

– Уверена, что Лиза оценит значение этих ваших поступков.

– Надеюсь на это. У вас есть дети, миссис Суарес?

– Три дочери.

– Если бы кто-то причинил боль одной из ваших девочек, вы бы наказали этого человека, если бы смогли, не правда ли?

– Я бы сделала все, что могла, законным путем, чтобы такие люди были должным образом наказаны, если вы имеете в виду это.

– Иногда я прибегаю к более прямым методам, – продолжал Грейсон. – Сегодня мне позвонил мой адвокат и посоветовал, чтобы я согласился с предложением страховой компании полюбовно урегулировать этот иск против доктора Болдуин без вынесения суждения о виновности. В свете открывшихся фактов, связанных с Лизой и этим средством для похудения, мой адвокат счел, что мы, возможно, не сможем убедить присяжных в виновности доктора

Болдуин. Однако я продолжаю оставаться убежденным, что она виновна в увечье моей дочери и в смерти моего внука.

– Конечно, вы вправе оставаться при своем мнении, сэр.

– Моя дочь не убеждена в этом в такой же степени, как я.

– Основываясь на том, что нам стало известно, не думаю, что у нее может появиться такая уверенность... между прочим, не должно ее быть и у вас.

– Миссис Суарес, что же конкретно вы узнали?

Теперь наступила очередь Розы улыбаться. Она посмотрела на огоньки, которые проплывали под ними, двумя тысячами футов ниже.

– Мистер Грейсон, – ответила она. – Я узнала из своего горького опыта, что неумно обсуждать результаты незавершенного расследования с кем бы то ни было, если в этом нет крайней необходимости.

– Ах, да, ваше поражение в Сан-Франциско.

Роза повернулась и посмотрела ему в лицо.

– Вы, сэр, именно такого рода человек, от которого, я поняла, надо защищаться. Мне не нравится, когда меня «прощупывают», мистер Грейсон. Даже сам факт, что вы это делаете, мог уже поставить под удар мою работу.

– Уверяю вас, мои сотрудники поднаторели в том, чтобы не разглашать полученные сведения. У них накоплен большой опыт.

– Уверена, что это так. Тем более должны понять, что продолжать этот разговор бессмысленно.

– Мне известно одно – шеф вашего управления явно расстроится, когда узнает, что вы чудом поправились после болезни позвоночника и не потрудились сообщить ему об этом.

Роза гневно посмотрела на него.

– Мистер Грейсон, – произнесла она. – Вижу, что ваша репутация вполне подтверждается. Ну что же, сэр, если вы хотите обрушить всю мощь своей огромной корпоративной империи на голову старой женщины шестидесяти двух лет, валяйте. Можете не сомневаться, что *вам* удастся причинить мне те неприятности, которые еще не успели причинить другие. Но запомните, что и я смогу создать для вас кое-какие проблемы.

Некоторое время Уиллис Грейсон изучающе смотрел на нее. Потом неожиданно грубо расхохотался и потрепал ее по руке.

– Может быть, миссис Суарес, – сказал он, – когда вы завершите это расследование и уйдете в отставку с государственной службы, вы подумаете о том, чтобы поработать у меня?

Глава 31

25 октября

Было уже четверть девятого, когда Сара вывела взятую напрокат машину «аккорд» темно-бордового цвета на выездную полосу и медленно въехала в туннель Уильям Каллаган.

– Овехас, – произнесла Роза, показывая на водителей с мрачными лицами, которые теснились, чтобы влезть со своими машинами в вереницу. – Настоящие овцы.

– Это особенно любопытно, поскольку час пик для машин сейчас на встречном направлении, – подхватила Сара.

Она и Роза направлялись в аэропорт Логан, чтобы встретить Кена Малхолланда. Вирусолог из ЦББ, который исследовал кровь Лизы Грейсон, получил некоторые результаты? Но на него стали давить все больше и больше, чтобы он передавал любую информацию по бостонскому расследованию начальнику Розы Суарес, а ей больше ни в чем не помогал.

– Тут затрагиваются амбиции, – объяснила Роза. – Мой шеф, даже помирая, будет думать, что я испортила ему карьеру. Честно говоря, мне кажется, он предпочел бы, чтобы эта тайна осталась нераскрытой, лишь бы только не мой успех. Кена начальству прижать не так-то легко, но мне бы очень не хотелось, чтобы он попал в переделку. Он кормит жену и двух малышек. Вот почему я убедительно просила его позволить нам проделать здесь как можно больше необходимой работы. Частично он занимался вместе со мной расследованием по проекту БАРТ. Именно его управление подготовило некоторые отчеты о выращивании бактерий, которые потом были подменены. С тех пор он так же мало доверяет политической линии нашего учреждения, как и я. Поэтому он взял отгул, чтобы слетать в Бостон. Он договорился со своим другом относительно компьютерного терминала где-то в Атланте. С помощью модема они подключатся к банку данных и к электронике в его лаборатории. Кен фактически будет работать на компьютерах своего управления, но делать это, находясь от них на большом расстоянии.

– А у нас он просит только свободную комнату с совместимым терминалом системы Ай-Би-Эм?

– И модем.

– В таком случае все в порядке, – сказала Сара. – Гленн выделил нам кабинет в отделе обработки данных.

– Ни о чем не спрашивая?

– Не задавая лишних вопросов. Роза, как вы думаете, тут есть что-то серьезное?

– Я с самого начала считала, что наиболее вероятное объяснение появления случаев ВСК – какая-то инфекция... хотя, конечно, могут быть и другие причины. Сопутствующие. Уверена, что сегодняшний день может оказаться наиболее результативным в нашем расследовании.

Минувшая неделя тоже принесла большие результаты. Она началась с неожиданного решения инспектора по урегулированию исков Роджера Фелпса из Организации взаимной медицинской защиты штата Массачусетс полюбовно решить дело Сары. Потом состоялся полет Розы на Лонг-Айленд, чтобы взять пробу крови у Лизы Грейсон. И наконец, всего один день назад Сара направила Фелпсу письмо, – официально известив его, что она отклоняет предложение ОВМЗ об урегулировании на сумму двести тысяч долларов, в котором не будет сказано о невиновности доктора Сары Болдуин. Она указала также: или обвинение против нее будет полностью снято, или она продолжит судебное разбирательство за свой собственный счет.

Никакой мировой сделки.

Сара съехала с шоссе на выездной путь к аэропорту. Утренняя наволочь на небе стала рассеиваться. День обещал быть великолепным, прогноз предсказывал температуру в районе двадцати градусов. У Сары были дела в клинике, кое-что надо было сделать в библиотеке. Но в планах не было ни одной операции, и она намеревалась как можно больше провести времени с Розой и вирусологом.

– Машина здесь может стоять не больше пяти минут, – сообщила Сара, подъезжая к парадному входу компании «Дельта» на уровне вылетов. – Подожду вас здесь. Не думаю, что ему надо будет ждать получения багажа.

– Думаю, что нет. У него заказан обратный билет в Атланту на рейс без десяти четыре.

Роза быстро вошла в здание аэропорта. Вскоре она вышла из него под руку с веселым, краснощеким парнем выше среднего роста, который рядом с ней смотрелся просто великаном. Из рта у него торчала резная трубка, и он больше походил на бургомистра из какой-нибудь баварской деревушки, чем на ученого. К тому времени, когда они проехали туннель и въехали в город, Сара уже поняла, почему Роза с таким восхищением, граничившим с благоговейным трепетом, рассказывала о подвижничестве Кена Малхолланда.

– В крови вашей дамы находится не так много обнаруженных нами вирусов – судя по несколько гнусавому выговору, Кен был выходцем со Среднего Запада. – Но вирус есть, живет и дергается. Пока что, пока мы не определим, что же это такое, мы называем его «Джордж». Хотя мы могли бы назвать этот вирус с таким же успехом и «Джорджия». Сначала мы получили косвенное свидетельство его присутствия – антивирусное антивещество, которое не соответствовало ни одному из известных нам. Теперь же у нас – снимки этого малыша под электронным микроскопом. Симпатяга. Настоящий дамский угодник. Может относиться к разряду аденовирусов. Сегодня мы займемся завершением химического анализа его ДНК. Но, насколько нам удалось выяснить до сих пор, этот вирус вполне соответствует ряду ДНК, которую мы получили из предыдущего образца крови Лизы Грейсон. Долго ли нам еще ехать до вашей больницы, доктор Болдуин?

– Десять минут. Даже меньше. Послушайте, когда ко мне обращается кто-то, кому я уже очень признательна, то я настаиваю, чтобы он называл меня просто Сара.

– Прекрасно, значит, Сара... и также вы, Роза... пожалуй, за эти десять минут я сумею коротко обрисовать, какие перед нами проблемы и что мы собираемся сегодня сделать. Хорошо, что мы будем работать именно здесь. Честно говоря, мне надоело постоянно оглядываться, отсоединять экран терминала, запрягивать модем под кипой бумаг. Начальник моего управления – и вашего тоже, Роза, – не окажется теперь в трех шагах за спиной, хотя и там он не догадывался, что из нашей лаборатории идет целый поток данных.

– Спасибо, что вы пошли на все эти неудобства, – поблагодарила его Сара.

– Просто меры предосторожности. Эта женщина – настоящий гений. Пора, чтобы об этом знали, кроме меня, и другие. Так вот. Нет никаких сомнений, что у мисс Грейсон имеется какого-то рода вялая вирусная инфекция.

– И этот вирус не рядовой? – спросила Роза.

Малхолланд кивнул.

– Вряд ли он известен. Мы собираемся завершить схематическое отражение структуры ДНК «Джорджа», как только загрузим и подсоединим ваши компьютеры. Но даже уже сейчас можно сказать, независимо от того что представляет собой этот «Джордж», он не занесен в справочники, которые я проверял. Может быть, он все же является естественным вирусом, о котором мы пока что ничего не знаем. Но скорее, он похож на какое-то творение человека. Если нам повезет, то к обеду мы это определим точно.

– И что тогда? – спросила Сара.

– Ну, предположим, мы закончим расшифровку последовательности кода ДНК и все же у нас останется подозрение, что «Джордж» – это продукт деятельности человека, а не творение Господа, тогда, я думаю, придется обратиться за разъяснениями к Розе. – Вирусолог с уважением кивнул в сторону Розы Суарес. – Речь идет, – продолжил он, – об этих мелких хищных и всегда ненасытных бактериях, которые пожирают нефтяные пятна на воде. Полагаю, когда мы дойдем до этого момента, доктор Роза расскажет многое об этом, потому что в нашем отделе именно она натолкнулась на такое явление. Но прежде нам надо получить более четкую биохимическую картину «Джорджа».

Сара подъехала к охраняемым воротам городка МЦБ.

– Мы заехали, чтобы забросить кое-какие вещи, Джо, – солгала Сара охраннику. – Уедем через час или раньше.

Не составляло большого труда найти парковочную площадку внутри огороженной зоны безопасности. Но чтобы проскочить мимо охранников, часто требовалась изворотливость, помноженная на апломб. Сегодня с утра Сара была в ударе. Она быстро нашла пустой квадрат за зданием «Тайер».

– Добро пожаловать в Медицинский центр Бостона, доктор Малхолланд, – поклонилась Сара.

На противоположной стороне больничного городка рабочие ставили ограду вокруг устаревшего, разваливающегося здания «Чилтон».

– Не это ли здание собираются взрывать? – спросила Роза.

– Да, – ответила Сара. В следующую субботу. В бюллетене новостей больницы сказано, что сносом здания занимаются лучшие в мире эксперты. Они утверждают, что за ограду не вылетит ни один кирпич.

– Похоже, это будет интересное зрелище, – заметил Малхолланд.

– Вы себе даже не представляете. Гленн Пэрис, глава больницы, который предоставляет в ваше распоряжение компьютер, фактически руководит предстоящим шоу. Сегодня по его команде устанавливаются трибуны для зрителей. Он также проводит сбор средств, организует лотерею с розыгрышем билета, который дает право нажать кнопку взрыва. Я сама купила пять лотерейных билетов.

– Звучит заманчиво, – сказала Роза; – если я еще не уеду, то, возможно, присоединюсь к вам.

В полдень они приблизились к выявлению искусственной рекомбинации ДНК вируса, который был назван Кеном Малхолландом «Джордж». Если не считать пятиминутного перерыва, чтобы потянуться и сходить в мужской туалет, вирусолог не отрывал взгляда от экрана. Справа от него сидела Роза Суарес, также всецело погруженная в процесс разгадывания загадки. С помощью калькулятора она определяла различные варианты и делала заметки на желтых листах казенного блокнота. Сара, которая порой чувствовала себя пятой спицей в колеснице, приходила и уходила на осмотр пациентов в клинике и урывками кое-что подбирала для статьи, которую она писала. Каждый раз она входила в небольшой кабинет, неся с собой либо чашечки с кофе, либо коку с пирожками... Роза все время любезно отказывалась, а Малхолланд жадно проглатывал, почти не отрывая глаз от экрана и не видя, что он жует или пьет.

Он был моложе Розы лет на двадцать, но было ясно, что оба они просто наслаждались, работая друг с другом. Сара прикинула, что по коэффициенту умственного развития они тянули не меньше чем на триста пунктов. Может быть, больше. Она чувствовала приступ гнева

по адресу тех, кто набрался нахальства и аморальности фальсифицировать результаты их исследований по проекту БАРТ.

– О'кей, – произнес Малхолланд, все еще не отрывая глаз от экрана, – вот – очередная последовательность. А-Т, А-Т, С-Г, А-Т.

А-Т: аденин и тимин. С-Г: ситозин и гуанин. Парные дезоксирибозные базы, которые являются строительными кирпичиками жизни. Еще на курсах медицинского училища Сара познакомилась с элементарной структурой, функциями и размножением ДНК. Но эти двое, которые работали в связке с биохимиком в Атланте, были для Сары по своим познаниям на уровне марсиан. На соединении модема в Атланте работала женщина по имени Молли. С помощью различных ферментов она рассекла ДНК вирус на мелкие сегменты. Характер этих сегментов был установлен, и теперь компьютер выявлял последовательность, чтобы воссоздать сложную, трехмерную двойную спираль ДНК, которая, по существу, и представляла собой вирус. Малхолланд и Роза делали паузу, получив новый набор данных, чтобы нарастить модель, которую они изображали на экране, и сравнить ее с множеством известных вариантов.

Сара наблюдала, как Кен Малхолланд поглощает бутерброд с колбасой и одновременно диктует Розе новую последовательность цепочки фосфатных и дезоксирибозных единиц.

«ВОТ ВСЕ, ЧТО ОНА НАПИСАЛА, КЕН. ВЫ ПОЛУЧИЛИ ТО, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ „ДЖОРДЖ“. НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЮ... УМИРАЮ С ГОЛОДУ. УДАЧИ, МОЛЛИ».

Это послание появилось на экране, а потом мультипликация Гэри Ларсона, которая изображала двух маскаранных ученых, напряженно всматривающихся в свои микроскопы в то время, как на них самих направлены огромные увеличительные линзы. Роза, в свою очередь, села за клавиши, набирая последнюю группу структурной информации и сравнивая ее с данными уже известных вирусов. Через несколько минут она покачала головой.

– Такого нет, – заключила она.

Протерев глаза, Малхолланд повернулся на вращающемся кресле в сторону Сары.

– «Джордж» – это какой-то аденовирус, но с некоторыми добавками, – пояснил он.

– Он – продукт биоинженерии, – добавила Роза. – Не «es de Dios». Не от Бога. Теперь надо ответить на такие вопросы: кем он создан и имеет ли «Джордж» отношение к ВСК?

– Роза, вы можете это объяснить подробнее для Сары?

– Лучше, если это сделаете вы, Кен.

– Вы опять скромничаете, – заметил Малхолланд. – Ладно, речь идет о патентах на новые формы жизни. Был такой микробиолог Ананда Чакрабарти, который работал в компании «Дженерал электрик». В начале семидесятых годов он генетически изменил нарождающуюся естественным путем бактерию «Pseudomonas aeruginosa». Получившийся в результате этого биоинженерный микроб мог поглощать некоторое количество углеводов, содержащихся в неочищенной нефти, разрывая химические связи и практически превращая катастрофические разливы нефти в пищу для рыбы. Потенциально это открытие сулило сотни миллионов: Но служба патентов США отказалась выдать ему патент на открытие этого зверька. В 1980 году Верховный суд США изменил это решение, практически заявив, что нет разницы между созданием усовершенствованной мышеловки и выведением более совершенных мутантов.

– И что это нам теперь дает? – спросила Сара.

– Может быть, ничего, – отозвался Малхолланд. – А может быть, и много. Вот тут-то и выходит на сцену Роза. Теперь, когда, как пробки из воды, повсюду выскакивают биоинженерные компании, появилась опасность появления болезней, порождаемых новыми формами жизни. Это стало вполне возможным. В научно-фантастических романах пишут о болезнях, занесенных с созвездия Андромеды. А на деле нам совсем не надо забираться так далеко, чтобы навлечь на себя несчастья. Поэтому Роза договорилась с патентной службой США о том, чтобы они передавали получаемые ими данные нам. Где бы ни патентовали новую форму жизни, мы получаем ее описание.

– По закону, – включилась в объяснение Роза, – описание патента должно быть достаточно детальным, чтобы новую форму жизни можно было выявить и воспроизвести экспертами данной области знаний. Теперь большинство генетических инженерных фирм непосредственно сотрудничают с нами, направляя описания своих

новых микробов и часто даже сведения о текущей работе для включения в наш банк данных.

– Поразительно, – воскликнула Сара. – Поэтому теперь вы можете воспользоваться своим банком данных в Атланте! Неужели у вас имеются сведения о многих новых формах жизни?

– Вы даже не представляете, как их много, – изрек Малхолланд.

– Не желаете ли устроить перерыв перед тем, как начать такую сверку? – спросила Сара. – В запасе у нас должно быть не меньше часа, чтобы добраться до аэродрома.

– В таком случае я пообедаю в самолете, – сказал вирусолог. – Или я уже отобедал? Неважно. Эта часть работы займет очень много времени из-за чуда, с помощью которого мы убедили дядю Сэма потратить такую кучу денег на нашу центральную ЭВМ. Роза, вы не хотите воспользоваться этой честью?

– С удовольствием, – тут же откликнулась Роза. – Сара, мы начнем с сопоставления первоначально использованного типа вируса, у которого наиболее явная из общих характерных черт.

«Аденовирус», – напечатала она на экране. – Затем мы проделываем обратный путь методом исключения. Если не найдем нигде ничего похожего, то все, игра окончена. Дело в том, что компьютер, возможно, может провести всю эту операцию самостоятельно, но мне нравятся приключения.

– Ей нравятся приключения, – почтительно повторил Малхолланд.

Роза поочередно ввела в компьютер данные о последовательности ДНК «Джорджа» и запросила центральную ЭВМ в Атланте отыскать что-то похожее. Сара была потрясена, как много там находилось искусственных вирусов. Несмотря на то что генетическая инженерия находится в пленках! Впрочем, довольно быстро число похожих вирусов стало сокращаться.

– Ладно, – произнесла Роза, – следующая группа данных отличается от прежней, как взрослый мужчина от ребенка.

Она ввела еще один последовательный код «Джорджа», и через секунду или две на экране вспыхнуло:

«ТАКОГО НЕТ».

– Проклятье, – прошептала Роза.

Но на экране тут же вспыхнула другая запись:

«ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ТИП – ПРОВЕРЬТЕ НА ПРЕДМЕТ ОШИБКИ В ИСХОДНЫХ ДАННЫХ И ВВОДИТЕ СНОВА»

– Нам надо будет отыскать этого программиста и повысить ему зарплату, – сказал Малхолланд.

– Никак не могу научиться печатать, – выругалась Роза, просматривая свои записи, потом опять ввела последовательность. – В следующий раз я позволю проделать это самому компьютеру.

Буквально через несколько секунд на экране начали появляться данные:

«НЕИЗВЕСТНЫЙ СООТВЕТСТВУЕТ ВВОДНОМУ НОМЕРУ АСХ9934452; ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ – 100%. ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ НОМЕР ДОПУСКА И ВАШ КОД БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ПРОЦЕССА».

– Бинго, – произнесла Роза.

Она выполнила просьбу центральной ЭВМ. И почти немедленно «Джордж» получил имя... и местонахождение:

"СРВ113 – БИО – КОРПОРАЦИЯ ВИР; 4256 Нью-Парк, Кембридж, МАСС, 02141 (617) 965-7592; США.

Патент № 5, 665, 297, РДВ332, 210 (1984)".

«Аденовирус с примесью тромбина-тромбопластина, порождающий гены; потенциальное применение: быстрое залечивание ран, кровоостанавливающее средство. Другой информации нет».

Роза обернулась к Саре. Выражение лица эпидемиолога отражало и торжество, и беспокойство.

– Тромбин, – произнесла она. – Если я не ошибаюсь, это второй фактор биологического каскада свертывания крови.

– И тромбопластин тоже фактор свертывания, – взволнованно добавила Сара. – Роза, в этом все дело. Теперь я знаю.

Роза уже набирала номер телефона корпорации «Био-Вир».

– Договориться было совсем нетрудно, – сообщила она после краткого разговора. – Я условилась встретиться завтра в десять утра с доктором Димитри Атанулосом, президентом корпорации «Био-Вир».

– Мне бы хотелось поехать с вами, – сказала Сара. – Но на мне висит это судебное дело и есть один вызов.

– К счастью, у меня таких обязательств нет, – оживился Малхолланд. Жена и ребяташки смогут немного отдохнуть от меня. И

я ни за что на свете не пропущу такое. Есть ли у этой вашей хозяйки свободные комнаты?

– Если даже и нет, – подмигнула Роза, – то моя кровать двуспальная.

Глава 32

Черная Кошка Даниелс буквально балансировал на тонком льду и никак не мог допустить, чтобы он под ним проломился. Сара отклонила решение ОВМЗ пойти на мировую сделку. Она настаивала на том, чтобы были сняты все обвинения в ее адрес и чтобы не было никакой денежной выплаты. В противном случае она продолжит судебное разбирательство за свой собственный счет. И, несмотря на взаимную любовь, которая с каждым днем углублялась между ним и его клиенткой, Мэт решил и дальше оставаться ее адвокатом.

Правда заключалась в том, признался он себе, что ему хотелось покончить со всем этим. Глубоко в душе ему хотелось, чтобы она просто сказала: «Заплатите этому человеку. Заплатите ему двести тысяч и закройте дело. Дайте мне воспользоваться этим временем, чтобы ближе сойтись с полюбившимся человеком, когда над нашими головами не висит эта дрязга».

На столе лежал игрушечный шар из пластика. Его подарил Гарри несколько лет назад на День отца. И сердцем, и разумом он понимал, что это просто игрушка, – штампованный пластик, заполненный водой с плавающим восьмиугольником внутри. Таких – миллионы. И конечно, этот конкретный экземпляр не обладал большей способностью предсказывать судьбу, чем другие.

– Удастся ли нам выиграть это дело? – спросил он, приподнимая шар, как будто взвешивая его.

Если бы кто-нибудь узнал количество важных житейских решений, которые он принял, мысленно советуясь с этим пластиковым шаром, то вполне может быть, что его исключили бы из ассоциации юристов, подумал он.

«Спроси еще раз, попозже», – ответил ему шар.

Как и следовало ожидать, Роджер Фелпс негодовал, что, несмотря на его предложение о любовном урегулировании, Сара предпочла продолжить борьбу. Мэт знал, что ее упрямство порождает сомнения в ОВМЗ относительно целесообразности выплаты двухсот тысяч долларов, что рекомендовал сделать Фелпс. Это сомнение не рассеется в течение очень многих месяцев... или лет, которые уйдут на то, чтобы

завершить этот судебный процесс. Потом, если Сара проиграет и уплатит хорошенькую сумму присяжным, Фелпс станет героем на день. Но если она выиграет, то в морду Фелпса полетят тухлые яйца стоимостью примерно в двести тысяч долларов. Даже для человека, не обладающего высокомерием Фелпса, такой омлет означал бы конец всему.

Но Мэт сознавал также, что в этой игре его собственная ставка была не ниже, чем у Фелпса. Ему придется выставлять счета Саре, чтобы внешне все выглядело нормально, если будут поставлены под вопрос его мотивы и моральное поведение. При проигрыше в суде его обвинят в том, что он уговорил Сару продолжить это разбирательство, чтобы не потерять заработка, при выигрыше – лучшее, на что он мог надеяться, – это получить некоторую благожелательную рекламу. В любом случае то, что он заработает на деле «Грейсон против Болдуин», станет его последним заработком.

В дополнение к этому Мэт сознавал, что, выиграет он или проиграет, все равно это судебное рассмотрение станет его последним делом по недобросовестной медицинской практике, которое он получил от ОВМЗ, самой большой медицинской страховой компании штата. Черт бы побрал этого Фелпса с его мировой сделкой. Ведь уже были видны огромные потенциальные возможности процесса. Он схватил свою бейсбольную перчатку и начал ходить по комнате. Если бы не такой поворот, он вполне мог бы выиграть дело Сары и получить приличный гонорар за свою работу. А теперь даже билет на самолет для Гарри на восток страны на празднование Дня благодарения или Рождество выльется для него в труднейшую финансовую проблему. Почему же, черт возьми, вмешался Фелпс? Его адвокатский гонорар оставался бы значительно ниже суммы в двести тысяч долларов. А ведь иск Грейсона начинал разваливаться. Неужели Фелпс не сумел разглядеть этого.

Он начал думать, что здесь что-то нечисто. Но что? Как мог не понимать Фелпс, что родственники Алетеи Вортингтон и Констанции Идальго потребуют таких же выплат? Будет разумно, если они сделают именно так. Цена его шага была не двести тысяч долларов, а шестьсот тысяч. Откупные в шестьсот тысяч долларов представляли собой фантастическое недоверие в условиях, когда Мэт начал выстраивать

надежную защиту, не говоря уже о дополнительных возможностях, приносимых открытиями Розы Суарес.

Что-то было не так.

Пять минут он шагал из угла в угол, ударяя по мячу рукой в перчатке. Мысли перескочили на показания Питера Эттингера. Он потратил большую часть дня – практически большую часть минувшей недели, – читая и перечитывая протокол толщиной в два дюйма. Большую его часть он уже знал наизусть. Возможно, его беспокоил вовсе и не Роджер Фелпс, но что-то, что сказал Эттингер. Что-то.

Удары мяча стали походить теперь на ружейные выстрелы. Ладонь Мэта начала ныть. Его привычное занятие при решении проблем угрожало теперь раздробить кость руки. Но остановиться он не мог. Ему пришлось вставить губку в перчатку, как он делал, когда выступал против Рики и его ребят. Он мог бы поступить и иначе, подумал он, он мог бы взять себя в руки и бросать мяч не так сильно. Что же его так беспокоило? Какая-нибудь странная формулировка в одном из ответов Эттингера? Какая-то чудная ссылка? Что-то...

Щелкнул аппарат внутренней связи из приемкой.

– Мистер Даниелс, – раздался голос Руфи. – Я уйду. Вы, наверное, помните, что я предупредила вас, что мне надо уйти раньше.

– Нет, Руфь, не помню. Но все в порядке. Не сомневаюсь, что вы сказали мне об этом. Желаю хорошо провести время.

Руфь – это еще одна проблема, которую ему предстоит решить, подумал он. Она работает у него с первого дня его появления здесь. Но она так и не постаралась изменить свои привычки и перестать болтать с клиентами о чем попало. Пересказы некоторых разговоров ставили его просто-таки в неловкое положение. К тому же в свете того, как теперь шли дела, перед ним может стать выбор – либо оплачивать ей зарплату, либо оплатить авиабилет Гарри. Черт бы вас побрал, Фелпс!

– Мистер Даниелс, что вы хотите этим сказать: «Желаю хорошо провести время»? Я сказала, что записалась к дантисту. Никому не доставляет удовольствия ходить на прием к...

– Руфь, вот именно!

– Что именно?

– Дантист. Вот что. Вот что я пытался вспомнить. Вы заслужили надбавку... Или даже лучше, дополнительный отгул.

Секретарша удивленно пробормотала слова благодарности, но Мэт уже не слышал ее. Он бросил и перчатку, и мяч на кресло и опять погрузился в просмотр протокола показаний. На этот раз он искал не ответ Питера Эттингера. Он искал какие-то слова Джереми Мэллона.

Он потратил двадцать минут, но нашел это место. Он знал, что найдет.

Даниелс: Рассылка тоже идет оттуда?

Эттингер: Из другого помещения, но с той же территории. Рассылка тоже идет из общины «Ксанаду».

Даниелс: Мистер Эттингер, как много денег вы вдвоем гребете на этом порошке?

Мэллон: Возражение! Питер, не отвечайте. Мистер Даниелс, форма и содержание этого вопроса оскорбительны и далеки от содержания нашего дела. Это – ваш всего лишь второй процесс по преступной небрежности в медицинской практике, мистер Даниелс, и я закрываю глаза на некоторую вашу некомпетентность в этой области...

Мэт взял со стола жирный маркер желтого цвета и подчеркнул слова Мэллона. Откуда его противник мог знать, что у него всего одно дело о преступной небрежности в медицине? На этот вопрос был один разумный ответ – всего один.

Мэт снял трубку и набрал номер Организации взаимной медицинской защиты.

– Пожалуйста, мистера Фелпса. Говорит Мэт Даниелс... Послушайте, Фелпс. Я разговаривал с Сарой Болдуин и думаю, она готова пересмотреть свою позицию по вопросу любовного урегулирования. Что, если нам завтра встретиться с утра и обговорить детали? Восемь часов, у меня в конторе. Подойдет?.. Прекрасно, Роджер. Великолепно. Мы все вздохнем с облегчением, если, наконец, кое во что внесем ясность. – Он положил трубку на аппарат и вслух добавил: – Начиная с того, почему, черт возьми, вы меня вообще наняли.

Мэт опять поднял тяжелый шарик, что он предскажет?

– Уж не являюсь ли я бычком на веревочке, которого они водят, куда хотят? – спросил он сам себя вслух.

Совершенно определенно, ответ на это – утвердительный.

СРВ113 в кровообращении Лизы Грейсон во время ее заболевания ВСК, а также три с половиной месяца спустя. Сидя в ординаторской на акушерском этаже, Сара вывела буквы и цифры СРВ113 на странице блокнота текущих записей. СРВ113 – искусственный вирус, выведенный много лет назад в лаборатории в Кембридже. Ей надо было сделать обход и кое-что написать, но удивительное открытие вируса практически не позволяло ей сконцентрироваться на работе. Вот уже много месяцев подряд-большинство медсестер держались от Сары на расстоянии. Сара остро ощущала их холодность. Чутко сознавала это. Но сегодня после обеда это отношение не затронуло ее, как прежде. Приближается конец кошмару. СРВ113 получен для того, чтобы ускорить свертывание крови. Разве заражение такого рода микробом не сказалось на заболевании Лизы ВСК?

– Доктор Болдуин?

К ней обратилась медсестра Жоанн Делбанко, примерно одного с Сарой возраста. Одно время они очень хорошо ладили, и один раз даже обедали вместе за пределами больницы. Теперь они за день в лучшем случае обменивались парой слов. Еще одна жертва СРВ113.

– Ах, привет, Жоанн, – воскликнула Сара с преувеличенной бодростью.

– Доктор Болдуин, у вас посетитель. Женщина. Она очень хочет увидеть вас, очень расстроена. Я пригласила ее в ваш приемный кабинет. Мне она не захотела сказать, что ее беспокоит.

– Спаси... – сестра, не дослушав, повернулась и пошла, – ...бо.

Акушерский приемный кабинет находился в конце коридора. Торопливо направившись туда, Сара в уме перебирала женщин, которые могли прийти к ней на прием. Этот перечень не включал Аннали Эттингер.

– О Господи, как я рада вас видеть, – воскликнула Аннали. Она лежала на боку на узкой кушетке, одетая в ночную сорочку и стеганый домашний халат. Коленки она подтянула к животу. На щеках виднелись следы слез. Сара села рядышком и инстинктивно положила руку на большой живот Аннали. Даже через халат чувствовалась твердая, необычная масса внутриутробного плода.

– Просто вцепись в мои руки, пока боль пройдет, – посоветовала Сара. – Не бойтесь, Аннали. Все будет хорошо.

Прошла почти минута, прежде чем вздутие живота начало ослабевать. За это время Сара прикидывала в уме, сколько же прошло времени с момента их последнего разговора сразу после пресс-конференции 5 июля, чтобы определить, как далеко зашла беременность. Всего получалось тридцать три или тридцать четыре недели.

– Как часто у вас приходят схватки?

– Каждые восемь или девять минут, – ответила Аннали. – Уже несколько недель они то появляются, то пропадают. Но теперь цикл схваток не проходит целых двенадцать часов подряд.

– А воды пошли?

– Нет.

– Лихорадит, зябнете?

– Нет.

– Какое-либо кровотечение?

– Никакого.

– А где Тейлор?

– Вы не поверите, он в Восточной Африке. Еще две недели его группа будет продолжать там турне. Точно не знаю, в каком месте они находятся в данный момент. Он хотел отказаться от этих гастролей и побыть со мной дома, потому что у меня вдруг начинались схватки. Но я сказала, ему: «Поезжай». Как глупо с моей стороны.

– Не волнуйтесь, Аннали. Не браните себя. Вы поступили правильно. А что Питер?

– Он... он не знает, что я здесь. Он отказался отправить меня в больницу, хотя я и сказала ему, что рожать мне еще рано. Дело кончилось тем, что я позвонила приятельнице и потом выбралась из спальни через окно. Она подобрала меня на дороге и привезла сюда. Сара. Питер спятил. – Ее глаза наполнились слезами. – В доме он держит тех двух повивальных бабок, которых он доставил на самолете из Мали. Они поят меня каким-то чаем, который, по их словам, остановит схватки. Я только один раз, всего один раз заикнулась о вас, и его взорвало. Он заявил, что если я встречу с вами независимо по какой причине, то могу не возвращаться домой.

Сара обняла рыдающую, испуганную женщину.

– Аннали, выкиньте из головы и Питера, и все остальное. Давайте сосредоточим свои мысли на вашем ребенке. У вас явно начались схватки, на шесть или семь недель раньше срока. Преждевременные роды вызывают беспокойство, но ничего чрезвычайного в этом нет. Было бы идеально, если бы ваш ребенок оставался в утробе еще пару недель.

– Что я могу поделать? Разве можно остановить схватки? У меня... не застраховано здоровье. Питер оплачивал... Ой, Сара, кажется, наступает новая.

– Ничего, успокойтесь, Аннали, – прошептала Сара, глядя лоб женщины. – Всему свое время, и схваткам, и вопросам.

Она посмотрела на часы. Со времени последней схватки прошло шесть с половиной минут. На этот раз, возможно под воздействием подбадривающих слов и жестов Сары, Аннали закрыла глаза и спокойно дышала в течение всего периода схватки.

– Аннали, не беспокойтесь о страховке, – утешала ее Сара. – Ни о чем не беспокойтесь. Я позабочусь о том, чтобы вас приняли здесь. За вами будет наблюдать штатный акушер. Больше того, думаю, что мне удастся заполучить для вас заведующего этой службой, доктора Снайдера.

– Что он будет делать?

– Пожалуй, назначит капельницу и пропишет кое-какие лекарства, чтобы попытаться остановить эти схватки и продлить срок вашей беременности. Но это будет зависеть от вашего состояния. У нас есть возможность не только выяснить ваше состояние, но и состояние ребенка с точки зрения развития его легких. Состояние развития легких – основной показатель того, когда женщина может преждевременно рожать.

– Вы можете проверить легкие младенца еще до его родов?

– Можем, – ответила Сара. – Мы это всегда делаем.

Аннали приподнялась и обвила руками шею Сары.

– Я знала, что поступаю правильно, когда поехала к вам, – сказала она. – Я знала это.

Сара позвонила в коммутаторную больницы и включила свой персональный аппарат вызова Рэндала Снайдера. Потом позвонила в приемный покой и попросила, чтобы оттуда кого-нибудь направили в

акушерское отделение. Наконец, сняла с крючка на двери стетоскоп и стала слушать живот Аннали.

– Ребенок в отличном состоянии, – заявила она, прослушав примерно полминуты. – Просто в отличном.

– Ой, как хорошо. Я чувствую, как он брыкается. Сара, пожалуйста, не звоните Питеру.

– Ну, малышка, я ваш врач. А это значит, выполняю только ваши указания. Но, может быть, вы захотите найти какой-нибудь способ позвонить и сообщить ему, что у вас все в порядке? Вы можете не сообщать, где находитесь. Я знаю, что он вас действительно очень любит. Он не переносит только меня.

– Ну, это его личное дело. Вы знаете, когда вы разговаривали по телефону, я смотрела на вас и думала о невероятных поступках, на которые вы способны. И вспоминала, какой вы были, когда только пришли жить к нам.

– И какой же?

– Скажем так – вы прошли очень долгий путь, дорогая. Чертовски длинный путь.

Сара опять нежно обняла женщину. Если не считать ее, не очень выпяченного живота и увеличившихся в объеме груди, практически ее фигура осталась прежней. Ни отвислой кожи, ни ожирения.

– И вы тоже член клуба долгожителей, Аннали, – сказала она, постаравшись скрыть свое беспокойство. – Еще одно. Когда вы принимали этот порошок для похудения и долго ли?

– Примерно четыре года назад, в течение трех месяцев. Что-то около того. Доктор Синг уже где-то проверил этот порошок и на целом ряде лиц. Но Питер согласился стать его компаньоном только после того, как проверил этот порошок на десяти или двенадцати своих знакомых. Все вместе мы сбросили примерно тонну. Почему вы спрашиваете? Что-нибудь не так с этим порошком?

– Что вы! Нет. Мне просто любопытно. Ничего плохого. Абсолютно ничего.

– Надеюсь, что это так, – сказала Аннали. – Согласно последним сведениям, которые я знаю, несколько сотен человек достигли таких же успехов примерно за семь месяцев, в течение которых продается этот препарат.

– Знаю, – произнесла Сара, вспомнив о хирургической чаше из нержавеющей стали и почерневшую, отрезанную руку молодой женщины. – Знаю.

Глава 33

26 октября

Мэт приехал в свою контору в четверть восьмого утра, ощущая нервную возбужденность, как когда-то перед ответственным матчем. Ранним утром он пробежал три мили – часть физзарядки, которую он установил для себя после того, как здорово уступил Саре в Чайнатауне. Он прочитал также несколько разделов газеты «Глоб» и спортивный раздел «Геральд» и пятнадцать минут потратил на интенсивную тренировку по настольному бейсболу – очень ловко придуманную игру, в которую он твердо решил обыграть Гарри хоть раз в жизни.

После четырех тягостных, бестолковых месяцев удивительная загадка дела «Грейсон против Болдуин» начала вырисовываться. Роза Суарес и вирусолог из ЦББ выявили в крови Лизы Грейсон генетически измененный вирус, который был назван в корпорации «Био-Вир» СРВ113 и предназначался для свертывания крови и залечивания ран. В этот же день, несколько позже, Роза и Кен Малхолланд встретятся с директором этой лаборатории. Прямых указаний на то, что в болезни Лизы Грейсон, виновен вирус «Био-Вир» пока не обнаружено, но вероятность этого очень велика.

А через час, если повезет, в уравнении со многими неизвестными займет свое место еще одна величина. Мэт использовал все имевшееся у него время для подготовки и в уме отрепетировал весь сценарий сегодняшней встречи. У Роджера Фелпса, если он совсем не сбился с панталыку, есть два слабых места, высокомерие и стяжательство. Трюк заключается в том, чтобы пробудить одно или оба этих качества, не вызывая у него подозрений. Если это сделать не удастся, то всегда оставался в запасе план в – фронтальное нападение, который он так мастерски применил против Томми Це-то. У него в паху заныло при воспоминании об этом. Он уже потянулся к своей перчатке и мячу, когда Фелпс, слегка постучав, вошел в приемную.

– Даниелс?

– Я здесь, Роджер. Входите.

Инспектор по урегулированию претензий, одетый в костюм-тройку, игриво постучал по открытой двери кабинета и потом вошел. Пижонская внешность обманывала: Фелпс был расчетливым и проницательным человеком, с ним надо держать ухо востро. И Мэт признавал это. Он предложил ему чашку кофе и указал на кресло по другую сторону своего письменного стола.

– Итак, – произнес Фелпс, устраиваясь в кресле, – настроение изменилось, не так ли?

– У доктора Болдуин душа уходит в пятки, когда она думает о том, чтобы идти в суд.

– Можете называть ее Сара. До меня дошли слухи, что вы... гм... скажем, обращаетесь друг к другу по имени.

– Послушайте, Роджер. Что, по вашему мнению, я должен ответить на такое замечание?

– Ничего. Она очень привлекательная – такая девочка-сорванец. Я бы не стал вас осуждать, если бы вы приудалили за ней.

«Сразу же пытается давить своим авторитетом и установить контроль, – подумал Мэт. – Мужик крепкий. Дьявольски крепкий».

– Сказать вам честно, Роджер, у меня мелькнула такая мысль. Но поверьте, из этого ничего не выйдет, пока дело не будет закончено – так или иначе.

– Ловко. Может быть, поэтому вы и хотите пойти на мировую сделку?

– Возможно. Но я сказал вам, что, честно говоря, я думаю, что мы можем выиграть.

– Я уже высказал вам свое мнение на этот счет. Симпатичная молодая женщина, мертвый младенец и култышка вместо руки – очень убедительные аргументы для присяжных, А когда присяжные отдадут голоса истице, то это выливается в кругленькую сумму.

– Понятно.

– Очень рад. Тогда каким же будет ваш бросок?

– От имени своей клиентки я готов согласиться с вашим предложением о любовной сделке без указания о признании невиновности. Но меня волнует моя собственная репутация. Вы понимаете, о чем я. Дело «Грейсон против Болдуин» получило широкую огласку. Если я доведу дело до суда и выиграю, то, возможно, у меня окажутся заказы на многие годы вперед – если и не

от ОВМЗ, то либо от других страховых компаний, занимающихся делами врачей, либо просто от истцов. Хорошо известно, что гораздо больше можно заработать, обвиняя докторов, чем защищая их.

– И что?

– А то, что я хотел бы, чтобы вы гарантировали мне передачу таких дел. Резервировали бы за мной некоторое их количество.

– Мистер Даниелс, вы знаете, что у нас нет такой практики. :

– Практику всегда можно начать. Поверьте, что за соответствующую сумму я могу быть настолько хорош или настолько плох, насколько вы этого пожелаете.

Мэт заметил, что его высказывание, сделанное экспромтом, задело за больной нерв. Фелпс заметно побледнел, но очень быстро восстановил самообладание.

– Думаю, дальше вы можете не продолжать, – сказал он.

Мэт отъехал на вращающемся кресле от письменного стола и устало протер глаза.

– Поймите, Роджер, мне нужна ваша помощь, – продолжил он. – Я весь на иголках, когда веду с вами такой разговор. Но в финансовом отношении я в яме – в настоящей глубокой яме.

– Я думал, что вы крупная звезда бейсбола.

– Поверьте, никогда не был особо знаменитым. Несколько лет назад меня уговорили податься в эту беспроектную профессию, но похоже, что я в нее проигрываю. Вы знаете, как бывает. Пока что я на плаву, но еле держусь на поверхности. Поэтому я и говорю, что нуждаюсь в вашей поддержке.

– Сожалею. Ничего сделать нельзя. Никаких гарантий. Но по мере поступления дел буду иметь вас в виду.

Мэт уловил в глазах собеседника подозрительность. Его не так-то легко облапошить.

– Вы знаете, – снова продолжил разговор Мэт. – Я снова и снова задаю себе один вопрос: «Почему Роджер Фелпс вообще нанял меня для ведения этого дела?» Особенно когда с противоположной стороны выступает Джереми Мэллон, настоящий дока по тяжбам о преступной небрежности врачей. Почему? Просто не нахожу на это ответа, а вопрос продолжает меня мучить. Я даже начал наводить справки. Известно ли вам, что Джереми Мэллон чаще любого другого адвоката

в Бостоне принимает участие в делах такого рода? Похоже, этому человеку просто не знакомо понятие «мировая сделка».

– Но в данном случае он идет на нее, – возразил Фелпс.

– Знаете, что еще я узнал? – продолжал Мэт, просто не давая собеседнику выполнить слово. Он надеялся, что если будет говорить быстро, достаточно убежденно, то Фелпс не заметит, что он крутит для отвода глаз. – Я узнал также, что все адвокаты, которые противостояли ему, имели примерно столько же опыта, сколько и я в делах о врачебной небрежности. То есть в каждом случае против льва выпускали овечку. Теперь вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю, что могу быть настолько плохим, насколько вы этого пожелаете? Роджер, мне не нужно, чтобы какая-то часть гонорара присяжных пошла мне, ничего подобного. Я не стяжатель. Меня бы устроило резервирование какого-то числа дел. Какая-то гарантия, что дела и дальше будут попадать в мои руки.

– Даниелс, то, что вы говорите, просто чушь. Как я уже сказал, Мэллон в данном случае идет на любовную сделку.

– Потому что он проигрывает это дело, – возразил Мэт с ледяным спокойствием. – Он знает это, и вы это знаете. Уясните себе это, Роджер. Я не собираюсь четверговать вас. Я хочу с вами работать. Мне нужно работать с вами.

Фелпс некоторое время в упор смотрел на него, взвешивая возможные варианты, потом выговорил: «Идите к дьяволу!»

«Черт бы вас подрал», – подумал Мэт, понимая, что все больше приближается к плану Б. Он встал, надел перчатку и стал несильно бросать потертый мяч в кармашек перчатки.

– Доказательств не надо и искать, Роджер, – произнес он. – Любой совет по надзору за юристами, даже если в него входят тупицы, сможет решить, сколько будет дважды два, и в ответе увидет вас. – Он начал кидать мяч более резко. – Какой кусок от вознаграждения присяжных Мэллон отстегивает вам? Пятнадцать процентов?

– Даниелс, вы сошли с ума.

– Двадцать? Двадцать пять? Мэллон знал о зубном враче, Родж, – о моем единственном деле, связанным с медицинской практикой. Я упомянул об этом паре лиц в больнице, но они страшно ненавидят Мэллона и не могли это ему передать. Это сделали вы, Родж. Мэллону

понадобился еще один простачок, чтобы схватить большой куш для присяжных, и вы подставили меня.

Мэт повернулся спиной к инспектору по урегулированию претензий. Теперь он говорил совершенно наобум, но это уже не имело значения.

– У вас нет никаких доказательств этого. Ни малейших...

Мэт крутанулся и без тени колебания запустил мяч в голову Фелпса. Тот не успел моргнуть, не то что среагировать. Мяч пролетел мимо, может быть, в двух дюймах от его уха, вдребезги разбив стекло в рамке с большой литографией ночного вида Бостона. Мяч, отскочив, уже обратно летел к Мэту, когда Фелпс грохнулся на ковер.

– Господи Иисусе! – воскликнул он. – Вы и в самом деле сумасшедший!

– Но, к счастью, броски мои точны.

Мэт подхватил катившийся по полу жесткий мяч и метнул его, не целясь, в спинку стула, стоявшего рядом с креслом, где только что сидел Фелпс. Спинка из вишневого дерева разлетелась в щепы.

– А теперь говорите, Роджер. Сколько вам платит Мэллон?

Фелпс попытался подняться на ноги, но Мэт легко столкнул его опять на пол. Он снова поднял мяч и задом отошел к другой стороне кабинета. Инспектор по урегулированию претензий попытался укрыться за письменным столом.

– Мои броски очень точные, Родж, – предупредил он. – Промахи – всего несколько процентов. Но я обещаю вам, что буду продолжать метать этот мяч, пока не промахнусь... или останусь без мебели. Вы попытались сделать из меня еще одного дурачка. Но, к несчастью для вас, на этот раз номер не прошел. Теперь я тоже хочу своей доли. Хочу части пенек, которые вы с Мэллоном снимаете.

– Пошел к дьяволу! – снова взвизгнул Фелпс.

– Ладненько. Теперь я пальну сильнейшим крученым. Мы, запасные подавальщики, почти никогда не бросаем крученые в полную силу. Мне нужна практика. И я совсем не нуждаюсь в этом шаре для прижатия бумаг, который находится рядом с вашей башкой.

– Вы спятили!

– Поехали... Пока ничья, друзья. Девятый бросок, базовые площадки заполнены, двое вне игры. А это последний крученный Даниелса...

– Стойте. Не надо!

– Родж, не двигайтесь, – предупредил Мэт, его рука с мячом замерла на уровне плеча. – Просто говорите.

– О'кей, ладно. Вы правы. У нас с Мэллоном договоренность. Он ставит меня в известность, когда назревает хорошее дельце, и я поручаю его... гм...

– Продолжайте, не стесняйтесь, Родж. Слабакам.

– Неопытному адвокату.

– И в этих случаях вы отказываетесь идти на мировую сделку и настаиваете на судебном разбирательстве и вознаграждении присяжным. Да вы просто прелесть, Родж. Просто великолепны. Проиграл ли Мэллон хоть одно из таких дел?

– Ни разу.

– До сих пор. Сколько же вы получаете?

– Это вас не касается. А теперь разрешите мне встать.

– Напряжение на стадионе несколько увеличилось, друзья, стало настолько плотным, хоть ножом режь. – Мэт опять начал имитировать голос спортивного комментатора: – Попадание битой означает перебежку... Перебежчики готовятся к рывку... Даниелс собирается пустить крученого...

– Третью часть от сорока процентов Мэллона, – тут же выпалил Фелпс.

Мэт опустил руку.

– Ничего себе.

Фелпс кое-как поднялся на ноги, тщательно стряхнул со своего костюма осколки и щепки.

– Послушайте, – сказал он, продолжая делать быстрые отряхивающие движения руками, – если вы хотите войти в долю, вы ее получите. Дайте мне несколько дней, чтобы утрясти детали.

Мэт снял с руки перчатку.

– Даете слово?

– Да, да. Даю вам слово. А вы что, действительно полоумный?

– Хочу услышать ваш ответ в течение недели, Родж.

– Только помалкивайте об этом.

– Конечно, ясное дело.

Фелпс задом попятился к двери.

– Говорю серьезно, – добавил он. – Не горячитесь.

– Роджер, почему бы вам не начать выдавать мне мою порцию прямо с этой любовной сделки? Вы предлагаете уплатить двести штук. Не исключено, что Мэллон будет представлять и две другие семьи и получит такие же суммы. Что, если вы мне выделите половину своей трети от сорока процентов Мэллона? Это составит... дайте прикинуть... сорок тысяч. Такой глупый простачок неплохо подсчитал, а?

– О'кей, ладно. После того, как будут утрясены все эти три дела. Дайте мне выйти отсюда, черт побери.

– Я вас не держу, – просто сказал Мэт.

– Серьезно?

– Совершенно серьезно. Верю, что, если вы сказали, что мы договорились, значит – договорились. – Мэт подождал, пока Фелпс открыл наружную дверь конторы. – Конечно, мне придется взять с вас два доллара и девяносто восемь центов за подарочную копию магнитофонной кассеты.

Широко улыбаясь, Мэт расстегнул свой пиджак. К поясу был прикреплен миниатюрный микрофончик, рядом с лапкой зайца и небольшой голубой ленточкой.

* * *

Доктор Димитри Атанулос, президент «Био-Вир», сердечно встретил Розу Суарес и Кена Малхолланда. Его кабинет находился на четвертом этаже, окнами на реку, уже в не новом здании, типичной коробке из стекла и бетона, которые строили в начале восьмидесятых годов под учреждения новейшей технологии. Ему было уже около шестидесяти, по мнению Розы, красивый мужчина с изысканными манерами. Его густые, вьющиеся волосы по цвету не отличались от белого лабораторного халата.

– Значит, вы оба из Центра борьбы с болезнями?

– Да, – подтвердила Роза. – Я – районный эпидемиолог. Кен – микробиолог.

– Вирусолог, если я не ошибаюсь?

– Некоторые называют меня так.

– Из Дьюка.

– С тех пор прошло двенадцать лет, – на Малхолланда это замечание явно произвело впечатление.

– Если я правильно помню, вы провели прекрасную работу по вирусной инфекции табака.

– Польстите моему самолюбию, и я ваш раб, – отозвался Малхолланд.

– Ну а сам я, главным образом, биохимик в области ДНК, – охарактеризовал свое направление Атанулос. – Но всегда проявлял интерес к вирусам... и к бактериофагии. За три года после академии, когда я получил здесь пост директора, мой интерес к двум этим областям возрос и, как бы лучше выразиться, приобрел более личностный характер.

Роза, видя, как быстро находят понимание эти двое мужчин, почувствовала, что руководитель «Био-Вир», вежливый он или невежливый, более серьезно воспринимал мужчин, а не женщин. Поэтому решение Кена остаться еще на одну ночь стало дополнительным плюсом в расследовании. Она терпеливо сидела еще пять минут, пока шел общий разговор о новостях науки и о «А помните, а вы знаете?». Потом заерзала на стуле и откашлялась. Атанулос немедленно уловил намек.

– Итак, – спросил он, – чем корпорация «Био-Вир» могла бы быть полезной нашим друзьям из Атланты?

– Я нахожусь в Бостоне уже более четырех месяцев, – начала свое объяснение Роза. – Провожу расследование трех необычных случаев в акушерской практике Медицинского центра Бостона.

– Это касается молодого стажера, которая снабжала своих пациенток какими-то токсичными травами, не так ли?

Роза вздохнула.

– «Эль подер де ла пренса», – произнесла она по-испански. – Власть прессы. Доктор Атанулос, несмотря на то что прочитали вы и еще с полмиллиона людей, похоже, что эти травы не играют важной роли в этой драме. Хотя могу добавить, что сама эта возможность не исключается. Кен, не расскажете ли вы кратко о результатах своих последних исследований?

– Димитри, – вступил в разговор Малхолланд. – Роза скромничает и не говорит об этом, но она проделала дьявольски тщательную работу

по оценке этих случаев. Уже много лет она лучший районный специалист в нашем ЦББ.

– Продолжайте.

– Она направила мне немного сыворотки крови одной из жертв заболевания ВСК – одной из трех женщин, которая выжила. Мы произвели вирусный посев и выявили антивещество, которое указывало на остаточную инфекцию. Вчера мы провели выяснение последовательности ДНК вируса. Его состав соответствует вирусу, выведенному вашей лабораторией.

Густые белые брови Атанулоса приподнялись слегка. Малхолланд передал ему компьютерную распечатку с описанием СРВ 113, и директор лаборатории познакомился с ней.

– Пойдемте! – Он живо поднялся с места. – Заглянем в наш отдел приматов. Мне ничего не известно о СРВ 113. Этот вирус запатентован до моего перехода сюда. И даже если допустить, что тут раньше занимались этим, то сейчас мы не имеем отношения к такого рода вирусу. В этом я уверен. С тех пор как руководителем стал я, мы сосредоточили усилия на выведении вирусов для производства гаммаглобулина и вирусов для некоторых видов гормонов. Но сейчас нет ничего такого, о чем говорите вы. Отделом приматов уже много лет заведует Клетус Коллинз. Если у нас кто и знает что-нибудь о СРВ 113, то это он.

В лифте они спустились на второй цокольный этаж. Еще до того как раскрылись двери лифта, Роза почувствовала запах животных. Стена почти безмолвного коридора, куда они вышли из лифта, была сделана из толстого стекла. А за этой стеклянной стеной стояли три длинных ряда клеток, почти в каждой из которых металась обезьяна. Сутулый старик протирал шваброй пол перед клетками. Атанулос постучал по стеклу.

– Где Клет? – спросил он.

Старик попытался понять, что его спрашивают, по движению губ. Потом улыбнулся, показал дальше по коридору, произнес слова, которые Роза по движению губ поняла как «комната отдыха». В конце коридора Атанулос открыл дверь, и все трое вошли в своего рода стеклянную клетку площадью пять на пять футов и футов десять в высоту. Эта клетка находилась внутри огромного зала высотой примерно в два этажа, заполненного игрушками, веревками, кусками

дерева и перекладинами для подвесных лестниц. В центре этого зала стоял Клетус Коллинз, на спине которого примостился шимпанзе довольно крупного размера, а другой, поменьше, прицепился к его ноге. Роза подумала, что этот человек вполне мог сойти за одного из своих подопечных, поскольку обладал обезьяноподобными чертами и позой. На Кена Малхолланда он явно произвел такое же впечатление.

– Удивительно, – пробормотал он.

– Да, не правда ли, – подтвердил Атанулос.

– Удивлен, что вы позволяете ему вот так общаться с приматам.

– Вы имеете в виду из-за вирусов, которые находятся у животных? Уверяю вас, Кеннет, что после всех этих лет у них нет теперь таких вирусов, которые перешли бы и к нему.

– Клет, не могли бы вы подойти к нам ненадолго? – сказал он в микрофон, смонтированный на одной из стеклянных стенок.

Смотритель приматов освободился от обезьян, вошел в стеклянный кубик, где был представлен посетителям из Атланты. Его поразительное лицо потемнело от беспокойства.

– Этим животным мы даем возможность хорошенько поразмяться, попрыгать вовсю, – произнес он с гнусавым произношением Среднего Запада, значительно более ярко выраженным, чем у Малхолланда. – Каждый день. Я забочусь о них как о родных братьях. Можете мне в этом поверить.

– Мистер Коллинз, мы не представляем какую-либо группу защиты животных, – обратилась к нему Роза. – Мы стараемся навести справки относительно некоторых исследований, которые проводились здесь несколько лет назад по поводу вируса СРВ 113. Он вызывал...

– Сгустки крови. Знаю, о чем вы говорите.

– Сохранились ли архивные записи этого? – спросил Атанулос.

– Кто знает? Должны бы сохраниться. Во всяком случае, записи, относящиеся к животным. Возможно, в старых металлических шкафах, которые стоят теперь в кладовке, возле котельной.

– Я даже не знал о самом существовании такой кладовки.

– Главным образом бумаги по незавершенным проектам, от которых отказались. Никто к ним не проявлял особого интереса.

– Меня они заинтересовали. Не отведете ли вы нас туда, Клет?

– Пожалуйста. Вы подождите там, в коридоре, пока я отправлю этих приятелей в клетки. При виде посторонних они могут впасть в

агрессию: наброситься, поцарапать лицо или даже укусить. Любого, кроме меня и старины Стэна, который убирает тут.

Трое ученых наблюдали из-за защитной стеклянной стены коридора, как он отводил животных в клетки. Роза могла бы побожиться, что один из шимпанзе, перед тем как оторваться от шеи Коллинза, поцеловал его в щеку.

– В общем-то, нравился мне Фезлер, – рассказывал Коллинз по дороге в кладовку. – Но мне были ненавистны эти мерзкие эксперименты, которые он устраивал над моими обезьянами. Это точно, что вы не представляете одну из этих групп защиты животных? Поверьте, я очень хорошо ухаживаю за этими шалунами. Очень хорошо. Мне бывают очень тяжело, когда другие... вы понимаете, поступают иначе.

– У вас нет никаких оснований беспокоиться, – заверила его Роза. – Кто такой Фезлер?

Коллинз начал отыскивать ключ от кладовки на большой связке, где их было нанизано не меньше сотни. Второй отобранный им ключ подошел.

– Уоррен Фезлер. CPB113 был одним из его проектов. Кажется, всего у него было не меньше двенадцати проектов. И, насколько мне известно, ни из одного ничего толкового не получилось. Вот если бы плоды его трудов использовали в качестве средства умерщвления обезьян, тогда бы его ждал большой успех.

Хрипловатый смех Коллинза резко прервался от приступа кашля. Роза инстинктивно отодвинулась от него на шаг. Она гадала, как много болезней он мог подхватить в течение стольких лет работы с обезьянами. Он щелкнул выключателем, осветив небольшое бетонное помещение, совершенно пустое, если не считать с полдюжины железных шкафов с папками.

– Фезлер не отличался организованностью в хранении документации. Но работал как черт. Все выходные. До двух ночи. Все праздники. Для старины Уоррена все это не имело значения.

– Я здесь лишь директор, – пробормотал Атанулос, явно несколько обеспокоенный. – Откуда мне было знать о существовании этой кладовки? Или что здесь когда-то работал истребитель обезьян по фамилии Фезлер?

– А что произошло с обезьянами? – спросила Роза Коллинза, когда он одним из ключей открывал шкаф.

– Просто заболели и подыхали. Фезлер, бывало, усыплял их наркотом, делал у них скальпелем надрезы в разных местах и брал некоторое количество крови. Потом он измерял, насколько быстро и хорошо заживали их раны, – Он пошарил в одном выдвижном ящике, но ничего не нашел, выдвинул другой. – Вы не обманываете, что не относитесь ни к одной из этих чокнутых групп защиты животных?

– Ни в коем случае, – опять заверила его Роза.

– Ну, честно говоря, я точно не знаю, что происходило с обезьянами. Они просто как-то съезжались и подыхали. Но он делал это не нарочно. Это я могу сказать точно. – Он перебрал досье в этом ящике и перешел к следующему. – Фезлеру обезьяны нравились. И он нравился обезьянам. Кроме меня со Стэном, он был единственным человеком, к которому так льнули обезьяны. Он, как правило, надевал защитный костюм, когда выходил к ним в вольер. Но, независимо от того был на нем костюм такого типа или нет, я не помню, чтобы они когда укусили его. Ни разу. Они играли с ним совершенно так же, как играют со мной. Любили прыгать на его животе. И потом, у него была большая колотушка. Может быть, это привлекало обезьян. Знаете, как людей тянет на карнавал.

Опять он рассмеялся, но смех тут же прервал кашель.

– В чем дело? – раздраженно спросил Атанулос, потепенно теряющий терпение.

– Здесь нет этих папок. Хотя наверху написано, что они находятся здесь. К тому же написано моей рукой.

– Не могут ли они лежать в другом месте?

– Если вы спрашиваете об этом, то плохо меня знаете. Я проверю... на это потребуется время, но я поищу.

– Пожалуйста, займитесь этим, – распорядился Атанулос. – Я переговорю с некоторыми другими учеными и лаборантами об этом Фезлере.

– А также с сотрудниками, – предложила Роза. – Клет, вы не знаете, почему Уоррен Фезлер ушел из «Био-Вир»? И когда?

– Не меньше шести лет тому назад. Может быть, и раньше. Точно не знаю почему. Он вроде бы заболел.

– Почему вы говорите так неопределенно?

– Потому что не уверен в этом. – Он потер свой подбородок. – Из пухленького упитанного парня он превратился в кожу и кости. Весь высох. Поэтому я и не могу сказать ничего более определенного. Мартышки перестали прыгать на него, потому что если сказать вам по правде, то там почти и не осталось ничего, на чем прыгать.

Роза и Малхолланд обменялись быстрыми взглядами. Накануне вечером она рассказала ему о содержании дневника Констанции Идальго и о своем открытии, что Идальго, Алетея Вортингтон и Лиза Грейсон резко похудели, сбросив значительную часть своего веса.

– Постараюсь выяснить, что смогу, об этом необычайно усохшем человеке и его трудах, – пообещал Атанулос, когда они вышли из кладовой и направились к лифту.

– Очень будем вам признательны, – рассеянно поблагодарила Роза.

Карие глаза Розы, закрытые большими стеклами очков, прищурились, когда она мысленно пыталась что-то соединить вместе. Они уже подошли к лифту, когда она резко остановилась, повернулась и крикнула Клетусу Коллинзу.

– Клет, скажите, пожалуйста, не запомнили ли вы еще что-нибудь об Уоррене Фезлере? Чего-нибудь из ряда вон выходящего?

– Не знаю, что вы... – Смотритель за животными неожиданно широко улыбнулся. – Ах, да, – произнес он. – Думаю, мне понятно, куда вы клоните. Манера его разговора. Он никак не мог выговорить слова – особенно когда был расстроен или не в духе. Он... Не знаю, как это объяснить, как это называется, но вы знаете...

– Я знаю, Клет, – решительно произнесла Роза. – Он заикался, верно?

– Точно, это я и имел в виду, – подтвердил Клетус Коллинз. – Он заикался. Он ужасно заикался, как этот толстый поросенок из мультика.

Глава 34

27 октября

– Итак, хорошо, – произнесла Сара, – это – одна из двух родильных палат нашего отделения. Для тех женщин, у которых нет осложнений и им ничего не угрожает, по их просьбе, мы можем предложить не такую напичканную медицинским оборудованием, а комнату более домашнего типа. Позже я ее вам покажу.

Три студента-медика с третьего курса обучения нервно озирались по сторонам, разглядывая диагностическое оборудование, сверкающий аппарат для наркоза и стол для родов. Пока не закончится их десятидневная учебная практика в родильно-гинекологическом отделении, каждый из них должен будет без посторонней помощи принять роды – от начала до конца – может быть, несколько родов. Учебная практика в МЦБ была связана с большей ответственностью и открывала большие возможности, чем в других больницах, поэтому старались попасть именно сюда. Среди обязанностей Сары, как следующего главного стажера, было наблюдение за этими студентами-медиками.

– Есть ли какие-нибудь вопросы? – спросила она.

– Принимаете ли вы роды в домашних условиях? – спросил один студент.

– Двое из работающих здесь стажеров принимают роды на дому под присмотром одного штатного врача, который ездит с ними на случай возникновения каких-либо осложнений.

Она решила, что не стоит добавлять, что заведующий попросил ее пока воздержаться от дальнейшего приема родов на дому впредь до разрешения вопроса об обвинениях в ее адрес.

– Я слышал о вас, – сказал второй студент. – Меня интересуют альтернативные методы лечения. Преподаете ли вы иглотерапию?

– Боюсь, что у меня не остается сейчас времени для проведения нормальных уроков. Но при желании вы можете присутствовать на моих терапевтических сеансах по обезболиванию. Попозже я дам вам свое расписание. Что-нибудь еще перед тем, как мы перейдем в отделение помощи на дому?

– Да, – сказал третий студент, показав жестом в направлении коридора. – Мужчина, который только что вышел вон из той палаты. Это не тот самый парень, который рекламирует по телевидению средства из трав для похудения?

Сара резко обернулась. Питер Эттингер только что вышел из палаты Аннали и важно шел прямо к ней. К бокам он прижал кулаки, лицо залила краска, он так рассвирепел, что, казалось, вот-вот зарычит. Студенты медицинского училища немного подались в сторону. Сара взяла себя в руки и не сдвинулась с места.

– Почему вы мне не позвонили? – вопрос Эттингера прозвучал как выстрел. – Почему мне надо мотаться по всему городу, чтобы отыскать свою дочь?

– Если вы хотите поговорить со мной, то думаю, нам надо сделать это в кабинете, – предложила Сара.

– О чем тут говорить! Хочу, чтобы мою дочь немедленно выписали из этого... жалкого подобия больницы. Чем вообще вы пичкаете ее организм, черт побери?

– Дитер, прошу вас. Давайте пройдем куда-нибудь, где мы можем присесть и обсудить все это как взрослые люди.

Эттингер посмотрел на студентов, у которых на груди были прикреплены таблички с именами и указанием, что они студенты-медики III курса.

– А в чем, собственно, дело, – зашумел он. – Вы что, опасаетесь за их невинные медицинские мозги? Пусть они узнают, что вы тут вытворяете со своими пациентами! Расскажите им. Скажите конкретно, что вы вводите в вены моей дочери. Валяйте, расскажите, а я послушаю.

Сара прикусила нижнюю губу, стараясь придумать какой-нибудь выход из создавшейся ситуации. Она не могла тягаться с Питером по темпераменту и умению подать себя. Испытывая отвращение к западной медицине, он сумел отточить свою аргументацию во время бесчисленных выступлений и публичных дебатов. Теперь он загнал ее в угол.

В нескольких ярдах от них остановились две медсестры и начали наблюдать. Возможно, обе они узнали Питера или почувствовали замешательство Сары, поэтому ни одна из них не стала вмешиваться.

Сара глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и повернулась к студентам.

«Вы напрашиваетесь, Питер, – пронеслось в ее голове. – Так получайте!»

– Дочери мистера Эттингера, Аннали, двадцать три года, – начала она объяснять ровным голосом. – У нее первая беременность. Дата ее последнего П.М. – периода менструации – неопределенна. Но согласно показаниям ультразвука и других приборов похоже, что она находится на тридцать четвертой неделе беременности. Зародыш – женского пола, в настоящее время весит примерно два килограмма четыреста граммов. То есть примерно пять с половиною фунтов. Аннали приняла в наше отделение позавчера в связи с преждевременными родовыми схватками различной периодичности – от пятнадцати до семи минут. Ее плева цела, шейка матки закрыта и у нее нет признаков токсикоза – то есть никаких признаков инфекции. Анализ околоплодной жидкости, проведенный вчера, показал, что поверхностные уровни плода несколько ниже нормы. А это означает, что легкие младенца будут в порядке, если она родит в настоящее время. Но каждый лишний день нахождения ребенка в утробе повышает его шансы. – Тут Сара несколько повернулась к Питеру, благодарная, что он до сих пор не прервал ее, позволил говорить. – Ее наблюдает доктор Снайдер, заведующий родильно-гинекологическим отделением, – размеренно продолжала она, как на уроке. – Он пытается задержать ее предродовые схватки с помощью тербуталина. Пока что она положительно реагирует на это лечение, хотя у нее и продолжаются отдельные схватки с регулярными промежутками. А теперь, мистер Эттингер, прошу нас простить, нам надо осмотреть отделение помощи на дому. Доктор Снайдер находится в больнице. Если у вас есть другие вопросы, то я советую обратиться к нему.

– Я вызвал «Скорую помощь», – сообщил ей Эттингер. – Все обсудил с дочерью. Она хочет немедленно уехать из этой больницы. Я принимаю меры, чтобы ее осмотрели в госпитале «Уайт Мемориал» перед тем, как везти домой.

Сару потрясли эти слова.

– Не верю, что она пойдет на это.

– Если хотите, спросите ее сами, – лицемерно посоветовал Эттингер. Он посмотрел на троих студентов-медиков с

уничжительным презрением. – Ответы не в «Настольном справочнике для врача» или в ваших хитроумных анализах, – продолжал он менторским тоном. – Они в сознании и душах ваших пациентов. Не забывайте об этом в своей медицинской деятельности, и вы поймете, что я имею в виду. И однажды, когда кто-нибудь из вашего начальства распорядится дать пациенту то или иное лекарство, использовать которое уговорил его какой-нибудь торгаш от фармацевтики, обратитесь к нему с простым вопросом: «Почему именно это?»

– Мистер Эттингер, уверена, что студенты рады познакомиться с вашими взглядами на их будущую профессию. – Сара пыталась перебороть свое раздражение. – А теперь прошу извинить меня. Пойду поговорю с Аннали. Без посторонних. Если вы попытаетесь вмешаться, вызову службу охраны.

– Валяйте, говорите, – вызывающе произнес Эттингер. – Сомневаюсь, чтобы вам опять удалось задурить ей голову. После того, как вы убедитесь, что она хочет уехать отсюда, прошу оформить ее выписку из больницы.

Студенты обменялись смущенными, неловкими взглядами;. Да и сама Сара удивилась, что Эттингер источал такую убежденность. Она гадала, что же он сказал такое Аннали – что он обещал ей, – что она согласилась уехать из МЦБ. Что-то очень важное для нее, не иначе. Иначе просто нельзя было...

В это мгновение раздались вопли Аннали Эттингер.

– О Господи, помогите! Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь! Помогите мне!

Две медсестры, Сара и Эттингер, толкаясь, бросились в палату, трое студентов не отставали от них. Пронзительные вопли Аннали наполнили коридор.

Сара первой влетела в дверь. Аннали лежала на боку брыкала ногами и жалобно подвывала. Катетер для внутривенного вливания выдернулся. Из места соединения густо текла кровь, пропитывая простыню, на которой расплзлось темно-красное пятно.

– Руки! – завопила она. – Они сводят меня с ума от боли. Обе руки.

– Вызовите радиосигналом доктора Снайдера, – немедленно приказала она.

Она быстро натянула перчатки, схватила полотенце и придавила место переливания, позаботившись о том, чтобы Аннали оставалась на боку с тем, чтобы тяжелая, наполненная жидкостью матка не давила на основную артерию и вены и ее живота.

– Сьюзи, быстренько подготовьте другую капельницу, пожалуйста, – распорядилась Сара, сохраняя внешнее спокойствие. – Питательная смесь Рингера. Игла с большой пропускной трубкой.

– Что тут произошло? – спросил Питер. – Что с ее руками?

– Руки... мои руки, – продолжала стонать женщина.

Сара увидела, что мякоть под ногтями Аннали – подушечки под ногтями – потемнели. Ее пальцы еще двигались, но она растопырила их в форме клешни. Сара проверила пульсы в радиальных артериях. Они прослушивались, хотя и слабо, на каждой кисти.

– Только что звонил доктор Снайдер, – произнесла, едва дыша, сестра. – Сейчас будет. Лаборанты тоже. Вот пятьдесят демерола и пятьдесят вистарила. Он сказал вводить это, если кровотечение не сильное. А если сильное, то тридцать пять демерола. Сейчас устанавливают монитор для наблюдения за плодом.

Тоненькая струйка крови потекла из одной ноздри.

– Давайте сейчас введем вот это, – мрачно распорядилась Сара. – И измерим температуру. – Похоже, у нее жар. Вся горит.

– Требую, чтобы мне объяснили, что здесь происходит, – заявил Питер.

Сара сурово взглянула на него.

– Она больна. Даже вы можете понять это. Питер, вы только что были у нее. Не заметили ли вы что-нибудь ненормальное?

– Я... она... гм... она сказала, что у нее болит голова и руки стали как свинцовые.

– И это все? – спросила раздраженно Сара. – Питер, пожалуйста, подождите в холле и не мешайте нам работать.

– Я хочу увидеть доктора, который за ней наблюдает.

– Сьюзи, пожалуйста, позвоните в службу охраны и...

– Ладно, о'кей. Я ухожу. Но буду находиться прямо за дверью. И буду слушать.

– Простите, что я веду себя как плакса, – всхлипывала Аннали. – Но мне больно... очень больно.

В следующие минуты поднялась суматоха, которая всегда сопутствует кризисным ситуациям. Появилась третья медсестра с монитором для контроля над плодом, потом старшая медсестра и лаборантка для взятия крови на пробу. Одна из сестер сообщила, что температура прямой кишки 103 по Фаренгейту. Подвывание Аннали выводило из себя, как будто сто кусочков мела скребли по сотне, грифельных дощечек. Обстановка в палате наэлектризовалась до крайности. В памяти были еще живы картины других почти идентичных случаев, закончившихся трагически.

Сара и медсестры не могли помещать Аннали корчиться от боли, но, используя хладнокровие, навыки и дружную работу, сумели поставить в нужное место внутривенную иглу с большой полостью. Перед подключением капельницы для введения питательной смеси Рингера Сара набрала через эту иглу большой шприц крови для лабораторных исследований. Об этом проколе вены можно теперь не беспокоиться, здесь кровотечения не будет. Успокаивающий, снимающий боль укол демерола был сделан как раз перед тем, как в палату примчался Рэндал Снайдер. Он быстро оценил обстановку.

– О, неужели опять, – прошептал он, но недостаточно тихо, и его восклицание услышали.

– Я осмотрела ее сорок пять минут назад, она была в полном порядке, – сказала Сара. – Ее отец находится здесь, в холле за стеной.

– Знаю, я его видел.

– Он был у нее пятнадцать минут назад. Она жаловалась на головную боль и тяжесть в руках. Потом вдруг раздались ее вопли. Кровь для лабораторных анализов взята. Я распорядилась, чтобы провели четыре независимых друг от друга анализа.

– Пусть удвоят число анализов. Ой-ой, да она просто пылает. – В его голосе зазвучали нехарактерные для него панические нотки.

– Ее температура в прямой кишке сто пять, – добавила Сара. – Мы только что измерили.

– Я позвонил доктору Бленкеншипу. Он подойдет с минуты на минуту.

– Прекрасно. Аннали, послушайте. Держитесь. Мы только что сделали вам обезболивающий укол. Сейчас вам полегчает.

Сара опять отерла ее лоб и стерла полосочку крови с лица. Но кровь, тут же снова начала стекать.

– Извините, что я веду себя как ребенок, – Аннали опять начала всхлипывать. – Но руки просто убивают меня. Теперь начинают ныть ноги. Что происходит со мной?

– Пока что не знаю, – ответила Сара. – И не извиняйтесь. Вы держитесь удивительно мужественно. Сейчас придет терапевт и поможет нам.

– Сара, – спросил Снайдер, – принимала ли она вообще ваши предродовые витамины.

Сара покачала головой.

– Но в карточке при ее поступлении в больницу я записала, что она принимала раньше, – тихо добавила она. – Четыре года назад.

Дыхание Аннали стало более легким. Она повернулась и легла на спину. Ее сузившиеся зрачки говорили о том, что началось воздействие демерола.

– То же самое случилось с другими женщинами, правда? С теми, которые умерли?

– Этого мы не знаем, – ответил Снайдер. – Аннали, мы делаем все возможное, чтобы исправить то, что с вами происходит. Мы также ведем наблюдение за ребенком. Если возникнут осложнения, то мы готовы сделать кесарево сечение. – Он взглянул на показания монитора. – Пусть кто-нибудь еще раз вызовет доктора Бленкеншипа.

Но буквально через несколько секунд Ели Бленкеншип был уже в палате.

– Что там делает Эттингер? – спросил он.

– Аннали – его дочь, – объяснила Сара. – Аннали, это – доктор Бленкеншип, главный врач.

– Мы знакомы, – сказал Бленкеншип. – К тому же совсем недавно я осмотрел ее. Аннали тоже включили в обследования, которые мы проводим ежедневно, беря пробу крови у каждой новой пациентки акушерского направления. Ваша фамилия по мужу Барнс?

Аннали отрицательно покачала головой.

– Мы записали ее под такой фамилией, потому что ее отец сторонится больниц, – пояснила Сара. – Особенно нашей. Аннали не хотела, чтобы он узнал, где она находится. Но он каким-то образом все-таки узнал.

– И я очень внимательно наблюдаю за тем, что здесь происходит, – крикнул Питер из-за двери.

– Ладно, только не мешайте нам, – огрызнулся Бленкеншип, приступая к осмотру.

– Питер, пожалуйста, – взмолилась Аннали. – Делайте, что они говорят. Лекарства подействовали. Руки уже не так болят.

– Благодарю вас за то, что вы это ему сказали, – заметил Бленкеншип. – Обещаю вам переговорить с ним, как только выясню, что с вами происходит.

Кровь теперь начала струиться из обеих ноздрей.

– Проклятье, – прошептал Снайдер. – Ели?

– Ввести тилебол в прямую кишку, максимальное переливание, проверьте, чтобы лаборатория дала полный анализ, – отчеканивал Бленкеншип: – Каждую минуту проверять давление и пульс, немедленно две единицы крови, а всего десять единиц. Задержка недопустима. Узнайте также, кто дежурит из гематологов.

Знаком он попросил медсестру занять у койки вместо Сары, а саму Сару и Снайдера отвел к другой стороне палаты. В нескольких шагах от них прижались к стене три студента, похожие на статуи с широко раскрытыми глазами. Сара не привлекла их к делу, но и не выставила за дверь.

– У нее более ранняя стадия схваток по сравнению с другими, – начал Бленкеншип. – Но этот процесс развивается у нее быстрее, чем у всех остальных.

– Я не припомню, чтобы у кого-нибудь из других был жар, – заметила Сара.

– Действительно, не было.

– Даже если это и так, все равно это похоже на ВСК.

– Согласен.

– Знаете, Сара, – продолжал Снайдер, – допустим, что лаборатория подтвердит это, и мы получаем еще один случай заболевания, о чем говорила Роза Суарес. Случай, который, наконец, снимет вас с крючка во всех отношениях.

Сара еле удержалась, чтобы не выговорить своему начальнику за неуместные в данный момент высказывания. Но она отдавала себе отчет в том, что Аннали не принадлежала к кругу близких ему людей, а обвинения против его следующего старшего стажера серьезно дезорганизовывали работу отделения.

– Я бы солгала, если бы сказала, что такое соображение не приходило мне на ум, – вслух произнесла Сара. – Но в данный момент больше всего меня занимает сама Аннали. Думаю, что надо немедленно делать ей сечение. Вспомните, как быстро Лиза стала поправляться, когда освободили ее от плода?

– В данный момент ее состояние недостаточно стабильно, чтобы идти на сечение. Показания монитора пока не меняются. Думаю, что с шестью с половиной недель недоноса и учитывая, что в последние часы схватки стали приходить реже, нам следует просто постараться держать под контролем ее кровотечение и свертывание крови.

– Согласен, – поставил точку Бленкеншип.

Сара знала, что на медицинских консилиумах с участием двух авторитетных профессоров ее мнение тоже имело свой вес, но только в той степени, в какой оно совпадало с их взглядами. В данном случае оно не совпало. Неизвестно, по какой причине, но кесарево сечение совершенно излечило Лизу Саммер. Она извинилась и снова возвратилась на свое место возле койки. Укол демерола значительно успокоил Аннали, она вся взмокла от пота, но кровотечение из носа и первого внутривенного прокола усилилось. Ткань под ногтями ее рук и ног стала такой же темной, какой была у Лизы. И все же Сара, продолжая наблюдение, не могла отделаться от чувства, что эти два случая различались в чем-то кардинальном. Во-первых, появился жар. Ни у Лизы, ни у других госпитализированных пациенток не отмечалось повышение температуры, хотя, конечно, ВСК могло сопровождаться температурой. Затем ужасающая быстрота развития симптомов у Аннали. И наконец, беспокоящая слабость пульса в точках иглоукалывания. Сара пыталась приписать это странное явление изменениям в циркуляции крови. Но инстинктивно она чувствовала, что подходит к чему-то очень важному. Что бы это ни было – может быть, какой-то вид системного токсина, – но это затрагивало каждый орган организма женщины.

Она вновь подошла к заведующим двух отделений, пожала плечами.

– Не собираетесь ли вы предложить что-то? – спросил Снайдер.

– Не знаю. Могу попытаться сделать то же, что и с Лизой. Но гарантии нет.

Снайдер посмотрел на показания монитора зародыша. – Ели, я предупредил анестезиолога и педиатра, они наготове. Но я хотел бы использовать все другие возможности прежде, чем пойти на сечение.

Прибежал посыльный отделения и подал Ели компьютерную распечатку.

– Эти показатели загустения очень похожи на то, что происходило с Лизой, – сказал он. – Они почти наверняка подтверждают наличие ВСК. Придется вводить ей гепарин, Сара, если хотите, можете использовать минут десять... или пятнадцать, если ей не станет хуже.

– Ничего не обещаю, но сделаю все, что смогу, – отозвалась Сара. – Пожалуйста, поговорите кто-нибудь с ее отцом, скажите ему, что я собираюсь сделать.

Голова ее шла кругом, она промчалась мимо Питера, спустилась через этажи для беременных и рожениц. Уже несколько месяцев она надеялась, что Роза ошибалась в том, что они увидели только верхушку айсберга. Молила Бога, чтобы случай с Лизой был последней трагедией в результате ужасных, злокачественных осложнений при деторождении. Теперь угроза нависла над жизнью Аннали Эттингер и ее ребенка. Но если это то же самое, откуда жар? Почему такой необычный характер пульса в двенадцати точках иглотерапии? Почему такое быстрое развитие симптомов?

По туннелю она добралась до здания «Тайер», прошла мимо лифта и бегом поднялась на пятый этаж, к своему шкафу.

«Два поворота направо, остановка на цифре три... поворот налево до сорока...»

Сара, как всегда, нашептывала про себя номер комбинации замка, набирая его. Еще полкруга не доходя до цифры сорок, диск заело. Попытавшись повернуть его, Сара проскочила нужный номер. Она выругалась вслух. Даже в наиболее критические моменты в операционной ее пальцы всегда оставались наиболее надежными ее союзниками. А теперь, когда Аннали оказалась в такой беде, они отказывались слушаться ее. Она хотела начать набирать комбинацию сначала, когда заметила царапины на металлической двери, прямо под замком. И вместо того чтобы набирать комбинацию, она просто потянула за замок. В ее голове громко застучала кровь, когда дверца распахнулась. Ее лакированной коробочки с лечебными иголками на месте не оказалось, так же, как и электростимулятора, который она

изредка прикрепляла к иголкам. На их месте лежала запечатанная коробка федеральной службы «Экспресс», адресованная ей в МЦБ. На коробке лежал небольшой коричневый бумажный пакет.

Трясущимися руками Сара достала из пакета стеклянный пузырек и квитанцию. Пузырек был пуст, но наклейка на нем давала ясное представление о том, что происходило. Она отвечала также на терзающие вопросы о клиническом состоянии Аннали.

"КРОТАЛИД (смесь гремучих змей). ЯД – ТОЛЬКО ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕЛЕЙ

*ВНИМАНИЕ: сильнодействующий яд
держите под рукой антивенин, проверьте
способ употребления".*

Квитанция была выписана на ее имя в ответ на заказ по почте, направленный фирме-поставщику в Хьюстоне. Сара положила пузырек в карман своего халата и аккуратно вскрыла коробочку федеральной службы «Экспресс». Она ни секунды не сомневалась в том, что в ней находилось. Многовалентный кроталиновый антивенин – двадцать ампул.

Страшно потрясенная, Сара стояла в одиночестве возле своего открытого шкафа в слабо освещенном коридоре четвертого этажа здания «Тайер». Вполне было похоже на то, что в ее кармане находилась адская, неминуемо смертельная причина состояния Аннали, У нее же в руках находилось и лекарство. Никто не поверит ее словам о том, что и пустой пузырек и упакованное противоядие положил в ее шкаф кто-то, кто ввел яд Аннали.

Если ее рассказ о смерти Эндрю поставил доверие к ней в МЦБ на грань возможного, то эта последняя история полностью покончит с ним.

Скорее, легче будет поверить в то, что Сара сама ввела яд гремучей змеи, чтобы создать видимость случая появления ВСК во время предродовых схваток, который был бы не связан с использованием лекарственных трав. То, что Аннали вроде бы была с ней в дружеских отношениях, ни на кого не произведет впечатления – особенно если Питер распространит какую-нибудь сочиненную им историю об их отношениях. Зачем же тогда Сара позаботилась о противоядии? Некоторые люди будут рассуждать, что, возможно, она хотела создать драматическую, но не смертельную ситуацию, но

промахнулась. Только когда дело приняло для Аннали совсем плохой оборот, она решила принести антивенин – и дать надуманное объяснение, что она вдруг обнаружила его в своем шкафу. Возможно, другие будут утверждать, что первоначально ей было безразлично, будет ли это дело иметь смертельный или несмертельный исход. Но, увидев ужасные мучения Аннали, она неожиданно изменила свое отношение.

Такие две группы могут спорить относительно нюансов. Но ясно, что может быть только одно, всего одно логическое объяснение чудесного открытия Сарой и причины возникновения, и лечения заболевания ВСК. Сара наверняка сама ввела этот токсин. Только недоумки не поверят этому.

На мгновение в ее голове мелькнула мысль о том, чтобы просто выбросить пустой пузырек и антивенин. Она может сказать, что ее шкаф был взломан и лечебные иглы украдены. Подставил ее явно очень продувной человек. Если повезет и будет применено экстренное лечение, то Аннали и ее ребенок – или, по крайней мере, кто-то из них – могут выжить. И, как сказал Рэндал Снайдер, с появлением случая ВСК, который не связан с дополнительными лекарствами из трав Сары, она соскочит с этого крючка. Пока мысли Сары лихорадочно мчались к такому пониманию, она уже во весь дух неслась вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, в туннель, прижимая к груди, как футбольный мяч, драгоценную коробку федеральной службы «Экспресс».

Сцена в палате Аннали почти не изменилась с тех пор, как она вылетела из нее, за исключением того, что подошла гематолог Хелен Стодард, которая совещалась теперь с Ели и Рэндалом Снайдером. Сара чертыхнулась при виде ее. После их стычки из-за Лизы Грейсон они проходили мимо друг друга, сидели рядом на собраниях, но не обменялись ни одним словом.

«Так-так, доктор Стодард, – подумала Сара, подходя к трем штатным врачам, – если вы и раньше думали, что я знахарь, то теперь вы твердо решите, что я помешалась, стала сумасшедшей с уголовными наклонностями!»

– Мне надо поговорить с вами вон там – шепнула Сара, показывая на один свободный угол палаты. – Об очень важном.

– Господи, опять? – простонала Хелен. – Ели, я думала, что вы обещали...

– Хелен, либо замолчите, либо уходите, – отбрил ее Ели с несвойственной ему агрессивностью. – Эта девушка в большой беде. Мы должны сделать все, чтобы спасти ее.

– Что там такое? – спросил Снайдер. – Собираетесь вы давать ей гепарин или нет?

– Да, – быстро и решительно ответила Хелен Стодард.

– Думаю, что лучше сначала выслушать меня, – возразила Сара.

Она в нескольких словах объяснила, что обнаружила в своем шкафу и показала трем врачам содержимое коробки почтовой службы «Экспресс».

– Меня беспокоила высокая температура у Аннали, скорость нарастания симптомов и характер пульса в трех точках иглотерапии. Все это объяснимо, если речь идет об отравлении кроталидом.

– Вы совершенно спятили, – заявила Хелен Стодард. – Кто-то нарочно положил это в ваш шкаф? Неужели вы думаете, что мы можем проглотить такую...

– Проклятье, Хелен, – оборвал ее Ели. – Неужели вы не можете хоть раз выслушать человека.

Женщина взглянула на него, потом на Сару. Затем повернулась и демонстративно вышла из палаты. Минутой позже в палату влетел Питер Эттингер.

– Что все-таки, черт возьми, тут творится? Почему ушла гематолог, и так демонстративно? – задиристо спросил он.

Ели двинулся ему навстречу, но Сара подняла руку и остановила профессора.

– Подождите, доктор Бленкеншип, – сказала она. – Я знаю, как дорога Питеру Аннали, и я знаю, как его беспокоит то, что тут происходит. – Разрешите мне сказать ей пару слов. – Она шепнула что-то на ухо Аннали и вернулась опять к группе. – Аннали сказала, что не возражает, если он останется в палате.

– О'кей, – рявкнул Бленкеншип. – Но одно скандальное слово, Эттингер, и вам придется уйти.

– Питер, Аннали отравили, – объявила Сара. – Кто-то добавил яд кроталид либо в трубку, либо в бачок капельницы. Я недостаточно много знаю об этом яде, чтобы определить, как и когда его подлили.

Но я абсолютно уверена в том, что говорю. Важно немедленно ввести ей антивенин.

– Это какое-то безумие, – воскликнул Эттингер.

– Откуда вы знаете, что в этих флаконах действительно антивенин? – спросил Рэндал Снайдер.

– Ну, хотя бы потому, что флаконы запаяны. Потом, если бы тут было что-то другое, а не антивенин, то зачем бы это класть в мой шкаф.

– Но можно предположить, что положили что-то другое, – сказал Питер.

– Доктор Бленкеншип, – спросила Сара, пропустив мимо ушей замечание Эттингера, – оказывает ли антивенин какое-либо побочное воздействие?

– Аллергическая реакция к лошадиной сыворотке, в которой готовится это лекарство, думаю, – произнес Бленкеншип. – Ничего другого в голову не приходит.

– Тогда никаких проблем.

– Дайте-ка, разрешите взглянуть на вложенное в коробку описание.

Рэндал еще раз взглянул на показания монитора зародыша. – Ели, пульс младенца слегка замедлился. Надо решать.

– Отравление кроталидом, – произнес Питер. – Сара, да вы просто спятили.

– Эттингер, мы же договорились, – предупреждающе произнес Ели, колко глядя на высоченного мужчину из-под своих густых бровей. – Или стойте спокойно по другую сторону кровати, или убирайтесь отсюда к такой-то матери.

Питер потоптался в нерешительности, потом довольно смиренно поступил так, как ему велели. Ели быстро просмотрел содержание инструкции, потом втянул содержимое десяти ампул в большой шприц. Сара объяснила Аннали, в чем дело. В палате воцарилась мертвая тишина, когда Ели воткнул иголку шприца в резиновую трубку капельницы и медленно влил мутноватую жидкость в ее кровь.

Реакция на антивенин последовала незамедлительно.

Меньше чем через пять минут Аннали сказала, что острая боль в конечностях стала ослабевать. Через двадцать шесть минут после инъекции кровотечение из носа и из прокола от иглы полностью

прекратилось. К началу вечера температура снизилась, и лабораторные показания всех других параметров приблизились к норме.

Через шесть часов после введения антивенина Гленн Пэрис созвал срочное заседание исполнительного комитета совета попечителей больницы и представителей персонала. Заслушав выступления Рэндала Снайдера, Ели Бленкеншипа, Хелен Стодарт и медсестер из подготовительного и родильного отделений, участники совещания единогласно проголосовали за то, чтобы немедленно отправить Сару в длительный оплачиваемый отпуск за счет больницы и отстранить ее от стажерства до тех пор, пока не будут с полной определенностью выявлены все детали произошедшего с Аннали.

* * *

Перед тем, как личность погибшего была окончательно установлена, его тело пролежало три дня в морге судебно-медицинского эксперта штата. Слово «тело» не давало правильного описания того, что сохранилось на скелете. Неделями раньше команда траулера, которая вела рыбный промысел за семьдесят пять миль от берега штата Массачусетс, выловила это тело вместе с несколькими сотнями фунтов пикши.

На скелете не осталось ни клочка одежды, ни кусочка плоти, за исключением нескольких хрящей на ребрах и на отдельных суставах. И все же судмедэксперт сумел установить, что смерть наступила где-то в пределах последних шести месяцев. Ему также не составило труда установить, что речь шла об уголовном преступлении. Об этом говорили смещения двух шейных позвонков. Характер костных остатков явно говорил о применении грубой силы. К конечностям скелета были привязаны веревками грузовые балласты для ныряльщиков, то же и в том месте, где раньше находилась талия, это окончательно снимало последние сомнения.

Теперь медико-судебный эксперт рассматривал рентгеновские снимки зубов, полученные от полиции Бостона, сравнивая их со снимками зубов скелета. Он надиктовал то, что удалось выяснить, на портативный магнитофон и потом позвонил детективу в полицейское управление Бостона, который прислал рентгеновские снимки.

– Думаю, что вы можете связаться с семьей пропавшего и сообщить им, что судьба этого человека установлена, – проговорил в трубку судебно-медицинский следователь. – К несчастью, похоже, что доктор Трюскот больше не будет делать операций.

Глава 35

Вскоре после обеда в дверь к Розе постучалась миссис Анни Фруманян.

– Из Атланты звонит этот очаровательный мистер Малхолланд, – прочитала она.

Малхолланд, который улетел домой сразу же после посещения «Био-Вир», все-таки одну ночь переночевал в ее гостинице и позавтракал утром вместе с ней. Он отличался легендарной бессонницей и высказал массу бесценных замечаний, слушая за полночь рассказы миссис Фруманян о своей жизни. Потом говорил Розе, что никакая сонная таблетка не клонила его ко сну так, как убаюкивающая болтовня этой говорливой дамы.

– Кен, что-нибудь удалось получить? – спросила Роза, когда убедилась, что хозяйка положила свою трубку телефона.

– Мы раскопали адрес трехгодичной давности и пока что ничего больше, – ответил вирусолог. – Если вы найдете по этому адресу мистера Фезлера, то, может быть, скажете ему, если имеющийся у нас номер социального страхования правильный, что мы случайно насторожили налоговую службу, а он уже четыре года не подает сведений о своих доходах.

Фезлер, создатель вируса CPV113, почти наверняка был тем самым пугливым, заикающимся шибздиком, который пытался подойти к Саре. И, несмотря на то что ветераны компании «Био-Вир» помнили, что он проработал с ними пять лет, никто из них ничего не знал о его личной жизни, а в отделе кадров не сохранилось никаких документов о том, что он вообще когда-либо работал в их лаборатории. Из того немногого, что им удалось узнать в «Био-Вир», у Розы и у Кена сложилось впечатление, что это был исключительно одинокий, очень умный, когда-то поразительно толстый мужчина лет сорока или пятидесяти. Он страшно похудел, работая в «Био-Вир». А также угробил большое число обезьян: И к большому ужасу зрителя животных Клетуса Коллинза, карточки на тех приматов, как и досье на самого Фезлера, куда-то исчезли.

Именно Малхолланду пришла в голову мысль использовать компьютерную систему поиска «фастфайнд». Эта система была установлена в 1981 году по распоряжению комиссии, секретно созданной президентом страны. Перед ней была поставлена простая и практическая задача – отбирать людей для работы в государственном аппарате. Установка системы обошлась в двенадцать миллионов долларов, но уже в течение первого года ее использования удалось окупить эти расходы только на выявлении лиц, которые уклонялись от уплаты налогов. Она действовала на быстрой интеграции всех данных, имевшихся в службе налоговой инспекции, ФБР, в военном ведомстве, в полиции, администрации социальной безопасности, управлении выдачи паспортов, службах иммиграции и натурализации; учреждениях кредита, отделениях по безработице, автоинспекциях по выдаче водительских прав и дюжины национальных почтовых списков. Департамент Розы неоднократно использовал эту систему, чтобы отыскать людей, которые подвергались воздействию заразной среды или опасных токсинов.

– Адрес, по которому числится Фезлер, в районе Бруклина, – добавил Малхолланд.

– Знаю, где расположен Бруклин.

– Бич, 331, квартира 2-Ф.

Роза записала адрес, потом отыскала эту улицу на городской карте.

– Нашла эту улицу, – сказала она в трубку. – Придется еще раз прокатиться на такси. Не знаю, что пугает меня больше в этих поездках: плата или физиономия водителей. Может быть, стоит подумать о том, чтобы взять машину напрокат.

– Или у кого-нибудь на время. Не забывайте, что вы в отпуске по болезни. Не удастся компенсировать затраты за счет дяди Сэма. Роза, послушайте, есть тут еще одна интересная деталь. Пока я находился в Бостоне, один из моих сотрудников занимался исследованиями сыворотки крови Лизы. Получается, что ее уровень интерферона несколько выше нормы.

– Интерферона?

Розе понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем идет речь. Интерферон – противовирусный протеин естественного происхождения – хорошо известен, объект повсеместных

исследований, но пока малопонятное вещество. При большой дозировке оказывал явное противораковое воздействие. При небольших количествах, производимых самим человеческим организмом, несомненно, играл роль в том, что блокировал появление таких заболеваний, как лишай и ветрянка.

– Кен, – наконец, попросила она, – поделитесь со мной своими соображениями на этот счет.

– Ну, на данном этапе мне представляется это так, что Лиза подцепила неклиническую инфекцию СРВ113 без симптомов. Развитие этого вируса блокируется ее собственным интерфероном, антителами, а скорее всего, и тем и другим. Своего рода биологическая мексиканская ничья. Думаю, что у всех у нас в организме содержатся различные вирусные инфекции в неактивной форме. Некоторые из них могут даже вызывать раковые заболевания. В данном случае речь идет о дремлющей инфекции СРВ 113, которая не усиливается, но и не пропадает. Потом возникает какая-то особая ситуация, и зыбкое равновесие нарушается...

– Такое, как предродовые схватки.

– И бум! Вирус берет верх.

– И начинает во все больших масштабах производить то, что у него записано в ДНК. В нашем случае происходит необычайная активизация процесса свертывания крови и закупорки кровеносных сосудов.

– Вот именно. Потом напряженный момент проходит, организм вырабатывает больше интерферона и антител, пока не восстанавливается равновесие.

– Но бывают ли такие выбросы? Я имею в виду вирусы.

– Может быть, некоторое количество, – ответил Малхолланд. – Может быть, и большое количество. Но модель простейших лишаев – которые особенно хорошо изучены – показывает, что во многих случаях дело заканчивается ничьей. Любой человек, который простуживался или схватывал солнечные ожоги, и неоднократно, может подтвердить это. Вся область хронических вирусных инфекций пока что недостаточно изучена, чтобы знать, как точно протекает этот процесс.

– Кен, картина начинает постепенно прорисовываться.

– Возможно. Но все еще остаются сложные вопросы.

- Только теперь мы, возможно, знаем, у кого искать эти ответы.
- 013-32-0885
- 013-32-0885, – как эхо повторила Роза.

* * *

– Мэт Даниелс хотел бы увидеть мистера Мэллона, – сказал Мэт.

Он взглянул поверх головы секретарши, через застекленные окна библиотеки в сторону порта Бостона. Несколько лет назад он даже послал краткую справку на себя фирме «Вассерман и Мэллон». Его пригласили на собеседование с одним из младших партнеров, который попросил Мэта написать свой автограф на бейсбольном мяче и, кажется, задал один или два не связанных со спортом вопроса во время двадцатиминутного собеседования. Этот человек, фамилию которого Мэт не запомнил, не потрудился даже объяснить, что его заявление и не будет рассматриваться.

Мэту не пришлось объяснять Джереми Мэллону причину своего прихода. Несомненно, Роджер Фелпс ввел его в курс дела. Когда ему предложили выбрать место встречи, Мэт высказался за контору Мэллона, возможно, в виде великодушного, но иронического жеста, потому что свое помещение он еще не очистил от осколков разбитого стекла и от покореженной мебели.

– Мистер Мэллон ждет вас у себя в кабинете, – сообщила секретарша с явно английским акцентом.

«Ждет в своем кабинете, – пробормотал про себя Мэт. – Не является ли в данном случае такой акцент необходимым условием получения этого места?»

Джереми Мэллон, который встретил Мэта у дверей своего кабинета, выглядел не лучшим образом. Он осунулся и побледнел, слегка налившиеся кровью глаза запали. В воздухе стоял сильный запах освежающей воды, которой ополаскивают рот после пьянки. Похоже, что представитель фирмы «Вассерман и Мэллон» значительную часть ночи провел за бутылкой.

– Вы и на этот раз подготовились делать записи на пленку? – спросил Мэллон, закрывая дверь.

– Ну что вы, теперь это ненужное беспокойство. У меня уже есть пленка, которая мне может пригодиться.

– Вы грозили Фелпсу пустить в ход эту запись. Бросали в его голову бейсбольный мяч.

– Джереми, с расстояния в шесть или семь шагов, если бы я действительно целился ему в голову, старина Роджер оказался бы в палате усиленного лечения.

– Как я могу убедиться, что магнитофон был действительно включен? Как я могу проверить, что на пленке действительно что-то записано?

Мэт грустно улыбнулся.

– Адвокат при всех случаях сначала юрист, – произнес он. – Ну что же, во-первых, Джереми, тут даже нет большой разницы, имеется ли такая пленка или ее нет. Как только инспектору ассоциации юристов покажут правильное направление, то ему не надо быть специалистом по ракетам, чтобы сообразить, что происходит. И во-вторых, я пришел сюда к вам не затем, чтобы шантажировать. Я пришел для того, чтобы полностью и окончательно снять иск против моего клиента.

– Договорились, – сразу же выпалил Мэллон.

– Вы говорите это от имени Грейсона?

– Можете понимать это так.

– Я хочу также подробнее узнать, почему вы вдруг изменили позицию и дали Фелпсу указание пойти на любовную сделку.

– Может быть, я вам и скажу об этом. Однако вначале я хотел бы с вами кое о чем договориться.

– Например?

– Например, о том, что у нас есть вакантное место. Если хотите, можете занять его. Два года младший партнер, потом – повышение. Для начало гарантируется сто пятьдесят годовых.

– Тысяч?

– Ясное дело. – Из стола он достал документ. – Я подготовил контракт. Гарантии здесь выделены особо. Свою подпись я уже поставил. Просто распишитесь внизу, и на двери появится табличка с вашей фамилией.

Мэт просмотрел две странички. Простой заголовок: «СОГЛАШЕНИЕ». Он подумал о Гарри и что бы значил для них обоих

такой доход на этой стадии игры.

– На вашем лице ничего не отразилось, – заметил Мэллон.

Мэт сложил соглашение и положил его во внутренний карман пиджака.

– Мне надо изучить это, – пояснил он. – А теперь, почему вы решили отказаться от дела Болдуин?

– Потому что вы начали выигрывать. Вот почему.

– Это – просто треп. – Мэт поднялся, чтобы уйти.

– Ладно, о'кей, – примирительно продолжал Мэллон. – Согласен, что о результатах бабушка еще надвое сказала. Но вы начали наступать сильно. Очень сильно. И я понял, что допустил ошибку, берясь за это дело.

– Какую же именно ошибку?

– Садитесь же, ради Христа. Спасибо. А именно, мне не стоило связываться о этим гордецом и выскочкой Эттингером. Я ошибся, что вообще позвонил этому ублюдку. Он примелькался на телевидении, и я решил, что он – гигант холистских методов лечения.

– А он и действительно такой.

– Нет, мистер Даниелс. На самом деле он – обманщик. И к тому же мстительный человек. Только после посещения этого китайского магазина выяснилось, что Эттингер в течение трех лет состоял в любовной связи с вашей клиенткой. Он говорит, что не счел это важным. Не счел важным! Подумайте только. Лично я воспринимаю это так, что он отчаянно хотел расквитаться с ней, поэтому настаивал, чтобы его включили в группу. Какое ему дело до того, что его прошлая связь с подзащитной делает его столь же полезным для меня, как пара ботинок из свинца для бега? Потом он так же ловко забывает сообщить мне, что этот дурацкий порошок для похудения придумал какой-то малый, который работал в Медицинском центре Бостона.

– Вы имеете в виду Прамода Синга?

– Да, я имею в виду Прамода Синга. Ну, этот Эттингер силен, Мэт. Просто молоток.

– Что же вам известно о порошке?

– Не знаю, к чему вы клоните. О порошке мне вообще ничего не известно.

Мэт опять поднялся, чтобы уйти.

– О'кей, ладно. – Мэллон жестами просил Мэта опять садиться. – Где все-таки откопал вас Фелпс, черт возьми? На южной свалке Чикаго?

– Он недооценил меня.

– Не иначе. Ну, я знаю лишь одно о порошке Эттингера – и это сущая правда, – что происходит что-то подозрительное с деньгами, которые высылают эти мордастые люди.

– Продолжайте.

– После того как вы затронули вопрос о порошке во время показаний Эттингера под присягой, я попросил его рассказать мне все об этом. Естественно, он этого не сделал, но я особенно и не рассчитывал. Чертов гордец и выскочка. Поэтому я сам навел некоторые справки. Поручил это паре своих наиболее въедливых сотрудников. Согласно графикам на стене в кабинете Эттингера и количеству продукции, которая ежедневно уходит из упаковочного цеха, у этого порошка такой же головокружительный взлет, как у космической ракеты. Сейчас уже перевалило за десять тысяч заказов в неделю, и спрос растет. Четыре миллиона баксов в месяц.

– Ну и что?

– А то, что следов денег не видно.

– Как это?

– Эти телевизионные выступления прокручиваются по всей стране. Но адреса, по которым просят направлять чеки, и номера телефонов для обращения за заказами во всех районах страны разные. Их по меньшей мере восемь. Лос-Анджелес, Чикаго, Флорида, Нью-Йорк. Но почему-то все заказы стекаются к Эттингеру, в Хиллсборо – знаете, «Ксанаду». А деньги куда-то уходят по разным направлениям.

– Объясните.

– Я исхожу из того, что вы примете предлагаемое вам партнерство, Мэт.

– Вполне разумное предположение. Расскажите мне о деньгах.

– Они вращаются быстрее, чем наперсток в игре с тремя колпаками. И колпаков этих по крайней мере восемь, а то и больше. В каждом районе существует отделение, деньги кладутся на счета в какой-то банк соответствующего района. Потом по телеграфу их переводят в другой банк. В конечном счете деньги оказываются в банках стран Карибского бассейна и Европы, может быть, в дюжине

таких стран. Потом деньги опять начинают возвращаться к Эттингеру. Но из того, что нам пока что известно, видно, что возвращаются к нему совсем не такие суммы, которые утекают. Выглядит так, как будто во всем этом деле он младший партнер. У нас просто не хватает денег на подкуп всех банкиров, чтобы разобраться, как Эттингер и Синг или кто-то другой, кто наладил эту кухню, проводят свои операции или куда уходят остальные деньги. Но наружу вышел один факт, потенциально для нас очень крупный. По-настоящему крупный. Помимо чеков Эттингера, фонд «Ксанаду» получил мощную поддержку от кого-то по имени Т.Дж. МакГраф. До настоящего времени не меньше миллиона баксов.

– Ну и что?

– И скрипящая гранулирования общага – вы знаете, МЦБ, – была спасена от банкротства, получив огромную безвозмездную ссуду от так называемого фонда МакГрафа. До прошлой недели этот пройдоха Пэрис хранил в строжайшей тайне название этого фонда, как будто речь шла о комбинации цифр к семейному сейфу. В субботу они взрывают здание на территории больницы и начинают строительство нового исследовательского центра. И Пэрис оплачивает всю эту феерию деньгами фонда МакГраф. Разве это не совпадение?

– Не похоже на совпадение.

– Эттингер делает деньги на этом порошке, и тем же занимается Медицинский центр Бостона. Плюс то, что первоначально порошок был получен и опробован доктором, который работал в центре. Думаю, что, как только нам удастся узнать, что там на самом деле творится, мы сможем навсегда отлучить от этого занятия Гленна Пэриса и его разношерстную команду. Известно ли вам, какая нас ждет награда, если мы сумеем повернуть это дельце для «Эвервелл»? Знаете, какие бывают яхты?

Мэт ухмыльнулся.

– Всегда был очень догадлив, – отозвался он. – И это все, что вам известно о порошке?

– Пока что да. Мои сотрудники все еще занимаются выяснением. Когда примерно вы подпишете и возвратите это соглашение.

– Через день. Обещаю.

– Отлично. Мы ждем момента, когда возьмем вас на борт.

– Очень красочное и подходящее выражение. – Мэт так и не смог придумать предлога, чтобы не пожимать руки своему собеседнику.

– Всего наилучшего, – бросил он секретарше, проходя через комнату с картинами по пути к лифту.

Он вышел из роскошного административного здания и не прошел и квартала, когда встретил седого старика, везшего перед собой магазинную тележку, заполненную пластиковыми сумками, пустыми бутылками и другим мусором.

– Добрый день, – поприветствовал его Мэт, подавая пятидолларовую банкноту. – Как дела?

– Не жалуемся, хозяин. Жаловаться не на что, – ответил, широко улыбаясь, старик.

Свои нечесанные седые космы он повязал куском красной материи, а шею завязал скатанным зеленым пластиковым пакетом. Пакет был завязан обычным узлом, которым завязывают шарфы. Помимо того что ему явно не хватало нового галстука, он еще очень нуждался в том, чтобы побывать у зубного врача.

– Как ваша фамилия?

– Сиггинс, – ответил встречный. – Альфи Сиггинс.

– Прекрасно, мистер Сиггинс, у меня для вас хорошие новости. – Он вынул из кармана соглашение, которое вручил ему Мэллон, вычеркнул свою фамилию, вписал туда фамилию Альфи и попросил его подписать бумагу. – Видите вон то здание? Номер сто? Поднимайтесь на двадцать девятый этаж, покажите секретарше этот контракт и скажите ей, что вы – новый партнер мистера Мэллона. Если охранник попытает вас задержать, то просто покажите ему эту бумагу. Если хотите, продайте ее им. Но не продавайте дешево.

– Что я могу потерять на этом, хозяин? – спросил Альфи Сиггинс.

– Терять вам нечего, Альфи, – ответил Мэт. – Совершенно нечего. Вот, возьмите эту ножку зайца на счастье. Она на колечке.

Мэт провожал взглядом старика, пока он не скрылся вместе со своей коляской в доме номер 100. Потом отправился на стоянку, где запарковал свою машину. Через день пленка со словами Фелпса поступит в совет инспекторов юридической ассоциации.

Теперь пришло время сообщить Саре, что благодаря показаниям эксперта со стороны истца она больше не является ответчицей по делу о недобросовестном лечении. А потом, если у нее нет вызовов к

больным, он убедительно попросит ее отпраздновать победу, совершить совместную прогулку, смело и без всякого стыда пройти на людях под ручку.

* * *

Сару вызвали в кабинет Гленна Пэриса и сообщили ей, что впредь до нового уведомления она больше не является врачом-стажером Медицинского центра Бостона. Решение объединенного исполнительного комитета не явилось для нее неожиданностью, и она приняла его спокойно. Практически она была измотана до бесчувствия – затуркана неизвестным злопыхателем, который методично пытался погубить ее. Те немногие люди, которые все еще сохранили веру в нее в МЦБ, вряд ли стали бы защищать ее после недавних событий. Теперь ей было совершенно некуда идти, кроме как отправиться домой. Позже она позвонит Мэту... Он поймет, что ее опять подставили... во всяком случае, может понять.

Перед тем, как освободить свой шкаф, Сара зашла на этаж, где находилось родильное отделение, чтобы повидать Аннали. Частный охранник в форме, поставленный возле дверей палаты, твердо и не очень любезно отказался пропустить ее. Она зашла в ординаторскую, написала Аннали записку, снова указав на свою невиновность и объяснив по возможности понятно, как поступили с ними обеими. Она только что закончила писать и стала искать конверт, когда одна из сестер подала ей его. Сара уже собиралась поблагодарить женщину, но вдруг сообразила, что на поданном ей конверте было напечатано: «Доктору Саре Болдуин».

– Его только что принесла посыльная в розовой курточке, – пояснила медсестра, имея в виду добровольных разносчиков почты.

Медсестра повернулась и ушла прежде, чем Сара успела произнести хоть слово.

«Если вам интересно узнать об отравлении ядом гремучей змеи, то приходите в комнату 512 корпуса „Тайер“. Я встречу вас там ровно в шесть часов вечера. Никому об этом не говорите, пока не выслушаете меня. Вам это подстроили».

Записка была аккуратно напечатана и не имела подписи.

Сара взглянула на часы. Без пяти минут шесть. Она свернула записку, которую получила, и сунула ее вместе с той, что написала Аннали, в карман. Потом по туннелю прошла быстрым шагом в корпус «Тайер» и поднялась на лифте на пятый этаж. Комната 512 находилась в самом конце коридора. Она подошла к двери ровно в шесть часов. Внутри комнаты звонил телефон. Не постучавшись, Сара торопливо вошла в неосвещенную комнату и поспешила к телефону, дверь захлопнулась; Сразу стало темно, хоть выколи глаз. Не успела она повернуться, как сзади кто-то накинул на нее одеяло и бросил плашмя на кровать. Она закричала и попыталась бороться, но одеяло и навалившийся на нее злоумышленник сковали ее движения.

– Пожалуйста, не надо! – прокричала она.

Мужчина зажал в кулак ее волосы и ткнул лицом в подушку. Мгновение спустя она почувствовала острый, иголочный укол в затылке.

– Пожалуйста! – опять закричала она. – Пожалуйста, отпустите!

Голос заглушила мягкая пуховая подушка. Через несколько секунд ее захлестнула огромная волна головокружения и тошноты. Ноги и руки начали отчаянно дергаться. Стало трудно дышать. Мужчина не выпускал ее, хотя она уже и не пыталась больше вырваться. Беспомощная, Сара отчаянно старалась не потерять сознание – цеплялась за ускользавшую жизнь.

– Пожалуйста, – беззвучно простонала она. – Пожалуйста.

Все было тихо. Мысли разлетелись, на нее опустилась еще более тягостная тьма. В течение нескольких секунд она слышала бульканье в груди, когда легкие отчаянно втягивали в себя воздух. Потом и этот звук замер. Давящая темнота неумолимо поглощала ее. Потом охвативший ее ужас неожиданно и милосердно прошел.

Глава 36

Время приближалась к шести часам, когда Роза достигла жилого здания в районе Бруклина, где два года назад жил Уоррен Фезлер. Она поговорила со всеми жильцами этого дома, которые открыли дверь на ее звонок, и потом опять заехала в «Био-Вир», чтобы убедиться, не остался ли там кто-нибудь, кто мог бы пополнить ее сведения об этом человеке. Усилия ее в общем и целом оказались бесплодными.

Скудная информация, полученная от соседей, сводилась к тому, что Фезлер отличался спокойствием и скромностью, но в один прекрасный день просто не вернулся домой. Его мебель сложили в кладовую, а позже продали с аукциона. Секретарь агентства по сдаче жилья побожилась, что документы квартиросъемщиков хранятся по меньшей мере пять лет после того, как жилец выезжает. Но, видимо, Уоррен Фезлер и в этом оказался исключением. Роза окинула взглядом жилое здание. Наступило время вечерних семейных обедов. Может быть, ей удастся застать кого-то еще, кто в прошлый раз не был дома. Может быть, кто-то из тех, с кем она уже разговаривала, припомнит что-то дополнительно. Характерная для Суарес дотошность требовала, чтобы на еще раз прошлась по соседям. И она знала, что сделает это, пока не закончится день. Но, не желая снова начинать обзванивать всех подряд, она бродила в сгушавшихся сумерках, пытаясь придумать какой-то новый разумный шаг.

«Детали, – размышляла она, рассеянно идя по улице. – Надо думать об этом человеке... Думать об Уоррене Фезлере». Она уже прошла мимо небольшого магазинчика, когда остановилась. Из магазинчика доносился аромат свежее испеченного хлеба, только что срезанных цветов и фруктов. Продукты. Судя по описаниям, до своего удивительного преобразования Фезлер весил 230 фунтов или даже больше того. Вполне вероятно, что главным в его жизни была еда. А если это так, то магазинчик для гурманов в квартале от его дома вполне мог превратиться в место частых посещений.

Роза начала с кассира и поочередно поговорила со всеми работниками магазина. Четвертый человек, с которым она

разговорилась, пожилой мужчина в мясном отделе, оказался для нее находкой.

– Конечно, я знал Уоррена, – сказал мясник. – Он был одним из самых приятных людей, которые сюда приходили. Просто прелесть. Никогда много не болтал – вы знаете, у него было что-то с речью. Он мог отдать вам последнюю рубашку.

– А в последнее время он сюда заглядывал?

– Да уже давно не был. Наверное, месяца два, три. Не показывался с минувшего лета.

Несколько месяцев. Фезлер съехал с квартиры два года назад, а продолжал ходить в этот небольшой магазинчик.

– Не знаете, почему он прекратил ходить к вам за покупками или где бы я могла найти его? – спросила Роза.

– Нет. Но готов держать пари, что это знает миссис Ричардсон. Славная старая женщина. Плохо видит, да и ходить ей трудно. Наверное, она живет одна. Уоррен, бывало, носил ей продукты, чтобы она не тратилась на доставку. А с тех пор как он перестал тут появляться, мы доставляем ей продукты на дом. Бедная старушка. Для таких, как она, и три дополнительных доллара большие расходы.

– Вы попали в точку! – воскликнула Роза.

Пятнадцать минут спустя она уже заваривала чай и убиралась на кухне у Элси Ричардсон. Старая дева, которой было не меньше девяноста, а вполне вероятно, и больше, жила в захлавленной двухкомнатной квартире цокольного этажа с тремя кошками, которые, казалось, были не моложе хозяйки. Она мучительно медленно передвигалась на отекающих ногах с опухшими коленками и еле различала предметы в своей квартире. Несмотря на это, она как-то обходилась без посторонней помощи и обладала прекрасным и удивительным умом.

– Я – мисс, а не миссис, – поправила она Розу. – Я все ждала мужчину, который был бы умнее меня, но такой так и не подвернулся... во всяком случае, до появления мистера Фезлера.

– Очень приятно слышать, – продолжала она, – что с мистером Фезлером все в порядке. Он уже несколько недель не заглядывал ко мне.

– Мне неизвестно, в порядке он или нет, мисс Ричардсон. Я просто пытаюсь разыскать его.

– Дайте мне немного молока с лимоном, дорогая. Лимон лежит на нижней полке холодильника, с левой стороны. Где находится это, я знаю, а вот куда подевался мистер Фезлер, мне неизвестно. Об этом он никогда не говорил. Такой добрый человек. Вы знаете, как мы с ним познакомились? Я упала, вот как. Прямо перед магазином. Он поднял меня и отряхнул. И это оказался мой последний выход в магазин. Шесть долларов в неделю. Вот сколько он экономил мне. Не говоря уже о деньгах, которые он мне давал. Я отказывалась. Где там, он просто их оставлял на столе.

– По рассказам, он действительно похож на хорошего человека, – подхватила Роза, невольно все же вспомнив об ужасных случаях смерти женщин от ВСК. – Мисс Ричардсон, не знаете, куда он мог отправиться... если бы у него возникли неприятности? Какие-то друзья или родственники?

– Никого, о ком бы я... подождите. У него есть сестра, которую зовут Мэри. Нет, не Мэри, Марта. «Моя сестра Марта» – так он постоянно называл ее. Просто не верится, что я могла совсем забыть об этом. Ах, простите, милочка.

– Вы держите себя молодцом, мисс Ричардсон, – подбодрила ее Роза, кладя печенье на чайное блюдечко женщины. – Вы не помните, фамилия Марты была тоже Фезлер?

– Нет, боюсь, что... – Лицо ее вдруг прояснилось. – Календарь, – сказала она.

– Календарь?

– Мистер Фезлер говорил, что это реклама предприятия его сестры. Он принес его мне, потому что на нем крупные цифры и буквы. И повесил его у меня. Но я на него почти не смотрю. Он вон там, дорогая.

Она показала на дверь в спальню. Календарь висел на стене. На верхней половине была изображена пышногрудая блондинка – манекенщица. Ее нагота была слегка прикрыта шортами в обтяжку, в руке она держала канистру для бензина. На календаре была напечатана надпись:

**"РЕМОНТНАЯ МАСТЕРСКАЯ АВТОМОБИЛЕЙ И ЛОДОК
ФЕЗЛЕРА.**

МАРТА ФЕЗЛЕР, ХОЗЯЙКА.

ХОРОШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПО ДВИГАТЕЛЯМ"

Адрес мастерской был напечатан в самом низу: Глочестер. Роза знала, что этот городок находится примерно в тридцати милях к северу от Бостона. Она записала адрес и номер телефона. Потом убралась немного в спальне, обняла Элси Ричардсон, оставила ей двадцать долларов и направилась обратно в свой пансионат. Если брат и не скрывался у Марты Фезлер, то сестра знала, где он находится. Интуиция подсказывала ей это с полной определенностью.

Роза прошла к ближайшей большой улице и взмахом остановила такси. Она ликовала. Скоро, очень скоро она завершит свою карьеру эпидемиолога. Но не раньше, чем рассеются злые духи проекта БАРТ.

* * *

– Руфь, привет, говорит Мэт. Простите, что я вам звоню домой.

– Ну что вы. Как прошла ваша встреча с адвокатом?

– Они отзывают свой иск против Болдуин.

– О, это великолепно. Просто замечательно. Поздравляю.

– Спасибо. Руфь, послушайте. Я нахожусь в Медицинском центре Бостона и не могу найти Сару. Она не звонила вам?

– Звонила, как раз перед моим уходом, примерно час назад. Записку я оставила на вашем столе. Она сказала, что сегодня она свободна. Что до шести часов будет находиться в больнице. А после этого поедет домой. Судя по голосу, она была расстроена.

– Как я узнал, у нее были для этого причины. Спасибо, Руфь. Увидимся завтра. И спасибо за то, что вы прибрались в моем кабинете.

– Надо ли сделать что-нибудь еще?

– Нет. Вы включили автоответчик?

– Я всегда это делаю, мистер Даниелс.

– Знаю, знаю. Спокойной ночи, Руфь. Завтра увидимся.

Мэт повесил трубку телефона-автомата, осмотрел шумное фойе. Было уже половина седьмого. Сара сказала, что уйдет из больницы в шесть. Но ее новый велосипед все еще стоял на улице, прикрепленный цепью. Она не ответила на вызовы своего бипера, не откликнулась также и на радио-вызов больничного оператора. В квартире отзывался только автоответчик, а на ответчике дома у него самого никаких вестей от нее записано не было.

Произошло что-то из ряда вон выходящее у Сары и какого-то ее пациента. Мэту стало известно об этом, хотя никто в МЦБ не горел желанием делиться с ним. Видимо, ей предложили взять отпуск. Гленн Пэрис, к которому отослали Мэта за подробностями, застрял на каком-то срочном совещании. Мэт чувствовал нарастающее беспокойство и тревогу, он опять попытался соединиться со старшим административным лицом в корпусе «Тайер».

– Извините, мистер Пэрис разговаривает по телефону, – поторопилась объяснить секретарша.

– Прервите его разговор. У телефона Мэт Даниелс, возникло неотложное дело.

– Но...

– Сделайте, как я прошу, или мне придется принимать меры самому.

Спустя полминуты его провели в личный кабинет Пэриса.

– Но вы же не можете допустить мысли, что она так поступила, – воскликнул Мэт. – Адвокаты и Грейсоны отозвали свой иск против нее о недоброкачественном лечении, целиком и полностью. Разве вам это не говорит о чем-то? – спросил Мэт после того, как Пэрис рассказал, что случилось с Аннали Эттингер.

– Послушайте, я знаю только одно – на эту больницу вылили за последние шесть месяцев больше грязи, чем за предыдущие шесть лет. И ваш клиент практически замешан во всем без исключения. Мы вынуждены отправить доктора Сару Болдуин в отпуск, пока не улягутся волнения и пока мы не выясним, что же случилось.

– Разве не понятно, что произошло? Кто-то пытался подставить ее.

– Надеюсь, это действительно так. Она мне нравится, Даниелс. Говорю вам это честно. Но при сложившейся ситуации мы должны принять меры, исходя из подлинных интересов Медицинского центра Бостона и наших пациентов. Многие наши штатные работники и члены совета попечителей считают ее очень больным и опасным человеком.

– Какая несусветная чушь.

– Надеюсь, что вы правы. Но пока что я ничего не могу, да и не желаю сделать.

– Послушайте, Сара в течение последнего часа не отозвалась на вызовы своего бипера. Не знаете ли вы, где она может сейчас находиться?

– Нет.

– Вы допустили ошибку, – сказал Мэт.

– Я только что сказал, что тоже надеюсь на это, – отозвался Пэрис.

Мэт уже направился к двери. Из приемной еще раз позвонил к себе на работу и к Саре домой, послушал записи на автоответчиках. Потом позвонил больничному оператору, который еще раз попытался связаться с Сарой и с помощью бипера, и по больничной радиосистеме.

– Скажите мне, – спросил Мэт, – когда вы не можете разыскать стажеров, находящихся на дежурстве, то где они в результате оказываются?

– Это случается редко, – сказал оператор.

– И все же.

– Сигналы наших биперов видны на дисплее, но они могут использоваться и для передачи голоса. Обычно, если стажера вызывают, а он не отвечает, значит, бипер сломался или он заснул в спальнях комнат. Мои вызовы по радио там не слышны. Громкоговорителей там нет. Мы им звоним по телефону.

– Где находятся эти комнаты? Не могли бы вы позвонить туда?

– В корпусе «Тайер». Четвертый и пятый этажи. Но я не могу обзвонить все комнаты. Их там двадцать или двадцать пять штук.

– Послушайте, – предложил Мэт. – Просто на всякий случай вызывайте доктора Болдуин по ее биперу каждые пять минут. Используйте вариант вызова с голосом. Это – очень, очень важно. Вам известна моя фамилия, если она вдруг позвонит. Вскоре я опять свяжусь с вами. И спасибо... Огромное вам спасибо.

«Она пошла прогуляться или же спит в одной из комнат отдыха, – рассуждал сам с собой Мэт, направляясь на четвертый этаж корпуса „Тайер“. – Каждая из этих возможностей вполне реальна. Она расстроилась из-за того, что случилось. Вздремнуть или хорошенько прогуляться. Я бы сделал либо одно, либо другое... И она тоже...»

Он начал обходить комнаты, стуча в каждую из них по очереди, потом дергая ручку. Большинство комнат были, пусты, стояли с раскрытыми дверьми. Две оказались закрытыми, но в обеих на стук

отозвались заспанные голоса. Третья, хотя и не закрытая на ключ, тоже была занята. Полностью одетый стажер лежал лицом вниз, раскинув руки в стороны, на узкой кровати и так крепко спал, что даже не пошевелился, когда Мэт постучал и вошел.

Он, наверное, действительно чувствует к этому делу призвание, подумал Мэт, глядя на измученного молодого врача. Он постарался потише закрыть дверь, хотя в этом не было надобности, и поспешил на пятый этаж. Шестая или седьмая дверь, в которую он сунулся, оказалась закрытой на ключ. Он постучал, ожидая услышать заспанный голос. Ответа не было: Он постучал опять, на этот раз посильнее. Только образ заснувшего человека на четвертом этаже, с раскинутыми руками, сдержал его от того, чтобы заколотить по двери ногой. Он решил проверить остальные комнаты на этаже, перед тем как грохнуть в эту дверь изо всей силы, и уже собирался отойти, как услышал голос оператора, раздавшийся внутри комнаты.

– Доктор Болдуин. Доктор Сара Болдуин. Пожалуйста, позвоните оператору...

– Сара! – заорал Мэт, ударив ногой по нижней части дубовой двери. Дверь отпружинила, издав звук, похожий на выстрел, который прокатился по пустому коридору. – Сара!

Мэт отскочил в сторону и, разбежавшись, ударил изо всей силы подошвой башмака в центральную часть двери. Доска треснула. Второй удар пробил небольшую дырку, через которую он смог заглянуть в слабо освещенное помещение. На кровати мирно и без движения лежала Сара. Рядом с ней стояла переносная капельница на подставке, из пластикового мешочка переливалась в вену ее руки какая-то жидкость. Мэт просунул руку через щель и открыл внутренний запор. Сара была еще теплая, но цвет кожи стал ужасным. И она не дышала.

Он нашел краник и перекрыл подачу жидкости через трубку. Он несколько раз позвал ее по имени, пытался нащупать пульс на шее и кисти рук. Пульса не было. Он поднял ее голову, сжал ноздри и попытался ртом сделать искусственное дыхание. После третьего выдоха в нее ему показалось, что ее челюсть немного пошевелилась. Опять он позвал ее по имени. Потом поддавшись импульсу, резко шлепнул по лицу. Она отреагировала одним булькающим вдохом. Он шлепнул ее еще раз. Она опять вдохнула.

Преодолевая ужас, которого он никогда в жизни не испытывал, Мэт схватил трубку телефона и набрал номер оператора.

– Я нашел доктора Болдуин, – произнес он, задыхаясь. – У нее остановилось сердце. Пятый этаж. Корпус «Тайер». Высылайте бригаду, скорее.

Глава 37

28 октября

Это был чудовищный кошмар. Сара пыталась отыскать где-то в глубине своего сознания... припомнить, что, когда была еще девчонкой, она в конце концов все-таки просыпалась в своей кровати, всегда оказывалась цела и здорова. Но мысли совершенно ей не повиновались, абсолютно безучастным стало ее тело, неспособное воспротивиться беспомощности, боли и неослабевающему ужасу. Как ей представлялось это в бесчисленных кошмарных снах в детстве, грубые руки придавили ее спину, затем связали. Она изо всех сил старалась освободиться, пока руки и ноги не стали пылать, как в огне. Но путы оказались не хуже стальных.

Потом толстые, сильные пальцы начали пропихивать что-то между зубами, какой-то кусок ватина. Она пыталась вытолкнуть в сторону эту тряпку языком, резко дергала головой из стороны в сторону. Но кляп все дальше уходил в ее рот, заткнув горло, душа ее. Она напряженно втягивала воздух через опухшие сузившиеся дырочки ноздрей. Силы покидали ее. Она молила Бога, чтобы потерять сознание и даже умереть. Но все время оставалось немного воздуха, что не давало прерваться жизни окончательно, сохраняло ее лишь на столько, сколько нужно для продления агонии.

«Пожалуйста, дайте мне умереть! Пожалуйста, дайте мне возможность заснуть и умереть...»

– Сара... Ягодка, слушай меня. Это Мэт... Постарайся напрячься и прислушаться... Так лучше. Гораздо лучше. Можешь не открывать глаза, но, пожалуйста, слушай... Сара, ты – на вентиляторе. Через нос и рот в твои легкие пропущены трубки, которые помогают тебе дышать. И тебя пришлось связать. Сожми мою руку, если ты все это понимаешь... Хорошо. Очень хорошо. Просто постарайся успокоиться, дорогая. Я сейчас скажу сестре, что ты приходишь в себя.

Сара чувствовала, как огромная, заботливая рука Мэта пожала ее руки и потом исчезла. Она сделала огромное усилие, чтобы разобраться в кошмаре. Память ее начала понемногу возвращаться.

По мере того как восстанавливались ее память и сознание, все труднее стало дышать через эндотрахеальные трубки. И это ужасное ощущение нехватки воздуха. Она слышала то нараставшее, то ослабевавшее жужжание вентилятора, когда он преодолевал ее собственные потуги дышать самостоятельно. Ясно, что вентилятор был поставлен на автоматический режим, а не на вспомогательный. Он должен был дышать вместо нее, необязательно вместе с нею.

«Полегче, полегче, – уговаривала она саму себя. – Не сопротивляйся... Вспомни, что ты советуешь своим пациентам... Успокойся... Принимай все как есть... Предайся внутреннему созерцанию... Отыщи своего лебедя... Обрети свой дух... Найди его и наблюдай его в полете...»

– Сара, вы слышите меня? Сара, откройте глаза. Это Алма. Алма Янг... Вот, вот так...

Сара моргнула от мутного и колючего света. Постепенно ее взгляд прояснился. На нее с беспокойством смотрела сестра из отделения интенсивного лечения.

– В самом отделении интенсивного лечения все было занято, – пояснила она. – Но мы все хотели, чтобы вас положили здесь в любом случае, и доктор Бленкеншип дал добро. Мне позвонила другая сестра и сказала, что случилось, и я вернулась на работу специально для вас. Вы понимаете?.. Прекрасно. Теперь я развяжу ваши руки. Только не дотрагивайтесь до трубок. Понимаете?.. Отлично.

Сара терпеливо ждала, пока ослабили, а потом сняли широкие кожаные ремни. Отчаянная боль в голове начинала ослабевать. Теперь она полностью пришла в себя и быстро возвращалась к нормальному состоянию. Кто-то пытался ее убить! Кто-то сделал ей укол под кожу черепа, введя какое-то быстродействующее и невероятно сильное вещество. Теперь ее поставили на вентилятор. Все эти школьные психологи и университетские психиатры оказались не правы. Повторявшиеся сны, которые так преследовали и мучили ее в жизни, отнюдь не являлись искаженным отражением чего-то ужасного, скрытого в ее прошлом. Они были скорее предсказанием, как и предположил Луис Хан, мудрый тайский целитель. Это была борьба, к которой готовили ее сны. Это была схватка за жизнь. И она выжила – сначала в Чайнатауне, а теперь в отделении интенсивного лечения.

Именно эти ужасные кошмары подготовили ее к сопротивлению злу, которое пыталось раздавить ее.

Каждому Овощу свое время, и каждому времени своя цель...

Сара пошевелила немного рукой, восстанавливая циркуляцию крови, потом подняла ее и показала на эндо-трахеальную трубку.

– Знаю, знаю, – отреагировала Алма. – Как только мы получим газовый анализ вашей крови, я вызову анестезиолога и доктора Бленкеншипа и тогда решим, можно ли удалить эти трубки. Сейчас вы в порядке?.. Хорошо. Я переключила ваш вентилятор, и теперь вы можете дышать так, как вам нравится. Вы уверены, что у вас все в порядке? Сара, я просто хочу сказать, что бы там ни происходило, все пройдет, если вы не станете мешать этому. Совсем необязательно делать то, что, вам кажется, надо сделать. Но думаю, мы сможем обо всем об этом поговорить позднее. Я просто рада, что все закончилось благополучно.

Вошел терапевт, взял образцы крови из радиальной артерии Сары. Во время нескончаемого получаса, который последовал за этим, рядом с ней оставался Мэт, делая все, что он мог, чтобы успокоить ее, и рассказывая ей о событиях, связанных с ее воскресением.

– В пластиковый пакет капельницы был залит морфин, – объяснил он. – Пустые пузырьки из-под него валялись на полу. Доктор Бленкеншип говорит, что мы отыскали тебя как раз вовремя. Группа «скорой помощи» работала невероятно слаженно и умело. Медсестры давали что-то, что поддерживало тебя на вентиляторе. Коробочка с иглами иглотерапии, о пропаже которой ты сообщила, лежала в той же комнате на столе, так же, как и неоткрытый пузырек с ядом гремучей змеи, а также неподписанная записка, нацарапанная на бланке рецепта, – всего несколько слов: «Мне очень жаль». Дверь в комнату была закрыта изнутри на внутреннюю задвижку. В данный момент я, можно сказать, единственный человек в больнице, который не верит, что ты пыталась покончить с собой... Я ведь прав?

Сара сжала его руку и настолько решительно, насколько позволяло ее положение, кивнула.

– Я это знал, – прошептал Мэт. – Прошло уже по крайней мере три или четыре месяца с тех пор, как женщина, с которой я был в близких отношениях, пыталась покончить с собой... Сожми мою руку, если находишь это смешным... А, понятно... Послушай, какие-то

несуразные вещи происходят в этом деле с аюрведическим порошком. Мэллон собирается сообщить Грейсонам, что он прекращает судебное дело против тебя. Не утрясает – бросает его. О подробностях я расскажу позже.

Роза сказала тебе, кто вывел этот вирус, правда? Человек, который заикается. Но она не назвала ни тебе, ни кому-нибудь другому его фамилию, так? Ну вот, теперь она думает, что знает, где он находится. Она пыталась дозвониться тебе домой и в больницу, чтобы ввести тебя в курс дела. Наконец, одна из медсестер сказала ей, что произошло и где именно ты сейчас находишься, и она появилась здесь вчера, часов в одиннадцать ночи. И опять приходила в два часа ночи. Она искренне беспокоится о тебе. Я бы удивился, если бы узнал, что она спала больше, чем я. Она не говорит, где находится этот автор вируса, но сегодня она едет туда на машине, чтобы отыскать его. Если договаривается о предоставлении ей больничной машины на один день, без всяких объяснений...

– Эй, теперь держись, дружище. Возвращается Алма. С ней, похоже, идет нарколог.

Результаты лабораторных анализов оказались отличными. Газ в крови Сары – водородный показатель, кислород и углекислый газ – все уровни стали достаточно хорошими, чтобы снять ее со вспомогательной вентиляционной подачи. Болезненное ощущение высасывающего вытягивания через дыхательное горло, а затем удаление эндотрахеальной трубки были очень неприятными. Сара надеялась, что никогда больше не столкнется с этим. Она плевалась и давилась, захлебывалась кашлем. Но рядом находился Мэт, успокаивая ее во время приступа кашля, поглаживая ее руку и даже целуя в лоб.

– Поосторожнее, а то вас исключат из ассоциации юристов, – прохрипела она, когда кашель, наконец, прошел.

– Я же сказал тебе, что иск против тебя прекращается. Я больше не являюсь твоим адвокатом. Теперь мы можем показываться на людях. Если хочешь знать, я нанял машину с громкоговорителем, чтобы проехать сегодня по улицам и объявить всему Бостону, что я люблю тебя и что мы докопаемся до самых корней всего этого дела.

– Мэт, я тоже люблю тебя. Действительно, люблю. Эй, сколько сейчас времени?

– Шесть. Немного больше.

– Господи, двенадцать часов моей жизни проскочили просто так.

– Могла проскочить вся твоя жизнь, – напомнил ей Мэт.

Саре помешало ответить любезное покашливание, которое раздалось рядом; В изножье кровати Сары стоял помятый, седеющий мужчина с пристегнутым к воротнику красным галстуком-бабочкой. В одной руке он держал листки с записями состояния здоровья Сары и рассматривал их через свои очки фирмы «Бен Франклин». Хотя никогда раньше Сара не видела этого мужчину, она правильно угадала его специальность еще до того, как он отрекомендовался.

– Я доктор Голдшмидт, – произнес он. – Психиатр. Сэр, прошу оставить нас на несколько минут.

– Это Мэт Даниелс, – быстро представила его Сара. – Он мой... мой адвокат.

На несколько мгновений глаза Голдшмидта и Мэта встретились.

– В таком случае, возможно, ему лучше остаться, – отозвался он. – Если вы сами согласны.

– Конечно, – подтвердила она хриплым голосом.

– Отлично. Я знаю, что вам пришлось пережить очень много и из вас только что вынули дыхательную трубку. Поэтому буду по возможности кратким. – Он облизал свои тонкие, синеватые губы кончиком языка. – Скажите мне, доктор Болдуин, были ли у вас до вчерашнего вечера попытки самоубийства?

Глаза Сары сверкнули. Она взглянула на Мэта, который сделал ей знак сохранять спокойствие.

– Никогда. Но и вчера вечером я тоже не хотела этого, доктор Голдшмидт. Кто-то пытался убить меня и устроить так, чтобы это выглядело как самоубийство.

– Понятно, – произнес Голдшмидт, царапая что-то шариковой ручкой на ее листке. – Но как вы объясните, что дверь была закрыта изнутри на задвижку?

– У кого-то был ключ.

– Возможно. Но мне сказали, что даже у хозяйственных работников и обслуживающего персонала нет ключей от этих комнат.

– Я не собиралась покончить с собой.

– Доктор Болдуин, я лишь хочу помочь вам.

– Тогда разрешите мне уехать домой.

– Вы знаете, что я не могу этого разрешить.

– Почему? – спросил Мэт.

– К доктору Болдуин меня направил доктор Бленкеншип, потому что в больнице существует правило, согласно которому каждая попытка самоубийства берется под контроль психиатром, а сегодня в своем отделении дежурю именно я. Ее настоящий диагноз такой, – он зачитал то, что было написано на листке: чрезмерная доза наркотиков, попытка самоубийства. – У меня есть и право, и обязанность госпитализировать ее в охраняемой психиатрической палате и держать там до тех пор, пока мне не станет ясно, что она не представляет опасности ни для себя, ни для других. Несомненно, вы, как юрист, понимаете, что я не могу идти против правил.

– Да, конечно, – отозвался Мэт.

– Он думал о том, чего он хотел добиться в этот день – выяснить связь, существовавшую между Питером Этингером, фондом МакГрафа и Медицинским центром Бостона. Пока он будет занят всем этим, Сара должна быть в безопасности. А что может быть безопаснее, чем строго охраняемая палата на запоре?

– Сара, – сказал он, – думаю, ты должна согласиться со всем, что предлагает психиатр. Во всяком случае, сейчас.

Если психиатр и остался доволен поддержкой, это никак не отразилось на его лице, сохранявшем суровую напряженность. Он уже хотел что-то произнести, когда в палату вошел Ели Бленкеншип.

– Спасибо, что так быстро отозвался на вызов, Мел, – поблагодарил Бленкеншип. – Сара, как вы себя чувствуете?

– С каждой секундой все лучше. Доктор Бленкеншип, скажите, пожалуйста, доктору Голдшмидту, что я не сумасшедшая и не пыталась покончить с собой.

– Никто не говорил, что вы ненормальная.

– Послушайте, кто-то впрыснул мне что-то вот прямо сюда, под волосы, и попытался это представить так, как будто я покончила с собой.

Бленкеншип обследовал кожу на ее черепе с помощью точечного фонарика и покачал головой. Никаких следов.

– Использовалась очень тонкая игла. Двадцать девятого размера или тоньше. Сбрейте в этом месте волосы, если нужно, – взмолилась Сара. – И вы обнаружите место укола.

– Сара, пожалуйста. Будьте к нам терпеливы и позвольте нам выполнить свои обязанности. Алма сообщила, что ваши легкие прочистились и что показатели состояния вашего здоровья стабильны. Примерно через час или два, когда мы убедимся, что ваша гортань, находится вне опасности и вам не грозят спазмы, я бы хотел перевести вас в отделение доктора Голдшмидта. Видимо, здесь будет очень туго с местами, когда к работе приступит следующая смена хирургов.

– Куда меня переведут?

– Единственное место в этой больнице, куда вы можете быть направлены, – это отделение «Андервуд-б».

– Мэт, пожалуйста. Это изолированный от всего на свете корпус. Не позволяй им так поступать со мной.

– Сара, это не надолго. К тому же после случившегося вчера вечером я буду беспокоиться, если ты будешь находиться где-нибудь в другом месте. У меня есть дела, надо встретиться кое с кем сегодня и разобраться с этим порошком. Согласись пока, а там мы посмотрим, как поступить дальше.

– Я же говорю тебе, что где-то под моими волосами остался след от укола иглы, когда мужчина пытался убить меня, что-то впрыснув под кожу головы.

– Пожалуйста, доктор Болдуин, – снова обратился к ней Голдшмидт. – Жаль, если вы настроены против психиатров или не доверяете конкретно мне. Я действительно хочу вам помочь. Уже шесть тридцать утра. Я провел на ногах большую часть ночи, и мне предстоит день, заполненный консультациями и приемами посетителей. Попытайтесь не осложнять и так довольно трудную ситуацию. #

– Сара, послушайте, – сказал Бленкеншип, – я нутром чувствую, что вы говорите правду, что вы в норме, но действительно, в данный момент мы ничего не можем поделать другого. Вот что я вам скажу. Вы остаетесь двадцать четыре часа под наблюдением, и я делаю все, что в моих возможностях, чтобы убедить доктора Голдшмидта и его сотрудников отпустить вас домой. Обещаю.

Сара изучающе посмотрела на решительные лица трех мужчин и неохотно согласилась на перевод. Психиатр написал короткое указание на ее бюллетене здоровья и пообещал зайти к ней в отделение «Андервуд-б», как только у него выдастся перерыв в распорядке дня.

Один из стажеров запишет данные о ее физическом и психическом состоянии, побеседует с ней.

– Буду ждать с нетерпением, – сказала Сара.

* * *

Желтые виниловые полицейские ленточки на дверях комнаты 512 на пятом этаже здания «Тайер» походили на те, которые использовались в магазине Квонга Тян-Вена. Сама дверь с разбитой центральной перекладной была прикрыта. Мэт убедился, что за ним никто не наблюдает, ослабил ленточку и проскользнул внутрь. Капельница находилась все еще там, но переливной пакет и лакированная коробочка Сары исчезли. Ничто не говорило о том, что в комнате пытались найти следы отпечатков пальцев. В комнате не было ни чуланчика, ни другого укромного места, чтобы спрятаться, разве что под кроватью. Но кто-то нашел возможность улизнуть отсюда и закрыть за собой дверь?

Мэт осмотрел замок, который, казалось, не отличался от других замков на этом этаже. Конечно, преступник, кто бы он ни был, мог вызвать слесаря и попросить сделать ключ. Но вряд ли убийца станет сознательно готовить против себя свидетеля. Мэт подошел к единственной стене с окном. Две створки старинного окна, стекла которых не протирались месяцы, а может быть, годы, совсем потемнели от наружной грязи. Через них можно было рассмотреть следующее здание в ста или ста пятидесяти шагах. Дырки от шурупов говорили о том, что на этой раме стояли щеколды. Замена такой пустячной вещи, несомненно, была бы незначительной тратой для бюджета МЦБ по содержанию здания. Но поскольку это был пятый этаж, то запор вряд ли был нужен для защиты извне. Мэт посмотрел вниз.

На уровне трех футов ниже подоконника выступала над четвертым этажом часть шиферной крыши. Мэт открыл рамы окна и осторожно наступил на этот своеобразный портик. Заставив себя не смотреть вниз, он осторожно пошел вдоль стены, вглядываясь в другие комнаты пятого этажа, пока не нашел комнату, которая была не занята.

Окно, как и в комнате 512, оказалось без запора. Тут же Мэт оказался опять в пустом коридоре.

– Вот и вся тайна, – пробормотал он.

Вполне могло быть, что это открытие, вдобавок к протестам Сары, оказалось бы достаточным, чтобы добиться ее выписки. Но Мэт знал, что в ее же интересах провести хотя бы еще один день в безопасном месте. И именно сегодня у него не было времени заняться ею. Он еще не получил все ответы на тайну аюрведической системы похудения. Но теперь эти оставшиеся вопросы стали более четкими. Ответы на них могут заполнить остающиеся белые места... начиная с ответов финансового инспектора больницы Колина Смита.

Он прикрыл дверь за желтыми ленточками и поспешно пошел по коридору.

Глава 38

– Сара, ты уверена, что Пэрис сказал тебе о фонде МакГрафа? – спросил Мэт.

– Абсолютно уверена. Он знал о возможной безвозмездной ссуде от этого фонда уже больше года. Он сам сказал мне об этом.

Говорил, что рассчитывает на получение денег, чтобы вытащить МЦБ из дыры. В общем-то думаю, что об этом упоминал также и Колин Смит. Если ожидалось поступление такой крупной суммы, то, как мне представляется, об этом должен был знать и финансовый директор. Может быть, во все это дело каким-то образом втянуты и он, и Гленн, и Питер. Может быть, он снимает пенки до того, как свою долю получит больница.

– Я спрошу его. Он стоит первым в моем списке не сегодня.

– Мэт, пожалуйста, послушай меня. Я чувствую себя нормально и могу о себе побеспокоиться. Я не хочу, чтобы меня отправили в эту чертову палату для психов. К тому же Питер увяз во всем этом по самое горло, и мне хотелось бы помочь разоблачить его окончательно.

Было примерно половина десятого утра. Саре только что сообщили, что машина с охраной уже вышла, чтобы перевезти ее из хирургического отделения в изолированное психиатрическое отделение «Андервуд-6».

– Сара, я знаю, как тебе этого не хочется, – заметил Мэт, – но ведь ты прошла через ад. Всего два часа назад тебя сняли с вентилятора, и ты выглядишь очень уставшей. Если не поедешь в психлечебницу по доброй воле, Голдшмидт оформит принудительное лечение. До тех пор пока он считает, что ты пыталась пойти на самоубийство, у него, право же, другого выбора нет. И есть еще кое-что, о чем нам не следует забывать. Поскольку мы-то с тобой знаем, что ты отнюдь не собиравалась лишать себя жизни, то мы уверены, что это хотел сделать кто-то третий.

– Поправка, – заметила Сара все еще довольно хриплым голосом. – Кто-то пытался создать впечатление, что я покончила с собой. Вот как объясняется вся эта затея с введением яда Аннали, Мэт, неужели ты не видишь? Все должно было выглядеть так, как будто я

пыталась покончить с собой, потому что-де, я виновата в появлении этой болезни ВСК. Убийство, а не самоубийство говорили бы об обратном. Мы наступили на чей-то скрытый нерв. Может быть, Питера, может быть, Гленна, может быть, этого доктора Синга. Может быть, какое-то их совместное переплетение. Не знаю. Но мы все ближе подходим к истине. Попытка подстроить все это представляла собой отчаянный шаг. Мы должны добраться до источника, пока они не попытались выкинуть что-нибудь еще. Мэт, я могу в этом помочь. Действительно, могу.

– Знаю. Но пойми, я ничего не могу сделать. Мне неприятна мысль о том, что ты будешь находиться в изолированном помещении. Не менее неприятна, чем тебе. Но на один день мы должны с этим согласиться. Если даже как-то удастся выписать тебя, хотя, похоже, это нереально, я буду страшно за тебя беспокоиться в любой момент, когда ты не находишься рядом. Я переговорил с Розой и Ели до того, как заехал к тебе на квартиру за вещами. Нам придется основательно попотеть, чтобы выяснить, кто скрывается за всем этим. И сегодня нам предстоит очень много побегать. Продержись там хотя бы один день. Я обещаю, что потом мы сделаем все необходимое, чтобы вызволить тебя оттуда.

Краткое совещание с Бленкеншипом оказалось плодотворным. Мэт поделился с ним подробностями своей встречи с Джереми Мэллоном. Рассказал об уверенности Мэллона в том, что Питер Эттингер и Гленн Пэрис каким-то образом были связаны через фонд МакГрафа с аюрведической системой похудения.

Бленкеншип знал, что фонд МакГрафа находится в Нью-Йорке и что руководители филантропической организации установили первые контакты с Гленном Пэрисом и Колином Смитом примерно четыре-пять месяцев назад. Он не видел заявления, которое Пэрис направил в агентство, не видел и текста условий предоставления ссуды. Но он знал, что речь шла о десятках миллионов долларов. Он решил попытаться установить местонахождение фонда и проникнуть в него. Он также пришлет машину, которую обещал Розе.

Эпидемиолог, которая не любила, чтобы заглядывали в ее карты, почти ничего не сказала о том, куда она едет и даже с кем она хочет встретиться, ограничившись лишь замечанием, что она сама пока не знает, где находится нужный ей человек.

Согласно плану, который они разработали, Мэт должен был переговорить с Колином Смитом, затем с Питером Эттингером и, наконец, с Гленном Пэрисом. Бленкеншипу казалось, что легче всего расколоть Смита. Если это случится, то они смогут одного использовать против другого. И конечно, добавил Мэт, если такой подход не даст результатов, то всегда можно прибегнуть к старому надежному плану Б, совершить экспромтное фронтальное нападение.

– Машина подана, – сообщила дежурная медсестра.

Мэт задернул занавески вокруг алькова с кроватью Сары и стал ждать ее снаружи, пока она переодевалась в джинсы и свитер, которые он привез ей из дома.

– О'кей, я готова, как всегда, без промедления, – крикнула она.

Охранник выглядел несколько смущенным и держался на расстоянии, когда санитар подвозил коляску к кровати Сары.

– Часы для посещения в «Андервуд-б» – с шести до восьми вечера", – сообщил Мэт. – Я проверял.

– Вот как? Всего два часа?

Мэт взял ее руку.

– Молодым нужны целые дни на то, что мы, более пожилые и умудренные опытом люди, можем сделать за два часа, – сказал он. – Просто не падай духом, хорошо?

Сара неохотно слезла с кровати и села в инвалидную коляску.

– Ну, обо мне не беспокойся. Со мной все будет в порядке, – заверила она его. – Если меня там не продержат больше одного дня. К тому же кухня психлечебницы пользуется большой славой. Для психов они готовят хорошие супы. – Она показала на выход из отделения интенсивного лечения. – Поехали, Дживс.

* * *

Закрытый от внешнего мира «Андервуд-б» был заново покрашен и меблирован. В каждой палате стояло по две односпальные кровати. Исключение составляла палата рядом с ординаторской, где вообще не было никакой мебели, если не считать матрасов на полу и на стенах, что превращало эту палату в буквальном смысле в камеру с мягкими стенами и полом. Только через два часа своего пребывания в

психлечебнице Сара заметила, что тяжелые ставни закрывали окна изнутри и что двери с внутренней стороны палаты не имели ручек.

Если не считать поверхностного физического осмотра стажером-психиатром, который использовал свой стетоскоп, пальчиковый фонарик и офтальмоскоп, но старался совсем не притрагиваться руками к ее телу, то ее практически оставили в покое. Вторая кровать в палате была свободна, во всяком случае в данный момент. Некоторое время она лежала, стараясь читать журнал по акушерству. Потом, убедившись, что не может на нем сосредоточиться, взялась за приключенческий роман Сю Графтон. Перебрав еще несколько книжек и увидев, что ее не занимает даже справочник по ведению домашнего хозяйства, она вышла из своей палаты и присоединилась к восьми или девяти другим людям, которые слонялись в холле.

– Через пятнадцать минут вся группа собирается здесь, – звонко объявила женщина жизнерадостным голосом нараспев. – Прямо в этом холле. Присутствие обязательно.

Сара рассеянно смотрела через окна на улицу. Окна выходили на территорию городка МЦБ. Осеннее солнце свободно струило свои лучи через замершие без ветра кроны сосен и было таким горячим, хоть пеки пироги. В конце широкой заросшей травой лужайки рабочие заканчивали сооружение временных смотровых трибун из десяти ярусов, с платформой и трибуной наверху. На столбах с каждой стороны трибун монтировались громкоговорители. Сара гадала, зачем это, но все стало ясно, когда она окинула взглядом весь больничный городок. Вся эта повышенная активность разворачивалась вокруг здания «Чилтон», расположенного на самом большом удалении от «Андервуд-6».

Вдруг она сообразила, что была пятница, двадцать восьмое число. Остается один день до сноса. Это огромное старое бельмо стояло огороженным с момента приезда Сары в МЦБ, за травой вокруг него ухаживали значительно хуже, чем за остальным лугом. А завтра за несколько ярких секунд разрушающееся строение прекратит свое существование. Откроется потрясающий вид этой феерии со стороны «Андервуд-6»... возможно, повезло тем, кто оказался среди его пациентов.

На подоконнике лежал поцарапанный старый бинокль, но его оптические стекла оказались удивительно хорошими. Здание «Чилтон»

было огорожено двумя концентрическими кольцами покрашенных в синий цвет заборных блоков. Над парковочными стоянками были натянуты огромные брезентовые полотна против пыли. Возле обреченного здания разговаривала и жестикулировала небольшая группа мужчин в сверкающих металлических шлемах. Но создавалось впечатление, что большинство рабочих уже собирали свои инструменты. Видно, уже закончилась подготовка здания к сносу и закладка взрывных устройств. Сара подумала, приедет ли кто на завтрашние утренние торжества из должностных лиц фонда МакГрафа. Как раз в этот момент она заметила белый грузовой фургон, который отъезжал от покинутого здания. Медленно и уверенно он вырулил через небольшой пролом в заборе и поехал дальше. В бинокль было нетрудно разглядеть ярко-красные квадраты букв на грузовике: «ФАРМАЦЕВТИКА ГУРОНА». Эти печатные слова дублировались более мелким шрифтом на задних дверях фургона.

Это название задело какую-то струну... Но почему?

– О'кей, все собираются в группу, – опять прозвучал голос нараспев. – Участие обязательно. Никаких отговорок. Начали.

«Фармацевтика Гурона», – размышляла Сара, садясь на место, которое было не на самом виду. – Где я могла сталкиваться с этим названием раньше? Где?"

– Итак, слушаем все, – произнесла руководительница, обращаясь примерно к двадцати пациентам. К нам сегодня присоединились два новичка. Поэтому, думаю, будет правильно, если мы по очереди представимся Друг другу. Меня зовут Сесили, воспитательница группы в «Андервуд-б».

– Марвин, – произнес сидевший рядом с ней негр с отсутствующим взглядом.

– Линн.

– А я – Нэнси. Не смейте называть меня Нэн.

– Пит...

– Питер!

Сара не услышала ни одного из последующих имен, а когда подошла ее очередь, то не сразу поняла, что от нее хотят. Она вдруг вспомнила, почему ей показались знакомыми слова «Фармацевтика Гурона».

"Наши соответствуют стандартам. Мультивитамины, одобренные федеральным агентством и изготовляемые для нас на предприятиях «Фармацевтика Гурона».

Эти слова произнес Питер Эттингер, когда давал показания под присягой. Сара была в этом абсолютно уверена. Она как будто снова слышала его голос, а мысленным взором видела самодовольное выражение, когда он произносил их. Вначале фонд МакГрафа, а теперь «Фармацевтика Гурона». Две прямые связи между Питером Эттингером, аюрведической системой похудения с помощью лекарственных трав и Медицинским центром Бостона. «Совпадение? – Сара крепко сжала кулаки на своих коленях. – Ничего подобного!» – подумала она.

– Очень хорошо, Сара, – произнесла воспитательница. – Если вы сегодня не хотите рассказывать о себе, то мы, конечно, отнесемся к этому с пониманием. Но я должна также сказать вам, что мы не одобряем такого поведения во время собраний группы...

Глава 39

Время приближалось к полудню. Движение в южном направлении по центральной улице, ведущей к окраине, было легким. Но Мэт хорошо знал мстительный характер бостонских водителей и оставался на средней полосе, твердо решив никого не задевать. Секретарша Колина Смита сообщила, что ее начальника в оставшуюся часть дня не будет. Заядлый рыбак, он после обеда каждую пятницу с середины апреля до начала ноября проводил на борту своего судна. Однако, добавила секретарша, совещание затянулось, и он уехал с работы не больше чем двадцать минут назад. Если у Мэта к нему важное дело, то он может позвонить в яхт-клуб Южного Бостона.

Вместо этого Мэт решил сам появиться на пристани без предупреждения. Он знал дорогу, поскольку ездил туда несколько раз, когда играл в команде «Ред Сокс». А Колин Смит, похоже, не очень любил сюрпризы.

По пути в кабинет Смита Мэт заглянул к Ели Бленкеншипу. Главврач искал в Нью-Йорке информацию о том, как ему связаться с фондом МакГрафа. Там не удивились, что в списках такого фонда нет. Фонд, несомненно, возник несколько лет назад с единственной целью – подготовиться к отмыванию огромных прибылей, которые ожидались от аюрведической системы похудения с помощью лекарственных трав. Кто бы ни задумал это предприятие, обладал замечательным предвидением, так же, как и хорошим пониманием психологии американцев, желавших сбросить лишний вес, но сделать это, не затрудняя себя. Умело сбываемый товар, приводящий к похудению без диеты, мог стать настоящей золотой жилой. А аюрведическая система похудения с помощью лекарственных трав не только была хорошо разрекламирована, но и, похоже, давала результаты.

Как представлял себе Мэт, продукт из лечебных трав предложил и, возможно, создал в МЦБ таинственный аюрведический врач из Индии Прамод Синг. Порошок был испытан Сингом примерно четыре с половиной года назад, а также совсем недавно по крайней мере на трех женщинах – Алетее Вортингтон, Констанции Идальго и Лизе

Саммер. Возможно, были и другие подопытные, но, к счастью, никто больше не забеременел и ни у кого не начались предродовые схватки.

Впоследствии Синг объединил свои усилия с Питером Эттингером, а позже с агентством по сбыту, которое понимало силу информационной рекламы по телевидению. Сам король Мидас не смог бы более умело превращать травы и протеин в золото. Часть выручки от продажи этого товара теперь потекла в сундуки больницы, возможно, в качестве оплаты за работу, которая была здесь проделана раньше. На другие деньги осуществлялся проект «Ксанаду» империи Эттингера.

А где остальные деньги?

Согласно сообщениям оперативных работников Джереми Мэллона, направленные в «Ксанаду» и Медицинский центр Бостона суммы представляли собой лишь долю того, что давала это бурно развивавшаяся операция. Вполне могло быть, что у Колина Смита не было полной картины происходившего. Но что-то он все-таки знал.

Яхт-клуб Южного Бостона, который в течение многих десятилетий являлся достопримечательностью для судовладельцев, представлял собой беспорядочно построенное трехэтажное здание из сборных панелей. Оно стояло на самом виду и со стороны автострады, и со стороны гавани, но попасть в него было труднее, чем на игру команды «Келтикс». Различные плавающие посудины примкнули к этому старому зданию, как спицы. Летом нельзя было отыскать ни одного свободного места на густой сети окружавших его причалов. И даже сейчас, когда сезон практически кончился, на воде все еще плескалось порядочно судов. Парковочная площадка возле клуба, засыпанная гравием, была обнесена забором, у въезда стояла сторожа охранника. Мэт сунул служащему десятку, чтобы иметь возможность без предупреждения «удивить» своего старого однокашника Колина Смита.

Следуя указаниям охранника, Мэт запарковался прямо за зданием клуба и спустился с каменистого склона на причал. Судно Колина Смита «Ред Инк» стояло в конце пятого причала. Служащий сказал, что это малинового цвета судно длиной в тридцать футов. Самое красивое во всем клубе. Смит расправлял какие-то веревки на корме и, по-видимому, был один. Когда он увидел приближавшегося Мэта, на его лице отразилось неудовольствие.

– Даниелс, – воскликнул он, вытирая руки о джинсы и с подозрением поглядывая на Мэта. – Какими судьбами?

– По делам, – просто ответил Мэт.

– Ко мне?

– Вы не против, если мы присядем на несколько минут?

– Но не больше. – Он показал Мэту в сторону кубрика. – Сегодня лучший день за последние несколько недель. Я уже и так запоздал и хочу отчалить как можно скорее.

– Вы можете плавать на таком судне один?

– С закрытыми глазами.

– Это впечатляет. Послушайте, Колин. Видели вы сегодняшние газеты.

– Вы имеете в виду, что нашли тело Эндрю Трюскота?

– То, что от него осталось.

– Какое это имеет ко мне отношение?

– Может быть, большое. Сара Болдуин и я без конца говорили людям о том, что Трюскота убили. Но нам никто не верил. Теперь они нам поверят. С того самого дня, когда Уиллис Грейсон подал иск против Сары, кто-то отчаянно старался сделать так, чтобы все выглядело, как будто именно она повинна в этой болезни ВСК. Трюскота убили, когда он попытался доказать, что ей все это подстроили. И вот, вчера вечером, кто-то попытался убить ее и представить это как самоубийство. Честно говоря, Колин, думаю, что вы замешаны в этом.

– Вы спятили.

– Думаю, что либо вы сами это сделали, либо знаете кто.

Смит встал и начал развязывать одну из веревок на корме.

– Идите, побегайте за бабочками.

– Колин, а что вы можете сказать о фонде МакГрафа? Почему он выделяет средства вашей больнице одновременно с переводом денег Питеру Эттингеру? Кто затеял это? Кто на этом действительно греет руки?

Финансовый работник закончил развязывать веревку и начал ослаблять узел на другой. Мэт надеялся увидеть на его лице отражение злости, но заметил только страх и смущение... совсем не те выражения, которые можно увидеть на лице добровольного участника убийства.

– Даниелс, я сейчас ухожу в море, – произнес он. – Если вы хотите выдвинуть обвинения, то вам надо обратиться в полицию или к адвокату. Но не ко мне.

«О, дерьмо! Неужели опять братья за план Б?!» – Мэт вздохнул, схватил Смита за грудки и встряхнул его. Искра страха в глазах собеседника засветилась ярче.

– Послушайте меня, и как можно внимательнее, – Мэт почти прошипел эти слова сквозь зубы. Он приподнимал довольно мелкого Колина все выше, так что тот стал касаться палубы лишь носками ботинок. – Этот треклятый порошок, на котором все богатеют, губит также людей. Убивает! Молодых женщин и младенцев, и только Бог знает, кого еще. Возможно, вы об этом не знаете, но кто-то из тех, с кем вы связаны, знает. И этому кому-то абсолютно наплевать, умирают люди или нет, пока баксы продолжают сыпаться. Вы это понимаете.

Обветренное лицо Смита побелело.

– Отпустите меня, – хрипло выговорил он.

Мэт ослабил хватку, потом медленно опустил его.

– Молчание не украшает вас, Колин. – Я не думаю, что вы замешаны в смерти всех этих людей. Я размышлял о вас, когда ехал сюда, но теперь вижу, что вы тут ни при чем. Я даже думаю, что вы – порядочный человек.

– Так и есть, а теперь убирайтесь.

Мэт подал ему свою визитную карточку.

– За этим стоит Пэрис, не так ли? – спросил он. – Примерно-показательный Пэрис и этот доктор Синг?

– Убирайтесь.

– До этого момента вы могли и не знать, что умирают люди, – произнес Мэт, сходя на причал, – но теперь вы об этом знаете. Поэтому я буду ставить вам в вину то, что будет происходить, начиная с этого момента. Вы скрываете... женщины и младенцы гибнут... вы виноваты. Понятно?.. Позвоните мне, когда сочтете нужным поделиться со мной тем, что знаете... И приятного вам плавания.

Не дожидаясь ответа, Мэт повернулся и стремительно пошел прочь. Он уже отошел по причалу на двадцать ярдов, когда зафырчал мотор на «Ред Инк». Мэт замедлил шаг, но не остановился, глядя прямо перед собой, внимание его мысленно было целиком приковано к человеку на судне.

«Давай же, – понукал он его мысленно, зная, что задел Смита за большое, но не зная, насколько глубоко. – Позвони мне, Колин. Позвони. Окликни меня».

– Даниелс, подождите!

– Да, – отозвался Мэт.

Он резко повернулся, но успел сделать всего один шаг к судну «Ред Инк», как раздался взрыв. Это был резкий, обжигающий взрыв горючего, такой, после которого никто не остается в живых. Инстинктивно Мэт бросился на живот, прижавшись к грубым доскам сходней. Вокруг него полетели горевшие обломки, которые шипели, погружаясь в воду. Через несколько секунд взорвался прогулочный катер, стоявший рядом с судном Смита, как бы в порядке солидарности, унеся этим взрывом то, что осталось от тридцатифутовых сходней.

Несчастный случай? Что-то подсоединили к зажиганию? Или взорвали что-то с помощью радио?

Мэт поднялся на ноги и отряхнулся. Он подошел к дымящемуся краю сходней и удостоверился, что не было видно даже признаков присутствия Колина Смита. Затем кинулся назад к зданию клуба. Шесть или семь человек выскочили как чумовые на причал. Мэт окинул взглядом всю сцену и увидел, что за спинами бегущих с парковочной площадки как раз в этот момент отъезжал зеленый «ягуар», который развернулся и покатил, набирая скорость, разбрасывая колесами песок и гравий. Мэт, конечно, не имел возможности разглядеть, кто сидел за рулем.

– Я сейчас вернусь! – соврал он приближавшимся людям и проскочил мимо них.

Наклонив голову вниз, он помчался на склон к парковочной стоянке. Его машина «лигэси», выпущенная всего год назад, заводилась с полоборота. Но «ягуар» обладал скоростью, мощностью и форой. Если он доберется до автострады незамеченным, то будет совершенно невозможно узнать, повернул ли он на север или на юг. И этого уже не изменишь. Мэт проклинал теперь себя за то, что, выходя из машины, включил систему охраны. Теперь на этом он потерял еще несколько драгоценных секунд. Подняв пыль и гравий, похожий на петушиный хвост, он стрелой промчался мимо обалдевшего охранника и выскочил на дорогу, ведущую к автостраде. «Ягуара» нигде не было

видно. Пришлось полагаться на смекалку. Первая догадка пришла легко. Налево на асфальтированную дорогу, и к автостраде.

Мэт завернул за угол, скользя по мостовой, следующий квартал пересек прямо по лужайке. Двигатель «субару», который обычно работал удивительно тихо, теперь взвыл... он переключил на первую скорость, потом перевел сразу на пятую. «Ягуара» не видно. Еще один перекресток. Новые варианты возможного пути. Направо. Продолжай держать путь в направлении автострады. С левой стороны, поверх деревьев, Мэту было видно разраставшееся облако черного дыма, относимое в море свежим ветерком, которым всего несколько минут назад Колин Смит собирался наполнить паруса своей яхты.

– О Господи, – прошептал Мэт в ужасе от того, чему он только что стал свидетелем.

Автострада находилась уже недалеко, и погоня практически заканчивалась. И тут далеко справа Мэт увидел «ягуар». Он уже мчался по верхней части автострады, направляясь на север, в сторону города. К тому времени, когда Мэт, обогнав с полдюжины машин и тракторный трейлер, вышел в левый ряд автострады, «ягуар» опять скрылся. Он сверкнул на одном склоне, потом на другом. Мэту ничего не оставалось, как продолжать ехать на север и молиться о том, чтобы они оба оставались на той же самой автостраде. Движение замедлилось при приближении к съезду на Массачусетс-авеню и дальше, в туннеле Саут-стейшн. Расстояние между машинами стало быстро сокращаться. Обычная дневная пробка на центральной городской артерии. Погоня закончилась. Мэт стукнул кулаком по рулевому колесу. Ему придется как-то определить хозяина этой довольно бросающейся в глаза машины. Трудно, подумал он, но ничего невозможного нет...

Потом Мэт заметил эту машину. Она находилась в ста слишком ярдах впереди, в конце трех сплошных цепочек машин, бампер к бамперу. И что хуже всего, «ягуар» только что выбрался из пробки и направлялся к объездной дороге, которая выводила на массачусеттскую автотрассу. Мэт непрерывно сигналил и кричал в открытое окно «Авария!» в лицо каждому, кто смотрел на него. Другие на него и не думали смотреть. Понемногу-понемногу, он сначала пересек одну полосу, потом другую, получив в награду ряд похабных жестов, некоторые из которых он увидел впервые. На скрежещущих

покрышках он пронесся по самому краю закручивающегося выезда и увеличил скорость до шестидесяти миль в час к тому времени, когда добрался до автотрассы. «Ягуар» опять пропал. Но на этот раз Мэт не так волновался. Выезд на Блэк-Бэй находился всего в миле. Если водитель «ягуара» выскочил там, то Мэт уже ничего не мог бы поделаться. Но если нет, то дорожные кабины для оплаты «Кэмбридж-Оллстон» наверняка сведут их вместе. На деле же вышло так, что Мэт уже проехал несколько миль за Оллстон, добравшись почти до Ньютона и кабинок для платы дороги 128, когда снова заметил преследуемую машину.

«Думаю, что так суждено». Он поудобнее уселся, сократил скорость и проехал возле кабины автоматической оплаты примерно через девять или десять машин от «ягуара». Задача теперь состояла в том, чтобы сесть на хвост водителю или водительнице так, чтобы его не заметили. В течение года он подумывал о том, чтобы поставить телефон в машине. Теперь, опоздав, как всегда, всего на день, он решил, что сделает это обязательно. Звонок в полицию штата помог бы им выявить, кто произвел по радио взрыв на яхте «Ред Инк». В сложившейся ситуации у Мэта была возможность заполучить взрывное устройство... при условии, что водитель не торопился домой и не собирался выбросить его.

«Ягуар» съехал с автотрассы к востоку от Ворчестера. Теперь он вроде бы не торопился, направляясь в прекрасную холмистую сельскую местность северо-центральной части Массачусетса. Мэт все еще ехал на порядочном расстоянии от впереди идущей машины и не мог пока увидеть водителя. Но с каждой новой милей необходимость в этом все больше пропадала. Примерно в дюжине миль впереди находился Хиллсборо, центр «Ксанаду» и аюрведической системы похудения с помощью лекарственных трав. И если Мэт сильно не ошибался, то человек в зеленой машине перед ним был ростом шесть футов четыре дюйма, с густыми серебристыми волосами и самомнением размером с Гренландию.

"КСАНАДУ.

ВЪЕЗД ВПЕРЕДИ ЧЕРЕЗ МИЛЮ.

Исключительно для постоянных жителей общины, придерживающейся целительных принципов Аюрведы жить духовно... жить долго... жить здесь.

Дома стоимостью от 450.000 долларов".

Огромный рекламный щит... красивый шрифт на фоне утра в Гималаях... номера телефонов для ознакомительных поездок и бесед. Мэт остановился возле щита, пока водитель, который, как предполагал Мэт, был никто иной, как Питер Эттингер, удалялся по пустынной, недавно заасфальтированной дороге по направлению к въезду. На другой стороне дороги проходила бесконечная цепочка семифутовых заборных блоков, соединенных цепями, которые в этом месте образовывали, видимо, угол общины «Ксанаду».

«Ксанаду». Мэт знал, что это название происходит от мистической, магической земли, воспетой в какой-то поэме... которую его когда-то заставляли изучать, даже запоминать наизусть:

*"Кубла-хан издавал в Ксанаду
Величественные указы..."*

Мысленно он вспоминал круглый почерк кого-то из учителей на школьной доске. Мильтон? Вордсворт? Может быть, Кольридж? Он просто не мог вспомнить фамилию автора. Ничего не запомнил он и из самой поэмы. Но, впрочем, представить себе Питера Эттингера в образе Кубла-хана было совсем нетрудно.

Мэт мысленно прикидывал различные варианты, когда услышал звук приближающейся машины – она ехала в том же направлении, куда только что укатил Эттингер. Он пригнулся, вроде бы осматривая переднее правое-колесо, и мимо пронесся грузовой фургон с белыми металлическими боками, свернув на дорогу, перпендикулярную той, по которой только что проехал Эттингер. Заучив чуть ли не наизусть высказывания Эттингера во время дачи им показаний, Мэт тут же сообразил, что означает название фирмы, написанное на грузовике. «Фармацевтика Гурона» производила витаминные капсулы, которые включались в комбинацию аюрведического порошка для похудения. Если предположить, что фургон доставил груз, а рекламный щит показывал на главный вход, то был какой-то боковой въезд в «Ксанаду». Мэт забрался в свою машину и поехал вслед за грузовиком.

На протяжении примерно четырехсот ярдов дорога петляла в густом лесу. Листья деревьев и кустарников давно пожелтели, но

стояла необычайно мягкая осень, и они не осыпались. Неожиданно лес закончился просторным открытым пространством, которое явно было вырубкой на месте холмистой лесистой местности. Прямо против того места, где пригнулся Мэт, раскинулось впечатляюще большое озеро, с недавно оформленными берегами и, возможно, искусственное. Вдоль противоположного берега протянулся ряд дорогостоящих домов: те, что поближе, уже построены окончательно, а подальше – еще строились. «Кубла-хан издавал в Ксанаду...»

Фургон «Фармацевтика Гурона» припарковался за комплексом низких побеленных зданий, построенных в тенистой рощице, недалеко от места, где находился Мэт. С правой стороны, может быть на расстоянии двухсот ярдов, расположился большой двухэтажный фермерский дом, тоже белого цвета, с одноэтажным флигелем, выдававшимся в сторону Мэта. На парковочной площадке возле фермерского дома стоял «ягуар».

От здания, где, по мнению Мэта, размещалась фабрика лечебных трав для похудения, доносился шум машин. Но ни там, ни у фермерского дома никого не было видно. От леса до флигеля дома было не больше двухсот футов, а до «ягуара» сотни полторы. Казалось, что можно пробраться к машине незамеченным. Если она не заперта на ключ, то можно будет попытаться найти взрывное радиоустройство. А если это не удастся, то он как следует все осмотрит и проскользнет обратно тем же путем. Даже если ему не удастся обнаружить ничего такого, что связывало бы Эттингера со смертью Колина Смита, всегда оставалась возможность того, что служащий яхт-клуба мог видеть, и запомнить машину «ягуар», а может быть, даже и самого Эттингера.

Низко пригнувшись и далеко не удаляясь от полосы леса, он подполз к задней стороне фермерского дома и прижался к стене. Затем он продвинулся до угла здания и прикидывал расстояние до «ягуара», когда услышал шаги со стороны основного входа. Он поскорее спрятался в тени. Не прошло и тридцати секунд, как к фермерскому дому подкатили две патрульные машины с выключенными сиренами и остановились по обе стороны от машины Эттингера. Двое полицейских остались на месте, в то время, как другие двое бегом припустились к входу в фермерский дом. Один из бегущих на ходу расстегнул кобуру табельного револьвера. Мэт углубился немного в лес и устроился, спрятавшись в неглубокой балке. Прошло несколько

минут. Мэт отчаянно пытался представить себе, что происходило внутри фермерского дома. Он напрягал слух, чтобы разобрать, о чем говорили два оставшихся полицейских. Они находились от него совсем недалеко, но, поскольку один из них сидел в патрульной машине, а другой стоял лицом в другую сторону, Мэт ничего не смог разобрать из их приглушенного разговора.

Наконец дверь дома открылась и показались два других полицейских, между ними шел явно взволнованный Питер Эттингер. На руках Питера, которые он держал за спиной, были наручники.

– Я там был. Признаю, – донесся до Мэта протестующий голос Эттингера. – Но, черт побери, я ничего не сделал плохого! Мне позвонил Колин Смит и попросил встретиться с ним в яхт-клубе. Во всяком случае, по телефону он представился как Смит...

– Не забывайте, мистер Эттингер, – предупредил его один из полицейских. – Я уже говорил вам это в доме. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Итак, вы ездили в этой машине?

– Да, конечно, в ней.

– И это ключи от нее, которые вы мне только что дали?

– Да, конечно. Давайте, открывайте ее, проклятье. Там нет ничего лишнего.

Совершенно сбитый с толку, Мэт поплотнее укрылся в закрытом листовом овражке. Как удалось полиции оказаться здесь так быстро? Эттингер принадлежал к национальным знаменитостям, а «ягуар» никак нельзя было отнести к неприметным машинам. Возможно, служащий на парковке или кто-либо из членов клуба узнал его.

– Вот оно, – произнес полицейский после осмотра машины примерно в течение одной минуты. – Под передним сиденьем. – Он вытащил, держа за провода, то, что явно походило на коробку радиоконтроля. Дайте кто-нибудь ящик для улики. Мистер Эттингер, неужели вы действительно считаете нас дураками?

Эттингер, вдруг ссутулившись и обмякнув, пораженно смотрел то на полицейского, то на контрольную коробку. Даже на таком расстоянии Мэт мог видеть необычную его растерянность.

– Я хочу позвонить своему адвокату, – выговорил он.

– Из участка, мистер Эттингер.

Эттингеру помогли сесть на заднее сиденье патрульной машины, отгороженное от водителя стеклом. Хлопок двери отозвался громким эхом в тихом полудне. Мэт подождал, пока машины не только скрылись, но и затихли вдали, перед тем как направиться к фабрике. Он исходил из того, что где-то должна находиться охрана. Но поскольку не было Эттингера, который мог бы узнать его, он мог вести себя более смело. Выдать себя, например, за какого-нибудь инспектора. «Да, – подумал он, пробираясь вдоль стены самого маленького из фабричных зданий. – Лучше не попадаться. Но если попадусь, то пригодится версия об инспекторе здравоохранения».

Там, где припарковался грузовик «Фармацевтика Гурона», располагалась небольшая приемная. Мэт огляделся вокруг в поисках водителя, потом пошел вдоль стены, заглядывая в окно. Помещение было пустым, если не считать двух морозильников, дверцы которых открывались кверху. На каждом из морозильников было написано «Фармацевтика Гурона» таким же шрифтом, как и на фургоне. Похоже, что оба были открыты.

Еще раз оглянувшись, Мэт проскользнул внутрь помещения. Застекленная наполовину дверь из основного помещения в приемную была закрыта. Но через стекло виднелись женщины, человек двадцать, каждая стояла на своем рабочем месте и заполняла коробочки, надо полагать, компонентами лекарственных трав аюрведической системы похудения. Он отошел от двери и подошел к морозильнику, который стоял в стороне и не был виден женщинам в цеху. На крышке была приклеена надпись: «До отправки держите витамины в замороженном состоянии». Осторожно он отжал ручку и приподнял тяжелую крышку. На полочках лежали упаковки с витаминными капсулами, целиком заполнив весь морозильник. Мэт некоторое время внимательно рассматривал упаковки. Они были идентичны тем, что Сара получила от Аннали Эттингер, в каждой было по девяносто капсул – запас на три месяца. Он уже собирался закрыть крышку морозильника, когда без всякой причины приподнял одну полочку с упаковками.

В глубине морозильника лежал труп мужчины с открытыми глазами. На нем был темный деловой костюм, красный шелковый галстук. Руки и бронзовое усатое лицо покрыл тонкий слой инея. Но Мэт легко узнал этого человека. Он несколько раз видел его на

видео пленке и в течение этих последних недель частенько задумывался о нем.

Прамоод Синг, неизвестный Икс в аюрведической загадке, превратился теперь просто в факт неживой материи.

Почувствовав вдруг тошноту, Мэт опустил крышку морозильника и отер ручку полкой пиджака. Потом он выскользнул через заднюю дверь, держась вплотную к зданию, тяжело дыша и пытаясь освободиться от этого ужасного видения. Колин Смит и Прамоод Синг погибли. Питер Эттингер либо виновен в их убийстве, либо, что более вероятно, жертва интриги. Кто-то торопливо обрубал концы. Кто-то паникует.

«Спокойно, – сказал сам себе Мэт. – Чеши отсюда поскорее, возвращайся к Саре».

Он почувствовал, что кто-то возник за его спиной за мгновение до того, как увидел тень на стене – тень руки, замахнувшейся для удара. Его реакция очень, очень запоздала. Тяжелый жесткий предмет опустился на череп. Парализующая боль взрывом охватила голову и шею. Последнее, что он увидел, это земля, которая неслась ему в лицо.

Глава 40

Роза Суарес только миновала разворот на Глочестер в конце дороги 128, когда старая машина «универсал-шеви» Медицинского центра начала вести себя странно. Она прибавила газу, думая, что колесо, может быть, наехало на какой-то сук, но ускорение только ухудшило дело. Ругаясь про себя по-испански, она съехала на обочину. Получилось так, что она выехала даже позже, чем хотела. Если Марта Фезлер закроет свою мастерскую по какой-нибудь причине раньше обычного, то этот день и, возможно, весь уикенд будет потерян. Ругая себя за то, что не взяла машину напрокат, она вышла на мягкую поверхность обочины, оказавшись в лучах яркого послеобеденного солнца. Не нужно было быть механиком, чтобы увидеть: задняя правая крышка порвана и едва держалась на ободе.

Роза никогда в жизни не меняла колеса. Она открыла заднюю дверцу, нашла подъемник и запаску. Потом из бардачка достала справочник автолюбителя из-под кипы различных квитанций. И решила, что если она поймет, что надо сделать, то попытается это сделать. А если не поймет, то попробует кого-нибудь остановить.

Она подошла к задней части машины и углубилась в чтение справочника.

– Привет.

От неожиданности она уронила справочник.

Он стоял в нескольких шагах, скрестив руки, приветливо улыбаясь. Ему было около тридцати, по мнению Розы, светлое красивое лицо, на носу очки в металлической оправе. На голове шерстяная шапочка моряка, одет в темную ветровку. Машину он запарковал, не доезжая футов двадцать, аварийная мигалка включена.

– Простите, если я испугал вас, – обратился он к ней. – Я остановился, чтобы взглянуть, не нужна ли вам помощь.

Роза с облегчением вздохнула, убедившись, что сердце ее все еще бьется, и подняла справочник.

– Ой, мама, – воскликнула она, прикоснувшись к груди. – Вы действительно испугали меня. Но спасибо, что вы остановились. С

вашей стороны это очень любезно. Между прочим, если мне удастся заменить покрывало, то я сделаю это первый раз в жизни.

– Буду рад помочь вам.

Мужчина подошел, вытащил домкрат и запаску. Он заметно прихрамывал – левая нога почти совсем не сгибалась в колене. Розе хотелось думать, что это у него временное недомогание.

– Еще в колледже повредил, играя в регби, – объяснил он, подставляя домкрат. – Мне часто хочется, чтобы вернулось то старое время.

– О, простите. Я совсем не собиралась расспрашивать вас.

– Ну, вы этого и не делаете. Просто мне самому пришлось это на память. Я просто не заметил тогда игрока сзади. Если бы я увернулся налево, а не направо, кто знает, как бы сложилась моя жизнь? Вы едете в Глочестер?

– Между прочим, туда. Вы там живете?

– Временно. Я – биолог, работаю в департаменте морского рыболовства.

– Очень интересно. – Я – научный работник, тоже из правительственного учреждения. Эпидемиолог из Центра по борьбе с болезнями.

– Атланта – прекрасное место, – подхватил он. – Хотя там, на мой вкус, несколько жарковато. Совет на будущее: при замене покрывала надо ослабить гайки до того, как вы поднимаете машину на домкрате. Это делает работу проще и легче. А куда именно в Глочестере?

– Место, которое называется «Мастерская Фезлер».

– Никогда не слышал о такой.

Мужчина снял свою шапочку и вытер лоб тыльной стороной ладони. Его волосы были цвета солнечных лучей. Он обладал всеми физическими качествами звезды экрана или модельера, заметила про себя Роза. И в то же время образованный человек. На Розу это произвело впечатление.

– Это на улице Брин, – добавила она.

– Не слышал и о такой улице, – отозвался он, ловко ставя запаску на место и закручивая гайки. – Может быть, мне надо больше уделять внимания месту, где я живу.

– Подозреваю, что у вас есть занятия поважнее. Я бы хотела заплатить за помощь. Я очень...

– Ну что вы. Впрочем, я бы выпил чашечку кофе, если вы не против.

– Очень сожалею. Мне хотелось бы побольше узнать о вашей работе. Но мне действительно пора ехать. Я ужасно опаздываю.

– О чем говорить, никаких проблем. – Я – Деррил. Мне доставило удовольствие познакомиться с вами.

– А меня зовут Роза, – представилась она. – Большое вам спасибо.

Мужчина тепло улыбнулся, пожал ей руку, потом заковылял к своей машине и уехал. Роза взглянула на свои часы. Вся эта сцена заняла пятнадцать минут.

«Господь располагает, – подумала она, садясь на свое место за рулем и направляясь в Глочестер. – Без Бога не до порога».

* * *

После расспросов на встречных заправочных станциях и немного попутавшись на поворотах, Роза, наконец, нашла улицу Брин. Она затерялась в путанице узких проездов набережной, которые хоть и были заасфальтированы, но всем своим видом напоминали времена Войны за независимость. Приморская автомастерская «Фезлер» представляла собой огромный разрушающийся крытый плиткой сарай, по бокам которого стояли два тоже полуразвалившихся деревянных склада. Все место было пропитано чем-то тревожным, пожар здесь мог возникнуть в любой момент, достаточно поднести спичку. Роза проехала два квартала, прежде чем нашла место, чтобы запарковаться.

Ворота, выходящие на улицу, и одна небольшая дверь за углом здания оказались закрытыми. Роза постучалась один раз, подождала, постучалась второй раз, подождала и, наконец, вошла, прикрыв за собой дверь. Создалось впечатление, что она сделала шаг в прошлое.

Внутри мастерская была так завалена различными предметами и слабо освещена, что трудно было что-либо разобрать, несмотря на огромные размеры помещения. Инструменты, некоторые довольно новые, другие старые, заполняли все полки у стен этого амбара. Ремни, цепи, буксировочные приспособления различного размера висели повсюду. Воздух пропитался запахом машинного масла, смазки, бензина. У одной стороны мастерской стояло письменное бюро с

закрывающимся верхом, на котором лежали квитанции, журналы и каталоги. Над бюро висел точно такой же календарь, который Роза видела в спальне у Элси Ричардсон. Откуда-то из дальнего угла мастерской доносилась классическая музыка.

– Есть тут кто-нибудь? – крикнула она.

Никто не ответил. С одной стороны было возвышение с лестницей, которая поднималась вверх возле одной стены, Роза взглянула в тот момент, когда кто-то закрыл дверь на самом верху лестницы.

– Послушайте, – крикнула она. – Есть тут кто-нибудь?

– Идите сюда, – глухо отозвался голос.

Роза направилась в сторону музыки и воды. Огромные ворота в задней части здания были распахнуты на гавань. В воде виднелись полосы стальных рельсов, которые наклонно поднимались через невысокую платформу и выравнивались на полу самой мастерской. На высоте двух футов над рельсами был подвешен большой судовой двигатель. Он свисал, может быть, на тридцать футов от потолка на сложной системе блоков и тросов.

У двигателя стояла и что-то делала женщина. Роста она была не очень высокого, но во всех остальных смыслах, физически, очень импозантна. На ум Розе пришло одно слово – крупная. Не толстая. Не очень грузная – хотя было и это. Но главное – крупная. Ее широкие плечи и крутая спина оттопыривали запачканную маслом спецовку на помочах. Рукава черной водолазки были закатаны до предела. Волосы под кепочкой нефтекомпании «Мобил» стянуты назад в форме конского хвоста.

– Приветствую вас, – произнесла она, взглянув на Розу лишь для того, чтобы оценить ее, и тут же вновь повернувшись к двигателю.

– Я ищу Марту Фезлер, – сказала Роза.

– Вы ее нашли. – Она отвернула несколько болтов и бросила их в банку от кофе, наполненную едко пахнущей жидкостью. – Знаменитый обезжириватель Фезлеров, – пояснила она. – Бензин, борная кислота и немного слюны. – Она опять взглянула на Розу, заговорщически улыбнулась и подмигнула. Мотор вытяжки вон там, у лестницы. Можете его выключить, если хотите, чтобы я расслышала, что вы говорите.

Роза поступила, как посоветовала ей женщина. Когда она возвратилась к Марте Фезлер, та взялась за тяжелый промасленный трос и стала подтягивать массивный двигатель выше над головой.

– Сколько он весит? – спросила Роза.

– Без заднего сцепления? Ну, двести пятьдесят, может быть, триста.

– Удивительно.

– Удивляться тут нечему. Я лебедкой и другими причиндалами, которые у меня тут имеются, смогу одновременно поднять два таких мотора, если захочу или если мне это будет нужно... Думаю, что смогу. Она зацепила промасленный трос за зажим на стене, сделала одну петлю для подстраховки. Розе не верилось, что она все это видит своими глазами.

– Эта одна петля удержит ее там? – спросила Роза в то время, когда женщина сливала смазочное масло.

– Удержит, если никто не будет соваться сюда. А поскольку я работаю здесь одна, то делать это некому.

Ее круглое лицо было гладкое и без морщин. И хотя манеры резковатые, а голос напоминал скрип наждачной бумаги, в ней было что-то привлекательное. Роза представилась ей.

– Мисс Фезлер, мне нужна ваша помощь, – сказала она.

– Я для всех Марта. И если у вас не поломка в двигателе машины или лодки, то не понимаю, чем могу...

– Марта, мне надо разыскать вашего брата Уоррена. И очень, очень срочно.

Марта опустила руки и вытерла их о полотенце, которое, казалось, больше не могло впитывать масло. На мгновение Розе даже показалось, что она станет отрицать, что у нее есть брат, и потребует, чтобы она ушла. Потом, очень быстро, выражение лица женщины изменилось.

– Может быть, мы пойдем и присядем, – предложила она. – Хотите кофе?

Сидя за маленьким столиком с металлическим верхом, можно было наблюдать за спокойной гладью вод гавани со стороны рельсов. Роза рассказывала поместившейся против нее Марте Фезлер о своей работе по расследованию случаев ВСК с момента приезда в Медицинский центр Бостона, об обнаружении дневника Констанции

Идальго и, наконец, о Кене Малхолланде и его усилиях выявить источник вируса СРВ 113.

– Думаю, что каким-то образом женщины; которых я обследовала, заразились вирусом, который вывел ваш брат, – закончила она свой рассказ. – Вполне может быть, что какая-то составная часть порошка, который они принимали, была зараженной: Не знаю. Надеюсь, что это знает Уоррен... Как только вирус оказался в организме этих женщин, их природные защитные средства вступили с ним в борьбу, но так и не смогли окончательно его уничтожить. Равновесие, возникшее на какое-то время, нарушалось в периоды стрессов.

– Сколько женщин умерло от этого?

– Насколько мне известно, две. И их младенцы. Третья женщина, на чьей сыворотке крови мы сделали посев вируса, потеряла ребенка и чуть не умерла. Боюсь, что она не последняя, Марта. Вот почему мне надо найти вашего брата.

Марта Фезлер стала смотреть на воду и на удлиняющиеся полуденные тени. Наконец она подала Розе блокнот и ручку.

– Напишите свои координаты, фамилию, откуда приехали, названия вируса и болезни, – предложила она. Она подождала, пока Роза все это написала, потом оторвала лист и положила его в карман своей спецовки. – Подождите здесь, – попросила она.

Она неуклюже загромычала вверх по лестнице и скрылась за чердачной дверью. Роза рассеянно что-то чертила в блокноте и наблюдала, как две чайки дрались из-за мидии. И только взглянув вниз, она поняла, что выводила в блокноте и заштриховывала аккуратно выведенные буквы: БАРТ.

Прошло пять минут. Один раз Розе послышалось, что Марта Фезлер вскрикнула. Чайки закончили свой спор и заскользили по воздуху вдоль гавани. Наконец дверь вверху отворилась и в сопровождении сестры показался Уоррен Фезлер. Он похудел еще больше после того случая, когда промчался мимо Розы во дворе МЦБ. По сравнению с ним Марта выглядела настоящей тумбой. Он подошел к Розе, застенчиво улыбаясь.

– П-простите, что я д-доставил вам ст-т-только б-беспокойства, – произнес он, спотыкаясь на каждом слове. – Меня ст-т-рашно запугали.

Он сел напротив Розы. Марта принесла один складывающийся стул и села на него; лицом в сторону рельсов.

– Уоррен не возражает, если я буду присутствовать, – пояснила она.

– Прекрасно, – отозвалась Роза. – Поверьте мне, Уоррен, вы поступили правильно, что вышли ко мне.

– Даже если м-меня убьют?

– Постараемся, чтобы этого не произошло. Когда руководство моего департамента узнает о том, что происходит, вам обеспечат любую необходимую защиту. Если я не ошибаюсь, Уоррен, другие уже погибли от этого вируса. Не исключено, что, перестав прятаться, вы спасете жизнь многих.

– Ч-честно говоря, я не знал, что кому-н-нибудь п-причинил боль. Он сказал, что п-проблема возникла у д-доктора Б-Болдуин. Н-не от вируса.

– Кто он, Уоррен?

Уоррен Фезлер потер глаза, которые выглядели поблекшими и очень уставшими. Повернулся к Марте, та поощрительно кивнула ему.

– Бленкеншип, – неожиданно произнес он. – Ели Бленкеншип.

Роза недоверчиво уставилась на него. Бленкеншип! Человек, которому, помимо Сары и Даниелса, Роза доверяла всю собранную ею информацию. Она почувствовала подступающую к горлу тошноту.

– Объясните, – попросила она.

– Я с-сильно з-заикаюсь. П-простите.

– Извиняться не за что, Уоррен. Даже и не думайте об этом. Просто расскажите мне о СРВ 113 и об Ели Бленкеншипе...

– Если г-говорить медленно, тогда ничего.

– У вас получается неплохо.

Фезлер вздохнул, чтобы успокоиться. И действительно, когда он снова заговорил, то казался более собранным и говорил более ровно.

– СРВ расшифровывается как вирус свертывания крови. Я совершенно случайно наткнулся на его способность вызывать похудение. Думаю, что это зависит от каких-то генов, которые хромосомами тесно связаны с теми, над которыми я работал. Соединенный ген оказывает воздействие на пищеварение и клеточное накопление "жира, блокируя конкретные ферменты. Изолирую гены свертывания, я, видимо, устранил те, которые обеспечивают контроль

и сбалансированность противожировых генов. Мои обезьяны начали худеть. Многие подохли. Когда я разобрался, что с ними происходит, я начал делать прививки, и еще кое-что. Они пересталидохнуть, но очень худели. Наконец, я ввел этот вирус себе самому. Он сработал великолепно. Всего за несколько месяцев я похудел на сотню фунтов без всяких проблем и без всяких побочных последствий.

– Но Клетус Коллинз сказал, что обезьяны подыхали.

– М-мне стыдно говорить об этом, но я сам уб-бивал их, чтобы сохранить тайну. Такая идея пришла Бленкеншипу. Мы с ним были однокашниками в аспирантуре. У него степень Д.М. А у меня и Д.М., и Д.Н. Клянусь, я никогда не думал, что кому-нибудь станет от этого плохо. Вы д-должны мне поверить.

– Она верит тебе, Уоррен, – грустно произнесла Марта. – Рассказывай дальше.

– Я доложил Ели о вирусе и о том, что я обнаружил. Он заметил, что мы можем здорово разбогатеть на этом. Впрочем, существовало две проблемы.

Для Розы последние кусочки мозаики уже легли на место. Картина стала совершенно ясной.

– Вопрос о патенте, – сказала она.

– Совершенно точно. Вирус принадлежит «Б-Био-Вир».

– И полагаю, что копия такого вируса находится в распоряжении федерального агентства по лекарственным препаратам.

– Вы очень догадливая, – произнес Фезлер.

Роза задумалась о том, сколько всего она рассказала Ели Бленкеншипу – особенно за последние два дня.

– Не очень догадливая, – отозвалась она. – Значит, Бленкеншип состряпал порошок для похудения из лекарственных трав, чтобы обойти длительную процедуру исследований по линии федерального агентства по лекарствам.

– Там бы это в л-любом случае не ут-твердили. Всю эту штуковину придумал Ели. Он потрясающе г-голова-стый. Но сатанинского типа. Он чрезвычайно, удивительно скрытный. Никто, кто был втянут в эту операцию, не знал, что делают другие. Ни Синг, ни Эттингер, ни Пэрис, ни даже я.

– Кто из них знал о вирусе?

– Только я... и Ели.

– Но он же содержится в порошке.

– Н-нет. Не в порошке, в витаминах. Одна из капсул витаминов – н-номер девять – отличается от других. Я сделал их сам в лаборатории, которую Ели организовал для меня. Сначала я верил, что виновата в несчастьях женщин д-доктор Болдуин. Потом начал сомневаться. Я испугался того ч-что мы делаем. Особенно потому, что так много людей покупали порошок.

– Поэтому Бленкеншип пытался вас убить?

– Не Бленкеншип. Ч-человек, которого он нанял. Высокий блондин с...

– Нет!

Это слово чуть не сорвалось с уст самой Розы, когда его выкрикнула Марта Фезлер. Ее глаза расширились от ужаса. В это время справа от Розы раздался небольшой хлопок. Марта вскрикнула и отлетела назад, как будто в нее врезался шар для разрушения зданий. Уоррен и Роза бросились на пол там, где она свалилась. Она с трудом ловила дыхание. Ее глаза закатились.

– О Господи! – воскликнул Уоррен, дотрагиваясь до дырки величиной с гривенник на ее спецовке с помочами, откуда уже начала сочиться кровь. – В нее стреляли.

– Правильное наблюдение, Уоррен.

Они резко повернулись на звук голоса, который Роза узнала еще до того, как увидела говорившего. Деррил спокойно облокотился о поддерживающую балку мастерской, улыбаясь ей так же, как он делал это тогда, на автостраде. В руке он держал револьвер с глушителем, который был направлен куда-то между ней и Уорреном.

– Это тот самый человек, – произнес Фезлер, стоя на коленях. – Мужик Бленкеншипа. Почему т-ты стр-трелял в мою сестру, с-сука, п-почему?

– Уоррен, это просто бизнес, – ответил тот, сделав к нему шаг. – Уверен, что Роза, например, понимает это. Она же не обижается, что я прострелил ее крышку. Она понимает, что это – бизнес. Просто нам надо было поточнее узнать, куда это она собралась. Я совсем не виню вас за то, что я разбил себе коленку, когда мы встретились в последний раз, и за то, что я останусь калекой до конца дней своих. Опасность профессии – я это так понимаю. Бизнес. Впрочем, теперь слово за вами.

– Вы, с-сукин сын! – пропищал Фезлер.

– Встать!.. Приказываю!

Ни жив ни мертв, ученый выполнил приказание. Он был похож на человека, примирившегося с мыслью о смерти.

Пистолет Деррила приблизился. Роза могла видеть, что Фезлер не собирается двигаться. Она прыгнула на него, толкнув изо всех сил. Он пошатнулся, согнулся в три погибели и свалился с задней части платформы между рельсами и зданием. Пуля раздробила в щепы пол, где только что стоял Фезлер.

– Беги, Уоррен, беги! – взвизгнула Роза.

Деррил повернулся к ней и спокойно, криво ухмыляясь, выстрелил ей в грудь. Как в причудливом балетном танце, Роза сделала почти ровный круг, взмахнув руками, как тряпичная кукла, которая смотрит, как куда-то полетели ее очки. Она тяжело грохнулась на пол, не дальше двух шагов от того места, где упала Марта. Боль стрелой пронзила ее спину от точки прямо над правой грудью. Она крикнула, но не была уверена, что ее голос услышали. Даже неглубокое дыхание вонзалось кинжалами в грудь, а также в плечо и челюсть.

Деррил не обращая теперь на нее ни малейшего внимания, подошел к тому месту, где Уоррен упал с платформы. Он неприлично помахивал пистолетом с глушителем, всматриваясь в направлении воды. Лежа на боку и лоя ртом воздух, Роза молилась, чтобы Фезлер преодолел свою трусость и сохранил достаточно присутствия духа, чтобы попытаться скрыться.

– П-пожалуйста, н-не ст-треляй, – услышала она вдруг его молящий голос.

– Встать! – приказал Деррил. – Не торопись, поднимайся.

Роза беззвучно проклинала обоих мужчин. Преодолевая ужасную боль, которую она никогда в жизни не ощущала, она поползла к ним.

– Теперь, Уоррен, топай сюда. Давай... Шевелись, парниша.

Роза поползла, сначала на животе, потом на карачках. Одно легкое у нее отказало. Она была уверена в этом. Она чувствовала кровь и ощущала вздутие в труди. Ее голова кружилась, зрение затуманилось. Затем, когда она раздумывала, сможет ли она продвинуться еще хотя бы на один шаг, ее рука нащупала кофейник Марты Фезлер. Услышав негромкий скрип, Деррил обернулся. Из всех оставшихся сил Роза выплеснула жидкость ему в лицо. Он, зашатавшись, попятился назад,

завопил, отчаянно протирая глаза свободной рукой и беспорядочно стреляя другой.

Пуля прострелила руку Розы, но она почти не заметила этого. Она попыталась встать, подтянувшись за один из канатов, но упала опять возле стены.

– Уоррен, помогите, – хрипло крикнула она.

Деррил, корчившийся теперь от боли на полу возле рельсов, инстинктивно выстрелил на звук ее голоса. Пуля вонзилась в стену мастерской в нескольких дюймах от ее лица.

– Пожалуйста, помогите мне!

Новая пуля шлепнулась о стену возле ее лица. Кровь, которая клокотала у нее в горле, душила ее. Ее кашель был еле заметен, сознание начинало туманиться. Комната безжалостно поплыла, когда она поскользнулась на полу. Неожиданно в сгустившемся в ее голове тумане она услышала треск и ужасный вопль Деррила. Затем, так же неожиданно, все стихло.

Роза лежала возле стены, и сознание в ней еле теплилось. Ее рука находилась почти у глаз, и все-таки она не сразу поняла, что ухватилась за предохранительный трос, который Марта так слабо закрепила. Она всматривалась в сгущавшиеся сумерки. В двадцати шагах от нее лежал лицом вниз, без движения, наемный убийца Бленкеншипа. Его придавил огромный судовой двигатель.

– Уоррен, – жалобно простонала Роза еле слышным голосом. – Идите сюда.

Ответа не было. Роза боролась с надвигавшимся мраком, постепенно ее глаза закрывались.

– Роза? – прошептал ее имя Фезлер, дотронувшись до ее плеча. – Вы слышите меня?

Роза кивнула, но не могла ничего произнести. Она чувствовала, как из ее рта сочится кровь.

– Держитесь, я в-вызову «Скорую».

– Стойте, – хрипло вырвалось у нее.

– Ч-что?

– Блокнот... карандаш... вон там.

Удивленный, Фезлер подобрал блокнот, потом поднял ее голову и положил на свое колено. Мучительно и медленно она назвала ему номер телефона.

– Звоните... сразу, – удалось выговорить ей. – Объясните... ему... Сара... в... М...Ц...Б...Этот... человек... поможет.

– Я в-вызову «Скорую», – выкрикнул Уоррен. – Роза? Дьявольщина, Роза, нет!

Мышцы на ее лице расслабились. Губы закруглились в еле заметную улыбку.

– Идите, – скомандовала она.

Глава 41

29 октября

Каждый час отсидки Сары в изолированной палате отделения «Андервуд-6» оказывался более болезненным и неприятным, чем предыдущий. Сотрудники, казалось, решили продемонстрировать ей, что она не может рассчитывать на какое-то специальное обращение только потому, что она сама врач. А некоторым явно нравилось покомандовать и потормозить Д.М. Ей отказывали в любой, даже самой мелкой просьбе или вносили изменения в соответствии с правилами отделения. Главными мучителями выступали психотерапевты – в основном недавние выпускники колледжей, которые специализировались по психологии или социологии и которые, казалось, пошли на эту работу временно, пока пытались окончательно решить, как лучше распорядиться своей жизнью.

– Я целый день не видела своего доктора. Мне очень нужно поговорить с ним. Не могли бы вы его пригласить?

– Сожалею. Мы вызываем доктора только в чрезвычайных случаях или когда возникает проблема лечебного характера. Он придет либо сегодня вечером, либо завтра утром, так же, как и другие доктора.

– Послушайте, не хотелось бы беспокоить вас, но мне нужно заглянуть в «Настольный медицинский справочник», который выдается медсестрам. Я хочу навести справки в отношении компании «Фармацевтика Гурона».

– Сожалею. Мы пациентам не выдаем книги сотрудников.

– Ну что же, тогда, может быть, вы сами наведете справки о «Гуроне»?

– Может быть, но позже, после группового занятия, если останется время.

В конце концов, ей повезло с очередью к единственному автомату, которым пользовались пациенты. Сара смогла дозвониться до знакомого в аптеке больницы. Он сказал, что такой компании, как «Фармацевтика Гурона», нет. Ни местной, ни региональной, ни национальной, ни иностранной. Никакой. Такой ответ заставил Сару опять обратиться к персоналу.

– Я была уверена, что в час свиданий ко мне придет мой адвокат. Но он не пришел. Могу я его увидеть на минутку, если он запоздает? Это для меня очень важно.

– Сожалею. Это невозможно.

– Если он вдруг позвонит в ординаторскую, не соедините ли вы меня с ним?

– Из города можно звонить только на этот телефон-автомат.

– Но этот аппарат занят весь вечер. А в десять часов его отключают. Никто меня не предупредил об этом. Нельзя мне попытаться связаться с ним по телефону от медсестер?

– Сара, завтра с утра все будет то же самое. Вы можете не верить в это, но так оно и будет. А теперь, почему бы вам не принять лекарство, которое прописал вам доктор Голдшмидт? Потом вы немного почитаете и пойдете спать.

Узнав, что платный телефон отключается в десять часов вечера, Сара потеряла надежду что-либо услышать от Мэта до утра. Но ее беспокойство нарастало с каждым часом. Почему он хотя бы просто не позвонил ей? Она успокаивала себя рассуждениями о том, что он случайно прозевал небольшое двухчасовое окно для посетителей, а потом не мог дозвониться, потому что платный телефон был постоянно занят. Может быть, он опоздал в отделение и какой-нибудь работник психлечебницы его не впустил.

Время в «Андервуд-6» тянулось ужасно медленно. В данный момент было два часа ночи. Сара сидела в старом кожаном кресле возле окна гостиной, благодарная, что никто не придумал правила, которое *бы* запрещало такое времяпрепровождение. Во всяком случае, здесь можно вести себя как ненормальному и никто на это не обратит внимания.

В горле все еще першило после введения в него эндотрахеальной трубки, и, помимо того что она устала и ослабела, к ней привязался довольно неприятный кашель. Но она решила не ложиться спать до самого утра, если понадобится. Она хотела оказаться на месте, когда фургон «Фармацевтика Гурона» снова подъедет к зданию «Чилтон», если он подъедет вообще. Меньше чем через семь часов это здание взорвут. И тайны либо окажутся погребенными под щебнем, либо их увезут отсюда до того, как взрыв помешает этому. Люди из «Гурона» закончили подготовку к разрушению обреченного здания. Но, может

быть, чем черт не шутит, подготовка эта не закончилась? Один луч прожектора, один хороший взгляд на водителя грузовика могут поставить все на свои места.

– Как вы себя чувствуете?

Она отвлеклась и вздрогнула при звуке голоса.

– О, здравствуйте, – приветливо отозвалась она.

Мужчина, Вес, был помощником психиатра. Он и дипломированная сестра были в «Андервуд-б» два сапога пара. В свои примерно сорок лет он был старше психиатрических работников дневной и вечерней смены, но Сара понимала, что его обязанности были больше связаны с вопросами безопасности, чем с терапией. У него была мускулистая фигура тяжеловеса и татуировка на дельтовидной мышце, которую он демонстративно показывал. У Сары сложилось впечатление, что он очень нравился сам себе. Она также серьезно сомневалась, что его образование выходило за рамки средней школы. Придя на работу в одиннадцать часов, он уже третий раз подходил к ней с разговорами.

– Вы наблюдаете за чем-нибудь интересным?

– Да нет. Вон то здание завтра взорвут.

– Знаю. Собираюсь задержаться и посмотреть на это. Тут у нас наилучшее место для наблюдения. Вы когда-нибудь работали в том здании?

Он уже не первый раз давал ясно понять, что многое узнал о ней от работников вечерней смены и из ее больничной анкеты. Это возмущало ее.

– Что? Да нет. С тех пор как я здесь, это здание было всегда закрыто. Мне просто любопытно. Вот и все.

Сара продолжала смотреть на больничный двор, думая о Мэте. Логика подсказывала ей, что у него все в порядке. Но тяжелое неприятное предчувствие не отпускало ни на минуту. Что-то не так.

– Так что, у вас с кем-нибудь свидание? – спросил Вес, бесстыдно рассматривая ее.

«Только не это!» – промелькнуло в голове у Сары.

– Да, да. Я обручена, – выпалила она.

Помощник психиатра ухаживает за ней. Только этого не хватало. Ей пришла в голову мысль о том, как было бы полезно, если бы

каждый будущий доктор обязан был побыть на месте пациента. Такой курс обучения можно было бы назвать «Беспомощность 101».

– Послушайте, то, что не касается меня, не касается и вас. – Вес, повыше подняв рукав своей водолазки, полностью обнажил татуировку. – Тут существует масса правил. Могу помочь вам обойти некоторые из них.

Саре показалось, что он хочет протянуть руку и дотронуться до нее. Такая перспектива вызвала у нее тошноту. Но она понимала, что если резко оттолкнет его, то с ней может случиться все что угодно. Шикарный номер для дураков, как пациенты называли обложенную матрасами комнату, принимал, главным образом, тех, кто не подчинялся персоналу.

– Послушайте, как вас, Вес. Я очень вам признательна, что вы пришли поболтать со мной. Но мне нельзя торопиться... если вы понимаете, что я имею в виду.

Мужик повеселел.

– Ах, вот что, конечно. Понимаю, что вы хотите сказать. Сейчас вам нужно что-нибудь? Что-нибудь выпить, прохладненькое? Что-нибудь сладенькое? Может быть, что-нибудь белое с порошочком? В вашей комнате нет второй пациентки, а следующая палата за вашей – пустая.

Тошнота у Сары усилилась. Если она переживет этот кошмар, то поклянется возвратиться в «Андервуд-6» в качестве врача. И ради всех женщин, которых когда-либо загонят сюда, она по-настоящему проветрит это помещение.

Если...

Она кое-как отбилась от его заигрываний, намекнув, что он может заглянуть попозже, если она не уснет, а сама продолжала внимательно осматривать территорию больничного двора. Каждая проходившая минута укрепляла в ней решимость найти возможность удрать из «Андервуд-6» и проникнуть в здание «Чилтон» до взрыва.

Она призналась сама себе, что такая мысль была ненормальной.

В половине четвертого утра она начинала проигрывать сражение с усталостью. Сара знала, что изредка клевала носом вместе с биноклем. Но она ни в коем случае не хотела отказаться от своего намерения и боролась с сонливостью. Роза, Мэт и Ели большую часть дня посвятили тому, что распутывали различные нити тайны СРВ ИЗ. Она

же провела день, присутствуя на групповом собрании, а ночью отбивалась от помощника психотерапевта, который был гораздо более ненормальный, чем большинство пациентов. Беспомощность ее положения становилась для нее нетерпимой. Она должна была найти возможность...

Сара встряхнула головой, чтобы прочистить мозги, и вытерла лицо влажной салфеткой, единственной полезной вещью, с которой она не расставалась всю ночь. На дальней стороне здания «Чилтон» началось какое-то движение. Она выключила верхний свет дневного освещения, взяла бинокль и твердо положила локти на подоконник. Свет вокруг здания «Чилтон» тут же пропал. Но луна, хотя она уже и клонилась к закату, была почти полной, а многочисленные осветительные приборы рассеивали темноту. Сара ждала, пока ее глаза привыкнут к темноте, но она уже четко знала, что она видит.

Грузовик «Гуруна» вернулся.

* * *

Черная Кошка Даниелс знал, что ему предстоит умереть. И пока тянулись его страшные часы в качестве пленника Ели Бленкеншипа, были моменты, когда он молился, чтобы это случилось. Через некоторое время после того, как ударом его лишили сознания, он лежал лицом вниз в кузове грузовика, на боках которого было написано: «Фармацевтика Гуруна». Руки ему туго связали проволокой за спиной, а колени привязали к стенке грузовика. В голове его отчаянно стучала кровь, не проходили головокружение и тошнота.

Фургон был запаркован в каком-то темном помещении, возможно в гараже. С улицы доносился шум, иногда проезжала машина, но голосов слышно не было. Мэт лежал в страшно неудобном положении. Даже малейшие движения отзывались острой болью, особенно в связанных проволокой кистях рук.

Бленкеншип первый раз заглянул в фургон уже после того, как Мэт пришел в себя. Он несколько удивился, что увидел именно Мэта, но, честно говоря, не очень.

- Мне следовало бы знать об этом, – сказал Мэт.
- Да, да. Думаю, вам бы следовало это знать.

– Вы убили Колина Смита.

– Пришлось это сделать.

– И Прамода Синга.

– Надо было.

– И вы подстроили так, что вина ляжет на Эттингера.

– Вот это я сделал преднамеренно. Итак, я ответил на все ваши вопросы. Мне хотелось бы узнать, остаются ли еще, я бы сказал, распущенные концы, которые надо завязать? Есть ли еще кто, о ком мне надо побеспокоиться? Джереми Мэллон? Пэрис? Что они вам сказали?

Мэт попытался отвернуться от него, но Бленкеншип просто потряс его за локоть, и Мэт взвыл от боли.

– Я ничего не знаю, – прокричал он. – Я больше ничего не знаю.

Бленкеншип приподнял его голову за волосы.

– Надеюсь, что вы говорите правду, – зловеще произнес он. – Посмотрим.

Он резко отпустил голову. Мэт шмякнулся лицом о металлический пол грузовика. Когда он пришел в следующий раз, то принес с собой какое-то лекарство – какую-то жидкость для укола. Мэт чуть не потерял сознание просто от того, что повернули его руку для укола.

Потом, очень быстро, вся боль прошла. В течение какого-то периода времени – это могли быть минуты или дни – он слышал только отрывистые фразы и слова, сначала голос Бленкеншипа, потом свой собственный. Слова пролетали в сознании как перья в тихом воздухе. Наконец, его окутали мрак и молчание.

Когда он очнулся, то сидел на полу сырой, совершенно темной комнаты, ноги вытянуты, колени связаны, руки привязаны за спиной к трубе. В воздухе чувствовалась пыль, пахло бетоном и плесенью. Его лицо было избито и опухло. Один зуб выбит. Единственная отрадная мысль, пришедшая ему на ум, заключалась в том, что он еще жив. Но он знал, что долго это не продлится. Несколькими минутами позже, находясь теперь в полном сознании, он узнал точно, сколько времени ему оставалось жить.

Из громкоговорителя раздался голос мужчины. Динамик висел где-то в темноте.

– Внимание, пожалуйста, внимание, – произнес голос. – Здание будет разрушено через три часа с помощью взрыва. Всем покинуть внутреннюю часть строения, так же, как и огороженную территорию. Повторяю. Это здание будет разрушено...

– Помогите! – завопил Мэт. – На помощь!

Его голос отозвался где-то рядом негромким эхо. Было исключено, чтобы кто-то услышал его. Ни малейшей надежды. Молча он проклинал Ели Бленкеншипа и свою собственную неосторожность. Потом опустил голову на грудь и стал ждать.

Глава 42

В половине седьмого утра, когда прозвонили подъем, Сара приняла душ, переоделась и опять вышла в гостиную для пациентов, чтобы выпить кофе. Если все пойдет в соответствии с разработанным ею планом, она окажется в здании «Чилтон» в течение часа. Часы все еще тикали, приближаясь к девяти утра – времени взрыва, но ставки резко поднялись. Потому что где-то в здании, в подвале или цокольном этаже, было спрятано тело.

Фургон «Фармацевтика Гурона» оставался у здания в течение получаса. Водитель – здоровый, сильный мужик, насколько Сара могла судить по внешнему виду, вытащил из кузова фургона тело, перебросил его через плечо и потащил в подвал. Глядя в бинокль, Сара четко разглядела руку жертвы, которая болталась за спиной водителя. Через тридцать минут этот мужик возвратился один и уехал на своем грузовике.

Через несколько минут после этого Сара подошла к Весу. Завлечь его было нетрудно, но чары на него не очень действовали, если он одновременно не притрагивался к ней. Она начала флиртовать, чего не делала уже много, много лет и всячески потворствовала его самолюбию. Она делала прозрачные намеки, которые разжигали фантазию мужчины до размеров фейерверка в День независимости. Она проводила губами по краешку своей чашки кофе, как будто это был божественный напиток. К утру она узнала, как организовано питание в «Андервуд-6». Группа А – одна из двух – включала самых неуравновешенных больных. Их водили в кафетерий, но в количестве не больше чем два человека на каждого работника психлечебницы. Однако сотрудники вечерней смены решили, что Сара была настолько непредсказуема, что ее нельзя было включить даже в группу А. Завтрак ей принесли в палату. Дневная смена решит, как поступить с ее обедом. А теперь немного лести, немного обещаний и несколько завлекающих улыбок принесли ей некоторую пользу. Вес перевел кого-то в группу Б, а ее фамилию вписал в группу А. Она будет завтракать в кафетерии от без четверти семь до четверти восьмого.

Довольно плоские намеки на анатомию человеческого тела, которые известны только Д.М., и Вес разрешил позвонить ей из служебного кабинета, хотя эта договоренность почти сорвалась, когда она умоляла его не держать ее на коленях во время телефонного разговора. Она успела сделать два телефонных звонка перед тем, как Вес дал ей знать, что медицинская сестра закончила приготовление лекарств и Саре надо освободить служебную комнату. Она позвонила домой Мэту. Ей стало тошно, когда ответил автоответчик. Второй звонок был радиооператору больницы, который выполнял роль ответчика для Ели Бленкеншипа. Сара продиктовала то, что она хотела, чтобы оператор передал ему. Однако через минуту, к удивлению Сары, главврач сам взял трубку. Он провел ночь в больнице, сказал он, и задремал на тахте в своем кабинете.

– Сара, как вы себя чувствуете? – спросил он, как только услышал ее голос. – Как вам удалось позвонить в такое время?

– Я объясню это, когда увижу вас, доктор Бленкеншип. – Чувствую я себя плохо. Мне надо выбраться из этого отделения, да поскорее.

– Сара, доктор Голдшмидт единственный человек, который может выписать вас из изолированного отделения. Сожалею, но это...

– Пожалуйста, доктор Бленкеншип. Я не могу долго пользоваться телефоном. Вчера вы сказали, что печенками верите мне. И это было сказано еще до того, как выяснилось, что я говорила правду об Эндрю. Сейчас вы должны поверить мне. В больнице происходит что-то чудовищное. Это связано с компанией, которая называется «Фармацевтика Гурона» – это та, что поставляет витамины для порошка для похудения Питера Эттингера. Я могу доказать это.

– Как?

– Я буду в кафетерии без четверти семь. Вы можете прийти туда в это время?

– Да, но...

– Просто смотрите на меня. Вам станет ясно, что надо делать.

– Вы сказали – доказательство.

– Сможем ли мы проникнуть в здание «Чилтон»?

– Думаю... да. Я смогу это устроить.

– Доказательство находится там. Доктор Бленкеншип, я больше не могу говорить. Пожалуйста, поверьте мне. Пожалуйста, приходите.

– Можете положиться на меня, – сказал Бленкеншип.

* * *

Один из работников психиатрического отделения зачитал список пациентов из группы А. Сара засемила к тому месту, где эти люди собирались возле двери с электронным контролем. После короткого обсуждения между сотрудниками – Сара чувствовала, что речь шла о ней, – дверь открыли с жужжащим звуком, и из изолированного отделения вышла процессия из шести пациентов и трех служащих. Отступив в сторону, Вес подмигнул ей и показал ей поднятые вверх большие пальцы.

В кафетерии МЦБ было довольно шумно, в основном галдели стажеры и медсестры. Сара встала вместе с группой в очередь и заметила, что все на нее смотрят. Но после полугода ада, в котором она жила, ей это было уже почти безразлично.

«Смотрите все, – думала она. – Через несколько минут перед вами откроется настоящее зрелище».

Она выбрала себе блюда, не собираясь их есть, а сама все время зыркала глазами в поисках Ели Бленкеншипа. Работники психолечебного отделения предложили своим пациентам садиться за два столика. Сара села таким образом, чтобы перед ней открывался как можно более широкий обзор. В этот момент она заметила медсестру с этажа доставки грузов Жоанн Делбанко, которая пила кофе за следующим столиком.

– Жоанн, – позвала она ее шепотом.

– О, здравствуйте, Сара.

Медсестра тут же отвернулась, но Сара успела заметить отвращение на ее лице. Сара знала, что за ней наблюдают сопровождающие. Малейший намек на то, что она раздражает сотрудников больницы, и ей придется возвратиться в «Андервуд-б». Но все равно она должна попытаться что-то сделать.

– Жоанн, скажите, как чувствует себя Аннали. У нее все в порядке?

Медсестра колебалась несколько секунд, потом повернулась и ответила практически через плечо.

– Если хотите знать, – холодно произнесла она, – у нее сейчас активные схватки. Она, наверное, родит либо утром, либо сразу после обеда.

Сара пришла в ужас.

– А как относительно тербуталина? – спросила она.

Сара видела, как двое сопровождающих, сидевших за ее столом, обменялись взглядами. Она почти что переходила грань дозволенного, а Бленкеншип все еще не показывался.

– Доктор Снайдер прекратил выдачу ей всяких лекарств, – ответила Жоанн. – Он считает, что стресс, который вы... стресс, который она пережила, достаточен. Младенец достаточно большой и уровень...

– Жоанн, – взволнованно перебила ее Сара, – разыщите доктора Снайдера. Он должен сделать кесарево сечение, а то будет поздно.

– Что я должна сделать?

– Сара, думаю, этого достаточно, – сказал один из сопровождавших.

– Жоанн, пожалуйста. Это...

– Сара, если вы сейчас же не замолчите, то мы вернемся в отделение раньше срока. За ваше поведение будет наказана вся группа.

Сара почти не слышала, что ей говорил сопровождающий. У дальних дверей кафетерия появилась огромная фигура Ели Бленкеншипа.

«Слава тебе Господи», – вздохнула Сара. Новости, которые рассказала ей Жоанн Делбанко, все изменили. Она больше не думала о том, чтобы проникнуть в здание «Чилтон». Теперь единственное, что имело значение, это объяснить ситуацию Бленкеншипу и заставить его отправиться в родильное отделение. Используя свое влияние, и, возможно, авторитет Розы Суарес, он может убедить Снайдера провести Аннали кесарево сечение, пока не пришла беда.

Если в дополнение к этому им удастся остановить разрушение здания «Чилтон», то тем лучше. Но Аннали и ее ребенок значили гораздо больше, чем что-либо другое – или другой, – кто может оказаться погребенным под обломками.

«Кто бы он ни был! – подумала Сара. – Пришло время действий».

– Я плохо себя чувствую, – пожаловалась она.

– Что с вами?

– Я... я не знаю. У меня кружится голова... в глазах у меня мелькают какие-то точки.

– Случалось ли это с вами раньше?.. Сара, я спрашиваю вас, случалось ли это с вами раньше?

Сара начала ритмично ударять по своим кистям, затем вздергивать и опускать голову. Ее веки вздрогнули, под них закатились глаза, на виду остались одни белки.

– Сара! – кто-то закричал.

В этот момент, издав страшный стон с бульканьем, Сара откинулась назад, перевернувшись так, чтобы только не стукнуться головой о линолеум.

– У нее приступ! – воскликнул сопровождавший их сотрудник. – Вы отойдите в сторону! Все отойдите! Не мешайте ей!

«Ты, задница, – подумала Сара. – Переверни меня на бок».

– Дайте дорогу! – услышала она трубный голос Ели Бленкеншипа. – Положите ее скорее на бок, чтобы она не задохнулась!

Он подложил свою мясистую руку ей под голову в виде подушечки, повернул ее на бок, а затем просунул пластиковую карточку между зубов. Сара прикусила ее, продолжая еще полминуты разыгрывать приступ, затем позволила себе «затормозиться». Следующий номер заключался в «потере сознания».

– Я ее лечащий врач, – спокойно и авторитетно заявил Ели Бленкеншип. – У нее и раньше были приступы эпилепсии. Беспокоиться не о чем. Совершенно не о чем. Все будет в порядке. Вот так, Сара. У вас все в порядке. Думаю, что на всякий случай ее надо поместить в кабинет обследований. Пусть кто-нибудь позаботится о транспорте и носилках.

Один из работников психиатрического отделения бросился выполнять это приказание.

– Что нам с ней делать? – спросил другой.

– Просто сообщите доктору Голдшмидту о том, что случилось. Скажите ему, что временно мы переведем доктора Болдуин в терапевтическое отделение. – Я – доктор Бленкеншип.

– Да, доктор. Я знаю.

Сара почувствовала, что толпа зевак стала расходиться. Бленкеншип нагнулся и прошептал ей на ухо, что она ведет отличную игру, и попросил не открывать глаза, пока он не даст команду.

Она простонала. Примерно через минуту подали тележку с носилками. Ее положили на носилки.

– О'кей, у нее все в порядке, – изрек Бленкеншип. Сара перекатывала голову из стороны в сторону, когда ее увозили из кафетерия, по коридору и к лифту. Хотя кафетерий располагался на уровне цокольного этажа, Сара поняла, что лифт пошел вниз. Она попыталась определить, где они находятся, когда ее вывезли из лифта и повезли по довольно длинному коридору.

– Ладно, теперь вы можете сесть и открыть глаза, друг мой, – произнес Бленкеншип. – Вы провели эту сцену так, что заслужили награду.

Сара приподнялась, поморгав, чтобы сфокусировать свое зрение, и оглянулась. В подземном туннеле под цокольным этажом она находилась вдвоем с главным врачом. Они были за пределами ворот безопасности, затянутых брезентом на дальней стороне. На воротах висел знак, предупреждающий о времени и дате взрыва и требовавший, чтобы любой человек, входящий в здание «Чилтон» до 29 октября, шел туда в сопровождении сотрудника безопасности больницы. У ворот на стене висел телефон. А рядом приклеен лист бумаги с напечатанными телефонами компании, которая занималась сносом здания и добавочного телефона службы безопасности больницы.

– А где санитар? – спросила она.

– Абе покинул нас у лифта, – сказал Бленкеншип, открывая ключом ворота. – Я очень, очень давно устроил его на работу и забочусь о его семье. Он тоже оказывает мне любезности, когда может.

– Доктор Бленкеншип, все подтвердилось. Я говорю о связи между порошком Питера Эттингера и случаями ВСК. Здесь замешан какой-то вирус. Роза Суарес вчера поехала, чтобы поговорить с человеком, который вывел этот вирус.

– Знаю. Я предоставил ей машину для поездки.

– Ну вот. Теперь у Аннали предродовые схватки. Ей перестали вводить тербуталин. Доктор Бленкеншип, Питер опробовал на ней этот порошок много лет назад. Если ей быстро не сделать сечение, то у нее тоже разовьется ВСК, как и у других. Я в этом уверена. Нам надо пойти в родильное отделение и поговорить с ее лечащим врачом.

– Эй, полегче, полегче, – наигранно повторил Бленкеншип. – Не забывайте, что у вас только что был большой приступ.

– Доктор Бленкеншип, я говорю серьезно.

– Хорошо, а что вы мне хотели рассказать о фармацевтическом фургоне? Привести доказательства.

– Это более важно. Можете вы отложить немного этот взрыв?

– Возможно, если я приведу достаточно вескую причину. Мэр, губернатор, дюжина других шишек будут стоять на смотровой платформе. Это самый торжественный день в карьере Пэриса. Но послушайте, Сара. Мы использовали здание «Чилтон» под склад. Вот почему у меня имеются ключи от этих ворот. Я заходил сюда примерно неделю назад, помогал забирать отсюда остающиеся вещи. Там кучи мусора и всяких обломков. Вот и все.

– Ну, в данный момент там находится также тело. Уверяю вас. Это – достаточное основание, чтобы отложить взрыв, верно? Но, пожалуйста! Аннали принимала этот порошок для похудения. Чем дальше развиваются ее предродовые схватки, тем в большей опасности она оказывается. Мы должны помочь ей.

Сара все еще сидела на носилках. Бленкеншип действовал настолько быстро, что Сара толком не успевала среагировать. Он распахнул ворота безопасности, протолкнул туда каталку и тут же захлопнул за собой створку ворот. Мгновенно они погрузились в темноту.

– Что вы делаете? – закричала Сара, когда Бленкеншип просунул через решетку руку и закрыл замок.

Но в этот момент ей все стало ясно. Широкая рука, которая поддерживала ее голову в кафетерии... отчетливая, неприятная смесь запаха тела и одеколona. Она слышала этот запах раньше. Именно он... набросился на нее в комнате 512.

– Помогите! – раздался ее вопль. – На помощь!

Он грубо сдернул ее с носилок и поволок по темному коридору.

– Вопите сколько влезет, – сказал он. – Это полезно для здоровья. Здесь ни души на сотни ярдов вокруг.

Он скрутил кисть ее руки, чтобы она не дергалась и включил мощный фонарик. Они подошли ко вторым воротам безопасности, почти идентичным с первыми.

– Брезент натянут, чтобы не пошла пыль во время взрыва, – пояснил Бленкеншип, вынимая связку ключей из кармана больничного халата. – Мы же не можем позволить себе запылить нашу больницу, правда?

Отчаянный страх Сары быстро сменился яростью. Она махнула кулаком в его сторону и даже нанесла скользящий удар по его физиономии. Но он просто еще немного вывернул кисть ее руки и заставил присесть на одно колено.

– Они знают, что я с вами, – сказала она. – Знают все.

– Вы вырвались, убежали и куда-то подевались, – просто объяснил он.

– Ели, эта девушка умирает.

– Все помрут.

Он протащил ее через вторые ворота безопасности и опять закрыл их за собой на замок. Его хватка не ослабевала. Коридор был засыпан мусором – куски бетона, осколки стекла, отвалившаяся штукатурка, трубы. Он выключил фонарик, чтобы она почувствовала подавляющую, абсолютную темноту. Затем откуда-то из зала по громкоговорителю объявили, что до взрыва остается девять минут и что абсолютно все должны убраться из здания «Чилтон» и с огороженной территории вокруг него.

– Думаю, что будет лучше, если я не потеряю эти ключи, – пошутил Бленкеншип. – А теперь поищем это тело, которым вы так заинтересовались.

Глава 43

– Ели, пожалуйста, – взмолилась Сара, когда он волок ее в подвальное помещение здания «Чилтон». – Вы были для меня таким замечательным учителем. Вы должны остановить это, пока не погибнут Аннали и многие другие.

– А знаете ли вы, что за первые девять дней после информационной рекламы по телевидению я заработал больше денег, чем за двадцать лет работы в качестве замечательного врача и учителя? Все думают, что мы получаем свои степени Д.М. и тут же садимся в «кадиллаки»? и едем в загородные клубы. Если вы хотите на кого-то рассердиться, то сердитесь на тех, кто сеет среди нас такие надежды. Знаете ли вы, что у меня нет даже фонда для ухода в отставку? Впрочем, теперь-то я о нем позаботился сам.

– Ели, не допустите, пожалуйста, чтобы такое же случилось со многими женщинами.

– Ну, не делайте из этого драмы. Наука найдет возможность преодолеть их проблемы. Она всегда это делает. Кроме того, известно ли вам, сколько уже удалось сохранить человеко-лет нашими припарками и стараниями? Если бы Нобелевскому комитету представили соответствующие подсчеты, я бы стоял в числе первых на премию. А теперь учтите, у нас не так много времени. Хотите вы это увидеть или нет?

Сара изо всех сил ударила его по голени.

– Прекратите, – приказал он, еще более усиливая свой захват. – Хорошо... так-то лучше. А теперь давайте совершим кратенькую прогулку по этому помещению. А потом, обещаю вам, я оставлю вас с этим телом, к которому вы проявили такой большой интерес.

– Кто это? – спросила она, напуганная огромными размерами своего спутника, его недюжинной силой, но еще больше полным отсутствием чувства в его словах. Возможно, это был самый блистательный человек из всех, кого она знала, но и абсолютно ненормальный.

– Кто это такой? Ну, а как вы думаете сами? – спросил он, толкая и волоча ее в черный, как дно колодца, коридор.

– О Господи. Ели, где он находится?

– Там, за этой дверью, у нас была лаборатория вирусологии. Мозговой центр аюрведической системы похудения, если хотите.

Он пнул ногой дверь и осветил большую, полностью оборудованную лабораторию.

– Где он находится?

– Доктор Болдуин, вы собираетесь слушать меня? Ушло почти два года, чтобы наладить эту операцию. Никто, кроме моего вирусолога – можете считать моего покойного вирусолога – и меня, до сегодняшнего утра не ступал ногой в эту комнату. Представляете себе, как было трудно повернуть все это?

– Проклятье, где находится Мэт? Что вы с ним сделали?

– Можете представить себе, Синг и этот хлыщ Эттингер действительно думали, что состряпанная мною смесь лечебных трав и в самом деле способствовала похудению людей? Я провел целую неделю в лаборатории и не ушел отсюда, пока не получил аюрведическую смесь, которой мог бы позавидовать сам Магариши. Но всего одну неделю. И только. Я все сделал сам. Отобрал каждый вид травы. Я сказал Сингу, что мой друг закупил эту смесь в Индии и мне надо было проверить ее. Как только он услышал слово аюрведический, он стал выдавать эту смесь за свою собственную. Не задавал никаких вопросов. Разве это не удивительно? Позже, когда первая группа людей так сильно похудела, я предложил Сингу уговорить вашего бывшего любовника стать нашим представителем по связям с прессой по всей этой операции в обмен на скромную долю от доходов. И Эттингер проглотил крючок, леску и грузило. А почему бы и нет, правда? Его всегда влекла альтернативная медицина. И он мог стать богатым, что ему нравилось еще больше. Хорошо ли я разбираюсь в природе человека, как вы думаете?

Ногой он открыл еще одну дверь, осветил своим фонариком в открывшуюся комнату, резко повернул голову Сары, чтобы она могла заглянуть внутрь комнаты.

– Это – небольшая комната, где жил мой покойный вирусолог, работая над производством нашего продукта, – продолжал рассказывать Бленкеншип. – Тут был его дом, дом в больнице, и никто на свете не знал об этом. Как вам это нравится?

– Где Мэт?

– Всеми свое время.

– Внимание, внимание. Это здание будет разрушено с помощью взрыва через семьдесят пять минут. Всем покинуть строение и огороженное синим забором пространство. Повторяю...

– Как раз по расписанию, – произнес Бленкеншип. Эта задница Пэрис довольно умело ведет корабль.

Помимо воли Сара заплакала.

– Вы – подонок. Сумасшедший мерзавец, – причитала она.

– Заткнитесь, – рявкнул он. Его голос эхом прокатился по коридору. – У вас не хватает приличия выслушать и понять, что мне удалось сделать. А раз так, то лучше помалкивайте. Я уже помог полумиллиону людей похудеть, жить дольше и чувствовать себя лучше, и я положил в банк почти двадцать один миллион всего за последние восемь месяцев. Если это не производит на вас впечатления, то вы просто чурка.

– Где находится Мэт?

– Ах, вы мне просто осточертели, – вырвалось у него. – Я ожидал большего от женщины вашего кругозора и жизнелюбия. – Он протащил ее еще несколько шагов по коридору. – Получайте своего рыцаря в сверкающих доспехах, – театрально произнес он. – К несчастью, сейчас он не в лучшей форме.

Он осветил Мэта, который сидел на полу, рот его был заклеен широким куском клейкой ленты. Руки были привязаны за спиной к вертикальной канализационной трубе, а на лице остались следы страшных побоев. Но он был жив.

– Он здесь терпеливо ждет на случай, если мои планы натолкнутся на непредвиденную загвоздку. Но, за исключением вашего случайного выздоровления после попытки самоубийства вчера вечером, никаких загвоздок не случилось.

Бленкеншип отпустил ее руку. Сара бросилась к Мэту и осторожно оторвала клейкую ленту. Он глубоко вздохнул спертым, пыльным воздухом. Она погладила его лицо и поцеловала темные распухшие синяки под глазами.

– Мэт, прости меня. Я очень сожалею, – единственное, что она смогла произнести.

– Я люблю тебя, – выговорил он. – Я молился, чтобы он не причинил тебе новой боли.

– Нас найдут здесь, Ели, – сердито выпалила Сара. – Они раскопают это место и найдут нас. Вы не такой ловкий пройдоха, как думаете. Слишком много остается неувязок.

– Никаких неувязок нет, – возразил он. – Во всяком случае нет ничего такого, чего бы я не смог устранить. Особенно когда имеется Питер Эттингер, на которого падет вина практически за все. Олух царя небесного – вот как я зову его. Он уже за решеткой и абсолютно не ведает, что происходит. А теперь потрудитесь заложить свои руки за спину, у меня осталось немного проволоки, чтобы привязать и вас.

Сара не сдвинулась с места, обнимая руками плечи Мэта. Бленкеншип потянулся к ней опять, когда Мэт сделал выпад ногой. Одним движением он выбил из рук Бленкеншипа фонарик и ударил его в пах.

– Беги, Сара! – крикнул он, пока Бленкеншип, согнувшись от боли, пятился назад. – Беги!

Мэт вскрикнул, когда Бленкеншип саданул его. Но Сара уже выбежала за дверь. В подвальном коридоре было темно, хоть выколи глаз. Она стукнулась о стенку, тут же выпрямилась, потом нащупывая рукой стену, стала быстро продвигаться в сторону закрытых на замок ворот. Окна и двери первого этажа были забиты. Но если бы ей удалось добраться до одного из этих отверстий и выбить доски, то появилась бы надежда на спасение. За спиной она услышала смех Бленкеншипа.

– Какой отличный фонарь, – прокричал он. – Как только представится случай, я напишу хвалебное письмо изготовителю. Сара, сдавайтесь!

Сара продолжала двигаться вдоль стены, когда луч от мощного фонаря начал метаться по коридору в поисках ее. Когда луч нащупал ее, она увидела лестницу в нескольких шагах впереди себя, с левой стороны. Она припустилась к ней изо всех сил, ударилась об стену в начале лестницы, отскочила в сторону, а потом побежала вверх на уровень цокольного этажа. Позади нее прыгал луч света и раздавалось тяжелое топанье Бленкеншипа. Теперь мусор и обломки превращались в преграду. Один раз она споткнулась о куски штукатурки и оторванные планки, потом еще раз, пробираясь к первому этажу.

– Сдавайся, Сара, – еще раз крикнул Бленкеншип.

Если ей только удастся оторваться от него, подумала Сара – найти какое-нибудь место, чтобы спрятаться, пока он не уйдет из здания, – тогда у нее будет шанс. Каждый этаж открывал перед нею новые возможности и затруднял для Бленкеншипа преследование. Она опять упала, но тут же вскочила и максимально бесшумно поднялась на второй этаж. Именно здесь она остановится, решила она. Именно здесь она спрячется.

Она провела рукой по стене, перелезая в давящей темноте через мусор в поисках какой-нибудь комнаты. Сверху, оттуда, где должно быть забитое досками окно, пробивался слабый свет. Позади нее слышались шаги Бленкеншипа, его натужное дыхание раздавалось все ближе. Неожиданно под ее левой ногой образовалась пустота вместо пола. Одновременно левая рука соскользнула со стены в пустоту. Она начала падать вниз, инстинктивно оттолкнулась правой ногой и куда-то провалилась. Она тяжело шлепнулась на пол, поранив подбородок и колена о куски бетона. Потом подвинулась к тому, что, как она вскоре поняла, было колодцем лифта. Она чуть не угодила в этот колодец, но успела правой рукой, а потом и левой уцепиться за какой-то металлический прут. Пальцы крепко сжали его, руки вытянулись, но захват оказался крепким. Она повисла над черной пропастью.

Сара отчаянно пыталась сообразить, в каком оказалась положении. Она ухватилась за металлическую планку, которая когда-то была частью двери лифта. Бетон раскрошился возле этой планки, образовав проем в несколько дюймов между планкой и оставшейся частью пола. Оставаясь во тьме, она слышала, как Бленкеншип покинул первый этаж и, следуя звуку ее падения, направился на второй. Металл врезался ей в пальцы. У нее было всего несколько секунд, чтобы принять решение. Ей надо было либо попытаться вылезти из колодца... либо свалиться туда. До подвала – три этажа, прикинула она. Был ли у нее хоть какой-то шанс выжить, если она свалится в непроницаемую тьму на цементный пол? Ответ был очевиден.

Упершись подошвой в стену колодца и подтянувшись с силой, которую она не подозревала в себе, Сара забросила одну ногу за железную планку от двери. Дыра за планкой была довольно широкая – не меньше восьми или девяти дюймов. Просунув пятку в это

пространство, она получила достаточно хорошую опору, чтобы подтянуться самой.

– Внимание, внимание. Это здание будет разрушено с помощью взрыва через шестьдесят минут...

Под прикрытием голоса из громкоговорителя Сара осторожно отползла от колодца на другую сторону коридора. Она притаилась у противоположной стены, в небольшом углублении напротив колодца, когда луч света от фонаря Бленкеншипа прорезал тьму.

– Послушайте, Сара, – позвал он, медленно продвигаясь вперед... Мы поговорим... Может быть, договоримся... Я не уйду отсюда раньше, чем за одну-две минуты... Вам некому помочь, кроме меня. Так же, как и Даниелсу. Знаете, он ранен... Ранен очень серьезно. Вы можете помочь ему...

Сара поняла по мере его приближения, что у нее оставался только один шанс. Всего один. Она прижалась к стене. Если он заметит ее до того, как достигнет открытого колодца лифта, для нее все будет кончено. Но если нет...

Десять шагов от него... пять... луч все еще не нащупал ее. Три... «Сделай еще шаг, – мысленно понукала она его. Еще один, и...»

В этот момент свет упал на нее, она вскочила на ноги и метнулась всем своим туловищем и изо всей силы в грудь Бленкеншипу. Впечатление было такое" как будто она ударилась о гранитную глыбу. Еще до того, как она осознала свою полную неудачу, Бленкеншип уже схватил ее руками, как железными клещами, и стал сдавливать.

– Ни за что, – произнес он, громко рассмеявшись и еще сильнее сжимая ее. – Ни за...

Сара почувствовала, как его корпус покачнулся, хват рук ослабел. Он сделал один шаг назад. Она поняла это. И тут что-то произошло. Он потерял равновесие, стал падать назад в левую сторону... падать в колодец. Все еще крепко сжимая Сару, так что она не могла вырваться, Бленкеншип завопил.

– Нога!.. Господи, моя нога!..

Он взвыл снова и еще раз зарычал, заваливаясь назад, как показалось Саре, в каком-то замедленном движении. Она лихорадочно пыталась разобраться, что происходит, что ей надо сделать, когда голень Бленкеншипа с хрустом переломилась и одновременно раздался оглушающий рев. Он попал ногой в щель между металлической

планкой и бетонным полом. Той небольшой силы, с которой она бросилась на него, оказалось достаточно, чтобы помешать ему восстановить равновесие. Теперь он быстро падал навзничь, его нога переломила и согнулась ниже колена.

Все еще не потеряв сознание и хрипя в агонии, он повис вверх тормашками над черной пропастью, ухватившись за кисть правой руки Сары, тянул ее в пропасть вслед за собой. Потом, жалобно застонав, отпустил ее руку.

* * *

Сара совсем не подготовилась к падению, когда Бленкеншип вдруг разжал свою руку. В эту секунду рой мыслей закружился в ее разгоряченной голове. Надо катиться... расслабиться... приземлиться на ноги... на задницу... на бок... оттолкнуться, когда коснешься земли... вытянуться... Ей так отчаянно хотелось что-то сделать, чтобы не погибнуть, что она оказалась совершенно неподготовленной к самому удару, который последовал после непродолжительного полета с высоты не более шести футов. Она тяжело упала на пологую кучу мусора, которая высилась из подвала почти на два этажа вверх.

Цепляясь за куски бетона и другие обломки, она задержала свое падение вниз. С полминуты она лежала, переводя дыхание. Ушибы были сильными, но, видимо, не настолько существенными, чтобы помешать ей двигаться. Над ней во тьме продолжал стонать Бленкеншип. Она поняла, что он не потерял сознание, потому что висел вверх тормашками. Не происходило рефлекторного расширения кровеносных сосудов, не сокращался приток крови к голове. Не наступал милосердный провал в беспамятство.

Она вглядывалась во мрак. Теперь глаза ее освоились с обстановкой. Она стала различать небольшую разницу в светотенях колодца выше и ниже себя в тех местах, где раньше, видимо, были двери лифта первого и цокольного этажей. Она уже было начала спускаться понемногу вниз, когда вдруг вспомнила про ключи. Бленкеншип положил их в карман больничного халата. Она была почти уверена в этом. Без ключей у нее не было иного выхода, как найти окно и попытаться оторвать оградительные доски.

Осталось пятьдесят минут. А может быть, и меньше. Сможет ли она залезть в карман к Бленкеншипу, когда он висит вниз головой? Она повернулась и стала карабкаться по куче вверх. Она будет искать ключи, пока в запасе останется полчаса, решила она. И если не найдет ключей, то постарается пролезть через окно первого этажа.

– Ели, – крикнула она. – Послушайте. Я как раз под вами. Мне нужны ключи. Не можете ли вы снять свой халат и бросить его вниз?

Наверху продолжались тихие, жалобные стоны. Сара поднялась еще на фут. Она находилась теперь напротив верхней точки фрамуги первого этажа. Но она достигла верха кучи. Выше подняться Сара не могла. Бленкеншип находился совсем рядом. Всего в нескольких футах над ее головой, не дальше. Она пыталась представить себе, как висят его вытянутые вниз руки и как свисает халат. Если она подпрыгнет, достанет ли до халата? Может ли она повиснуть на нем, чтобы стянуть халат. А что, если ключи уже выпали из кармана? Она встала на ноги на самой верхушке кучи, упершись спиной в стенку колодца. Тяжелое дыхание Бленкеншипа, казалось, шло с расстояния вытянутой руки. Но все равно она ничего не видела.

Одна попытка, всего одна, и хватит.

Сара уперлась ногой в стенку позади себя, оттолкнулась и подпрыгнула. Бленкеншип вскрикнул, когда его коснулись ее вытянутые руки, искавшие на ощупь халат. Она пролетела в темноте, тяжело свалилась на неподатливую кучу и покатила вниз к двери цокольного этажа. У подножия кучи выкатилась из колодца лифта и свалилась в нескольких футах от нее на пол цокольного этажа. Из ее груди со свистом вырвался воздух. Она лежала, помятая, всхлипывая, стараясь восстановить дыхание, вернуть себе самообладание, восстановить волю к дальнейшей борьбе. Вдруг она сообразила, что сжимала в руке халат Бленкеншипа.

Связка ключей находилась в правом кармане.

С трудом Сара захромала к лестнице, затем спустилась в подвальное помещение, стала звать Мэта по имени и пошла на звук его голоса в комнату, которая чуть не превратилась в их общую могилу. Тьма была удручающей.

– Ужасы кончились, – прошептала она, притрагиваясь к его лицу кончиками пальцев. – Ключи Бленкеншипа у меня. Теперь нам надо выбраться отсюда, и я отправлюсь к Аннали.

Сара поцеловала его и протянулась за спину, где он был привязан к трубе.

– Это какая-то проволока, – пояснил он. – Она ножом режет мои запястья. Боюсь, что ты вряд ли что сделаешь в темноте без кусачек.

– Давай попробую.

– Сара, Бленкеншип – сатана. Он приказал убить Розу и Уоррена Фезлера. Он соединил проводами взрывчатку с ключом зажигания на моторе судна Колина Смита и подстроил так, что за это арестовали Эттингера. Он все это состряпал, абсолютно все... Синг тоже погиб. Его застрелил Бленкеншип, причем сделал так, что опять же подозрение падет на Эттингера. Он почти уже целиком управился с делами. Ты оставалась единственной занозой и... Ой! Поосторожней, ужасно больно.

– Прости, Мэт. Не получается. Проволока слишком толстая...

– Ну что же. У нас остается минут сорок. Свяжись с Пэрисом. Пусть он приостановит всю эту операцию со взрывом и пришлет сюда людей. Погиб ли Бленкеншип?

– Может быть. Не знаю. Послушай. Прямо за внешними воротами в туннеле установлен телефон. Я сейчас же вернусь.

– Поторопись, – попросил он. – Мне совершенно не хочется оставаться здесь. Думаю, что это несчастливое место.

Она поцеловала его в голову, потом как можно быстрее пошла по коридору и через двое ворот безопасности. До того момента, пока она не сняла трубку, ей и в голову не приходило, что телефон за вторыми воротами может быть отсоединен. Но раздался гудок, который прозвучал в ее ушах как торжественный гимн.

– Мне надо соединиться с мистером Пэрисом, – сказала она телефонистке. – Говорит доктор Болдуин. Срочное дело.

– Он у себя в кабинете, – ответила девушка. – Я только что соединила его. Он все еще разговаривает.

– Прервите его разговор, – велела Сара.

Через несколько секунд раздался голос Гленна Пэриса. Как только она услышала его, Сара поняла, что кошмары теперь действительно закончились. Последняя проблема – время взрыва здания «Чилтон» – была теперь под контролем. Она кратко ему изложила, что произошло, и попросила его, чтобы он кого-нибудь направил в подвальное помещение с фонарями и кусачками.

– Нам понадобятся также носилки для Бленкеншипа, – добавила она. – А может быть, и для Мэта тоже. Я не уверена, что он сможет идти. Думаю, нам понадобится также хирург-ортопед. Не знаю, как нам удастся извлечь Ели из того места, где он теперь находится.

– Не беспокойтесь, – заверил ее Пэрис. – Я обо всем позабочусь сам. Оставайтесь там, где вы находитесь, у ворот безопасности. Я задержу время взрыва и тут же поспешу вам на помощь.

– Спасибо.

– И, Сара...

– Да?

– Вы молодчина. Прodelали чертовски хорошую работу.

– Спасибо, сэр. Пожалуйста, поторопитесь. Есть еще одна проблема. Она связана с Аннали Эттингер. И чтобы справиться с этим делом, мне может понадобиться и ваша, и доктора Снайдера помощь.

– За нами дело не станет.

Сара вздохнула и села на пол. Ее джинсы и рубашка были порваны. Десятки царапин и порезов на лице, ногах и руках кровоточили. Хотя более мучительными для нее, чем собственные раны, оказались сообщенные Мэтом сведения о Розе Суарес. Роза так хотела, чтобы все закончилось хорошо.

Уже через несколько минут Сара услышала в соединительном туннеле торопливые шаги. Вскоре Гленн Пэрис показался в запретной зоне здания «Чилтон». Она улыбалась и приветливо махал захваченными с собой фонариками.

– Вверху все остановлено, – выпалил он, задыхаясь. – Как хорошо, что вы меня застали. Я уже собирался уходить на церемонию взрыва.

– Ну, я готова была в случае необходимости бежать к смотровой платформе.

Пэрис вошел вместе с ней в адскую темноту подвального помещения.

– Вы, наверное, не слышали о гибели Калина Смита, – сказал он, освещая дорогу фонариком. – Я только что сидел в своем кабинете и думал о нем.

– Мэт рассказал мне. Он сказал, что его убил Бленкеншип, но подстроил так, как будто это сделал Питер Эттингер.

– Вот сукин сын.

– Мэт находится вот здесь, с левой стороны, – показала Сара. – Мэт, дорогой, мы уже здесь.

– Слышу.

Пэрис остановился у двери в комнату и осветил ее внутренность с порога.

– Рабочие с кусачками сейчас подойдут, Мэт, – сказал он. – Они появятся с минуты на минуту. А пока, если вы немного можете продержаться, то я попросил бы Сару отвести меня к Бленкеншипу.

Сара колебалась.

– Идите, идите, – заявил Мэт. – Я уже много часов просидел здесь в одиночестве. Посижу немного еще.

Она взяла фонарик и повела Пэриса к отверстию в колодце лифта на цокольном этаже.

– Он свисает с порога второго...

Сара замолчала посередине фразы, направив луч света вверх и ахнула. На нее капнуло несколько густых капель крови. Она подалась в колодец и осветила пространство прямо над головой, у второго этажа. Часть ноги Бленкеншипа осталась в щели. Но самого его не было.

– Его там не...

Хрипя от боли и ярости, из темноты вывалился Бленкеншип, кувырком скатываясь с кучи мусора. Он столкнулся с Сарой, сбив ее с ног на бетонный пол. Сара взвизгнула, когда Бленкеншип схватил ее за коленку. К ним быстро подскочил Пэрис и наступил ногой на кисть его руки. Он не поднимал ногу, пока Бленкеншип не разжал руку. Потом Пэрис осветил фонариком лицо Бленкеншипа. Главврач походил на призрак – измазанный запекшейся кровью, бледный как смерть.

– Вы выслали группу помощи? – спросила Сара.

Пэрис не ответил. Он начал злобно бить Бленкеншипа ногой по лицу.

– Ты погубил меня, сукин сын, – приговаривал он. – Я вложил каждый цент, который могла выклянчить или занять больница, в это твоё диетическое дерьмо, потому что ты поклялся, что тут все в порядке. Ты и не заикнулся, что там сидит чертов вирус, ублюдок. Ничего не сказал.

– Вы знаете об этом? – спросила пораженная Сара.

– Да, знаю. Я не кретин. К тому времени, когда я понял, как этот порошок действует на женщин, было уже поздно. Мы уже слишком

глубоко влезли в это дело. Я все знаю также и о деньгах, Ели. Колин наводил справки относительно вас и о вашем липовом фонде с самого начала. И эта чертова лаборатория вон там... я узнал о ней много месяцев назад. Мы уже выявили два ваших счета. Но как только я вернусь к себе в кабинет, я наведу в этом порядок. А потом я решу, оставаться мне тут или смыться. Я собирался уехать подальше от всего, что здесь произошло. Моя карьера и репутация пошли коту под хвост, все винят меня за тех женщин. Но теперь я узнал от Сары, что все, кто мог бы притянуть меня к делу с этим чертовым порошком, погибли. Вы ведь это сказали, Сара, правда?

Он снова ударил Бленкеншипа носком ботинка, на этот раз в грудь. Не успела Сара моргнуть глазом, как Пэрис повернулся и схватил ее за волосы.

– Сожалею, что вынужден сделать это, – сказал он, не обращая внимания на ее вопли, – мне действительно жаль. – Он запустил руку в ее карман и вынул оттуда ключи Бленкеншипа. – Извините также, что я не отложил этот взрыв, – добавил он. – Обычно я не лгу.

Он заставил Сару лечь на живот и клейкой лентой связал ей за спиной руки. Потом поднял ее на ноги и потащил обратно в подвальное помещение.

– Я передумал строить на этом месте исследовательский центр, – объявил он. – Думаю, что лучше будет засыпать и заровнять это место, устроить тут парковочную стоянку... или, может быть, теннисные корты. Полагаю, что вы предпочитаете находиться внизу со своим адвокатом, нежели наверху с этим чудовищем.

– Пожалуйста, Гленн, – просила его Сара, когда он силой увлек ее вниз по лестнице. Пожалуйста, не делайте этого. Умоляю вас. Я знаю, что лично вы никого не тронули. Я подтверждаю это перед всеми.

– Виноват. У меня действительно нет выбора. Но я обещаю, что вы ничего не почувствуете.

Он втолкнул ее в помещение, которое опять превращалось в могилу. Не обращая внимания на мольбу Мэта и попытки Сары обратиться к здравому смыслу, Пэрис привязал ее к обнаженному брусу на другой от Мэта стороне, прикрепил также и колени.

Потом, не оглянувшись, он оставил их в темноте и торопливо вышел вон из здания «Чилтон».

Вскоре через динамики было объявлено, что до взрыва остается пятнадцать минут.

Глава 44

– ...Мы надеемся и мечтаем о том, что новый институт медицинских знаний станет золотым мостом между нашей быстро развивающейся медицинской технологией и более таинственным целебным искусством, выработанным в течение столетий во всем мире...

Гленн Пэрис с гордостью принял еще один, взрыв аплодисментов со стороны ответственных работников и других обладателей билетов, которые сидели на смотровой платформе, Было великолепное, ясное, солнечное утро, почти безветренное – отличные условия для предстоящего спектакля. Весь двор был заполнен народом – пациенты, сотрудники, посетители наблюдали из окон и даже с крыши. Здание «Чилтон» стояло одиноко на дальней стороне лужайки, свергнутая с престола королева перед толпой в ожидании гильотины.

– ...А теперь, перед тем как победитель лотереи поднимется к рубильнику и наступит торжественный момент, я хотел бы объявить минуту молчания в память Колина Смита, финансового директора этой больницы, который погиб вчера из-за трагического несчастного случая на судне... Я намерен рекомендовать совету директоров назвать одно крыло нового института именем Колина. Его будет очень не хватать... А теперь, губернатор, господин мэр, уважаемые коллеги и все, кто в течение многих лет сохраняли верность Медицинскому центру Бостона, – теперь мне доставляет удовольствие объявить победителя лотереи. Благодаря неустанным стараниям наших распространителей лотерейных билетов и сборщиков пожертвований нам удалось собрать почти тридцать три тысячи долларов для нового института... Спасибо, благодарю вас. Победительница здесь, рядом со мной. Это, – он взглянул на карточку, – миссис Глэдис Робертсон из Вест-Роксбури.

Под аккомпанемент негромких аплодисментов к Пэрису подошла нервно улыбающаяся женщина средних лет в цветастом платье и что-то шепнула ему на ухо.

– О, прошу прощения, – сказал Пэрис в микрофон. – Наша победительница – мисс Глэдис Робинсон. Вообще-то я не врач, но, видно, почерк у меня, как у доктора. – Пэрис явно наслаждался

грохнувшим взрывом смеха. – Итак, значит, мисс Глэдис Робинсон из Вест-Роксбури, – повторил он еще раз. – Для вас наступил торжественный момент, вы займете свое место в истории. Мистер Крокер, будет ли зажигаться зеленый свет?.. Отлично. Мисс Робинсон, сначала прозвучит барабанный бой.

Пэрис указал направо. Из среды зрителей поднялись пять человек с барабанами. Это вызвало возгласы одобрения в толпе. Барабанный бой начался негромко, затем громкость стала нарастать. Пэрис ждал... и ждал, пока напряжение не достигло наивысшей точки.

– Включайте! – крикнул он.

Тысячи глаз были прикованы к зданию «Чилтон», когда мисс Глэдис Робинсон включила рубильник, установленный на платформе. Сначала смолкшая толпа ничего не услышала. Потом из фундамента здания вырвались клубы дыма, а за кирпичной стеной раздался глухой рокот. Вздогнула земля. В небо вырвалось огромное густое облако серой пыли, которое окутало первые два этажа. Потом, со страшным грохотом, стены здания рухнули прямо вниз, в разверзнувшуюся серую пропасть.

Через несколько секунд опять воцарилась полнейшая тишина.

Толпа в оцепенении наблюдала, как в воздух медленно поднималось густое облако цементной пыли, которое ветер относил в сторону. И тут раздались аплодисменты... и возгласы... и свистки, и похлопывания по спине. Гленн Пэрис принимал все это с уверенностью и апломбом человека, который привык к успеху. Губернатор пожал ему руку, потом то же самое сделал мэр.

Гордо выставив вперед челюсть, Пэрис повернулся, чтобы осмотреть развалины, и вдруг побледнел. Улыбка слетела с его лица. Через заросшую травой лужайку к смотровой платформе подходили двое мужчин и женщина, которых он никак не ожидал увидеть.

– Потрясная работа, Гленн, отличная, – крикнул кто-то, хлопнув его по спине.

Но Гленн не ответил, сосредоточив все свое внимание на приближающихся. Группа подошла к подножию смотровой платформы, когда Уиллис Грейсон, обняв за плечи свою дочь, сделал ему знак спуститься. По другую сторону от Лизы Грейсон шел, прихрамывая, хотя и не очень сильно, Мэт Даниелс. Он был грязный и растрепанный, лицо распухло и побледнело. Но он косил глаза на

человека, который обрек его на верную смерть, и, хотя его губы потрескались и на них запеклась кровь, заставил себя улыбнуться.

– На этот раз вы промахнулись, Гленн, – хрипло произнес он. – Здорово промахнулись.

– Вы меня разочаровали, мистер Пэрис, – заметил Уиллис. – Очень разочаровали.

Пэрис стал лихорадочно озираться, думая, куда бы удрать.

– Даже и не думайте об этом, – предупредил Грейсон. – Любой из моих парней догонит вас, даже если будет пятиться. Пэрис, у нас было пять минут. Всего пять минут оставалось до взрыва, когда мы добрались до подвала этого здания. Только пять минут. Вы бросили там доктора Болдуин и мистера Даниелса связанными и беспомощными. Повернулись и ушли, оставив их умирать! Вы очень жестокий человек, Пэрис.

Группа людей вокруг Гленна Пэриса смотрела на вновь подходивших. Явно, некоторые из них узнали Росса Перо с северо-востока страны. Губернатор, который спустился со смотровой платформы, подошел к Грейсону, обменялся несколькими словами с ним и с Мэтом и потом взглянул на шефа МЦБ.

– Думаю, вам надо спуститься, – резко бросил он ему.

Гленн Пэрис, на котором просто не было лица, так оно посерело, колебался. Затем он опустил глаза, его плечи обвисли, и он стал медленно спускаться по устланным красной ковровой дорожкой ступенькам.

* * *

– Ясно, что если бы мы з-знали, в какой беде вы находитесь со своим д-другом, то мы бы попытались д-добраться сюда поскорее, – сказал Уоррен Фезлер.

Он торопливо шел вместе с Сарой по подземному туннелю в родильное отделение больницы.

– Я рада, что вы все-таки успели вовремя, – ответила Сара.

– Вы уверены, что Роза в порядке?

– Она шесть часов находилась в операционной. Но когда мы уходили, чтобы л-лететь сюда, нам сказали, что ее состояние

устойчивое.

– Слава тебе Господи!

– Когда в Розу в-выстрелили, то перед тем, как потерять сознание, она успела написать домашний телефон м-мистера Грейсона. Как только я объяснил ему, что происходит, он п-прилетел на своем в-вертолете. Роза с-спасла мне жизнь. Как жаль, что ей не удалось спасти м-мою сестру.

– Очень жаль. Я вам сочувствую. Но я также очень сердита... на Бленкеншипа, на всех вас.

– П-понимаю. Н-не знаю, что я могу сделать.

– Сейчас просто помогите мне, а потом попытайтесь как-то разобраться со своим окаянным вирусом.

Сара было хотела подняться пешком по лестнице в родильное отделение, но ее измученные ноги просили воспользоваться лифтом.

– Уоррен, как вам удалось найти нас? – спросила она, пока они ждали лифт.

– Это не т-трудно для такого человека, как Грейсон. Он умеет распорядиться людьми так, как никто другой. – Он подумал немного и добавил: – За исключением, может быть, Ели. Мы начали поиски с отделения интенсивной терапии, потом направились в «Андервуд-6». – Кто-то там... кажется, Вес... сказал, что во время завтрака у вас был приступ и вас отправили в терапевтическое отделение. Он сообщил также, что вы всю ночь наблюдали через бинокль за зданием «Чилтон». Потом мы узнали, что вас увез на медицинской тележке Ели и какой-то санитар. А когда мы узнали, что в терапию вы не поступали, мы начали догадываться, где вы можете находиться. М-мистер Грейсон взялся за санитар, и мы поняли, что были правы.

– Стало быть, вы проникли в подвальное помещение здания через заднюю дверь?

– У меня были ключи. Когда-то здесь был мой дом, вы не забыли? М-мистер Грейсон решил искать вас, вместо того чтобы отменить взрыв.

Они вошли в дверь родильного отделения и сразу же услышали крики, которые Сара слышала и раньше. Аннали Эттингер была от боли. Не глядя на медсестер, Сара схватила Уоррена за руку и потащила его по коридору к палате Аннали. Охранника в форме не было. "Сняли, – подумала Сара, – когда злоумышленника доктора

Болдуин запрятали под замок в «Андервуд-6». Рэндал Снайдер, понятно, находился во взвинченном состоянии, весь на иголках, чуть ли не в панике. Он прощупывал пульс на кистях рук Аннали.

– Пожалуйста, кто-нибудь вызовите еще раз по биперу доктора Бленкеншипа, – сказал он медсестрам, помогавшим ему.

– Можете вызывать его, сколько хотите, – вмешалась Сара, – но могу вам гарантировать, что он не ответит. Ни сейчас, ни в будущем. Никогда. Аннали, я хочу поговорить с вами. Это очень важно.

– Они сказали, что вы хотели причинить мне зло.

– Они не правы. Хотите вы переговорить со мной?

– Можете вы ослабить эту ужасную боль в руках и ногах?

– Я могу снять ее вообще.

* * *

Сидя в акушерской комнате, Уиллис Грейсон, Лиза, Мэт и Уоррен Фезлер напряженно наблюдали за экраном монитора. Кинокамера была установлена прямо над операционным столом. В данный момент в поле ее охвата были две пары рук – Рэндала Снайдера и Сары – и гладкий вздутый живот Аннали Эттингер.

– Как циркуляция крови? – услышали они голос Снайдера.

– Циркулирует нормально, – ответила медсестра.

– Состояние стабильное?

– Все системы в порядке, – сказал анестезиолог.

– Сара, готовы?

– Готова.

Лиза Грейсон, поддразнивая, толкнула Мэта.

– Тогда хорошо, – произнес Снайдер. – Ведете вы, доктор. Я ассистирую.

– Но...

– Быстрее!

– Ладно. Хорошо.

Четверо зрителей наблюдали, как Сара и Рэндал Снайдер пропали с экрана, потом появились опять, поменявшись местами.

Сара согнула свои руки в перчатках один раз, потом другой.

– О'кей, приступаем, – скомандовала она. – Пожалуйста, скальпель.

Эпилог

30 октября

– Сара Эттингер Вест, а вот и твоя крестная мать.

Сияя от счастья, на больничной кровати лежала Аннали. Оторвав от груди ребенка, показала девочку Саре.

– У вас прекрасный ребенок, – произнесла Сара. – Большая честь быть ее крестной мамой.

После некоторых осложнений, которые были более опасны для матери, чем для дочери, обе теперь чувствовали себя прекрасно. Как и предсказывала Сара, роды с помощью кесарева сечения в основном вылечили Аннали от ВСК. В двух случаях прибегли к кесареву сечению, и в обоих случаях женщины вылечились. Во всяком случае, именно с них началась борьба с вирусами.

– Как вы думаете, скольким женщинам угрожает эта болезнь? – спросила Аннали, как бы читая ее мысли.

Сейчас идет проверка. Но могу сказать вам, что таких будет немало. Бленкеншипу было не до этого. Ему было абсолютно все равно. Мне до сих пор это непонятно.

– Ненормальных невозможно понять. Они такие, какие есть.

– Думаю, что да. К счастью, похоже, что ваш отец аккуратно вел записи лиц, которым высылали порошок и витамины.

– Он всегда отличался педантичностью.

– Порошки широко распространяются уже почти восемь месяцев. А это значит, что у первых зараженных женщин, у которых начнутся предродовые схватки, в любой момент может появиться эта болезнь.

– Я могу вам дать список людей, на которых Питер проверял этот товар в то время, когда давал его и мне.

– Отлично. Тогда у нас останется только та группа, которую обслуживал Синг в этой клинике – первоначальная кучка подопытных кроликов. Поскольку Синга нет в живых, нам надо разыскать записи Бленкеншипа о своей работе. Думаю, что у него может быть список... из него-то он и узнал о неприятностях, с которыми столкнулись первые женщины. Если мы не найдем его записей, то нам придется рассчитывать на гласность и широкое оповещение публики.

– И за все это платить.

– И за все платить, – печально повторила Сара. – Плюс надо будет преодолеть то, что Бленкеншипу удалось внушить людям с помощью своего ума и изворотливости.

– Если уж мы заговорили об этом...

Сара знала, о чем сейчас пойдет речь.

– Как сейчас обстоят дела? – спросила она.

– Питер все еще находится в тюрьме. Недавно звонил его адвокат. На сегодня назначено какое-то слушание. Он сказал, что если бы вы пошли поговорили с судьей, Питера, возможно, освободили бы под залог. Если вы не скажете им о признании Бленкеншипа в том, что это он убил человека на судне, то Питеру придется остаться в камере.

– Я думала, что он в какой-то степени заслужил этого.

Обе женщины обменялись заговорщическими улыбками.

– Не забывайте, что он дедушка вашей крестной дочки.

– Знаю, знаю. Мне просто любопытно, какую зарубку вся эта история оставила на его закоренелом самолюбии. Бленкеншип играл им, как хотел.

– И Питер охотно шел на это, не задавая лишних вопросов.

– Все из-за денег, – заметила Сара.

– Поселение «Ксанаду» оказалось в бедственном положении. Думаю, что здесь в равной степени были замешаны гордость и самомнение, как и деньги.

– Ну что же, я буду настаивать на том, что все деньги, которые нам удастся получить от этой заварухи, были бы израсходованы на лечение. И это включает все деньги Питера.

– Согласна.

– Талия, как у скрипки... Могу поспорить, что он обожал эти проклятые информационные рекламы.

– Вы правы, – подтвердила Аннали, поднимая в воздух Сару Э.Вест и нежно перенося младенца к другой груди.

– Может быть, еще неделька с небольшим в тюрьме, ладно, ладно. Я позвоню адвокату и посмотрю, что тут можно сделать.

– Спасибо, док.

Сара встала, чтобы уйти.

– Аннали, окажите мне одну услугу, – попросила она.

– Все, что хотите.

Сара наклонилась и поцеловала сначала мать, потом ее дочь.
– Не позволяйте ему забыть это.

"ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ НЕТ

Аксель Девлин

3 июля

Вчера я ходил "а прием к иглотерапевту. Ее зовут доктор Сара Болдуин-Дэниелс. Если у меня разламывается спина, а это случается, когда я начинаю делать что-то чуть-чуть потруднее, чем щелкать переключателем каналов ТВ, то мой иглотерапевт рекомендует мне расслабиться, втыкает в меня несколько своих специальных иглол из нержавеющей стали и тут же снимает боль.

Помощь людям вроде меня с помощью иглотерапии является для доктора Б-Д своего рода хобби. Ее настоящая профессия – хирург. Практически, два дня назад она стала главным стажером отделения акушерства и гинекологии в Медицинском центре Бостона, Разрешите мне сказать новичкам своей колонки, то есть тем, кто последние десять лет обитал на Марсе, что большую часть прошлого года я не был сторонником ни иглотерапии, ни больницы. Я считал это знахарством.

Но она не знахарь. Она втыкает в меня свои специальные иглолки, и моей спине становится легче. И с моей точки зрения, как рядового гражданина, мне и не надо знать ничего другого. Помогите мне почувствовать себя лучше без всяких ужасных побочных влияний, которые бывают хуже самой болезни, и вы будете достойными читателями моей книги.

Итак, я ошибался. Эта колонка моя, и я могу использовать ее так, как я хочу. И сегодня, год спустя после того, как доктор Б-Д и кошмар диетического порошка впервые появились на экране моего компьютерного процессора, я использую эту колонку, чтобы признать свою неправоту.

Благодаря вам, док, удалось с помощью кесарева сечения спасти перед родовыми схватками бесчисленное количество

жизней. А теперь, как сообщают, проводится анализ крови и лечение от этого чудовищного вируса похудения. Господь милостив, может быть, скоро отпадет необходимость прибегать к этим кесаревым сечениям.

Итак, вчера я ходил на прием к своему иглотерапевту. Полгода назад я решил взять у нее интервью и получить полную информацию об ужасах похудения с помощью аюрведического порошка. И я случайно, чисто случайно заикнулся о своей проклятой спине. Вот тут-то доктор Болдуин-Даниелс и показала себя.

– Я могу помочь вам, – сказала она мне. – Попробуем снять вашу боль.

Итак, вчера после обеда, через несколько часов после того, как мой противник воткнул в меня свои специальные иголки, я впервые выжал в своем клубе больше девяноста.

Вот вам и знахарь".

---

notes

Примечания

Барнум Ф.Т. (1810-1891) – устроитель цирков и шутовских балаганов, олицетворяет успех в шоу-бизнесе. Трамп Доналд (р. 1946) – магнат бизнеса в сфере недвижимости, владелец гостиниц и казино. Швейцер Альберт (1875-1965) – мыслитель, протестанский теолог и миссионер, врач, организовавший госпиталь в Ламбарене (Габон).

Перри Мейсон, адвокат – постоянный герой детективных повестей весьма плодовитого и популярного американского писателя Э.С.Гарднера.